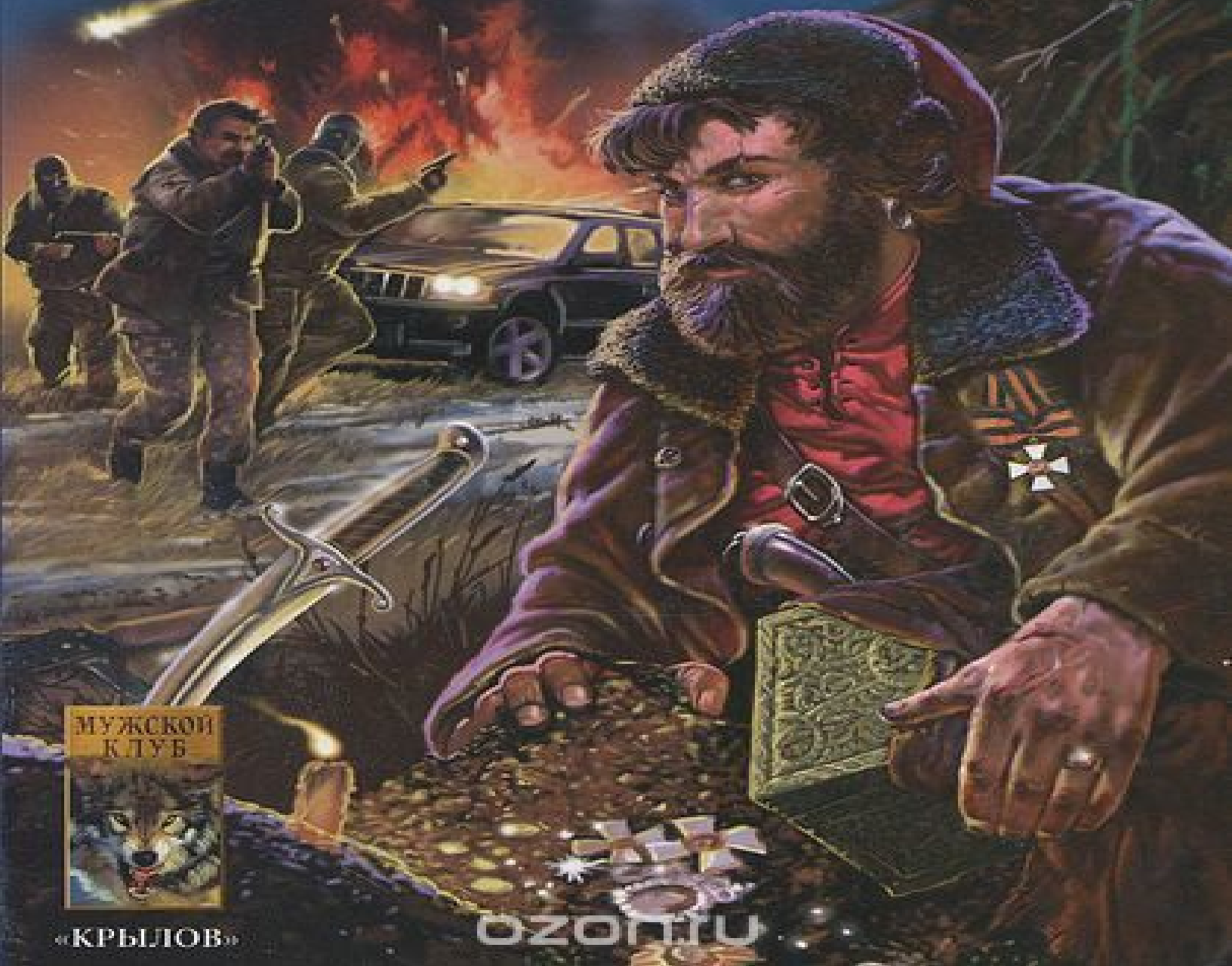

Остров сокровищ

Юрий Милютин

АТАМАНСКИЙ КЛАД

МУЖСКОЙ
КЛУБ

«КРЫЛОВ»

ОЗОН

Работа скупщика золота и валюты на рынке Ростова занятие хлопотное — то бандиты наедут, то менты облаву устроят. Но хлопот иной раз может прибавиться. Когда валютчику Коце дремучий колхозник предложил кольцо с бриллиантовым вензелем и полный бант Георгиевских крестов, стало ясно, что крестьянин откопал клад. Вскоре о драгоценностях узнали русские и чеченские бандиты, захотевшие получить сокровища знаменитого предводителя донских казаков Евлампия Воронцова. И теперь только Коце, получившему в "горячих точках" смертоносные навыки пса войны, по силам остановить кровавый беспредел отморожков. Ростовский писатель Юрий Милютин (Иванов) знает специфику работы валютчика. Персонажи, события и драгоценности, о которых рассказывается в книге, большей частью не являются вымышленными.

Иванов-Милюхин Юрий Захарович

Атаманский клад

Все началось с центрального рынка Ростова-папы, на котором банковали валютчики, на нем и сейчас можно купить все — от нагана с казачьей шашкой времен гражданской войны до новейшего зенитно-ракетного комплекса. От старинного золотого украшения из туретчины до черных африканских бриллиантов. Этот роман о сокровищах, которых еще достаточно в кладах, зарытых казаками на Дону на рубеже веков. События происходят в наши дни, и кто может утверждать с уверенностью, что мы живем в мире, изученном вдоль и поперек. Еще таятся где-то клады разбойников Мингаля, Стеньки Разина, или Емельки Пугача, в которых ждут своего часа золотые кубки, усыпанные драгоценными камнями, россыпи золотых и серебряных монет, кольца и богатые перстни с бриллиантами по десять карат. Надо только закинуть рюкзак за плечи и выйти из дома.

Глава первая

На ночной трассе на Кавказ, ведущей из краснодарского Армавира через осетинский Моздок до чеченского Гудермеса, переминалась от холода с ноги на ногу патрульная группа. Она состояла из местных казаков-гаишников, прошедших первую чеченскую кампанию, с приданными им омовцами из Ростова. Ростовчане в меховых куртках с камуфляжными комбинезонами, натянутыми поверх, зябко поеживались, оглядывались на близкие армавирские огни в панельных домах. Они прибыли всего пару дней назад. Казаки молча пыхтели сигаретами и тоже косились на деревянный домик за их спинами, там был пост, оборудованный в будке, спихнутой с грузовой машины. Он едва не вспыхивал огнем от мощной жаровни, провода к которой бросили от проходящей недалеко электролинии. Скоро должна была произойти пересменка. Командир отряда, старший прапорщик ОМОНа потопал по снегу тяжелыми ботинками, выплюнул окурочек изо рта:

— Слышь, Василий, ты бы предупредил казаков в будке, чтобы они чайник вскипятили. Мы промерзли на таком ветру насквозь.

— Они без предупреждения все сделали. В первый раз, что-ли, — сиплым голосом откликнулся один из прапорщиков. — Тут проблема, блин, у меня что-то затвор заедает.

— Оружейная смазка загустела. Мороз пустяковый, а с ветерком так протягивает, что носки ботинок становятся железными, — командир потер правую щеку. — Передай тогда Николаю, чтобы прогулялся он, если тебе лень.

— Ну... щас.

Со стороны Армавира показалась вереница автомобильных огней. Издалека было видно, что машины шли на приличной скорости.

— Иномарки, нашим такой ход не под силу. Опять чеченцы, мать бы их... — угадал кто-то. — Лазай по двигателям, проверяй номера с фонариком. Они их уже перебивать перестали, что на дисплеях, что в сводках, которые нам подкидывают, одинаковые цифры пестрят.

Патрульная группа как по команде сомкнулась, лица бойцов посерьезнели.

— Я бы этих зверьков отарами из РПД укладывал, минами бы притрамбовывал, — признался омовец с поломанным носом. — Ничего кроме силы не признают. Почему их границей до сих пор не отсекли? В кремле словно враги собрались.

— Эти верховоды за сохранность территорий беспокоятся, — возмутился его товарищ. — Я бы с удовольствием отдал япошкам Курилы, прямо с населением. Они бы на тех хабомаях с шикотанами такие небоскребы возвели, что уезжать бы расхотелось. А наши лохи там тухлой рыбой питаются.

— Эге, куда погнал! Дай волю, ты бы все раскидал, — вмешался в разговор командир. — Ты эти территории собирал?

— Надоело, блин, мы тут боевые с кровью выбиваем, а в столице какая-то мразь черной икрой бутерброды себе под водочку мажет.

— Так было всегда. Кто-то кладет на алтарь родины свои животы, а кто-то всю жизнь отдыхает на ее подушках, — старший прапорщик оглянулся назад. — Эй, на посту! Оружие на взвод.

— А что случилось? — отозвались со стороны временного шлагбаума.

— Приближается вереница машин с чеченцами, набитые под завязку русским добром.

— Сами мы в рваных подштанниках, зато ничего не жалко племенам на окраинах, — чертыхнулись казаки, успевшие отогреться. — Развиваются, блин.

— Братишки, перед нашим отъездом сюда по Ростову слух загулял, что кто-то отыскал клад Стеньки Разина, — подкинул информацию один из омоновцев. — Сокровищ, говорят, немеряно, золото, бриллианты, даже царские награды.

— Если слух пошел, значит, что-то есть. Тогда о кладе пронюхали все, в первую очередь чечены.

— От... звери ноздрястые, как цыгане — по запаху, — омоновец, стоявший чуть в стороне, с раздражением перекусил зубами изоленду, которой скреплял два магазина, прижатые друг к другу. — Я, когда из горячей точки возвращаюсь, так к своей бабе принимаюсь.

Старший группы перекинул АКС на грудь, в который раз со вниманием оглядел окрестности. Степь вокруг замерла, природа словно готовилась к тому, что должно было произойти на трассе. Командир прищурился на огни автоколонны:

— Повнимательнее, парни. Будем искать не только под капотом и в багажниках, но и в салонах за обшивкой, и под сидениями. Эти дикари добро все равно пустят в распыл, в первую очередь на оружие, которое против нас же и повернут. Не ихнего ума дело разбираться в царских звездах, поэтому суйтесь в каждую щель, как на голой бабе после командировки, — командир отряда напомнил. — Предупредите, кто в будке, может, они еще не просыпались.

— Проснулись, видишь, маячки огоньками сигарет подают.

— Пускай патроны в стволы загоняют, это быдло только на железный кулак откликается. Шмон по полной программе, не уяснили — гасить.

— Бу сделано, старшой.

Передний джип “Чероки”, когда до поста осталось метров тридцать, резко сбавил ход, идущие за ним иномарки известных фирм, почти все новые, с широкой шипованной резиной, последовали его примеру. Ни одна из машин не перевела фары на ближний свет. Между тем, джип, подкатив к местному капитану-гаишнику с полосатым жезлом в руке, остановился, фыркнув мотором, заработал на малых оборотах. Остальные машины перешли так-же на холостые обороты. Дверь открылась, из салона показался чеченец в высокой меховой шапке на подобие барашковой папахи. Он был коренастый, разморенный теплом.

— Привет, командир, холодно у вас тут, посреди степи, — заулыбался он, протягивая руку. — Будешь документы проверять?

— Обязательно, — делано осклабился казак.

— Не волнуйся, они у нас в порядке, не в первый раз встречаемся.

— Мне переживать не за что, за моей спиной джипов с “мерсами” нету, — отозвался ставрополец, не замечая протянутой руки. — Ваха, опять все твои? Ты в тот раз перегонял партию поменьше.

— Времена меняются, запросы увеличиваются. Зарботки растут.

— На крови? — подал голос подошедший старший прапорщик, перекидывая автомат в левую руку.

— На крови в первую очередь, — не стал отпираться чеченец. — Все капиталы нажиты кровью, про это в любом учебнике можно прочитать. Идет передел сфер влияния.

— Вот и делили бы что угодно в своей Чечне, между своими тэйпами. Зачем нос в Россию совать?

— А разве Россия не наша родина? Она — одна на всех, — внаглую ухмыльнулся чеченец. — Тем более, что мы к вам добровольно не присоединялись, как грузины с армянами.

— Кто вас присоединил, сам сто раз в гробу перевернулся, — омоновец сплюнул под ноги.

Ставрополец, снимая рукавицу, попытался прервать перепалку:

— Показывай свои документы, — грубо сказал он. — Об этом раньше надо было думать.

Тот, которого назвали Вахой, зло ощерился на милиционера:

— А ты бы полегче, здесь твоих армий нет, — горец сунул папку капитану, — Эта территория уже сфера нашего влияния.

— Видал, как разговорились!.. — ошалел особист. Звонко щелкнул затвором. — А ну бегом в машину, пока будут проверять твои фальшивые справки.

— Я здесь постою, мне так удобнее, — с вызовом вскинул чеченец обрубленный подбородок, засовывая руку в перчатке за отворот добротного пальто.

К нему на помощь из машин вылезли еще несколько человек, все как на подбор в длинных черных пальто с высокими меховыми шапками. Зрелище они представляли из себя, словно на сходку собрались члены цыганского табора. Особенно об этом напоминали нечесанные чубы из-под сдвинутых на затылок головных уборов. Со стороны поста струнулась с места группа прикрытия. Чертыхнувшись, омоновец повел стволом в степь, раздражать излишними придирами кавказцев категорически запрещалось выше стоящим начальством. Ставрополец, дав примиряющую отмашку рукой, открыл папку, зашелестел в лучах фар листами документов. Показав, чтобы первый автомобиль продернул метров на пять вперед, поманил к себе второй. Иномарки были без номеров и других каких-либо знаков принадлежности к российским регионам, у каждой мелом начертили на боку корявым почерком, что они находятся в режиме перегона. Ставрополец, оглядывая в сопровождении патруля из трех милиционеров одну машину за другой, все реже смотрел в папку с документами. Наконец, он решился закрыть ее вообще.

— Ну... совсем обозрели, сволота паскудная, — ругался он как бы про себя, не зная, за что приниматься. — Что толку, что я задержу угнанные иномарки, а они ворованные, к бабке ходить не стоит. Утром приедут отцы-командиры и отпустят чеченцев на все четыре стороны.

— А тебе влепят очередной выговор за превышение полномочий, — подсказал боец, топтавшийся рядом. — Короче, с документами на машины ты вряд ли разберешься. Как проверять те же номера на двигателях, когда с центром нет компьютерной связи, по шифровкам? Они не обновлялись с прошлого месяца. Давай переходить на шмон салонов.

— Пусть и омоновцы погребутся, — поддержал предложение второй боец.

— Нет, парни, вы пока с особистами займитесь своим делом, а я пойду погугарю со старшим группы, попытаюсь прояснить по документам хоть какую-нибудь ситуацию с номерами. Придется полазить под капотами с фонариками, иначе голыми останемся.

— Все, командир? — крикнул Ваха, когда капитан проходил мимо чеченцев, образовавших плотный круг. — Мы можем трогаться своей дорогой?

— Дам отмашку — тронетесь. Об чем речь.

Ставрополец, отозвав на обочину старшего группы прикрытия, негромко сообщил:

— Я повожусь с документами, а вы с казаками принимайтесь за шмон. Уверен, чехи затарены в этот раз под завязку. Особое внимание уделите багажникам и задним сидениям,

на случай провоза заложников. Зверье наловчилось накачивать граждан спиртным или наркотиками, начинаешь докапываться что к чему, они ни бе, ни ме. Ни документов, ни хрена.

— Тут-же готова подсказочка, мол, едут в гости к друзьям детства, или к бывшим сослуживцам, или вообще к себе домой. Приходится отпускать, — подключился казак с бородой. — За дверными обшивками могут быть спрятаны оружие с большими суммами настоящих денег. Фальшак в Чечню не возят.

— Его оттуда вывозят, вагонами, — старший прапорщик понятиливо фыркнул. — Не переживай, капитан, сами боимся пропустить клад Стеньки Разина. Из нас только один афганец, остальные прошли первую чеченскую от начала до конца.

— Не понял. Что за клад? — насторожился офицер.

— Шучу, блин.

— Тогда по местам.

Группа из шести человек растянулась по колонне, состоящей из восьми автомашин. Просмотр начали с первой и с последней одновременно, чтобы заблокировать в случае чего пути прорыва и пути отступления. Двое бойцов в начале, двое в хвосте, по одному с боков с АК с подствольниками. Капитан ковырялся с документами в будке, где была рация и стоял включенным бесполезный компьютер. Старший отряда омонцев держался между первым и вторым автомобилями.

В головном джипе долго не удавалось нащупать какую-нибудь зацепку, пока один из бойцов не дернул на себя заднее сидение, задраенное якобы намертво. Под ним оказался человек в нижнем белье, скорчившийся в три погибели и успевший полузадохнуться. Когда его выволокли на волю, он не смог ни говорить, ни стоять.

— Вот, сука, все-таки пробрался, — Ваха засуетился вокруг, обратился к соплеменнику, пристроившемуся рядом. — Вагиф, ты посмотри, что эта падла натворила.

— Кто это? — потребовал ответа прапорщик, водя стволом от одного к другому.

— Это брат моего русского соседа, они вместе жили в Грозном, — заговорил тот, которого назвали Вагифом, медленно пережевывая слова. Это был высокий красивый чеченец с властным лицом. — Его жена и брат с семьей остались в Чечне, а он уезжал в Россию. Вот, решил вернуться, жена, там, дети, просил подбросить, но мы отказались, тогда он сам спрятался в джипе.

— Ты думаешь, что говоришь? — вскипел омоновец. — Чтобы разумный человек сам зимой разделся почти до трусов и залез к тебе в машину!

— Пьяный, командир, посмотри, — ощерился Ваха волком, обложенным флажками. — Спроси у него, кто запихнул его под заднее сидение?

У обнаруженного мужчины по снегу разбежались ноги в носках, он осел под колеса. В этот момент с другого конца колонны раздалось восклицание, прозвучал одиночный выстрел. Чеченцы насторожились, сунули как по команде руки за отвороты пальто и дубленок, и попятились назад.

— Что там у вас? — крикнул омоновец, беря одновременно на прицел группу кавказцев, попытавшуюся укрыться за корпусами автомобилей. — Стоять, стреляю без предупреждения.

— Командир, убери ствол, мы не желаем тебе плохого, — на мгновение из-за ярких стоповых фонарей показался Ваха. — Ни тебе, ни твоим людям. Давай договоримся.

От предпоследней машины донесся голос второго омонца:

— Заложник, товарищ прапорщик, в одной рубашке. Тут еще “Игла” для стрельбы по воздушным целям. Оказано сопротивление...

Раздался новый pistolетный выстрел, затем степную тишину прорезала размеренная очередь из десантного АКСа. Гортанные выкрики на чеченском языке перешли в отрывистые словосочетания, к ним прибавились команды из кучки кавказцев, стоявших возле незаглушенного джипа. В хвосте колонны происходило что-то серьезное.

— Ложись! — приказал старший группы ближним чеченцам, давая залп поверх кабин. — Оружие на землю.

Заметив, что чехи направили на него pistolеты, сам подпернул под себя ноги, упал на жесткую трассу, завихлялся ужом под бетонное основание железной стойки с размалеванным щитом на ней. В ответ выстрелы посыпались со всех сторон, пули зацокали по краям квадратного сооружения с корявой решеткой из арматуры вокруг. Как по команде в автомобилях погасли фары, в их ярком последнем высверке отчетливо высветилась фигура бойца, проверявшего салон. Он упал недалеко от дверцы джипа, неестественно изогнувшись. Второй омовец попытался спрятаться под днищем. Лучи прожектора, направленного на трассу от поста, продолжали освещать место событий, было видно, как кто-то из чеченцев нагнулся, чтобы всадить в казака пулю. Старший прапорщик почти не целясь выпустил в бандита с пяток свинцовых шариков, тот стукнулся об дорогу как подброшенный вверх мосол. Омовец профессионально отметил, что стрелки пытаются от середины колонны разбить прожектор. Уже звякнуло стекло, строго направленный луч сместился в сторону. За порог будки нырнул автоинспектор, покатился колесом по направлению к товарищам. Старший группы, выждав, когда стрельба немного стихнет, набрал воздуха в легкие и рывкнул что есть силы:

— Бойцы, огонь на поражение.

Он передернул затвор и всадил половину магазина в блестящий зад американского “Гранд Чероки”, в то место, где выступала крышка от бензобака. Взрыва не последовало, зато навороченный джип самостоятельно вдруг стронулся с места, дать ему уехать, означало упустить главаря банды с самыми отъявленными ее членами. Раздумывать было некогда, командир, поставив локоть на край бетонного основания, упер приклад автомата в плечо, поймал в прицел второе боковое стекло. Опустил ствол под резиновые уплотнители, для того, чтобы попасть в водителя, нужно было бить под углом к нему. Он бы с удовольствием воспользовался подствольным гранатометом, но мешала ржавая решетка — цилиндрическая граната провисала внизу ракетой, подвешенной под направляющими вертолета, а высываться еще больше, означало представлять из себя отличную мишень. Омовец нажал на спусковой крючок, машина, прокатившись пару метров вперед, замерла. Опустошив магазин в лобовое стекло следующего автомобиля, он перезарядил моментально оружие, в запасе было несколько мгновений, за которые чеченцы могли заменить убитого водителя, то есть, сбросить его за распахнутую дверь машины или втолкнуть в глубину салона. Только потом место займет очередной смертник. За это время нужно было выбрать позицию поудобнее, чтобы гасить наверняка. Он так и поступил, и когда следующий отморозок зашарил ногой внизу в поисках педали газа, чтобы унести в степное пространство, омовец плавно спустил курок, автомобиль, вздрогнув, замер снова. Теперь предстояло закрепить достигнутое, чтобы превратить джип в монумент, загородивший дорогу. Прапорщик, отстегнув на поясе кнопку, вынул из чехольчика РГД -1, похожую на зеленый помидор, размахнувшись, влупил гранату в окно американца, ближнее к себе. Она

взорвалась внутри салона, разметав тонированные стекла. Омоновец, не теряя времени, достал очередную гранату. У следующей за джипом шестерки “Вольво” заело диски по обледенелой трассе передние колеса, значит другие чеченцы, оставшиеся в живых, решили обойти головной “Чероки” и попытаться прорваться через опущенный шлагбаум, пойдя на таран. Старший прапорщик и со второй гранатой повторил такой-же маневр, послав ее в центр лобового стекла. Но гладкий кожух не пробил прозрачный колпак, сваренный из специального стекла под большим наклоном, он лишь скользнул по нему, перекатившись на крышу. Омоновец едва успел спрятать голову за бетонным основанием, как раздался негромкий хлопок. Граната не произвела разрушений, но достигла цели эффектом, чеченцы открыли двери и тараканами прыснули в разные стороны. Сразу несколько автоматов дружно ударили по темным фигурам, заметавшимся на дороге, по тугим баллонам колес. Из-за гребней, намерзших на обочине трассы, вели огонь с обеих сторон двое казаков, выставленных заранее на подстраховку. От хвоста тоже не смолкала ладная трескотня. Шевельнулся боец, прятаясь под джипом, заскользил по ледяной корке к “Вольво”, оставленной чеченцами, шустро перевернувшись на живот, застрочил из семьдесят четвертого, расстреливая в упор бандитов, засевших в автомобилях и прятаясь за ними в середине колонны. Машины срывались с места, успевали проскользнуть небольшое расстояние и утыкались словно в глухую стену, забивая проезд для следующих за ними. Промчавшийся мимо омоновца капитан-автоинспектор забрасывал их гранатами будто отару баранов, сбившуюся в кучу. Прапорщик вылетел из-за бетонного уступа, доскакал до головного джипа, открыл по очереди все двери, держа наготове АКС. Затем принялся вышвыривать на землю убитых кавказцев, хватая их за воротники пальто, не забывая ногой выбивать оружие из скрюченных пальцев. Он действовал автоматически — тыл десантно-штурмовой группы должен быть надежно защищен. Когда в салоне не осталось ни одного человеческого тела, выдернул из замка зажигания ключ, заметив на переднем сидении мобильник, который был включен, он поднес его к уху. Поначалу зачехонила характерная чеченская речь, потом говоривший перешел на русский язык, наверное сообразил, что кто-то, могущий оказаться рядом, сумеет прояснить обстановку:

— Алло, Вагиф... Алло... Что там у вас происходит?... - допытывался с тревогой близкий голос. Бандитской связи позавидовали бы в космических лабораториях. — Это я, Асланбек. Где вы находитесь?.. Если вам нужна помощь, я немедленно выезжаю к вам. Алло... Отзовитесь кто-нибудь...

Омоновец, побегав по кнопкам, переключил сотовый на передачу информации. Он не стал дознаваться, откуда звонят, он знал, что это бесполезно, поэтому отчеканил жестким басом, распаленным боем:

— Конец Вагифу, остальным твоим дружкам тоже. Скоро и тебе придет п...ц, сука недоразвитая, приезжай, мы подождем.

Трубка некоторое время молчала, потом тот же голос, полный ненависти, прошипел что-то по чеченски и связь отключилась. Старший прапорщик саданул мобильник об асфальт, затянутый ледяной коркой, порозовевшей от крови. Сотовый телефон разлетелся мелкими деталями, собрать которые уже не представлялось возможным.

— Василий... твою мать. Ты где пропал? — донесся голос автоинспектора сквозь дружную трескотню автоматов с пистолетными выстрелами. — Перекрывай... Уходят.

Старший прапорщик крутнулся на месте, еще один джип “Лэнд Крузер”, теперь с правой стороны трассы, загребал мощными колесами расстояние прямо по степи. Он пер в

обход поста, включив все фары. Омоновец, впрыгнув в кабину, воткнул ключ в замок зажигания, двигатель завелся моментально, врубив вторую скорость, он помчался к будке. Мощный бампер американца не заметил шлагбаума, сшитого из двух покрашенных планок, прижимаясь к рулю, прапорщик нащупал переключатель света, пошел параллельно внедорожнику, оставляющему широкий след на целине. Чеченцы, видимо, предполагали, что это прорвался кто-то из ихней банды, потому что выстрелов не было слышно. Особист тоже не спешил раскрываться, подогревая себя злой речью:

— Говорите, клад Стеньки Разина урвали, а вам не ведомо, что он донской казак? Значит, с Дона выдачи нет, — он сплюнул себе под ноги. — Советую сокровища вернуть...

Джипы доехали до отворота на какое-то колхозное отделение, противнику перекрывала путь узкая асфальтовая дорога. “Лэнд Крузер” чеченцев с разгона взобрался на невысокую насыпь и оказался чуть позади “Гранд Чероки”. Старший прапорщик нажал на педаль тормоза и вывернул руль до упора, стараясь поставить машину поперек трассы. Это ему удалось. Подхватив с сидения АКС, он дал очередь прямо в лобовое стекло джипа, летящего на него. Передние колеса последнего резко вильнули по наледи, подставляя черный бок всего автомобиля, омоновец влупил с десяток пуль и по нему, стараясь попадать не только в стекла, но и в обшивку дверей на случай, если за нею кто-то спрячется. Обе машины стукнулись друг о друга.

Наступила тишина, даже двигатели машин перестали работать в один момент. Прапорщик, немного подождав, заглянул в разбитые окна ‘Ленд Крузера’, увидел нескольких человек, раскинувшихся на сидениях в нелепых позах. Затем плечом прислонился к внутренней стойке, потянулся рукой смахнуть пот со лба, и в ту же секунду прозвучали пистолетные выстрелы. Пуля, пробив зимний берет, содрала кожу на голове, просвистела дальше, вторая застряла в мякоти левого плеча. Омоновец бросился на пол, пошарил руками по ремню, но гранат больше не было. Еще одна пуля, пробуравив железную обшивку, вжикнула у самого уха. Тогда он взвел подствольный гранатомет, приготовился для броска, но здесь, как и в первый раз, когда мешала за бетонным основанием решетка из толстой арматуры, не давали развернуться ни сидения, ни переключатель скоростей, ни высокие боковины дверей. Прапорщик изловчился, подскочив вверх, нажал на спуск. Он не услышал взрыва в машине противника, увидел яркую вспышку, охватившую весь салон. Почувствовал вдруг, как в грудь ему что-то ударило, расплылось внутри легкой болью с томительной тяжестью. Омоновец опустился на сидение нерусского чуда техники, залитое чужой кровью, неловко сполз на пол, укрытый толстым прорезиненным половиком...

Примерно через полчаса к отвороту на степное отделение какого-то кубанского хозяйства подкатил грузовой “Урал” с наращенными бортами, с брезентом, наброшенным на металлический каркас. Из кабины, из кузова, под яркий свет от фар выпрыгнули пятеро бойцов, одетых в камуфляжную форму. На двоих были черные омовские береты, еще на двоих казачьи кубанки с красными верхами. На пятом выпирала из-под пятнистого капюшона милицмейская фуражка автоинспектора с серым околышем. Группа, сняв оружие с предохранителей, осторожно приблизилась к широкомордым джипам, воткнувшись друг в друга. Удостоверившись, что все кончено, капитан присел на подножку одного из автомобилей, вытащил пачку сигарет. Двое омоновцев обошли “Гранд Чероки”, перегородивший трассу, открыли дверцу, осветили фонариками внутрь. Первый забросил автомат за спину, запрыгнул в салон, затем продернул за камуфляж к краю корпуса машины здоровяка, лежащего на полу:

— А ну берись, его надо на землю спустить, — обратился он к товарищу.

— Ты бы сначала пульс пощупал, — с сомнением качнул тот головой.

— Успеется... на земле будет попросторнее.

Первый омоновец, когда тело оказалось на трассе, шустро расковырял пуговицы на теплой куртке, залез ладонью под вязаный свитер. Затем пошарил пальцами за воротником, притих, нащупывая сонную артерию.

— Теплый, — негромко проговорил он, глядя прямо перед собой. — Не пойму, то ли это пульс бьется, то ли какая жилка издевается.

— Если теплый, то должен быть живой, — отозвался его товарищ, склонившись над телом старшего группы омовцев. — Времени прошло уже достаточно.

— Понесем к машине. Чем скорее доставим в Армавирскую лечебницу, тем легче камень на душе.

— Ты прав, — согласился второй боец, поднимаясь с корточек.

Командиру спешно обработали рваные раны и отверстия от пуль, перевязали, затем перетащили в кузов грузового автомобиля. Когда несли, кому-то из казаков показалось, что прапорщик вздохнул.

— Или воздух выходит, — с сожалением сплюнул он в сторону.

— Не каркай, в первый раз его, что-ли, вытягивать из переделок? — тут-же оборвали казака особисты. — Наш Василий живучий как тот кот, который дрался с мышами.

— Дай-то бог, — отозвался с надеждой казачий автоинспектор.

Бойцы, сообщив по радиации место своего нахождения, собрались у кабины военного вездехода, потянулись было в карманы за сигаретами. Но прикурив, решили специалистов не ждать, а трогаться в обратный путь, чтобы успеть сдать прапорщика в местный госпиталь. В этот момент из второго джипа раздался громкий стон, сидевший на подножке капитан шмыгнул за высокий зад “Лэнд Крузера”. Группа рассыпалась, заклацала затворами автоматов. Один из казаков подкрался к двери, дернул за ручку, на дорогу вывалился чеченец, залитый кровью, и остался лежать в неестественной позе в мощных лучах фар “Урала”. Выходило, что стонал не он. Казак, просунув ствол автомата в середину салона, осторожно заглянул туда сам, и успел заметить фигуру бандита, направлявшего на него пистолет. Он шустро, как при прыжке с парашютом, поджал под себя ноги, камнем ударился о трассу, и выстрел не заставил себя ждать. Это было поразительно, что в автомобиле, развороченном напрочь, кто-то сумел задержаться на белом свете. Капитан-автоинспектор, когда бойцы заняли позиции за грузовиком, опустил ствол автомата вниз:

— Мы положили около сорока бандитов, а этого нужно оставить на развод, — сказал он, не обращаясь ни к кому в отдельности, — Только он сумел приспособиться.

— Ну да, информацию ж фээсбэшникам надо сливать, — со злостью процедил сквозь зубы один из казаков. — Заложники, которые остались умирать на посту, не в счет.

— Да они... вряд ли выживут, их перекачали наркотой, — отозвался сухопарый омоновец. — А что тут неясного? Из России ехала в Чечню банда, ее необходимо было уничтожить.

— Прямо в сортире, — поддержал второй особист мнение товарища.

— А этого сохраним, — упрямо повторил капитан. — Поставим перед судом, пусть поглядят на него люди.

Вновь из салона джипа грянул пистолетный выстрел, пуля высекла искры из поворотов на радиаторе “Урала”, завизжала в голую степь. Кто-то из бойцов, отмахнувшись как от мухи

от резкого звука, с сарказмом поддакнул:

— Правильно капитан гутарит, пускай мировая общественность обратит внимание на этого бандита. На двоих наших, навечно закрывших молодые очи, чего смотреть, они выполняли свой долг. А чечену дадут лет шесть — десять, и уже в тихой колонии начнут его лечить и откармливать.

— Вы правы, товарищ капитан, — скорчил шутовскую мину и сухопарый особист. — Эта вонючая сука нам еще оч-чень даже пригодится, — он стукнул кулаком по крылу ‘Урала’. — Как удалось этому барану проскочить? Шкура, что-ли, толстая?

— Кожа задубелая, железная.

— Надо же, все полегли, один он остался.

— А вы еще ничего не поняли?

— А что?

— Чеченец оказался самым хитрым.

— Дальше.

— Он успел облачиться в броник.

В группе помолчали, прислушиваясь к глухим стенаниям раненного отморозка. Никто не знал, сколько у него патронов в пистолетной обойме, любая пуля могла в долю секунды оборвать жизнь кого-то из них. К тому же, пора было трогаться в обратный путь, в кузове ‘Урала’ лежал боевой товарищ, которому требовалась немедленная медицинская помощь.

— Чечены убежали шустро, — наконец хрипло сказал сухопарый омоновец.

— Как бы не с кладом Стеньки Разина, — поддакнул один из казаков.

— Тогда об чем речь? — встрепенулся второй омоновец. — У нас есть приказ старшего над нами...

— Гасить.

— Всех.

— Любо, — смекнули и казаки.

— Парни, да вы что! — насторожился гаишный капитан. — Чеченец про связи расскажет, про схроны с оружием, с заложниками. И кто всеми этими поставками занимается...

— Мы про них знаем из сообщений по телевизору.

— Он же раненный! — капитан сомкнул брови, шмыгнул было к джипу, чтобы защитить отморозка.

— Тем более, до больницы не дотянет.

Четыре поджарых бойца в обычном зеленом камуфляже, успевших вкусить войны до сыта, разом направили стволы с подствольными гранатометами на японскую прекрасную машину, исковерканную до неузнаваемости. От ее зада метнулась за могучий военный вездеход фигура капитана автоинспектора, она быстро воткнула пальцы, избавленные от рукавиц, в уши. Со стороны Армавира блеснул свет от фар идущей на подмогу армейской колонны. Очень далекой.

— Ну, падла, как в Великую Отечественную. Прямо по расписанию..., - успел капитан подумать о колонне. Вспомнил он и о казачьем кладе, о котором беспокоились бойцы. — Надо было бандита сначала выкурить, а потом обшмонать джип, а вдруг чечены и правда что надыбали, — с сожалением обшаривая глазами машину, скороговоркой проговорил он себе в усы. И продолжил мысль. — Теперь так гахнет, что этого ‘японца’ с отморозком разнесет на молекулы...

Оглушительный взрыв не заставил себя ждать. Он был таким мощным, что джип разбросало по винтику во все стороны. Выглянув из-за бензовоза, капитан досадливо почмокал губами. Искать золото ночью в горах искореженного металла не представлялось возможным.

Эти слухи о богатом казачьем кладе поползли с центрального рынка южного города, взбудоражив все население бывшей Области Войска Донского. Города, не растерявшего своих бластных традиций со времен царей-императоров и до наших дней. Началось все вот с чего...

Глава вторая.

На центральном рынке Ростова-папы наступал час пик. Коца стоял возле главного входа с табличкой на груди, на которой было написано: скупаю валюту, драгоценные металлы, монеты, ордена и так далее. Была середина декабря, низовка с близкого Дона продувала зимнее пальто насквозь, люди тоже кутались в воротники и в шарфы и проходили мимо, они словно успели вынести из дома все ценное. Наконец, из толпы отделился коротконогий мужик в нелепом плаще поверх лохматого тулупа, похожий на лубочного пастуха или скотника с советской молочно-товарной фермы. С полчаса он шлепал толстыми губами, напряженно всматриваясь в табличку на отвороте пальто Коцы. Тот стоял на месте оловянным истуканом, чтобы не мешать отыскивать нужные буквы. Бывало, неприметный клиент прятал под одежкой предметы из клада смутьяна Стеньки Разина, до сих пор не найденного властями, а респектабельный нувориш под норковой шубой — трехлитровую банку медно-никелевых монет шестьдесят первого года выпуска, которых у прижимистого русского народа было по бадье через дом.

— Та-ак, тут не сказано, — пробормотал наконец колхозник.

— Что нужно? — Коца подался к нему.

— Там не указано.

— Я возьму, что предложите.

— Любое?! — мужик недоверчиво приподнял кустистые брови.

— Показывайте, я помогу вам скооперироваться.

— Как? Ско...?

— Разобраться. Если что-то дельное — куплю, если нет, подскажу, как поступить дальше.

Колхозник похрустел валенками, настороженно осмотрелся вокруг, затем поднял на валютчика глазки, остренькие монгольские. Когда-то в пору повышения Коцей общеобразовательного уровня, его наставники проводили занятия по защите себя от ограниченных людей, которые действовали на психику отрицательно. Помня это, валютчик втянул воздух в себя, мысленно произнес врасстяжку коротенькое заклинание.

— Коробку жестяную на дворе выкопал, — доверительно сообщил пастух, придвигаясь к нему. — Канавку для стояка рыл, чтобы забор продолжить, летом еще. А там жестянка.

— Ого! Это уже интересно, — Коца принял панибратский вид, только бы не оттолкнуть мужика замысловатым выражением, либо неосторожным движением. Поинтересуйся сейчас, мол, полную сокровищ? И он нахохлится, уйдет. — Порожнюю?

— Какую порожнюю, с верхом, — запричитал пастух, скользя зрачками по его лицу. Он перестал осязать окружающий мир. — Ордена, эти... георгии, кругленькие медальки, деньги царские, перстеньки, кинжал. Кинжал я себе приберег, боровка заколол. Удобный, ручка с гербами.

— А ордена?

— Георгии со мной, все четыре, два желтых, в центре мужик на коне, а два белых. Медальки с перстеньком тоже прихватил.

— Врешь.

— Ни в жисть, — пастух перекрестился. — Чего мне обманывать, в кармане в узелок замотаны.

— Доставай.

— Прямо здесь?

— Давай заскочим в продовольственный магазин, а то и правда кто заметит.

Коца в который раз окинул быстрым взглядом площадь перед главным входом в рынок, буквально час назад у него уже был неприятный инцидент, и он не хотел, чтобы тот повторился.

Коца стоял, как сейчас, на своем законном месте, мимо шныряли шестерки Лехи Слонка, бригадира, контролирующего бизнес на низшем уровне. Один из них по прозвищу Скирдач, казак с калмыцкой мордой, подвалил к валютчику:

— Слышь, Коца, предложат камешки, не заводи торг. Затрави и все.

— А что такое? — насторожился тот.

— Это наше, сдашь клиента, сам в сторону.

— Не понял, — Коца заартачился, он еще не знал всех раскладов, произошедших на рынке за последнее время. — Хозяину отстежка идет от меня вовремя, а теперь еще к вам клиентов подгонять. Не перекушаете?

— Коца, тебя давно прессовали? — спросил Скирдач со злой усмешкой.

— Ты, что-ли?

— Я, и прямо сейчас.

— Тогда поехали, — валютчик закинул за спину сумку с деньгами, отступил на шаг назад.

— Не гуляй, дикий гусь, — старший группы отморозков заюлил глазами по сторонам. — Мне что сказали, то я тебе передал. Не въехал еще?

— Пош-шел вон, шестерка поз-зорная, — напрягся валютчик. — За прессовку отвечать надо.

Коца пришел на рынок с несколькими разумными ребятами тогда, когда разграбление награбленного только начиналось и слонками с его дешевками здесь не пахло. Потом, когда рынок попал под ментовский контроль, те набрали помощников из беспредельщиков. И вот теперь это отожравшееся мурло начало борзеть.

— За базар не пожалеешь? — казак, неизвестно каким ветром очутившийся в стане отморозков, снова сунулся к нему.

— Чего зря баланду травить, ментовский выкормыш.

— О, как! А ты здесь с чьего разрешения торчишь?

— Я сам по себе.

— Не боишься, что придется за все отвечать? — повторил Скирдач, демонстративно снимая перчатку.

— Об этом подумать советую тебе.

Коца нащупал в заднем кармане брюк складную пику, он знал, что шестерки затарены оружием по полной программе, у кого под тулупом “Макаров” в солидоле, кто обзавелся американским кольцом. Близкая Чечня накормила всех, кого деньгами, кого оружием, а кого смертью до отвала на Северное кладбище. Коца не принадлежал к песьей породе, он значился валютчиком с чистым хвостом из уважаемой старой гвардии. Скирдач об этом не забывал, но Коца при подчиненных послал его подальше, к тому же готовился показать пику. Казак отвернул полу меховой куртки, выдернул из-за ремня пистолет Стечкина, направил в лоб валютчику. И получил железный удар в область печени, второй замах ребром ладони пришелся на кисть руки отморозка. Коца, подхватив на лету пушку, не снятую с

предохранителя, сунул ствол в ухо казаку, согнувшемуся пополам, прохрипел вмиг осевшим голосом:

— Еще раз так сделаешь, твои мозги, хуторской выродок, некому будет подметать, — он соснул воздух через зубы. — Иди дань собирать с нищих земляков, торгующих пучками зелени. По червонцу с каждого на глотки свои луженые.

Валютчик вытряхнул обойму, и под взглядами остальных шестерок, не знающих что делать, бросил пугач под ноги отморозку:

— Гуляй, казачура, со мной подобные номера не проходят — у меня дед из терских. Уух, какой я на вас злой.

Скирдач разогнулся, коротко подышав, сверкнул озверелыми зрачками. К нему подскочил один из шакалов, подобрал оружие, казак засунул его снова за широкий ремень:

— Давай обойму, — заикнулся было он.

— Заберешь у своего господина, — отрезал Коца.

— Я расскажу о тебе Слонок, передам и о твоём отказе, — отходя к остальным, обернулся отморозок. — Еще встретимся, не в степу живем.

— А я не поленюсь слетать в уголовку к самому Хозяину, — не остался валютчик в долгу. — Клиентов ему сдавать, стукач вонючий... За родного принял?

Скирдачу осталось лишь грызнуть воротник тулупа. Группа покатила дальше по периметру, наступать на горла слабонервным и менялам, принятым в бригаду недавно. Коца огляделся вокруг, стычка его не взволновала, потому что Скирдач напрашивался давно, значит, пришла пора проучить. Слонок промолчит, а Хозяин только хмыкнет, Коцу он знает, тот на коленях никогда не стоял. Валютчик сплюнул под ноги, денек выдался паршивым, он больше часа торчал сливой в заднице, а сдатчики словно забыли сюда дорогу. Неимущая лавина людей валила и валила мимо, казалось, эту вечную текучку остановить было невозможно. И вот объявился этот мужик с предложением, в которое невозможно было поверить.

Шестерок поблизости не было видно и Коца направился ко входу в магазин. Мужик, продолжая прояснять суть дела, зашаркал вслед за ним:

— Подальше от лукавого, в застенок где, — он смачно высморкался и шаркнул под носом грубым рукавом плаща. — Родитель мой, еще до Отечественной, купил просторный на высоком фундаменте дом, не мазанный, из мореного дуба, досками обшитый. В нем, сказывают, жил известный казак, пущенный в расход советской властью. Сами — то мы с Поволжья, нижегородские, в бесхлебные года перебрались на юга, я ничего не помню, сосунком был. После войны хутор разбежался, кто в город, кто в станицу Раздорскую, мы вовсе на отрубе остались. Ни току, ни газу, ни радива, школа за десять верст, какая учеба. Я подрост, в скотники подался, потом в пастухи. Да...

Они вошли в торговый зал. Коца отрешенно слушал историю жизни колхозника, ясную с первого момента, на ходу прикидывая программу дальнейших действий. Он понимал, что раскрутить дремучего сдатчика будет трудно, такие мужланы оказываются самыми строптивыми. Они, не поднимаясь в рассуждениях выше своего брюха, опираются на интуицию, развитую как у зверей. Шестое чувство не часто подводит, хотя и дохода не дает. Людей в магазине было немного, Коца протолкнул колхозника к окну с решеткой, под которым стоял покалеченный стол. Мужик выдернул из-за пазухи мешковину, развернул на столешнице и поднял голову. Четыре георгиевских креста, соединенных колодкой, казалось, только что отчеканили на императорском монетном дворе. Георгий Победоносец, восседая

на коне, втыкал острие копья в шкуру трехголового Змия. Знака “?” перед числами не было, это говорило о том, что солдата полным георгиевским бантом наградили до первой мировой войны. Догадку подтверждали и небольшие на конусообразных крестовинах номера. Коца взялся за край холстины, прикоснулся к сокровищу, отозвавшемуся мелодичным звоном. Кресты первой и второй степени были золотыми, третьей и четвертой степеней серебряными. И вдруг понял, что допустил ошибку, мимика на лице пастуха, не спускавшего с него глаз, переменилось не в его пользу. На нем застыла жадность. Коца опустил мешковину, натягивая одновременно маску безразличия, потрогал ногтем серебряные медали “За храбрость”, “За усердие”. Затем взял золотое кольцо, оно оказалось не обручальным, а мужской именной печаткой с буквами, с бриллиантами идеальной чистоты по ноль-три, ноль-четыре карата в местах, где друг на друга нахлестывались золотые толстенькие веревочки. Печатка брызнула разноцветными искрами от скудного солнечного света, падающего через окно. Он разглядел буквы “Е” и “В”, положенные друг на друга, как у императрицы Екатерины Второй. А может она принадлежала Евлампии Воронцову, предводителю донских казаков, был на Дону такой атаман. Перстень оказался крупноватым даже для его пальцев, не столь изящных.

— Во, какая оказия, а ты говоришь! — пастух провел языком по губам. — Во дворе еще схоронены, на полпальца, но там другие..., тут крупиночками, а там по целой градине. Я на лучах, когда они угасают, поднесу к стеклу, аж комната солнцем заполняется. Бывает, когда в рассветном тумане стадо стерегешь, и вдруг над водой возникнет коромыслом свечение, заколеблется, а потом и лучики прорежутся. Росы опять же рассеяны на травах, на ромашках с колокольчиками, вот как на перстне, зерниночками.

— Какую цену ты хочешь за все? — проговорил Коца как можно равнодушнее, пытаюсь унять внутреннюю дрожь.

— А никакую, я проконсультироваться решил, — огрел его пастух как колом по голове. — Деньги мне начисляют хорошие, коровка своя, свининка с говядиной тоже. Народ, вижу, недоедает, последнюю рубаху тащит на рынок, а у нас достаток. Дочке только помогаем, она в Москве на санитарку учится, уже замуж выскочила, мальчонку родила. Бабка с лежанки не слезает, пимы есть, у меня сапоги яловые, резиновые, у супруги то ж. Электрические провода лет пять как протянул, колхоз телевизером одарил. Вот дочка прибудет, пусть сама и занимается.

— Разве останется она с вами жить, на безлюдном отрубе? — Коца не в силах был удержать злобу, окрасившую скулы в розовый цвет. Холоп, хам, ни себе, ни другим, предложил бы в музей, если не в силах обрадовать видного собирателя исторических раритетов. Воскресил бы имя героической личности, славу государства. Телевизер... Какая польза от мужлана обществу, какое добро он принесет, сидя на сокровищах, выщезивая бидонами молоко из колхозных коров! Вот такие раздербанили ухоженные поместья, превратив потомков дворянских древних родов в Иванов, родства не помнящих. Добрались до вершины власти, а дальше что? А ни-че-го, не хватило мозгов. — Дочка с мужем и ребенком уедут в город, а чтобы там жить, нужно иметь жилище.

— Выкупим, — отмахнулся мужик от его слов, как от мухи.

— Ты знаешь, сколько стоит квартира? Не одну сотню тысяч рублей.

— И машину ей купим, и дачу, хоть в столице, хоть у американцев. Денег накопили, по восемьсот целковых при Горбачеве отстегивали, все вложены в скотинку, в парники, в пасеку. С голой жопой не остался, как енти, которые в чулках прятали, чуть товары

подорожали, сразу и внес. Поди, на ваших фабриках, платили по двести бумажных.

— Значит, мы договориться не сможем? — покривился Коца от безнадёги.

— Если хочешь, кружочки серебряные, медальки эти, забирай. Я уже сюда приезжал, тоже медальку с золотинкой продал и уехал.

— Какую цену ты за них просишь? — Коца, не обратив внимания на последнее признание, повернул к пастуху красное от раздражения лицо.

— А ты назови, я и скажу, как раз или нет. Тут, мил человек, полюбовно надо.

— Твоим медалькам цена триста рублей, — назвал он самый низкий предел.

— И то ладно, они мне ни к чему. Кресты домой отвезу.

— Сколько просишь за перстень?

— Сколько дашь, а я прикину.

— Две с половиной тысячи рублей.

— Не-е, я ж видал, как у тебя глаза разгорелись. Пускай еще полежит, не помешает.

— А сколько ты хочешь, миллион? — Коца вконец вышел из себя, пастух бесил его своими интуитивными подсчётами.

— Миллиона не прошу, а три тысячи рубликов как раз, — ляпнул неожиданно тот. Наверное, интуиция имела свои границы, а может, взъерошенный вид купца спутал ему все расчёты.

Коца расстегнул сумку с деньгами, и эта торопливость стала новым препятствием для достижения цели. Надо было дать понять, что кольцо не стоит таких денег. В конце концов, отыскать изъян, обратить внимание на слабо отштампованную пробу, хоть она и выпиралась, словно только что выбитая. Но чекуха была пятьдесят шестая, а на современном золоте ставили пятьсот восемьдесят третью. Да и не бриллианты это, а обыкновенные фианиты, цирконы. Стекляшки. Если взять осколок стекла, обтесать гранями, то он тоже будет стрелять разноцветными искрами. И пусть мужлан напрягает мозги, один хрен не докумекает, что царская пятьдесят шестая проба выше на порядок советской пятьсот восемьдесят третьей, хоть число, обозначающее количество золота в серебре, ниже. Царские ювелирные поделки шли на зубные коронки, не темнели, не протирались, рабоче-крестьянский же навал годился лишь на невзрачные цепи и кольца цвета хаки. Но это уловки валютчиков, от которых зависел их заработок на кусок хлеба с маслом.

— Погоди-ка с расчётом, — переступил пастух по наледи разношенными валенками. — Я расхотел.

— Получи триста рублей за медальки, твой перстень и на хрен не сдался, — надумал извернуться Коца, неторопливо снимая с полотна серебряные кружочки. Он понял, что положение исправить может только тянучка во времени.

— С чего это ты запел по другому? — выперся мужик. — Только что мечтал его приобрести.

— Мне за три штуки приволокут печатку самого императора Николая Второго.

— Какую перчатку?

— Царский перстень граммов на двадцать, а в твоей поделке не больше тринадцати, да на зерниночки уйдет не меньше грамма, — Коца небрежно указал ногтем на бриллианты. — Это не драгоценный металл, а зерниночки, итого двенадцать, получается две четыреста, по двести рваных за грамм. Такую стоимость я оглашал поначалу, даже на сотню больше.

— Не гони-ка лошадей... — мужик обескураженно захлопал голыми веками.

— И гнать не стоит, идиота, что-ли, нашел? — недовольно отмахнулся валютчик. — Короче, за медали деньги я отдал, к остальному не притрагивался.

Коца бросил два серебряных круга в сумку, перекинутую через плечо, медленно пошелестел купюрами перед лицом мужика, заставив его сделать несколько плотательных движений. Уже настроился положить в карман деньги, оставшиеся от пачки, когда пастух резво подался вперед.

— Выкладывай, — прохрипел он.

— Не понял? — словно ослышался Коца.

— За перстень, две тысячи пятьсот рубликов.

— Цена меняться не будет? Или снова тюльку решил прогнать?

— Кого прогнать?

Коца не пустился в разъяснения, забрал кольцо с мешковины, надел на большой палец левой руки, несколько минут разглядывал его сверху и снизу под беспокойными взглядами пастуха. В висках отдавалось биение сердца, но он не позволял эмоциям выплеснуться на лицо. Отсчитал неторопливо две с половиной тысячи рублей, кинул их на стол.

Крестьянин, сгребая разбросанные купюры, настроился снова на торговый лад:

— Будем договариваться за георгиев? — он передразнил Коцу. — Бутылочное стекло...

Эти зерниночки дорогие, роса по утрам не так на траве переливалась.

Купец прогудел как бы недовольно в ответ:

— Если взять шерстяную тряпочку, насыпать на нее золы и почистить ею твою морду, она тоже начнет сверкать ясным солнышком, — он спрятал перстень в карман. — За ордена я побегу узнаю у парней с центрального прохода, мой источник с бабками иссяк.

— На хвост не упадут?

— А кто позволит. Оставайся тут, я скоро.

Коца выскочил на площадь перед магазином, оглянулся на угол палатки, но Ромалэ, цыгана, на месте не оказалось, не было и Арфиши. Он побежал в середину рынка, к Жану Копенгагену, знаменитому собирателю раритетов. Они налетели друг на друга недалеко от главного прохода, нумизмат как раз продирался к выходу сквозь плотную толпу народа. Он еще издали поднял руки, замахал ими как крыльями:

— Уходим, уходим... Дергаем отсюда скорее.

— Что произошло? — приостановился Коца.

— На крытых машинах подъехали омовцы и устроили облаву, ребят заталкивают вовнутрь и везут к Мимино в Пролетарский райотдел, сразу в отдельную секцию. А там раздевают до трусов и заглядывают чуть ли не в задний проход, — Копенгаген попытался сбить запальное дыхание. — Я только вернулся из столовой, смотрю, служивые наших тащат, я в мясной павильон, поторчал там, и за ними. Они проскочили мимо рыночного отделения милиции. Я сунулся за створки ворот, а там стоит “собачатник”, полный валютчиками.

Коца перемялся с ноги на ногу, вопли Копенгагена об омовцах просвистели мимо ушей. Перед взором продолжали сиять ордена, вызванивая ямщицкими бубенцами.

— Тут один пастух георгиевский бант притащил, — начал он. — Посмотреть не желаешь?

— Какой бант? — осекся Копенгаген.

— Георгия, все четыре степени, как только из-под станка. Первой и второй степени золотые, третьей...

— Сто лет они мне не снились, если прихватят — пачкой баксов не отмажешься, — меняла раздраженно сплюнул в сторону. — Читал указ?

— Рассказывали. Но у пастуха полный кавалерский набор, я в первый раз узрел.

— Ты что, свихнулся? Тут надо задницу прикрывать, сексоты знают всех наперечет, а он про бант. Уходи, говорю, пока паровозы гудят.

Но Коца продолжал шмыгать носом, не вникая в суть дела:

— Я бы с удовольствием приобрел, да подчистую истратился, — он похлопал рукой по сумке. — Кавалерский бант, и состояние отменное...

Копенгаген несколько минут наблюдал за выражением на его лице. Потом поддал ногой кусок мерзлой грязи, ткнул кулаком в плечо:

— Ты хочешь, чтобы тебя повязали? Да хоть весь золотой колчаковский поезд за бесплатно подкатит — даром не надо! Кругом милиция, говорю тебе, и спецназ...

Покрутив головой, он воткнулся в толпу и залавировал между людьми. Коца сунул руки в карманы, поторчав на месте, потопал к воротам, открытым настеж. В голове у него вертелся калейдоскоп мыслей, у настоящего дауна царские сокровища, и нет возможности приобрести их по сходной цене. Каждый нумизмат посчитал бы за честь иметь в своей коллекции георгиевский бант, и у самого есть возможность за один этот расклад с пастухом покрыть расходы и влеты по дурному. Сами награды тоже не ушли бы за границу, украшать лувры с галереями Уффицы. Впрочем, какая разница, народ везде одинаковый.

У Коцы хмарь в башке развеялась только тогда, когда узрел воочию группу спецназовцев, волокущих за воротник менялу Виталика. Он снова, распушив по лисьему полы зимнего пальто, рванул в магазин, в котором оставил пастуха. Но зал был пуст. Выскочив на площадь перед рынком, он заметил мужика на другой стороне трамвайных путей. Догнав его, схватил за рукав брезентового плаща, поволок от центрального рынка, мысленно перекрестившись, что не упустил бронированный сейф без ключей.

— Куды ты меня волокешь? — заартачился было тот. — Убить замышляешь?..

— Омоновцы делают облаву, — огрызнулся Коца, задыхаясь. — Валим отсюда, пока не поздно.

— Какие омоновцы? — мужик уперся окончательно. — Я никому ничего, и я тут не один. Ты это, паря, не дюже зарывайся.

— Тебя же первого за твои безделушки повяжут, — вышел из себя валютчик. — Пойдем, на остановку, говорю, там решим, что и за сколько.

— А что решать, все мое, — забурчал по инерции мужик, трогаясь с места.

Коца, зайдя в проход между киоском и ограждением автостоянки, прислонился к стене, чтобы перевести дыхание. Мужик настороженно остановился поодаль.

— Заходи, ну тебя в баню, — махнул валютчик рукой. Добавил для нагнетания обстановки. — Ментов сзади не заметил?

— Это тебе они наступили на мозоль, — окрысился снова пастух, невольно озираясь по сторонам. — А я сам по себе.

Коца, высморкавшись как можно смачнее под ограду, начал с признания:

— Денег добыть я не успел, — он со значением посмотрел на клиента. — Давай думать как поступить дальше, чтобы голова не болела ни у тебя, ни у меня.

— А у меня она чего будет болеть? — задиристо засопел мужик.

— Ты же не поедешь со мной к одному корешку? Денег у него вагон.

— Не поеду... А к какому корешку?

— На Западном живет.

— Не-е, я города не знаю. За тобой поволокся, не помню с чего.

— За деньгами, — усмехнулся Коца. — А их пока нет.

— Тогда разбегаемся.

— Не повезешь же ты кресты обратно в деревню? — валютчик напустил на лицо строгости. — И другое, что прихватил с собой.

— Больше ничего не прихватывал... Кто тебе сказал?

Коца, стараясь не подавать виду, что заострил внимание на последней фразе, перевел стрелки на продолжение разговора:

— Если не поедешь ко мне или к другу, давай попробуем встретиться часика через два-три. Если не получится сегодня, завтра я буду с деньгами точно. Тебе когда уезжать?

— А тебе не все равно? На автобусе в шесть часов вечера, — простодушно признался мужик. — Пехом, километра два не доезжая до Раздорской.

— По степи?

— Волков давно перебили, и сало успели с них вытопить.

— Раздорская когда-то была казачья столица, Как раз на меже между степняками и русским государством.

— Кто ее, станица и все.

— Ладно, этот вопрос сейчас второстепенный. Так поедешь со мной, или здесь подождешь?

— На холоду?

— Тогда погнали, дорогу я оплачиваю.

Коца со значением тряхнул сумкой, в которой загремела разная мелочь — от серебряных цепочек до старинных монет. Он уже обдумывал, как сначала договорится со знакомым антикваром за приобретенное у мужика, которого на время спровадит сделки на кухню. А когда получит деньги, выкупит остальное, что в тряпке. Может, за пазухой у пастуха этих тряпок не одна, вон как топорщится за брезентовым плащом овчинный мех полушубка. Отпустить лоха, что содрать с бабы трусы и потом отправить ее на все четыре стороны.

— А ехать далеко? — спросил мужик.

Из-за угла палатки заглянул Скирдач, водила шестерок, и молча исчез из поля зрения. Пастух в этот момент торчал к нему спиной.

— Я же рассказывал, на Западный, — Коца чертыхнулся, не хватало, чтобы шестерки пронюхали про георгиевские кресты. Вмиг донесут по инстанциям до верха с золотопогонным контролером во главе, а там цены на раритеты расписаны от и до. Как и сроки за них. — Если не хочешь туда, найдем место поближе.

— Не, если недолго, я тут подожду, — мужик, вроде, начал доверять.

— За час постараюсь управиться, — Коца снова напрягся борзой собакой. — Ты не обманешь?

— Чего обманывать, — пастух рассудительно почесал под носом. — Кресты мне не нужны, а деньгам применение завсегда найдется.

— Не замерзнешь за ларьком?

— Если морозец будет прихватывать, зайду в кофейную, что напротив. Погреюсь супчиком с кофейком.

— Тогда я мигом.

Коца той же борзой, упавшей на хвост зайца, ударился с места в бег, осмотрелся на ходу — ни одного сексота. Затаились по углам, или отправились по домам? Но рассуждать об этом было некогда. Выстраивая в голове план, он побежал вдоль периметра рынка в надежде встретиться с кем-либо из базарных дельцов. В висках стучало: деньги, деньги, деньги... Проскакивая мимо второго входа в рынок возле соборной стены, он засек длинноволосого и худого Микки Мауса, то ли грека с жидовскими корнями, то ли жида с корнями греческими. Тот прятался в гуще азиатов, торгующих хурмой, сушеным урюком и апельсинами. Коца уже пробежал до поворота к остановке автобусов в сторону Северного с Чкаловским, как новая мысль заставила его притормозить. У Мауса было солидной клиентуры побольше, может и ездить никуда не понадобится. И он заскользил в более узкий, чем на главных воротах, проход. Ментов с омовцами здесь не было, или успели сделать свое дело, или дальше валютчиков решили не идти. Он подскочил к Маусу, дернул его за воротник кургузого пальто:

— Микки, дело есть, — без перехода начал он.

— Какое? — безразлично прогундосил тот.

— Не здесь же расписывать, давай отойдем к промтоварному павильону.

— Если сумма маленькая, пролетай дальше, — посоветовал Маус, обшаривая физиономию Коцы пытливым взглядом. — На рынке положение беспокойное и я не согласен залетать на мелочи.

— Не на один миллион.

— Пошли.

Оба, выбрав уголок, наклонили головы друг к другу. Коца пересказал все, что с ним приключилось, не назвал только цен.

— Я предлагаю тебе перестень и медали, ты, если сговоримся, отстегиваешь бабки, я возвращаюсь к мужику и выкупаю у него что осталось, — выложил он без обиняков. — А потом встречаемся здесь еще раз. Согласен?

— Показывай, — разрешил Маус, добавил, косясь по сторонам. — Кажется, менты натрамбовали нашими не один “воронки”. Может, уже свалили.

Валютчик вынул из сумки бумажку с колечком и медалями, всунул в руку менялы. Тот склонился к ним, и сразу затих, причмокивая полунегритянскими губами. Коца вертел шей, стараясь распознать в гуще народа извечных врагов валютчиков — переодетых сотрудников уголовного розыска. Наконец, Микки оторвал долгий нос от изделий, не поворачиваясь, прогундосил:

— Во сколько ты оцениваешь все?

— А у тебя своих расценок нету? — Коца сразу надыбал волынку. Решил повторить сцену сделки с пастухом. — Давай договоримся сперва за медали, ты по какой цене можешь их взять?

— “За храбрость” должна быть подороже, но она балканской кампании 1877-78 годов, а “За усердие” рангом ниже, но крымская. Серебро. Я забираю обе за штуку пятьсот. Поделюсь, если найду купца, который выложит больше.

Коца утвердительно кивнул. Сделки между менялами проходили довольно часто, редко приводя к повторным разборкам.

— Теперь прикинь стоимость кольца. Ты обратил внимание на вензеля?

— Я без исследований скажу, что перстень принадлежал Евлампии Воронцову, атаману Всевеликого Войска Донского, — хмыкнул Микки Маус. — Был на Дону такой еще во

времена наполеоновского нашествия. Если хочешь, я отслонявлю десять тысяч, а потом вместе сходим к Пулиперу. Он даст сто процентную оценку.

— Отстегивай бабки, мне пора бежать, — заторопился Коца, соглашаясь, он за одну сделку сорвал куш в восемь тысяч семьсот рублей. Подобное бывало только поначалу, когда менялы наворачивали неденоминированных рваных по лимону за день. Тогда доллар не поднимался выше пяти рублей, и многие успели открыть свои дела за границей. Теперь же и штука канала за мясо. — Клиент ненадежный, типа, с ковалевской дачи, надо упредить его бегство в тьмутараканскую глушь.

— Где ты его надыбал? — насторожился Микки Маус.

— Сам напоролся на меня.

— А откуда он, ты не спрашивал?

— Давай этот базар оставим на потом, — валютчик присмотрелся к Микки, он догадался, на чем хотел тот заострить внимание. — Часть суммы отстегни купюрами помельче. Для форсу.

— Только ты просеки все, что нужно, — посоветовал Микки, выдергивая пачки денег из-под полы. — Я не к тому, чтобы по мокрому.

— У самого мысля мелькала, — сознался Коца. Он был уверен, что напарник не пойдет на убийство, но нация, к которой принадлежал Маус, была способна задумать оказию с вывертом не хуже дедушки Альберта по прозвищу Эйнштейн. — Ты подождешь здесь?

— Это место притоптано уголовкой. Я зайду до Каталы, если что, найдешь меня там.

— Заметано.

— Не мельтеши на виду. Тутушка довыпендривался, в морге отдыхает.

— Не понял, — притормозил Коца, чувствуя моментальный холодок по телу. — Кто его?.. Когда?

— Подался часа три назад с одним пидором на Тургеневскую, за территорию рынка, там стояла его крутая машина. В машине и грохнули, при обмене крупной суммы баксов. Он прислонился головой к стеклу, базарный патруль постучал дубинкой — ни ответа, ни привета. Открыли дверь, Тутушка и вывалился.

— Придурковатый какой-то... был. Говорили ему, не отходи от места работы, — Коца с досадой сплюнул.

— У всех у нас одна болезнь — ее величество расейская жадность. К тому ж, наживаться разрешили.

— Облава не по этому ли поводу?

— Запросто.

Коца выскочил из ворот, побежал по периметру автостоянки к месту, где оставил пастуха. Среди рядов машин маячил черный “Ленд Крузер” Слонка, бригадиру было все равно, что отморозки мочат его паству, а менты трахают ее во все дырки. Он попивал баночное баварское, заедая осетровым балычком, закладывая менял, и сам обирая их без стеснения. Коца влился в толпу на Московской, подходя к месту встречи, усек одного из шестерок Скирдача, вжавшегося в стену газетного ларька. Самого мужика на месте не оказалось, валютчик выругался, он не мог себе простить, что упустил такого икряного рыба! Покрутившись возле ларьков, вскочил в автобус, идущий в его район, и вдруг в окно увидел пастуха со Скирдачом на другой стороне дороги, поодаль топтались шакалы, не успевшие обрасти шерстью наживы. Все стало ясно, теперь нужно было забыть эту удачную встречу и заняться созданием гарантий для собственной безопасности. Коца расстегнул

замок на сумке, переложил в нее из-за пазухи пачки денег, полученные от Мауса, сунул сумку снова за отворот рубашки. Затем вытащил из кармана брюк выкидную пику, переместил ее в карман пальто. Встречи с бандитами в подъезде родного дома еще никто не отменял.

Глава третья.

На другой день он снова торчал возле главного входа в центральный рынок. Досада от незавершенного выгодного дела как возникла вчера вечером, так не отпускала до сих пор, заставляя озираться вокруг в надежде, что мужик объявится вновь. Время близилось к обеду, в глубине базара постреляли из пистолетов, наверное, менты наводили шухер в кавказских диаспорах. И вдруг Коца почудилась возле автобусной остановки знакомая фигура в брезентовом плаще поверх овчинного полушубка, в шапке ушанке и огромных валенках. Он мотнул головой, стараясь сморгнуть видение. Мужик стоял там, где его оставили вчера. Скорее всего, деньги имели для него большую ценность, нежели то, что было завернуто в тряпочках. Валютчик мигом пересек трамвайные пути.

— Пристраивайся ко мне, — подходя ближе, прошипел он. — И не оглядывайся.

— Почему? — не удивился мужик появлению валютчика. — Ты деньги принес?

— Полная сумка, — Коца оттопырил край, показал пестрые ребра пачек из купюр разного достоинства. — Иди за мной, куда сверну я, туда и ты. Понял?

— А далеко итить?

— Видишь шестиэтажный дом через проспект?

— Желтенький такой?

— Это институт, зайдём во двор и займёмся делом. А здесь одни менты с сексотами.

— С кем? Сектанты, что-ли? — пастух засеменял сзади.

— Они самые, тараканы продажные.

— Эти истинные хриstopродавцы...

Коца сквозанул через дорогу, забитую автомобилями, запетлял в толпе, хриплое сопение мужика, похожего на беременное пугало, от него не отставало. Он еще раз перескочил перед потоком автомашин, нырнул в переходной тоннель, в нем можно было заплутать — столько выходов он имел. Валютчик направился в тот, который выбегал крутой лестницей к углу старинного особняка, приспособленного под институт. Менялы часто пользовались уютным его двориком за крепкими кирпичными стенами. Коца, выскочив из тоннеля наверх, оглянулся еще раз, один из сявок Скирдача пытался суматошно пролавирировать между машинами. Все-таки вели, пидоры, но вряд ли кто из них знал про потаенное место, которое надыбали несколько менял из старой гвардии. За турникетом он сунул вахтеру денежный “талон”, кивнув пастуху, шумно переводящему дыхание, спустился по ступенькам к выходу во двор. Двор, заваленный ржавыми станками с деревянной тарой, был пуст. Мужик остановился перед дверями, затем высморкался, провел под крупным носом рукавом грубого плаща.

— Иди сюда, — позвал Коца из-за стопки деревянных ящиков, за которыми находился свободный пятачок со стулом посередине.

— Куда!.. А там никого нет?

— Ага, с кувалдой... Кому ты нужен, — чертыхнулся Коца. — Кресты целы? Давай еще раз посмотрим на них.

— Что глядеть, — мужик, протискиваясь вовнутрь, полез за пазуху. И отдернул руку. — Ты сначала деньги выложи, а потом будем разговаривать.

Коца расстегнул на сумке замок, шмякнул о поверхность стула несколько тугих пачек из купюр по червонцу, перетянутых резинками. Пока мужик разминал одну из них в заскорюзлых

руках, выглянул осторожно из-за ящиков, осмотрел двор. Показалось, входная дверь чуть приоткрылась, там как бы провели по воздуху осколком стекла. Он помнил, что лично закрывал ее за пастухом. Но может, отошла...

— Деньги, вроде, не фальшивые, — бурчал мужик себе под нос, передергивая плотный брусок. — Цветастые, похрустывают... На сгибах не ломаются.

— Кресты в кофейне не пропил? — во второй раз подогнал его Коца.

— Куда им деваться, — пастух сунул руку за отворот полушубка, развернул тряпку на сидении, рядом с пачками денег. Четыре “георгия” разом взялись отражать лучи после полуденного зимнего солнца. — Давай договариваться.

— Теперь успеем, — валютчик хмыкнул, забирая лоскут в руки. Он никак не мог заставить себя быть равнодушным. — Ты ночь где провел?

— В Доме колхозника, истратился, — пастух со значением надавил на последнее слово. — Да еще эти... разбойники выспрашивали, о чем мы вчера договаривались, да что я успел тебе продать. Пистолетами угрожали.

— А ты что ответил?

— Сказал, что отцову медальку продал, медную. Не поверили, все допытывались, откуда я, да как.

— Рассказал?

— Уссутся не пивши. Приехал, мол, в город, медальку продал, теперь селедочки, вот, куплю, сахарку. Папиросок, мол, а сам не курю.

— Отстали?

— Уши, — пастух перевел дыхание. — Ты тоже зубы мне не заговаривай, называй свою цену.

— Я уже у тебя спрашивал, за сколько ты хочешь их сбавить, — напомнил Коца, чувствуя, что нужно снова набираться терпения. — Еще не надумал?

— Это тебе надо думать. Ты цену назови, я прикину.

Торг повторялся словно сиа́мский близнец, сделки, подобные этой, могли проходить спокойно только в церквях, или после побоища, когда вечное стремилось перетянуть на себя одеяло с сиюминутного. Коца, чертыхнувшись в душе, назвал цену, с которой любой уважающий себя коллекционер постеснялся бы начинать торг. Но мужик и этому обрадовался, главным для него было само действие.

— Не-е, за такие деньги я лучше их в речку побросаю, — замахал он рукавами брезентового плаща. — Пусть раки позатягают их в норки.

— Раки темноту любят, а от крестов вода станет светлее, — заметил валютчик, скрипя зубами. — Я тебе живые бабки предлагаю, за железки, а ты ломаешься как красная девица. Добавляю еще пачку десятков.

— Тысячу рублей, что-ли? Один весь золотой, у второго тоже кружок золотой, два других совсем не железные. А может, и все золотые, сверху только забеленые. Я не согласный.

— Сколько же ты хочешь, опять миллион? — Коца стукнул кулаком по стопке с ящиками. — Или тебе миллиона уже мало?

— Было бы как раз.

— У меня таких денег нет.

Валютчик начал собирать пачки со стула, оставалось отмудохать пастуха в глухом дворе и не солоно хлебавши уйти домой. Грабить его было бы не с руки, по проспектам гоняли

милицейские бобики, отслеживать смысла тоже не имело. Больше у него, скорее всего, ничего с собой нет, да и дома вряд ли что спрятано. Слишком живописует красоты, то роса на восходе солнца зерниночками, то горница от камней покрупнее огнями полыхает. Скоро сам, насквозь пропитанный дерьмом, заблагоухает французскими одеколонами. Коца перекинул сумку через плечо и шагнул к выходу из завалов из ящиков. Спасибо, как говорится, и на этом, давно таким наваром не баловали.

— Ты это куда? — мужик уцепился за рукав. — Ждал тебя, ждал, замерз как кобель без конуры.

— О чем с тобой толковать? — обернулся валютчик. — Я все нервы на тебя истратил, ты ж, блин, нулевой вариант.

— Говори да не заговаривайся, — пастух раскусил, что Коца плохого не сделает, и потихоньку настроился борзеть. Наверное, сама природа направляла их по такому вот пути. — Набавляй, и все четыре креста станут твоими.

— Сколько набавлять? — вяло поинтересовался Коца.

— А еще пачку зелененьких...Десяток.

— Не пойдет, — валютчик внутренне тут-же принял правила игры. — Если бы половину пачки, еще куда ни шло.

— Тогда проваливай, куда собрался, — засуетился мужик. — На меньшее я не согласный.

Коца сбросил сумку, отсчитал первоначальную сумму, уложил ее на сидение стула. Затем со вкусом припечатал всю кучу зеленой пачкой десяток:

— Получай, живодер! Доволен?

Пастух подхватил прямоугольники, принялся торопливо пихать их за пазуху.

— Кто из нас живодер, еще неизвестно, а за меньшее никто бы не отдал, — бормотал он губошлепым ртом с белой накипью по углам. — Вот они, твои кресты, хоть жги, хоть рви, нам без разницы.

Коца развернул тряпицу, улыбнулся на ее содержимое и опустил во внутренний карман зимнего пальто. Вновь краем глаза схватил какое-то движение, показалось, что дверь чуть качнулась. Он подался было в ту сторону, когда пастух ровным голосом спросил:

— Остальное забирать будешь?

— Какое остальное? — валютчик обернулся к нему. — Ты ж сказал, что у тебя только в этой тряпке.

— Мало, что я наговорю. Смотреть станешь, или деньги кончились?

— Деньги есть. Показывай.

Коца на всякий случай поводит носом по двору, засек, в каком положении осталась дверь. Мужик меж тем вытащил еще одну тряпку, принялся разворачивать ее на стуле. Он успел успокоиться, почувствовать себя равным со скупщиком его добра. По морде, заросшей пестрой щетиной, гуляла усмешка везучего человека. Впрочем, так оно и было, потому что разум и страх еще никого до добра не доводили.

Когда валютчик глянул на сидение стула, то чуть язык не проглотил. Первое, что бросилось в глаза, это царский орден “Виртути Милитари” за воинскую доблесть, учрежденный еще в начале девятнадцатого века. Он представлял собой вызолоченный бронзовый крест с коническими лучами, с имперской короной над верхним из них. Залит он был черной и зеленой эмалью. Как-то, будучи в гостях у Пулипера, самого короля нумизматов, он видел разные причудливо — изумительные награды тех времен. Среди них

был такой орден с нерусским названием. Но это было только началом. Рядком лежали царские пятерка, семь с половиной рублей, десятка и пятнадцать рублей. Каждая монета по одной. По другую сторону куска материи красовалась звезда и знак ордена святой Анны за военные заслуги. Золото, серебро, живописная эмаль. И массивный перстень с бриллиантом не менее пяти карат в окружении изумрудов по полкарата. По бокам перстня, вместо глаз двуглавых орлов, резали воздух красными лучами отшлифованные рубины, в хищных лапах с символами власти были вместо когтей и этих символов власти тоже они. Зрелище представлялось не для слабонервных. Коца передернулся, вспомнив рассказ мужика о том, как попытался его прессовать Скирдач с шестерками. Если бы у них что получилось, пастуха баграми бы со дна Дона не выловили. Он, впрочем, и без того подписал себе приговор, мысль об ограблении вызрела окончательно. Не из-за цацек, разложенных на тряпке, хотя даже навскидку их было не на одну тысячу баксов. А за тот клад, который умудрился надыбать пастух. Теперь в его реальности мог сомневаться лишь идиот.

— Чего растопырился, ошалел от видения? Вот они какие! — голос пастуха, радостно-хрипловатый, нарушил долгое молчание. Он переступил валенками на месте, протянул к сокровищам заскорузлые пальцы. — Но и эти цацки блестят не так, как те, которые я припрятал дома... на базу... Да оно тебе ни к чему, на эти бы денег хватило.

— Куда уж нам, — пробормотал валютчик как во сне.

Он никогда не встречал подобного за канитель на центральном рынке в течение не одного года. Приносили бриллианты в брошах, в заколках, в перстнях, выкупал золота за раз граммов по триста, предлагали допетровские монеты, серебряные жетоны с портретами керенских с урицкими и троцкими. Царские и немецкие боевые кортики. Но такое сокровище он видел впервые. Коца оторвал взгляд от тряпки, сглотнул тягучий клубок слюны:

— В какую сумму ты оцениваешь весь набор? — автоматически спросил он.

Ощутил, что опять начал торговаться дежурными фразами, в голове забила мысль, что нужно взять себя в руки. Но пастух был уже тут как тут со своей подколкой. Наверное, замешательство Коцы начало его веселить.

— Здравствуй, жопа, новый год, тем же хреном и в ту же дырку, — он радостно-ехидно всплеснул руками. — И каша, купец, приедается, назови цену, а я начну кумекать, что да как. Может, договоримся, как за кресты с медальками.

Ехидство крестьянина, хитрого в первую очередь на свою жопу, отрезвило, как ни странно, валютчика, он вскинул голову, зорко всмотрелся в щели между досками деревянных ящиков. Увидел, что дверь приоткрыта больше обычного, там что-то посверкивало на уровне человеческого роста, похожее на очки. Если следили шакалы Скирдача, то ситуацию можно было уладить обещанием рассказать обо всем Хозяину. Мол, шестерки Слонка перехватывают клиентов, оттягивают на себя сдатчиков драгметаллов, прессуют их, отбивая у них охоту сдавать изделия на рынке. А если это нюхачи от беспредельщиков с Кавказа, или от доморощенных отморозков, тогда дела плохи, вряд ли из этого загаженного уголка удастся выбраться живыми. Вахтер словом никому не обмолвится, свой червонец ему дороже жизни любого гражданина.

— Ты что замолчал, или от игрушек в зобу дыханье сперло? — подстегнул пастух. — Я помню, как ты скукожился в Фому неверующего.

— Да подожди ты! — остановил Коца мужика резким шепотом. — Кажется, мы привели с собой хвоста.

— Кого? — пастух насторожился, завертел по сторонам собачьей шапкой. — Какого еще хвоста?

— Который обмотается вокруг шеи, и делает обоим кранты. Я пойду посмотрю, а ты заberi пока тряпку.

Он обогнул ящики, пробежал через двор и рванул дверь на себя, в полутемном коридорчике один из шакалов Скирдача набирал номер на сотовом телефоне. Значит, пастух не сумел главного отморозка убедить в своей дебилности, как не смогли они замести следы, когда ломались сюда. Коца выдернул левой рукой мобильник из рук шакала, в правой щелкнул лезвием пики. Приставил ее к волосам на затылке, поднажал для убедительности, чтобы острие проткнуло кожу:

— Рассказывай, как проследил за нами и что успел увидеть, — попросил он мягко. — Ты же меня знаешь, я обезьяну водить не умею.

— Знаю, — икнул шакал лет под тридцать, недавно принятый в группу контролеров. — Меня по вашему следу пустил Скирдач.

— А еще кто?

— Старшой решил проверить сам, если что стоящее, тогда звякнет кому надо.

— А что тут у тебя сверкало, и что ты успел надыбать?

— Светился, наверное, мобильник, а увидел я что-то блестящее. Одно ты выкупил, завернутое в тряпку, а в другом узелке мужик только предложил.

— Что именно? Не стесняйся, тут все свои, — валютчик усилил нажим острием пики. — Ты уже знаешь, что одного вчера замочили. Поди разберись, чужие или кто из своих.

— Я успел заметить тряпку и на ней блестящее. Так блестит только золото, — зачастил шакал. — Думаю, что это золотые монеты, шгук пять, может, больше.

— Не пять и не десять, а всего три, — поправил Коца, выдерживая паузу. — Лучи отразились, монеты и раздвоились... А перед этим я выкупил серебряные медали “За отвагу” и “За боевые заслуги”. Это, по твоему, крупный бизнес?

— Мелочь, — прохрипел шакал, успевший пропитаться страхом насквозь. Он был не рад, что устроился на опасную работу, дома его ждали жена и дети.

— Так иди и скажи Скирдачу, что у мужика ничего особенного не оказалось. Согласен?

— Согласен. Я пойду?

— А вообще, постой, поторчи у двери, пока мы не завершим сделку, — передумал валютчик. — Мобильник я возьму с собой, верну, когда рассчитаюсь с клиентом. Если все обернется хорошо, тебе светит премия.

— Понял, — помощник Скирдача снова кивнул головой.

Коца сложил пику и сунул ее в карман пальто, загадочно подмигнув, пошел к мужику довершать сделку. Он знал, что отморозок без мобильного не сдвинется с места. Это он допустил, что у него отобрали сотовый.

Мужик продолжал приплясывать вокруг табуретки с зажатой в руке тряпкой с драгоценностями, которую он и не думал прятать. Его без вина опьянили большие деньги, полученные вчера и сегодня. Коца расстегнул замок на сумке, вытащил три тысячи рублей в пачках, смачно шлепнул ими о сидение:

— Отдаю все бабки за то, что в твоем узелке, — сказал он как можно тверже, осознавая, что это грабеж среди белого дня. Но выхода никакого не было. — Что ты вылупился как на Мону Лизу? Говорю тебе, я пошел ва-банк.

— На кого я вылутился? — пастух сморгнул редкими ресницами. Неизвестные слова ослабляли его нахрап. — Куда это ты собрался? Давай договоримся, потом каждый по своим углам.

— Я выложил всю наличку, теперь тебе решать, отдавать мне все цацки за эти деньги, или возвращаться с ними домой, — не стал валютчик вдаваться в подробности.

— Он все выложил, барин в красной рубахе! — передразнил мужик, потом сощурился. — Ты сам показывал мне нутро кошель, пачек там было больше.

Коца сцепил зубы, чтобы не взвыть серым волком, но у валютчиков довести клиента до нужной кондиции считалось особым шиком. Однажды он обул цыган, хитрых без меры, которые принесли золотую цепочку граммов на триста. Положив ее на японские электронные весы, Коца незаметно перебросил один конец за край пластмассовой коробочки и включил кнопки. Прибор зафиксировал вес изделия, которое громоздилось лишь в чашечке, он оказался меньше на девяносто с небольшим граммов. Цыгане возбудились, замахали руками, они могли определить безо всяких приборов вес изделия до одной десятой доли грамма. Началась перепалка, обещавшая закончиться поножовщиной. Валютчик перевешивать цепочку отказался наотрез. Когда спор достиг апогея, один из цыган, заросших черным волосом, сорвал “кардинала” с толстой и потной шеи, сунул его в руки меняле:

— Вешай, — потребовал он. — Но знай, если вес будет неправильный, тебе не жить.

— Да чхать я на тебя хотел, чмо стадное, — ощерился Коца, втыкая пику в деревянный прилавок, на котором лежали весы. — Как я сказал, так и будет.

Затем скомкал “кардинала” в клубок, кинул в центр чашечки посередине плоского прямоугольника. Цифры в окошечках замерли на двухсот тридцати и пяти десятых грамма. Коца взвесил изделие тютелька в тютельку. У ромалэ задержались жирные щеки, он перевел взгляд на первую цепочку, потом на свою. И медленно вытащил руку из кармана.

— Все правильно, это ее настоящий вес, — сказал он возбужденным своим соплеменникам, тоже сжимавшим в кулаках складные ножи. — Получайте расчет и авен пи базарэ.

Они ушли, натянутые на девяносто с лишним граммов чистого золота, так и не понявшие, как могло произойти, что цепочка за дорогу до базара похудела почти на сто граммов. Для них главным оказался последний пример с правильным весом.

Валютчику сейчас предстояло раскрутить пастуха на тех нескольких тысячах рублей, которые он специально не выложил вместе с основной кучей денег. Это была приманка, и он это сделал, чисто по ростовски. Когда на стул шлепнулась сверху кучи бабок последняя пачка, а Коца показал нутро опустевшей сумки, пастух махнул рукавом брезентового плаща:

— Забирай, — прохрипел он, взопревший до портянок. — Ох и хитер ты, чистый ахверист!

Мужик принялся распихивать деньги по пазухе, скоро он превратился в Карлсона с молочно-товарной фермы без пропеллера на спине. Коца несколько раз оглядывался на помощника Скирдача, застывшего в проеме двери. Но тот докуривал сигарету, не выказывая интереса к происходящему. Впрочем, валютчик старался все время сделки стоять так, чтобы сего места было видно как можно меньше. Наконец, пришла пора трогаться на выход и разбегаться в разных направлениях.

— Ничего больше нет? — поинтересовался Коца, сжимаясь от мысли, что если пастух нашарит еще один узелок с цацками, у него не хватит сил на обработку первобытного

существа, выдравшегося из степных просторов, и на выбивание бабок у менял.

Мужик важно пробурчал:

— Пока все, надумаю еще, подъеду.

— А когда надумаешь? Надо деньги приготовить, чтобы не получилось как сейчас. Ты тоже вон сколько времени потярял, даже заночевать пришлось.

— Ночку я провел с двумя нацменами в одной комнате. Думал, порешат, — мужик нервно передернул плечами, поднял кверху глаза, — Сегодня четверг? Посередине недели у меня бывает выходной, вот и считай, чтобы от Нового года как раз серединка подперла. А ты тоже денег накрути, чтобы по друзьям не бегать.

— Накручу, не беспокойся, — заверил меняла, спросил по свойски. — Ты сейчас в гостиницу, а потом на автовокзал?

— В гостиницу, в колхозную на Тургеневской улице. А потом... А зачем это тебе?

— Могу проводить, мало ли что.

— Я сам дойду, — пастух скомкался в скупердяя.

— Ну... хозяин барин, только будь осторожен. Здесь не твои выселки, где из хозяев одни недобитые волки, да одичалые собаки.

— Без советов.

Коца предупреждал с умыслом, у него теперь была одна цель — в целости и сохранности проводить мужика до гостиницы и до вокзала, а после, когда он залезет в автобус, выследить, где сойдет. Машину сопровождения они с Микки Маусом найдут без проблем. Хутор по прикидкам должен находиться между Шахтами и Усть-Донецком, недалеко от станицы Раздорской, бывшей столицы беглых российских холопов, смешавшихся с местными племенами. Дальнейший план действий они разработают уже на месте. Валютчик за время общения с мужиком убедился, что если пустить того по беспределу, то из него вряд ли что выбьешь. Пастух предпочтет смерть, он не понимает разницы между жизнью и смертью, он счастливый, жизнь для него держится на радостях перед глазами, что увидел, тому и порадовался. Значит, пока не выведет сам на таинственный клад, другие действия с ним бесполезны.

Коца, отстегнув шакалу купюрку в сто рублей и вернув ему сотовый телефон, вышел на Московскую улицу, и сразу заметил Скирдача с отморозками на другой стороне. Шакал рванул к хозяину на полусогнутых. Снова Коца упрекнул себя за то, что отвалил ему сто рублей. Хотя сумма мизерная, она при покупке трех золотых монет больше награды, положенной за молчание. Пастух угнулся и, не среагировав на оклик валютчика, по Московской улице молча засеменил в сторону Буденновского проспекта. За ним увязались двое помощников Скирдача, все вместе скрылись в дыре перехода. Коца бросился за мужиком, заскочив в полутемный тоннель, завертел головой в разные стороны. Никого. Пробежал до второго коридора, увидел на выходе на Станиславского, как шестерки прижали пастуха к стене. Тот отбивался руками и ногами, верещал пойманным зайцем, в рот ему сунули полу его же плаща. Коца сделал шаг в ту сторону, и почувствовал вдруг возле уха теплое дыхание:

— Шел бы ты домой, — посоветовал кто-то. — Тебя же не трогают.

— А ты попробуй, — валютчик зло ощерился.

Чувство опасности за несколько лет работы на базаре притупилось, оно не сковывало движения. Он резко развернулся назад, один из шакалов отскочил, второй, коренастый, видимо, имел нервы покрепче, потому что остался стоять на месте.

— Коца, тебя уважают, даже не напоминают о сегодняшнем инциденте, — с усмешкой сказал он. — Иди домой, тут свои дела.

— Мужика прессовать? Для этого мозгов и умения много не надо, — у Коци перекосило рот. — Что вы от него хотите?

— Что надо, — ухмыльнулся второй шакал. — Полмесяца назад он предложил одному из валютчиков редкую медаль с парочкой золотых червонцев. Желаем узнать, что приволок на этот раз.

Коца расслабился, значит, пастух недаром во время сделки в институтском дворе обмолвился о предыдущем своем приезде. Тогда он, скорее всего, решил прощупать обстановку, а в этот раз того менялу не отыскал и случайно нарвался на Коцу. Мужик не мог ведать, что каждого, кто хотя бы раз сдал изделия, заслуживающие внимания, без интереса отморозки Лехи Слонка не оставляют. Валютчик повернул было в сторону выхода, когда подумал, что расколоть пастуха не так-то просто, тем более, пусть и отмороженным, но все равно уличным козлам без должного опыта. Значит, ситуацию надо брать в свои руки, иначе мечты так и останутся на уровне призраков. Валютчик подобрался, резко выбросил ногу в переносицу нахала, стоящего рядом. Тот, не ожидавший выпада, без слов выпал в осадок. Коца добавил рыхлому пентюху, растопырившему костыли, удар в пах. Когда он приподнял, скорчившись от боли, широкую морду, саданул по ней еще раз ребром зимнего сапога. Первый из помощников Скирдача попятился назад, отбежал за угол тоннеля, на ходу выдергивая пушку из-за пазухи. Но разве трусливая скотинка посмеет, она обдрищется, не нажав на курок. Коца, не теряя времени, бросился на выручку пастуха, его уже ломали на полу перехода, выложенного красноватой плиткой. Валютчик, врезавшись в отморозков, забывших об осторожности, ногой опрокинул навзничь одного из них, добил ударом каблука по зубам. Второго, разгоряченного мордобоем, он перехватил за рукав теплой куртки, дернув на себя, придержал его на долю секунды. Когда соперник невольно переставил ногу вперед, подсек ее на весу носком сапога с одновременным ударом в челюсть левым кулаком. Не давая телу самостоятельно долететь до пола, правым локтем рубанул по воротнику дубленки. Голова шакала запрокинулась он стукнулся о плиты грудью, потом всей мордой. Это был коронный со времен юности номер, когда Коца королевал в Запорожье в общежитии шестого микрорайона, куда его занесло после окончания ремесленного училища. Тогда комендант и обслуга не знали, как от него избавиться, хотя работал он на знаменитой “Запорожстали” по стахановски. Валютчик, посмотрев на поверженных соперников, встряхнулся, поправил шапку, заметил, как семенит наверх Карлсон со скотного двора, не вымолвивший слова благодарности. Он рванул следом, подцепив ноги в руки, он всю жизнь следовал правилу — если за что брался, доводил обязательно до конца. Когда до выхода из тоннеля осталось несколько ступенек, услышал вдруг громкий окрик, донесшийся из темноты. Обернулся, и тут-же змеей вильнул к стене. Звук выстрела раздался позже, громом прокатившись по лабиринтам перехода, а сначала воздух в паре метров от него просверлил тонкий и характерный свист. Так пробуют голос едва оперившиеся синички: сьвись-сьвись. Больше оборачиваться, а тем более, спешить с ответом, не имело смысла, иногда что-то следует откладывать и до следующей встречи. Валютчик гимнастом преодолел выступ, отделяющий ступени от заасфальтированной площади перед базаром.

Центральный рынок Ростова-папы, огромный по территории, имел шесть выходов с высоченными железными на них воротами. По одному на проспект Буденновский и на проспект Семашко, и по два на улицу Станиславского с трамвайной линией, и на

Тургеневскую с тыльной стороны. Пастух, проскочив по Буденновскому до входа в базар, нырнул за широкие створки, затерялся в человеческих водоворотах. Коца зашарил глазами поверх голов, слева была ментовка, справа мясной павильон с дверями, вечно раззявленными. Через него тоже имелись, если кто знал, выходы и на проспект, и на перпендикулярную улицу. Но мужик не был осведомлен о рыночных тонкостях, иначе он не поперся бы и в институтский двор, в это замкнутое пространство, скорее всего, он пригнулся и залавировал между людскими потоками. Коца, прикусив губу, на секунду задумался, затем снова выскочил на Буденновский проспект, обогнув торговые здания, забежал за угол, на почти пустынную Тургеневскую улицу. В середине ее находилась гостиница для крестьян, кавказцев, азиатов и прочего народа, приезжающего торговать своими продуктами с периферии, с гор, со степей. Он прошел до первого выхода, прячась за машинами со свежей рыбой, потом прошмыгнул до второго выхода напротив Дома колхозника. Мужик не объявлялся. Валютчик, присев под стеной на пустой ящик, упер подбородок в кулаки и стал ждать, времени до шести часов вечера было достаточно, при условии, что пастух не сбрежал. Впрочем, деваться ему все равно было некуда, надо забрать из гостиницы вещи, расплатиться за ночлег. Но если отход мужик продумал заранее, то здесь ловить больше было нечего. В животе кишки заиграли марш протеста, во рту пересохло, ни попить, ни перехватить пирожок, рынок, забитый народом и продуктами, казался с тыльной стороны вымершим. Коца с усилием проглотил шершавую слюну, хитер, скотовод, недаром Советский Союз после революции мало в чем уступал передовым странам. Рабоче-крестьянская смекалка, заменившая разумную мысль, оказалась палочкой-выручалочкой во всех отраслях народного хозяйства, начиная от простых гвоздей, кончая космосом.

Прошло часа полтора, когда Коца заметил нескладную фигуру пастуха, озирающуюся по сторонам. Тот по заячьи прижимая руки к груди, проскакал через дорогу, поднялся по ступенькам в Дом колхозника. Валютчик задрал рукав у пальто, времени до отхода автобуса в сторону станицы Раздорской оставалось чуть больше трех часов. Надо было успеть найти Микки Мауса, продумать план действий и заскочить в кафе, чтобы не сдохнуть с голоду за выполнением особо важного задания. Валютчик, поднявшись с ящика, вошел на территорию рынка через ворота, покрашенные заново в черный цвет.

Глава четвертая.

На даче у Лехи Слонка в районе поселка Мирного со стадионом СКА, принадлежавшим когда-то знаменитой футбольной команде, собрались авторитеты из отморожков, то есть, не признаваемые верхушкой уголовного мира, поддерживающей воровские законы. Они, разместившись в удобных креслах и на диванах, расставленных по гостинной комнате на втором этаже, негромко переговаривались между собой. Ростов-папа раздвоился на две части: на бедных и богатых, на воров и на отморожков. На блядей, и на женщин, не продававшихся за кусок хлеба. В неприкосновенности оставалось лишь одно — полуазиатское проститутство во взаимоотношениях, заимствованное у близкого Кавказа с туретиной, когда на словах одно, а на деле совершенно другое. Не дореволюционная Россия и не зиг хайль Германия, в которых любой купец или бюргер за слово, данное ему, был способен завалить товарами все склады с магазинами до момента, удобного для расчета. Недаром в боевых действиях казачки применяли не германскую “свинью”, прущую на противника лишь на отваге безо всяких задних мыслей, а татарский вентирь. Это изобретение представляло из себя конный наскок на позиции врага малыми силами, а потом, когда он начинал преследование, заманивание его в ловушку к отрядам, спрятанным в засаде. Вентирь изобрели тоже не казаки, им пользовались с первобытных времен армии азиатских завоевателей и татаро-монгольские орды. У отморожков же и этот подлый прием отсутствовал, так далеко они зашли.

— Мужик сошел километра за три до станицы Раздорской, возле двух бетонных столбов на правой стороне дороги, если ехать из Ростова, — посланец по кличке Перс докладывал обстановку, он являл собой обычную на Дону смесь армянина с хохлушкой. — Я проконсультировался в автобусе у своего соседа из местных, этот пастух живет на заброшенном хуторе, в двух километрах от шоссе на Усть-Донецкую. Имеет свой дом, больше жителей на хуторе не осталось, разъехались кто куда. На лето мужик нанимается к станичникам пасти стада коров и овец. Сосед, когда завел с ним разговор о старинных вещах, просветил, что в этих местах они не редкость, как и клады. Казаки грабили турок с русскими, хохлов с греками, часть добра прятали, а часть шла на покупку оружия и пропитания с одеждой. Не смолкают до сих пор и байки о кладах разбойника Стеньки Разина, якобы, он закопал драгоценности посреди Дона на одном из островов. Места легендарные и богатые, этих островов на реке не один. Подозрение, что пастух надыбал схрон, смахивает на правду.

— И на выдумку, никто казаков не знает? — хмыкнул Слонок, развалившийся в плюшевом кресле. Он был крепок в кости, имел светло-русые волосы и симпатичную круглую красную морду со вздернутым носом, с тяжелым взглядом темно-карих глаз. — Глянешь на узкую харю, так и прет из-под взбунченного чуба вся туретичина.

— Казаки бывают разные, — подал недовольный голос Скирдач, дождавшись, когда стихнет хохоток. Он имел отношение к этому сословию. — Они скрещивались не только с турками да с кавказцами, но и с беглыми русскими.

— Которые спаривались с местными племенами, со скифами, с сарматами. — Слонок кинул ногу на ногу. — Но у тебя морда даже не хохляцкая, и не сарматская, а сто процентно кацапско-калмыцкая, с ноздрями вразлет.

— Как и у тебя, — Скирдач напрягся. — Ты дюже казаков не цепляй.

— Я никогда не отрицал, что родом из казапов, это ты у нас ка-а-аз-зак, твою мать. Переставай боговать, а то опять, неровен час, девятнадцатый год надвинется, и пойдет Гришка Мелехов судьбинушку искать. Каза-ак, — бригадир перевел дыхание, обежал присутствующих раскаленным взглядом. — Отметелил пастуха в переходе на Буденновском, вместо того, чтобы ласково расспросить обо всем нужном, пообещать ему чемодан бабок. На хер тому блескучие цапки, когда у него, как при родной Советской власти, бабки до сих пор главный движитель к коммунизму. Помощники... разогнать всех к чертовой матери, а новых набрать.

— Ребятам помешал Коца, он и моих отметелил, и дал уйти мужику, — Скирдач, угнувшись, упрямо напирал на свое. — Я давно говорил, что с базара его нужно убирать.

— А как же Коца справился с ними, ты что, одних дистрофиков набрал? У меня есть другие сведения, это твои шестерки хотели отоварить мужика и выгрести у него деньги. Мало им отстегиваешь, что на клиентов кидаются голодными псами? И какое тебе указание было дано? Если объявится пастух, выведать, что и кому он сдал, и лишь потом расколоть до سراки. Не получится — выпасти до родной пещеры.

— Я узнал многое.

— Что, например?

— Коца выкупил у мужика орден “Виртути Милитари”.

— Да срать я хотел на этот орден, ему красная цена шестьдесят баксов, — Слонок побагровел. — Дальше что?

— Пулипер дает больше, но дело не в этом. Валютчик перед орденом выторговал георгиевский кавалерский бант. Точно не могу сказать, или все четыре креста, или только три, потому что у Скопы на бинокле запотели стекла. Он его вытащил из-за пазухи, а мороз не хилый. Но что два золотых, отвечаю.

— С какого это перепоя у твоего Скопы объявился бинокль? — воззрился бригадир на казака. — Война, что-ли, с боевыми действиями в тылу врага?

— Это я его наградил, — Перс с хохотком наклонился поближе. — Театральный, маленький такой, очень удобный.

— Бабам под подол заглядывать?

— В том числе и для этих случаев, — армянский хохол скривил в усмешке рот.

— Что надыбал твой дегенерат еще? — недовольно поморщился Слонок, обращаясь к Скирдачу.

— Золотые монеты и звезду, как у царских генералов на мундирах.

— На погонах?

— На груди, крупная, переливается, может, с камешками. Рядом еще что-то блестело, да мужик тряпку убрал пока Скопа наводил окуляры. А потом нагрязнул Коца, он же бешеный. Мог и подколоть.

— Как ты решил действовать после?

— Отвлечь валютчика, когда они выйдут из двора института, затем в переходном тоннеле затащить пастуха в подсобное помещение и выкачать у него всю информацию. Для этой цели способов достаточно.

— А если бы не раскололся? — переспросил Слонок с ехидцей.

— Куда ему деваться? В подсобке стержневой кипятильник, в сраку воткнули бы, а глотку забили бы половой тряпкой.

— Есть такие, которые не раскалываются. Коца, например.

— Коцу надо убирать я уже сказал, он из диких гусей, неисправимый. А пастуху пришла бы тогда хана.

— Тебе п...ец пришел бы раньше. Ты знаешь, что мужик приволок к менялам в первый раз?

— Слышал, — пожал плечами Скирдач. — Редкую медаль, что-ли, тоже из царских.

— Меда-аль, — передразнил бригадир, его лицо начало принимать цвет вареной свеклы, — А наградной знак “За храбрость” не хочешь, с портретом Петра Первого? Начало восемнадцатого века, золото, драгоценные камни, старинная эмаль. Ты знаешь цену этому раритету?

— Нет, — Скирдач очумело мотнул головой. — Я в них как станичник в гандонах.

— Гандон ты и есть, штопаный. Каза-ак, — Слонок грохнул кулаком по собственной ляжке. — Десять штук баксов. И не пялься глазами бешеной кобылы, я не хохол и не кацап на твоём хуторе, где ты с приходом Горбача с Ельцой возомнил себя господином. Господа-а, хрены собачьи, а не сыны казачьи...

Бригадир сунул руку за спинку кресла, выдернул из специального кармашка длинноствольную “Беретту” и взвел курок. Налитые кровью белки выкатились из орбит, они полностью покрасились темно-коричневым цветом. Скирдач невольно откинулся назад, сидевший по левую руку посланец Перс, ухмыльнулся и отвернул в другую сторону армянский свой нос. Сцена с минуту напрягала надсмотрщиков за работой валютчиков и сшибал рангом пониже, находящихся в гостиной загородной виллы Слонка. Так император Петр Первый, сошедший лет триста назад на донской берег, пугал местных атаманов перед взятием турецкой крепости Азов. Но тогда без крови не обошлось, император, выдернув из ножен не азиатскую пашку, а европейскую сабельку, полыхнул ею в воздухе и покатила под его ноги бедовая голова первого казачьего атамана. Потом пришла очередь еще нескольких. Лишь после кровавой экзекуции император указал концом сабли на крепость Азов. Взяли, распотрошили так, что тысячелетний дух туретчины растворился бесследно в теплом азовском бризе. Но Леха Слонок не спешил делать дырку в казачьей башке, хотя Скирдач упустил рыбину, сравнимую разве что с белугой, ставшей редчайшей в водах Приазовья. Он, повертев перед носом помощника “Беретту”, поставил ее на предохранитель и сунул снова за спинку плюшевого кресла.

— Ты знаешь, за сколько один из валютчиков приобрел у мужика этот знак с другими золотыми цацками? Не дергайся, я тебя просвещу, — упредил бригадир Скирдача. — За десять тысяч рублей, когда нынешняя сотка баксов стоит чуть больше трех тысяч рваных. Как ты считаешь, о чем говорит данный факт?

— Он не ведает, что творит, — подсказал Перс, сидящий сбоку.

— Вот именно, пастух не знает цены вещам, которые начал возить на базар, — Слонок не оборачиваясь согласно кивнул головой. — Он тащит не по системе, когда стараются сначала сбagrить что подешевле, потом что подороже, а после самое сердцу дорогое, чтобы было чем жопу прикрыть. Мужик волокет то, на что упал его взгляд: медали со звездами, монеты с георгиевскими крестами, с кольцами. Упадёт глаз на медную старинную ложку, приволокет и ее. Орден “Виртути Милитари”, от которого ты чуть не усрался, отлит из обыкновенной бронзы и позолочен, поэтому и цена ему всего шестьдесят баксов. Хотя вещь редкая, может пойти за более высокую цену, если продавать ее за границей.

— Дела! — Скирдач продолжал ошалело ворочать толстой шеей. — Как же теперь быть?

Бригадир встал, прошелся по гостиной взад-вперед, шестерки, сидящие в креслах, не сводили с него настороженных глаз. Посреди зала был накрыт богатый стол на десяток персон, на нем была только выпивка и холодные закуски, но трапезу решили начать после обсуждения всех накопившихся вопросов. Слонок, подойдя к краю стола, плеснул из графина в рюмку прохладной водки, выпил, заел свежим салатом, затем направился к широкому евроокну, отодвинул от угла богатую штору. Через дорогу, в заваленной снегом пустынной роще, проглядывала между деревьями бывшая обкомовская дача, в которой проминал широкие кровати Филя Киркоров, назвавший сам себя королем российской эстрады. Чуть дальше, перед стеной высоток Северного жилого микрорайона, отблескивал льдом, отшлифованным метелями, зимний пруд. Сбоку тулился цыганский беспредел из двухэтажных дворцов с конями на покатых крышах, с коваными воротами, с табором полураздетых цыганчат возле собачьей будки. Слонок отвернулся в другую сторону, к радующим глаз разноцветным теремам новых русских с крытыми теннисными кортами и гаражами не на одну машину. Цыганская община его раздражала, доступа к наркотикам он еще не имел, несмотря на то, что они приносили баснословные прибыли. Он снова, полюбовавшись ландшафтом, развернулся к подчиненным:

— Как быть, спрашиваешь? — спросил он, насупившись. — Докопаться, чем разжился Коца у мужика, во что бы то ни стало, самого валютчика пальцем не трогать, не та фигура, над которой можно поиздеваться. Так и передай своим шестеркам, — он указал рукой в сторону Скирдача. — Сам Хозяин уже заинтересовался инцидентом, не хватало плодить в наших рядах кровную месть. А Коца пойдет на нее запросто, и выследит, и вопреку по самые некуда. Нужно выбрать время и съездить на этот долбаный хутор самим. Вырядить кого из парней в скупщика старины, пусть того пастуха он прощупает.

— Не клонет, есть такие люди, что режь на куски — слова не скажут, — авторитетно заявил Перс. — Отморозки с рождения.

— Хуже тебя, что-ли? Только ты у нас не такой, — Слонок стрельнул в него темными зрачками, криво ухмыльнулся. — Свою шкуру дырявить не рискнешь, а если дойдет до дела, подставишь кого подурнее.

Перс зыркнул исподлобья на бригадира, но смолчал, сегодня Слонок был явно не в духе. А тот прошел к плюшевому креслу, упал в него и расставил ноги:

— Короче, пацаны, этот пастух заварил такой кипеж, которого не бывало у нас со времен начала приватизации. Подошел до меня Асланбек, и начал мягко так интересоваться, что за нагрудный знак выкупил валютчик, и почему вокруг него столько разговоров. Я сказал, что сам не знаю, как вы думаете, он мне поверил?

— Асланбековы джигиты на рынке только что слили несколько десятков тысяч фальшивых баксов. Им кто-нибудь слово сказал? — ввернул Козырь, сидевший особняком, опять смесь армяна с русской. Он контролировал незаконные скупки драгметаллов при ювелирных магазинах вокруг базара. — А ведь это не Чечня, а территория России. Чеченцы, ингуши, азеры, таджики... когда мы будем хозяевами на собственной земле?

— Из тебя хозяин как из Спартака господин, был такой его величество раб. Ты сам из тех же метисов, — зло прошипел бригадир сквозь зубы. — Тебе не ведомо, кто этих черных здесь прикармливает? В квартиры прописывает, работу предоставляет, немерянные дотации выплачивает? Вон сидит казак, тоже хозяин в Области Войска Донского, земляки в его хуторе на чеченов поднялись, враз БТРы пригнали, и застучали из крупнокалиберных РПД поверх голов. Чьих?

— Казачьих, — сплюнул Скирдач. — Звери весь скот увели за ставропольскую черту, наших девок поизнасиловали, а спецназ на станичниках отыгрывался.

— Так с какого хера вы дожидались спецназа, опять показушную игру устраивали, что обеими руками за родную Советскую власть? — крупнотелый Беня, сам из кубанских казаков, хохотнул в полный голос. — Отвернули бы чехам бошки до приезда силовиков, и шито-крыто. Хэ-т, донцы — молодцы!

— Да я тебе харю разобью, — вскинулся было Скирдач. — Всю вашу Кубань затопили криволапые армяшки, Армавир объявили древней столицей своего Айастана, а ваша Рада пальцем не шевельнула. Тыкаешь в меня, мурло хохляцкое, мы не забыли, как вы в гражданскую нас не поддержали, а поволоклись красными штанами.

— А чего вас поддерживать! Заведете канитель, сами же ее сто лет расхлебываете.

— Базар не по делу, все казаки испокон веков служили царю и отечеству, то есть, действующему правительству. Еще Стеньку Разина вспомните — бригадир стукнул кулаком по колену. Затем властно ткнул пальцем в Скирдача, в Козыря, и в Метлу, собирателя рыночных сплетен. — Ты, ты и ты должны выяснить, кому Коца скинул царские цацки, за сколько купил, какие за сколько толкнул. Проследить за Микки Маусом, он копейки в казну не отстегивает, а примазался к валютчикам и скупает у них раритеты, как так и должно быть.

— За его спиной Пулипер, а он трется с верхушкой области, — подключился Перс снова. — Что с законодательной, что с криминальной.

— Значит, достать, чтобы сам свалил, — опять завелся Слонок. — Повторяю, до Нового года послать гонца к пастуху в хутор, разузнать о самом пастухе, о его семье, и о том, где берет цацки. Второе, не спускать с Коцы глаз ни днем, ни ночью, пока забыть, что он отмудохал членов группы Скирдача. Третье, разнюхать, чем промышляет в настоящее время этот жиденок Микки Маус, если они встречались с Коцей, выяснить, чем встреча закончилась. Даю два дня на исполнение, — он снова пристукнул кулаком по своей ляжке, выдержав небольшую паузу, продолжил, окинув соратников тяжелым взглядом. — На днях мы провели операцию по закупке оружия. Не забыли, что с Пархатым, бригадиром золотого рынка с Нахичеванского, стрелку никто не отменял? Она назначена сразу после Нового года. Отвечал за оружие Крохаль, он съездил к чехам, привез десяток стволов. Только вопрос — каких?

— Что заказали, то и привез, — басом откликнулся Крохаль, похожий на деревенского увальня. — В том числе несколько автоматов АК-74 в десантном исполнении.

— Семьдесят четвертых или сорок седьмых? — бригадир продолжал со вниманием рассматривать гостей.

— Семьдесят четвертых, все они еще в оружейной смазке, — пожал плечами увальень. — А что?

— Ты в армии служил?

— Приходилось.

— В каких войсках?

— Какая разница, я оружие знаю от и до. В инженерных.

— Вот именно, из пяти штук пара автоматов сорок седьмые военного образца, подствольник не навесишь, даже если достанешь приспособление отдельно, — Слонок сдвинул брови. — Ты о чем думал, когда отстегивал бабки тем козлам?

— О том, как бы побыстрее ноги унести, — хохотнул метис Козырь. Посмотрел в сытое

лицо Крохалья. — Если ты такой умный, то растолкуй, где у автомата находится цевье и для чего оно предназначено?

— Да я при тебе разрядил сотню пистолетных обойм с полусотней автоматных рожков. Совсем заматерел, что надумал насмеяться? — Крохаль вышел из себя. — Сделка проходила ночью, вокруг стрельба и все такое, могли по запарке и подсунуть.

— А ты заглотил. Напрашивается вопрос, зачем надо было ехать так далеко, когда военных складов достаточно в самом городе.

— Ты неправ, на каждом изделии выбит номер, — перебил Козыря Метла. — Отправляют по номерам, а по ним автоматы числятся в Чечне. Искать их в случае чего будут там.

— Там ищут с того момента, когда Лебедь с Масхадовым подписали мирный договор, и не оружие, а суммы денег, немерянные. А перед этим Паша Мерседес, лучший друг Лебеда, продолжил дележ военного имущества на территории самой Чечни. Но самое главное, что цевье у девочек располагается между ногами, — не преминул Козырь догнать шар в лузу.

— Меня не колышет, кто какой договор подписал и где находится цевье, — прервал перепалку Леха Слонок. — На рынке контроль должен быть жестким, чтобы на наш пирог ни одна падла из приبلудных не разевала пасть. Базар окончен, ты, Крохаль, меняй где хочешь сорок седьмые на семьдесят четвертые, сроку тебе неделя. А сейчас к столу.

Бригадир, включив отключенный мобильник, встал с кресла, остальные присутствующие последовали его примеру. Кто-то из obsługi завел негромкую музыку, из боковых дверей показались девочки, одна из них сразу повисла на шее у похотливого Метлы. Очередной кутеж, ни к чему не обязывающий, но имеющий четко прослеживаемую цель теснее сплотить собравшихся, начал неторопливую раскрутку.

Глава пятая.

Автобус, шедший впереди легковушки, то набирал скорость до восьмидесяти километров в час, то начинал елозить по дороге как электрический утюг, сдвинувшийся по фазе, его подбрасывало на российских ухабах мешком с замороженной картошкой. В декабре после пяти часов вечера уже темно, и вишневый “ДЭУ-эсперо”, собранный в Таганроге, вели за собой невзрачные габаритные огни на отечественной колымаге. За окнами, разрисованными морозцем, отсвечивала бесконечная мелеховская степь, но в салоне было тепло, за спинкой заднего сидения негромко цокали динамики. Эти корейские машины, только канареечного цвета, приспособили под такси, и горожане поначалу обегали их стороной. Но теперь начали привыкать, следуя примеру земляков-челноков с туристами, помотавшимся по заграницам, насмотревшимся в парижках с римами на точно такие, канареечные. Как сказал бы мудрый отшельник — потихоньку образуется все.

— До какого места мы будем вести этого пастуха? — подал голос хозяин машины, друг Микки Мауса. — До развилки от Раздорской, или до самого его база?

— Желательно было бы до его дома, до хлева с коровами, свиньями и курами, — откликнулся Микки Маус полусонно. — Но исходя из того, что сейчас машины от станции до выселок не ходят, а может, не ездили вообще, придется довести до развилки, на которой он сойдет с автобуса. Главное, чтобы мужик сам обозначил путь к себе домой.

— Решение правильное, — согласился Коца. — Во первых, дороги в степи сровняло, вряд ли ползают и трактора. Во вторых, было бы странным ехать вслед за пастухом. Это чудо природы предпочтет сдохнуть под колесами, нежели волочь нас на своем хвосте.

— Если удастся выяснить направление, то подбираться к его усадьбе, чтобы начать кропотливую слежку, нужно будет незаметно. Куда ходит, в каком месте ковыряется, где вертит чаще всего башкой по сторонам. Наверное, у него имеется выводок собак, тоже проблема. Изучение обстановки растянется не на один день, а если так, то придется дело отложить до весны.

— Ни в коем случае, я видел, как разгорелись у него глаза при виде пачек денег, — запротестовал Коца. — Сами бабки ему не нужны, их тратить некуда, но на Новый год может приехать дочка. Скорее всего, единственная, вкусившая столичной жизни и начавшая воротить нос от родителей, от хлопотного хозяйства с коровами и свиньями. А дочка, это радость, это тревоги, заставляющие жить ради нее, возня с малыми внучатами. Вот ее задобрить надо обязательно, иначе она забудет дорогу в родительский дом. А кому охота встречать старость в одиночестве.

— Все верно, — согласился Маус, задумчиво огладив подбородок. — Он понимает, что тех денег, которые получил за цацки, мало, и не приложит ума, что делать с найденным кладом. Дочка, если она знает про драгоценности, видно, пошла в отца — дуб дубом. В противном случае он не завертелся бы выюном между выселками и Ростовом, а давно отвез бы часть изделий в Москву, где возможностей гораздо больше. Кстати, он ничего не сказал, когда еще раз наведается на рынок?

— Обещался как-то неопределенно, серединка недели от Нового года, — вспомнил Коца разговор с мужиком. — Надо посмотреть по календарю, в какой день наступит праздник и от этого дня отступить на серединку. Получается, если перевести на человеческий язык, в среду перед Новым годом.

— Значит, в понедельник, в крайнем случае, во вторник мы обязаны быть на его базу и смотреть за ним во все глаза, — сделал умозаключение рассудительный Микки Маус. — К драгоценностям он вряд ли раньше притронется, потому что навестить дом могут кто угодно. И за печкой мужик ничего не держит, чтобы домашним не было соблазна лишний раз поглазеть на добро, еще на виду что останется, или под половицу закатится. Я стараюсь рассуждать как он.

Автобус сделал поворот, проехал по мостику через неширокий ерик, снова набрал скорость. Водитель “ДЭУ” послушно завернул за ним. Вокруг по прежнему отблескивала под холодными звездами заснеженная ровная степь, ни огонька, ни строения. Казалось, пространство, залитое синеватой тьмой, было безжизненным всегда, а пастуху до своей кошары еще предстояло с деньгами за пазухой прошагать по ледяной пустыне какое-то расстояние. Воистину, поставь русского и еврея на краю Северного полюса и предложи обоим пройти насквозь этот путь. Дорогу осилит русский с детским самообманом, не покидающим его всю жизнь. Еврею самомнение в таком случае не поможет.

— Ты в курсе, что тебя Леха Слонок искал? — повернулся Маус к валютчику.

— Вместе со Скирдачом? Догадываюсь, — усмехнулся Коца. — Пришлось малость попрессовать шестерок в переходе на Буденновском. Они перехватили пастуха.

— Ничего не выгребли?

— Не успели, остался бы мужик на бобах.

— Так вот, это мелочи, — посерьезнел подельник. — Тот пидор, который выпас тебя во дворе института, наговорил Слонку с три короба.

— Я интересовался, он ничего не видел.

— Ошибаешься, у него был театральный бинокль, маленький такой, — Маус показал на пальцах размеры бинокля. — Может быть, что-то и не различил, но того, что надыбал, вполне достаточно для начала действий против тебя.

— Вот мразь, овцой притворился. Я ему еще бабки отбашлял, сто рублей.

— Сотни рваных за подобные цацки мало, и ты это знаешь, — усмехнулся собеседник. — Поэтому предполагаю, что в автобусе вместе с твоим пастухом едет представитель от Слонка.

— Не может быть! — вскинулся было Коца. — Я довел мужика до дверей Дома крестьянина, подождал немного, и только потом вошел в рынок.

— А шестерки из базара выходить не собирались, они следили за своей жертвой из самой гущи народной, так же поступили на автовокзале. Моя догадка, когда доедем до нужного места, может или подтвердиться, или пролететь фанерой над Парижем. И еще одно, Слонок полностью ударился в отморожку, поговаривают, что заключил негласный договор с чеченской группировкой, специализирующейся на камешках. Ну и на самом лучшем тоже, из драгметаллов в первую очередь. Он способен подключить этих гамадрилов.

— Каждый чеченец, по заверениям дудаевых, басаевых и прочих хаевых, генерал и морпех в одном лице, — гоготнул за рулем водитель. — Жаль только, что никто не видел, как эти боевики усирались под нашими парнями в самашках с галашками.

— Ты там был? — спросил валютчик.

— На первой чеченской, хочу на вторую пойти. У нас чувство мести тоже в генах заложено, ни один, с кем я воевал, не в силах простить унижения от первобытной мрази. А с чего ты спросил?

— Ради спортивного интереса.

— Слышь, Коца, поговаривают, что ты...

— Когда поговаривают, тогда надо креститься, — грубо оборвал валютчик водителя.

В салоне автомобиля наступила тишина, Микки Маус, увидев, что продолжения разговора не будет, начал устраиваться поудобнее. Водитель облапил рулевое колесо и немного подался вперед, Коца откинулся на спинку заднего сидения. За окнами изредка проносились небольшие группы фонарей или стена из черных строений, ровно гудел мотор, поцокивали колонки, разведенные по сторонам. Теплое спокойствие действовало расслабляюще.

Так продолжалось до тех пор, пока водитель не ударил по тормозам, он, не заглушая двигателя, моментально переключил дальний свет на подфарники. Автобус помаргивал габаритными огнями метрах в двухстах впереди, он остановился на обочине, возле пары бетонных столбов. Яркая луна освещала безжизненное пространство, невольно на ум приходили гоголевские “Вечера на хуторе близ Диканьки” с летающими на метлах чертями и ведьмами. Казалось, в заброшенных этих местах нечистой силы только и не хватало. Коца протер глаза кулаками, подался вперед, из дверей автобуса, наконец, вывалился знакомый Карлсон со скотного двора. Постояв немного, отодвинулся к широкому задку машины, взялся опрашивать полы брезентового плаща. Вслед за ним вышел еще один мужчина лет за тридцать, в короткой дубленке. Он забежал на другую сторону автобуса, крикнув что-то водителю, начал расстегивать ширинку, но было видно, что не очень торопится. Пастух тоже не спешил становиться на свою тропу, оба чего-то явно выжидали.

— Выключи весь свет, — попросил Микки Маус. Когда автомобиль со всех сторон обступила синеватая мгла, повернулся к валютчику, кивнув подбородком вперед. — Видишь мужчину в дубленке? Это посланец от Лехи Слопка, он нарочно не спешит поссать, ждет, по какому пути тронется твой мужик, по правому боку, или по левому. Хреново, что обе дороги заровняло метелью, одни ледяные бугорки.

— Что ты хочешь этим сказать? — вскинул голову Коца. — Думаешь, что разведчик пойдет за пастухом?

— Ни в коем случае, — подельник отрицательно мотнул длинным носом. — Он только запомнит этот путь и снова залезет в теплый автобус. Его наверняка в каком-нибудь городке или рабочем поселке поджидает легковой автомобиль с сообщниками. Или он едет вслед за нами, исключать подобный вариант тоже нельзя. Тащиться за мужиком бестолку, какому дураку захочется в этой глухомани подвергать свою жизнь опасности из-за нескольких тысяч рублей.

Пастух не трогался с места, мужчина никак не мог опорожнить мочевого пузыря, автобус не закрывал двери. Наконец, мужчина резко сказал что-то пастуху, наверное, послал матом за то, что мешал ему помочиться. Тот перевернулся на месте ванькой-встанькой и по едва заметной тропе между двумя бетонными столбами засеменял в степь. Через пару минут мужчина, застегнув ширинку, бросил долгий взгляд в сторону “ДЭУ-эсперо”, притулившейся к обочине, обогнул автобус и запрыгнул в двери. И все пришло в движение, рейсовик тронулся с места, “ДЭУ” вспорхнула мотором, а пастух прибавил ходу.

— И нам пора со спокойной душой возвращаться в Ростов, дорога пастухом помечена, его кошару найдем по тем же мерзлым гребням. А если что, язык доведет известно до чего, мир не без добрых людей. Врубай скорость, — Микки Маус кивнул водителю головой, вытащив из кармана небольшую записную книжку, он внизу отметки о начале пути проставил новые показания счетчика. Постучал авторучкой по картонной обложке, —

Первый этап нашей славной аферы позади, этап второй обсудим дома, в спокойной обстановке.

— Если дадут возможность, — негромко закончил валютчик его речь.

— Если дадут возможность, — не стал подельник спорить.

Водитель круто развернул машину, устремился по пустынной дороге в обратный путь. Навстречу где-то через полчаса попала мощная “Тойота”, прущая на полной скорости со всеми включенными фарами, подфарниками и подсветками. Пришлось прижиматься к самой обочине, иначе столкновения было не избежать. Скорее всего, шофер и пассажиры “Тойоты” плавали в винных парах и в клубах дыма с примесью пахучей марихуаны. ‘Тойота’, обдав “ДЭУ” ураганом снежной пыли, врезалась с ревом в бесконечное пространство, мигая множеством разноцветных огней.

Глава шестая.

Бригадир на другое утро сидел в просторном кабинете начальника уголовного розыска рынка и обстоятельно докладывал о работе, проделанной за вчерашний день. Хозяин, положив руки на канцелярский стол, внимательно слушал своего помощника. Это был мужчина выше среднего роста, широкий в плечах, с густой темной шевелюрой на квадратном черепе, с мощным подбородком. Толстые пальцы поросли густым волосом. Он, засадивший Слонока за непослушание на десять лет в тюрьму на Богатыновском спуске, снова призвал того к себе через восемь месяцев. Для этого понадобилось подключать самые влиятельные конторы. Впрочем, особого труда это не составило, головка правоохранительных органов, включая городскую и областную администрации, не брезговали куском пирога от центрального рынка. Кусок был солидным, несмотря на то, что в городе и в области имелись места с уловом побогаче.

— Асланбек успешно слил фальшак, бльшую часть паленых баксов заглотил рынок теле и радиоаппаратуры в парке Горького. Челноки уже забронировали автобус, чтобы ехать в Москву за очередной партией. Еще часть баксов чечены сбагрили у нас на вещевом рынке. Одна группа вещевики поедет за товаром в Турцию с Польшей, вторая тоже в Москву, на Динамо с Измайловским. Остальной фальшак распихали по мелочам, из валютчиков влетел на пять штук только Бенья, его предупреждали, он впаялся на стороне, за пределами рынка. Но баксы все равно чеченские. Снова высокий худой мужик за шестьдесят лет принес несколько золотых червонцев, похоже, пропивает родительское наследство. В квартире ничего ценного, монеты держит, наверное, в банковской ячейке. Беглый солдат предлагал одному из менял “ТТ”. Когда его попытались развести, рванул вдоль рядов и затерялся среди покупателей на развале сантехники с другими мелочами. Принесли два ордена Ленина, другие серийные награды, юбилейные медали. Глушака, скупщика валюты в больших количествах, вчера не было. Продали несколько редких монет, не паленые, из петровских и екатерининских. Золотые испанские дукаты, гульдены, пиастры, они поддельные, как царские ингушские червонцы, этих по рынку до сих пор гуляет вагон. Камешки которую неделю никто не приносит. Короче, день, если не считать пастуха с императорскими цацками, ниже рядового.

Слонок, закончив доклад, смотрел некоторое время на Хозяина в ожидании приказа на дальнейшие действия. Затем откинулся на спинку раздолбанного стула, запахнул полы теплого полушубка. Начальник уголовки продолжал вертеть в мощных пальцах авторучку, внимательно изучая цветной колпачок на ней. Вздыхнул, не высмотрев ничего интересного, спросил обыденным голосом:

— Какая из монет самая интересная?

— Кажется, Екатерина Первая в траурной рамке, ну, с траурным портретом. Нумизматы считают ее наиболее редкой из всех, но она стоит тоже недорого.

— Сколько?

— Около трехсот баксов, если в отличном или хорошем состоянии. Смешно говорить, что редкость, — ухмыльнулся бригадир. — Валютчики такую сумму наваривают за день на перекидках.

— Для тебя смешно, ты имеешь в день в несколько раз больше, мог бы скупить за один присест все петровские и допетровские рубли. Но они тебе без надобности, а некоторые по

ним сходят с ума, — Хозяин с сарказмом посмотрел на своего подопечного. — Дело не в том, сколько стоит вещь, а в ее значении для коллекционеров. Кстати, по моим сведениям, самая дорогая монета в один рубль, петровская, год выпуска тысяча семьсот четырнадцатый. И ценится она, если в отличном состоянии, всего в шестьсот пятьдесят баксов. Так?

— Не знаю, надо заглянуть в каталог.

— А Ван Гог продавал свои картины за бесценок, лишь бы хватило на кусок хлеба. Сейчас пейзажи с подсолнухами его кисти стоят миллионы долларов.

— Никто не спорит, — заткнулся бригадир сразу. — Я к тому, что каждому свое.

— Вот суки фашисты, как четко подметили, — гоготнул Хозяин на замечание. — Точнее не придумаешь.

— Да уж, тут они были мастаки.

— Но я хочу привести еще одно высказывание. Только ты пошире уши растопырь, потому что оно касается и нас с тобой. И немцы останутся в жопе.

— Я весь внимание, — напрягся Слонок.

— У дурака одна дорога — намлачивать бабки. Купить можно все, но под каждым купленным будет стоять фамилия чужая.

Начальник уголовки со значением посмотрел на шустрого своего помощника. Тот продолжал сидеть молча с тупым выражением на лице, лишь круглая морда покраснела еще больше.

— Опять же говорю — неважно, — снова хохотнул Хозяин, хлопнув широкой ладонью по столу. Посерьезнел. — Больше ничего интересного не произошло?

— Я бы доложил, — Слонок вышел из состояния задумчивости, необычного для себя. Он привык буквально все вершить с кондачка. — Как там работают опера по Тутушке, которого недавно замочили? Ничего не надыбали?

— Рано еще, — сказал Хозяин неожиданно резко, бросив авторучку, он облокотился о столешницу. — Кстати, об этом валютчике я хотел бы расспросить поподробнее: когда он пришел на рынок, откуда сам, что говорят товарищи по поводу его убийства. Слишком уж неприметный.

— Из местных, валютой стал заниматься около года назад, ни к кому с распросами не лез, и его не трогал никто. В тот день пошел с клиентом обменивать крупную сумму баксов не в ларек на территории рынка, а в свою машину, которую парковал на Тургеневской. По моему тысяча восемь, такой идет базар. Там его и грохнули.

— Видел кто-нибудь из валютчиков этого клиента раньше? Смогли бы они обрисовать его поточнее, кроме мимолетного портрета, который менялы с торгашками подсунули операм из убойного?

— Что операм известно, то и все, я уже прощупывал. Морда вроде славянская.

— Ты помнится говорил, что Сорока выкупил у деревенского мужика нагрудный знак с портретом Петра Первого?

— Точно, он же стал на рынке предлагать его сначала Чоху, нумизмату за прилавком перед рыбными рядами. А когда Чох ошалел от предложения, Сорока замкнулся и на другой день вышел на самого Пулипера. От него пошла обратная волна разузнать, кто сдал этот значок.

— У меня другие сведения, первым у пастуха выкупил нагрудный знак этот неприметный Тутушка, — осторожно проговорил Хозяин. — У себя держать не стал, а продал Сороке за несколько тысяч рублей. Тот, в свою очередь, предложил раритет

нумизмату.

— Откуда информация? — насторожился было бригадир, и сразу потух, вспомнив, что сам заставлял валютчиков писать заявления на сотрудничество с базарным отделением уголовного розыска. — Вполне возможно, у Тутушки уже не спросишь, а Сорока, как я понимаю, успел вам доложить про все.

— Мне Сорока ничего на своем сраном хвосте не приносил, есть другие источники. Ты не догадываешься, к чему я тебя подталкиваю?

— Пока нет, — бригадир сморгнул тяжелыми веками, зашарил темными зрачками по меховой куртке начальника уголовного розыска, словно надеясь наткнуться на подсказку. И вдруг прищурился, откинул голову назад. — Той цацкой, которую приобрел Сорока или Тутушка, или кто-то из менял, интересовался Асланбек... Мать честная, я об этом как-то не подумал.

— Думать надо не только на горшке, а никогда не поздно, — Хозяин снова взялся вертеть авторучку в волосатых пальцах. — Сейчас тебе забот прибавится, чеченская диаспора самая закрытая из всех. Но я не думаю, что виной гибели валютчика стали только доллары, поэтому усиль контроль за чехами, каждый их шаг должен быть известен. Кто имеет с ними тесный контакт, особенно из твоих знакомых славянской национальности, подключай тоже. Если что, не стесняйся, прикрытия будет обеспечено.

— Да твою ма-ать..., — не мог придти в себя Слонок, сжимая крестьянскими ладонями коротко стриженную голову. Он взялся вслух раскручивать ситуацию, проясненную Хозяином. — Получается, что этот мужик привез новые цацки, искал Тутушку, а того уже грохнули. То есть, менялу пасли все это время, не вытерпели до нового появления пастуха каких-то пары часов. Тот подался искать другого валютчика, а на пути как раз оказался Коца. Теперь Сорока и Коца тоже ходят под дулами пистолетов?

— Вполне может быть, — не стал разочаровывать его Хозяин. — Но обоих предупреждать пока не стоит, чтобы не поднять кипеж раньше времени. Ты узнал, что выкупил у мужика в этот Коца последний раз?

— Или полный Георгиевский бант, или набор из трех крестов, два из которых золотые. Еще какую-то звезду... с мундира, похоже, с камушками. Несколько золотых монет и кольцо, тоже с камушками.

— Предлагал кому-нибудь?

— Никто не видел. Отметелил наводчиков Скирдача и помог мужику уйти. Но того мы выпасли, проводили почти до порога в его кошару на заброшенном хуторе. А Коца как в воду канул, и сегодня его нет на месте.

— Пора тревожить самого Пулипера, глядишь, расколется за нагрудный знак с Петром Великим, если шепнуть на ушко, что тот при всех раскладах останется у него. Подобные подарки старины выплывают нечасто, — начальник уголовного розыска поднялся со стула, давая понять, что остальные действия пришло время перемещать на место основной работы бригадира. Добавил вскочившему помощнику с нотами жесткости в голосе. — С этого момента каждый шаг членов бригады Асланбека должен быть зафиксирован. Как и любое телодвижение Коцы, Сороки, Мауса и всех, с кем успел соприкоснуться этот пастух с заброшенного хутора. За все отвечаешь своей головой. Со Скирдача спрашивать нечего, если надумает залупиться против Коцы, сверни ему шею раньше. Самого Коцу найти немедленно и не спускать с него глаз. Любую весть по этому делу без промедления мне на сотовый.

Слонок задверями ментовки попер танком на толпу, податливую силе. Валютчики с

барсетками под мышками выстроились на главном проходе вдоль деревянного помоста. Бригадир, не обращая ни на кого внимания, притормозил у щупловатого Сороки, тот, перехватив пачку баксов посередине, пересчитывал пальцами купюры достоинством в сто долларов. Закончив, бросил их в барсетку, выгреб взамен груды пачек из российских рублей, запечатанных разноцветными банковскими лентами. Слонок уже хотел его окликнуть, когда в конце ряда зеленых палаток грохнул выстрел, за ним второй. Рынок, заполненный народом, на событие прореагировал слабо, продолжая вариться в собственном соку, лишь череда валютчиков повернула головы в ту сторону. Бригадир постоял немного, затем пошел за патрулем в бронежилетах, рванувшим через толпу с короткоствольными автоматами в дополнение к ненадежным “Макаровым”. На перекрестке распластался на притоптанном снегу мужчина спортивного вида лет под тридцать. Охотничий нож остался бездействовать в откинутой руке. Из небольшой толпы, окружившей тело, неуверенно потыкали старшему патруля в сторону задних ворот, куда скрылся стрелявший. Менты заторопились туда. Слонок, оценив обстановку, равнодушно передернул вислыми плечами, одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что замочили предпринимателя с периферии, успевшего выручить деньги за машину картошки, капусты, свеклы, или за несколько мясных туш. С такими долго не церемонились, распродался, отказался отстегнуть положенное землякам-отморозкам, получил пулю в лоб. Но случай был непредвиденный, в самом рынке подобные разборки между конкурирующими группировками исключались. Ментовский беспредел запечатал все входы и выходы территории базара мобильными группами патрулей, состоящими из трех ментов. Бригадир снова вернулся к Сороке, тот подпрыгивал на месте, стараясь перебороть небольшой морозец. Ледяной циклон, порисовавшись пару дней, покинул пределы области. Близкие теплые моря, Азовское и Черное, размягчали любое полярное дыхание, делая погоду сырой и промозглой, переносимой с трудом даже закаленными сибиряками.

— Что нового? — обратился без предисловий бригадир к валютчику, нависая над ним глыбой. — Выкладывай, что успел урвать и кто чего предлагал.

— Только баксы, только баксы, — зачастил щупловатый Сорока. — Армяне предложили еще “кардинала” на триста граммов. Но ты же знаешь, Алексей, у них даже гандоны паленые, не только лекарство от СПИДа. Не успел я вытащить надфиль, чтобы сделать запил на одном из звеньев, как черная свора чуть меня на портянки не порвала. Мол, такую вещь решил испортить, отвечать за это будешь. Пришлось послать по ихней матери, цепочку отлили, ясный хрен, из серебра или вообще из меди, и покрыли золотой пленкой.

— Больше никто не подходил? Подозрительного ничего не заметил?

— А что случилось?

— Я к слову, если что покажется, дай знак.

— С Петром Первым разобрались?

— Херня, — отмахнулся бригадир, прояснять обстановку в его планы не входило.

— А кого там сейчас замочили?

Слонок исподлобья взглянул на Сороку, направился к выходу с базара. Пройдя между рядами корейцев, торгующих овощными приправами, он завернул на ряды оптовиков с печеньями и конфетами, с разложившими красиво гранаты, хурму, инжир и урюк кавказцами и азиатами. Коцы на обычном месте не оказалось. Бригадир, машинально взглянув на часы, заторопился к своему джипу. Осталось поинтересоваться у Асланбека, как у того идут дела в казино на центральной улице, принадлежавшем чеченцам. Слонок в

сердцах чертыхнулся, хотя сам не отказался в свое время от сближения с ним. Вот крепколобая нация, похожая на скользкий бараний мосол — не ухватишь, не угрызешь, одним ударом не разобьешь. Но как говорится, ничто не вечно под луной, и волков ныне в лесах и степях вряд ли днем с огнем отыщешь. А если наткнешься на серых, за свою шкуру опасаться уже не так, потому что знаешь, что этих сами люди оставили на развод. Они давно, как вид исчезающий, занесены в красную книгу.

Глава седьмая.

В казино в бывшем дворце Строителей, напротив губернаторских хором на центральной ростовской улице, было тепло и уютно. В роскошном баре негромко играла музыка, улизливый бармен с маской вежливости, застывшей на лице, извивался от уставленного бутылками зеркального бара к стойке, обитой дорогими породами дерева, ловко проталкивая по ней небольшие и ребристые стаканчики со спиртным. Слонок, прежде чем пройти в зал с игровыми столами, показал бармену два пальца. Тот кивнул, и не успел бригадир взгромоздиться на высокий стул, как двойная порция коньяка уже покачивалась перед ним расплавленным янтарем в граненом стакане из чешского стекла. Отпив сразу половину, Слонок бросил вокруг быстрый внимательный взгляд. Здесь ничего не изменилось, те же роскошные азиатские шторы над европейскими дверями с позолоченными ручками, та же хрустальная нелепая люстра над французскими утонченными бра на стенах, выкрашенных в темно-коричневый цвет. И та же красочная картина, нарисованная художником из местных, на которой был выписан Шамиль, имам Дагестана и Чечни, в папахе из молодого ягненка, перевязанной белой широкой лентой. Он восседал на благородном коне на фоне родного аула Гуниб. Бригадир видел в комнате для высоких гостей за игровым залом еще одну картину с изображением национального героя горцев. На ней уже престарелый имам спешил по крутой горной тропе в Мекку, святыню для всех правоверных. Но, видимо, Аллах не захотел узреть его там, старик по дороге свалился с лошади и умер в Медине.

— Какие гости решили посетить наш убогий приют, — раздался за спиной знакомый протяжный голос с ласковыми нотами в нем. Наверное, кто-то из продажной obsługi успел доложить Асланбеку о приходе бригадира валютчиков с центрального рынка. — Почему сразу не ко мне в тихий и уютный уголок с окнами на ухоженный двор? Разве к лицу такому человеку место за стойкой бара на входе? Пойдем, дорогой, мне тоже нужно с тобой поговорить.

— Иду, Асланбек, вот только коньяк допью, — ответил бригадир, бросая бармену десять долларов и поднимая стакан. — Я всегда заказываю эту марку.

— Я угощу тебя таким коньяком, который ты еще не пробовал, — пообещал чеченец, играя маской добродушия на широком волевом лице. — Прошу, окажи услугу и честь.

В зале с игровыми столами людей было пока мало. Несколько человек откровенно равнодушно следили за шариком тотализатора, летающим по кругу, не надеясь ни на выигрыш, ни на поднятие в связи с ним интереса к жизни вообще. Да и сами ставки оставляли желать лучшего, эти люди забрели сюда случайно, чтобы убить время. Настоящие баталии разыграются ближе к полуночи, когда в зал завалит кодла разодетых фирмачей и политических деятелей местного значения, втихаря контролирующих бизнес, до сих пор поднимающийся на ноги, и получающих немеряные взятки за подпись на нужной бумаге. И продолжатся они до самого утра. Тогда кто-то за одну ночь отстегнет в бездонный чеченский котел сотню тысяч баксов, может быть, не одну. Кому-то охранники, нанятые из числа русских беспредельщиков, разобьют морду прямо в зале, проволокут окровавленного мимо публики из якобы высшего света с крестьянскими темными харями, и выбросят в коридор с туалетами и помойными ведрами по углам. На улицу здесь выкидывали только залетных, не имевших хода дальше бара.

Асланбек, взяв бригадира за рукав, проводил его через зал к двери, задрапированной под окно в природу, ввел в небольшую комнату с низкой мягкой мебелью красного цвета. Посередине раскорячился инкрустированный стол на толстых ножках, служащий и для игры в нарды, и для подписания долговых расписок, и для коротких трапез. На стене висел большой восточный ковер, увешанный по всей площади старинным огнестрельным оружием, саблями и кинжалами в ножнах. Слонок, бросив полушубок на вешалку в углу, упал на край глубокого дивана, провел рукой по лицу. Он сюда приходил всегда с внутренним ощущением напряжения, несмотря на то, что дороги чеченских и русских отморозков пересекались довольно часто. Дела, которыми обе группировки занимались, мало чем отличались, грабили индивидуалистов, решивших вырваться из толпы, русских в основной своей массе. Асланбек, присев напротив, сказал что-то по чеченски. Один из джигитов в черном костюме, стоящих у двери, отправился исполнять приказание, второй занял место на стуле.

— Как твое здоровье, уважаемый? — поинтересовался Асланбек.

— Пока терпимо, — ответил Слонок, сдерживая одышку от раздавшегося брюха. Было непривычно уместаться не на обычном стуле или в кресле с прямым сидением, а проваливаться куда-то вниз.

— Как семья, дети, родные?

— Все по прежнему, — отмахнулся бригадир от восточных витиеватостей. — Что там может измениться.

— Хорошо. Что тебя, дорогой мой друг, привело ко мне? — вложил чеченец подбородок в ладонь руки, поставленной на колене на локоть. В свете настенного бра на среднем пальце сверкнул точеный перстень с бриллиантом каратов на десять. — Ты знаешь, я всегда к твоим услугам.

— Знаю, — пробурчал Слонок, пряча ухмылку. — Поэтому и пришел прояснить некоторые эпизоды и подробности, чтобы между нами не возникало нежелательных трений.

— Упаси бог, если появились подозрения, их нужно немедленно развеять, — согласился Асланбек. — Я слушаю тебя со вниманием.

— Ты как-то интересовался нагрудным знаком петровских времен, купленным одним из моих валютчиков. Спрашивал, кто его взял, кто принес продавать.

— Извини дорогой, я не очень помню, наверное, это было не так важно, — задумался на минуту чеченец, вильнув в сторону серыми глазами. — Я задавал тебе столько вопросов, больше по камешкам, французским брегетам с часами Буре и яйцами Фаберже. А что случилось?

— Почти ничего, если не считать, что валютчика, который выкупил тот знак, замочили в собственной машине.

— Ну, дорогой, в вашей среде это не редкость. А знак был у того менялы?

— Он успел от него избавиться. У него находилось восемь тысяч баксов, которые пропали, не считая еще тех ценностей, которые он прятал в машине.

— Значит, этого валютчика выпасли за доллары. Не понимаю, при чем здесь нагрудный знак?

Дверь открылась, молодая девушка с длинными русыми волосами и в коротком платье, ловко накинула на низкий стол чистую скатерть. Ушла, провожаемая внимательными взглядами обоих чеченцев. В комнату через минуту впорхнула вторая стройная девушка с подносом на вытянутых руках. Быстренько расставив тарелки с холодными закусками и пузатую бутылку коньяка, одернула юбоченку, завела за плечо прядь светлых волос, опустила

глаза в ожидании дальнейших распоряжений.

— Ты свободна, — мягко разрешил чеченец ей уйти. Обернулся снова к бригадиру. — Так ты решил, что я или мои люди причастны к этому убийству? Почему, из-за моего обычного любопытства? Поясни, пожалуйста.

— Я не решал ничего, ты прекрасно знаешь, кто имеет по закону на это право, — Слонок выразительно посмотрел на собеседника. Он осознавал, что с потрохами продает своих хозяев, с ладоней которых кормится. Но, во первых, осведомлять чеченского лидера о некоторых щекотливых делах бригадир начал едва не с первых минут знакомства с ним. Во вторых, утешал себя мыслью, что у горцев не поднимется на ментов рука. — Вот они вплотную заинтересовались убийством валютчика. Поэтому и спрашиваю, хоть что-нибудь тебе об этом известно?

— Хозяин послал? Понимаю, — подмигнул Асланбек. — Мне сказать нечего, в этом деле ни я, ни мои люди не принимали участия. Ты и он в курсе, на чем мы делаем свой бизнес — камешки, наркотики, фальшивые баксы, от которых твои хозяева тоже имеют определенный процент. А нагрудные знаки и восемь каких-то тысяч долларов, которых лично мне хватит по утру сходить в туалет, нас не интересуют. Я могу только за одну операцию с фальшаком открыть новое казино, не уступающее вот этому. Еще я говорил, что подрывать российскую экономику мы не горим желанием. Мы подрываем экономическую мощь Соединенных Штатов Америки, нанося им урон купюрами, выполненными на прекрасной японской технике, достоинством от пятидесяти до ста долларов, которые распознают с трудом даже навороченные компьютеры.

— Выходит, вы к убийству не причастны, — прервал бригадир красноречивого чеченца, подводя итог разговору. На другой результат он и не рассчитывал, надеялся на то, что горец выдаст себя неосторожным словом, действием или мимикой. Асланбек себя скомпрометировал, например, словоохотливостью, тем, что постарался прошлый интерес выдать за невинное любопытство. Остальное пусть раскручивают службы, которым это положено по долгу. — Хорошо, я так и доложу.

— Правильно сделаешь, а еще передай, что на подходе новая партия фальшака. Толкать мы ее будем по старому договору, но никак не по новому, по которому процент отстежки увеличился, — чеченец вдруг жестко воззрился на Слонка, его лицо превратилось в каменное изваяние. — Мы никогда ни ни кого не работали, это Россия работала на нас. Всегда.

Асланбек постарался заглушить огонь ненависти, вспыхнувший было у него внутри. Если бы кто-то додумался в этот момент украсить его голову перьями, то он превратился бы в одного из героев романов Фенимора Купера или Майн Рида. Но в России до подобного додумываться было некому, в Югославии, родственной по духу — да. Там Гойко Митич на время съемок воплощался в аборигена американских прерий, несокрушимого борца за справедливость, за то, чтобы оставаться свободным дитем природы, отвергающим блага цивилизации. Митич этим способствовал возникновению вопроса, извечного во все времена — разве таким кто-то в состоянии что-то доказать?

— Прости, дорогой, ты здесь не при чем, — добавил чеченец. — Алчные менты уже плешь переели, и все им мало.

— Вот на них и отвязывайся, у меня свои проблемы, — недовольно заворочался Слонок. Пробурчал. — Я передам твои пожелания, но толку от них, думаю, не будет. Наступило время, когда все разом захотели нажраться, до отвала.

Асланбек внимательно взгляделся в красное лицо русского, сидящего напротив, он никогда его не понимал, бригадир ненавидел всех, в первую очередь людей своей нации, дававших ему возможность зарабатывать деньги. У чеченцев подобное было исключено, если бы не кровная месть, преследующая веками многочисленные тейпы, не было бы на всей земле народа сплоченнее. Кавказец, цокнув языком, взял бутылку коньяка, отвинтил пробку и разлил по рюмкам благородную жидкость.

— Уважаемый, давай выпьем, такого коньяка ты еще не пробовал, сто пятьдесят лет выдержки, прямо из царских подвалов в Крыму. В них зреет вино, ровесник Пушкина, великого русского поэта, но мы нашли дорогу и туда, — он поднял рюмку. Слонок последовал его примеру. — У каждого из нас свой путь, указанный нам богом. Аллах акбар.

Дождавшись, пока собеседник проглотит коньяк, бригадир сначала пригубил, подозрительность, разъедавшая его изнутри, вызывала у людей ответную реакцию, но он не мог ничего с собой поделать. Коньяк действительно оказался необычным, терпким, с привкусом каких-то трав, причмокнув, бригадир опрокинул в себя всю рюмку. Зажевав прожаренным мясом, нарезанным тонкими ломтиками, с несколькими веточками сочной зелени, привалился снова к углу дивана. Асланбек вытер губы белоснежной салфеткой, бросил ее на стол.

— Я тоже хотел с тобой поговорить, нам нужно расширить рынок сбыта наркотиков. Есть такая задумка, хотя это направление не главное, — начал он неторопливо. — А ваша базарная уголовка предпочитает представителей от цыган. Их курьеров приваживает, а наших замечает.

— Базарная уголовка не приваживает никого, тем более, цыган, — не согласился Слонок. — Есть негласная установка, чтобы наркотой на рынке не пахло.

— Тогда почему с этим все в порядке у таджиков, узбеков, азербайджанцев? Пройдись по их рядам, некоторые уже с утра торчковые.

— Наркота поступает к ним по их каналам, но дальше чурок дозы не распространяются, — бригадир подумал. — Вообще, русский лучше нажрется водки и сдохнет под каким забором. Наркота для него чужая.

— Это правда, — не стал спорить Асланбек. Засмеялся. — Даже на войне на нашей территории не каждый солдат соглашался обменять автомат на героин или на пакет маковой соломки. Продавали чаще за деньги.

— За фальшивые баксы, — уточнил бригадир с ухмылкой. — Крестьянина обмундировали в камуфляж, вручили ему оружие, военную технику. Он только что вырвался из села, из непроглядной вековой нищеты, и вдруг выясняется, что оружие можно без проблем толкнуть и получить за него деньги. Никто за это не спросит, потому что конфликты на войне на день по десятку раз. Как в мирное время утруска, усушка, усмыжка, в смысле, крысиные кражи.

— Но ведь проданное оружие применяют против него самого, то есть, взамен он получит собственную смерть, — чеченец издевательски улыбнулся. — Где логика и что ты на это скажешь?

— Наши крестьяне ушли по развитию недалеко от ваших жителей гор, — запыхтел бригадир. — Я не интересуюсь ни политикой, ни проблемами своей нации. Пусть хоть всех отправят на тот свет.

— Правильно, дорогой, приятно иметь дело с разумным и независимым человеком, — Асланбек засмеялся, уже внаглую. — Давай выпьем еще по рюмочке и перейдем к своим

проблемам, они нам ближе.

— Я тоже так считаю, — не стал нарываться бригадир на продолжение неприятного разговора.

Оба собеседника после второй рюмки некоторое время прислушивались к собственным ощущениям, у каждого возникло желание расслабиться изнутри, не позволяя себе измениться внешне. Вскоре выпитый коньяк предоставил такую возможность. Но вчера бригадир наглотался лишнего, кроме того, успел в баре пропустить двойную порцию, его незаметно повело. Асланбек, обследовав исподтишка лицо гостя, покрасневшее еще больше, чуть подался вперед:

— И все-таки, я считаю неправомерным твой вопрос об убийстве валютчика, — начал он издали. — Мало ли к чему я могу проявить внимание, решили всех собак вешать на меня?

— На тебя никаких собак не вешают, — вяло откликнулся Слонок. — Тебе задали вопрос, ты на него ответил.

— А если я хочу поинтересоваться еще кое-чем?

— Если знаю, расскажу в подробностях.

— Твои валютчики за это время ничего нового не взяли? Меня волнуют по прежнему камешки, царские побрякушки, старинные раритеты. Ты в курсе, я плачу дорого и наличными.

— В курсах, о чем базар, — согласился Слонок, не подавая виду, что вопрос заставил его напрячься. В памяти всплыла беседа в кабинете начальника уголовного розыска. Коца, кажется, отхватил императорский подарок, но дело не проверенное и об этом пока лучше промолчать. К тому же, допускать на рынке появление новых трупов означает одно — распрощаться навсегда с собственными доходами. — Сегодня я проскакивал по своим дятлам, работа обычная, больше по долларам, немецким маркам и украинским хохлобаксам. Речи о камешках вообще не ведется, есть золото, но оно вам до фени. Ингуши, ваши соседи, тащат его с Колымы десятками килограммов, там этого золота как речного песка.

— Да, золото нас не интересует, — чеченец кивнул головой. — Жаль, конечно, в тот раз ты здорово порадовал меня королевским подарком. Заметил, куда я его поместил?

Слонок задрал подбородок, обследовал неторопливо ковер со старинным оружием. Узкое жало настоящей шпаги, потемневшей от времени, примостилось среди сабель и пашек. Может быть, она принадлежала французскому наполеоновскому гренадеру, а может, суворовскому русскому генералу, бравшему с ней крепости Измаил или Очаков. Или петровский капитан штурмовал с этой шпагой древние стены Азова. На рынок приволок ее черноглазый потомок турка с казачкой, как раз из тех мест, решивший на вырученные деньги поправить непутевую свою жизнь. Но кто из валютчиков и когда радовал своих земляков настоящей ценой, за шпагу отстегнули на три-пять бутылок мутного паленого пойла, Слонок же продал ее чеченцу за пятьсот баксов, цена тоже не ахти какая, да искать охотника до старинного оружия не было желания. К тому же, шпага Асланбеку досталась с намеком на благородный подарок, чему тот несказанно обрадовался. Чуть погодя все встало на свои законные места — кавказцы помнили только о тех подношениях, которые были из рук своих соплеменников.

— Хорошо смотрится, как тут и была, — отметил Слонок. — Если принесут подобное, обязательно дам знать.

— Друг, ты меня прости, но то, о чем я сейчас спрошу, должно остаться между нами, —

Асланбек наклонился над низким столом. Бригадир неуверенно кивнул, — До меня дошли слухи, что один из ваших валютчиков выкупил георгиевский бант и какую-то звезду с камнями. Бант меня не интересует, у терских казаков из станицы Червленной или Слепцовской на нашей территории такие кресты не редкость. А вот про звезду с камнями расспроси, за ценой я не поскоплюсь.

— Впервые слышу, я об этом давно бы знал, — бригадир замотал коротко стриженной головой, он понял, что его опасения подтверждаются. Значит, Хозяин действительно оказался прав, что дело заваривается нешуточное. — А кто тебе шепнул? Тоже между нами.

— Ты ошибаешься, бригадир, мы своих не выдаем, — откачнулся чеченец назад.

— Тогда кто тебе рассказал, с того и спрашивай.

Асланбек рассматривал некоторое время Слопка в упор, он понял, что если тот по поводу раритетов что-то услышал, болтать о них не будет. Это был его кусок хлеба. Пока дело не прояснится, пока не возьмут свое люди, облаченные властью, Слонок будет работать на них. Остальное пойдет налево, как гуляло до сих пор. Но как этот русский, разжиревший на своих соплеменниках, поднял хвост пистолетом, словно призрачную звезду решили вырвать у него изо рта. Недаром твердили уважаемые аксакалы, что доить Россию лучше не спеша, нежели пытаться обломать ей крутые рога.

— Считаю, что разговора не было, — сверкнул глазами горец. Наполнив рюмки, он подял свою. — За дружбу, дорогой, между нами разногласий быть не должно.

— Кто бы спорил, — шевельнул бригадир вислыми плечами.

В комнату заглянул чеченец в черном костюме, быстро передал что-то Асланбеку на родном языке. Тот, посмотрев на часы, обернулся к собеседнику:

— Я оставлю тебя на несколько минут, — он, вставая с дивана, предупредительно поднял указательный палец.

— Спасибо за гостеприимство, пора и мне знать честь, — заворочался и бригадир. — Мы по основным вопросам прошлись, а второстепенные решим, как всегда, на ходу. Ты еще не раз на базаре заскочишь ко мне в палатку, я ее немного расширил, объединил две в одну, чтобы клиентам было где развернуться. Сам знаешь, иногда приходится пахать и самому.

— Размахнулся, уважаемый? — чеченец наигранно засмеялся. — Надеюсь, ты дорогу к моей сакле тоже не забудешь.

— Куда уж нам, одной веревкой повязаны, — пробурчал гость, влезая в полушубок.

Слонок, пройдя через зал игровых каруселей, крутившихся без перерыва, вошел в недлинный коридорчик перед баром и хотел уже подать руку хозяину, провожавшему его, когда вдруг увидел, как волокут по этому коридорчику неплохо одетого окровавленного мужчину. Тот приподнял голову, попытался разлепить опухшие веки. За баром был еще один поворот в короткий тупик, в нем с одной стороны размещались три двери. две в туалеты, мужской с женским, третья вела в подвал. Подчиненные Асланбека потащили посетителя, разукрашенного до неузнаваемости, в подвал, его фигура показалась очень знакомой.

— Не обращай внимания, это должник, — протягивая жесткую ладонь, усмехнулся чеченец сквозь подергивание верхней губы. — Разве ты долги выбиваешь не так?

— Бывает, разбираемся и покруче, а чаще улаживаем дела по хорошему, — прищурился Слонок. — С кого берем продажей его квартиры, с кого переводом бизнеса на себя. Если должник ничего отдавать не желает, пускаем через костедробилку. А кто этот лох?

— Ну, какая тебе разница.

От угла донесся хриплый голос с нотами, где-то слышанными. Бригадир невольно

вздогнул.

— Выручай, Слоно-ок...

Чеченец в спортивном костюме саданул носком сапога по лицу взывавшего о помощи, поволок, выворачивая руки, за поворот. Сначала оттуда прилетел звук тела, брошенного на пол, затем удары как по мягкому предмету, короткие и тупые.

— Слоно-о-ок...

Асланбек рассматривал своего гостя в упор, он молчал, он давал ясно понять, если гость произнесет хоть слово в защиту провинившегося соплеменника, с ним поступят таким же образом. Бригадир, покрутив носом, поежился, оглянулся на входную дверь. В груди под теплым полушубком, за толстым свитером, разрастался пузырь ледяного холода, он заполнил легкие, заморозил живот, добрался колючим боком до сердца. Слонок узнал и фигуру, и голос мужчины, звавшего на помощь, это был валютчик, его бывший подопечный, накопивший нужную сумму денег и выкупивший место в павильоне промышленных товаров. А холод опустился до задницы, взявшись сковывать ляжки с яйцами, становившиеся колом.

— Иди, дорогой, здесь разберутся без тебя, — повторил Асланбек.

Он ясно увидел состояние гостя, презрительная усмешка покривила волевые губы. И тут-же она сменилась жестким взглядом, как будто он принял нехорошее решение.

Вторая война на его родине шла своим ходом, не щадя ни малых, ни старых. Чеченцы, что на своей территории, что живущие в России, наворачивающие бешеные бабки и отдающие боевикам деньги для победы любой ценой, сорвались с привязи. Их уже ничего не сдерживало, они наблюдали воочию слабость народа, называвшего себя великим. Они насиловали русских женщин, и те продолжали все равно волочиться за ними, продаваясь за жратву. Они перерезали горла молодым парням и мужчинам, и те не отказывались от глотка спиртного из их рук, от дружбы с ними. Чеченцы были не в состоянии осмыслить противоречий, открывшихся им. Для них этого не могло быть, потому что быть не могло никогда, чтобы безвольная нация втаптывала их в грязь, из которой — они этого не понимали — они сами за тысячелетия так и не выдрались, ковыряясь в убогих саклях с вонючим кизяком, которым топили печи.

Бригадир, сплотив слюну, вильнул глазами в сторону ярко освещенного бара с батареями бутылок на зеркальных полках, торопливо выскочил за дверь. В груди творилось непонятное, хотелось рывкнуть первобытному существу, чтобы он задвинулся на свое место, или занял клетку в зоопарке. И в то же время страх за свою шкуру, вечный страх холопского отродья, вырвавшегося из кромешной тьмы, ужас за баксы, текущие в карман непрерывным ручейком, заставлял быстрее передвигать ноги. Асланбек, проводив бригадира ненавидящим взглядом до выхода, повернулся, чтобы пройти к себе в комнату. К нему подошел чеченец в черном костюме, выразительно кивнул на выход:

— Бригади-ир... жирных баранов, нагуливающих курдюк. Вонючий гяур.

— Это отморозок, он за сотню баксов продаст и своих, и нас с тобой, — кавказец цыкнул сквозь зубы, сузил серые жесткие глаза. — Зря я завел с ним разговор о царских раритетах, о камешках с орденами, он утвердился теперь в нашей причастности к убийству того валютчика. Мало того, он что-то знает, но не раскололся, потому что его хозяева пока не накушались, а он слизывает их руки кусок сахара. Он прямо сейчас пойдет меня продавать...

Асланбек, выразительно посмотрев на помощника, зашагал через помещение с игровыми столами. Соплеменник юркнул в короткий коридор, ведущий одновременно и в

подвал старинного здания. Там кроме пыточной для гяуров, располагался еще тренировочный зал для членов преступной группировки.

Глава восьмая.

Слонок, заскочив в кабину джипа, перевел дыхание, включив трясущимися руками зажигание, оторвался от бордюра и пошел на бешеной скорости в сторону центрального рынка. Он начал успокаиваться, только поставив машину на стоянку, зарекаясь когда-нибудь заходить в чеченское осиное гнездо. Сам принимавший участие в казнях лохов, гладивший их утюгами, коловший иголками, поставил невольно себя на их место. И запаниковал. Так бывает, когда изверг, забивающий до смерти жену и детей, беззащитных стариков, попадает под самосуд сограждан. Он накладывает полные штаны от страха перед возмездием.

Так было в Великую Отечественную, в афганскую, в чеченскую войны, когда политруки и командиры заставляли прикладами и коваными сапогами, идти в бой крестьянских парней и мужиков, резавших запросто коров, свиней, овец на своем подворье. Крестьяне драпали до тех пор, пока не убедились, что их смертельный враг тоже дохнет, что и его можно отправить на тот свет. Тогда они разгулялись, пощады не было никому — ни малому, ни старому.

Вот и сейчас обыкновенному мужлану, случайно оказавшемуся в городе на гребне перестроечной волны, захотелось в туалет. Открыв дверцу машины, он со стонами вывалился из кабины, поскакал враскорячку в сторону соборного двора. Туалеты там были самые дешевые.

Бригадир, забежав снова в базарную ментовку, подергал на себя ручку кабинета уголовного розыска. Дверь была закрыта на ключ. Матернувшись сквозь зубы, Слонок подался на выход, надо было немедленно предупредить Хозяина, что оправдались его рассуждения по поводу убийства Тутушки и опасений за жизни Коцы с Сорокой. Чеченец выдал себя с головой. Тем более, что один на работе так и не появился, второй после обеда тоже пропал. Бригадир, сойдя с низких ступенек, завертел головой по сторонам.

— Хозяина ищешь? — спросили из группы ментов, стоявших в отдалении. Послышался короткий обидный смешок. — Он пошел вместе с помощником дозором по внутреннему периметру базара.

— Когда? — машинально осведомился Слонок.

— С полчаса назад, может, еще встретитесь в районе павильона сельхозпродуктов. Там у него какое-то дело.

Бригадир заспешил к громадному крытому павильону, решил по пути навестить и Чоха, скупщика старинных монет, часов, столовых серебряных приборов, орденов и прочего, и Арфишу, перекупщика на подхвате. У них за время, прошедшее со вчерашнего дня, могло произойти что угодно, вплоть до предложения приобрести маршальскую звезду самого Лени Брежнева со всеми бриллиантами. Зайдя в рыбные ряды с большегрузными зилами с откинутыми задними бортами, он залавировал между покупателями. Уже дошел до железных ворот, когда из-за одной из машин показалась рука с пистолетом. Слонок мешком свалился на снег, залитый рассолом, заработал перчатками на широких лапах, стараясь пробраться под прилавок. Выстрела он не слышал, но отдача от него больно ударила по нервам. Второй хлопок был более четким, пуля вжикнула в нескольких сантиметрах от плеча, впаялась чуть сбоку в стойку прилавка. Слонок перевалился на второй проход, спрятался за бочками. Наступила тишина, нарушаемая лишь плесканием прудовой рыбы в сачках. Потом кто-то из граждан крикнул:

— Вон он... Туда побежал...

Вокруг зашевелились, загалдели разом, продавцы, знавшие Слопка в лицо, разом уставились на него, не могущего заставить себя подняться. Наконец, бригадир подобрал ноги, руками уцепился за края деревянных настилов, и встал.

— В тебя метили? — подскочил к нему промысловик, контролирующий рыбный бизнес. — Ну, брат, в рубашке родился, киллер промахнулся с трех метров, наверное, воротник помешал, он его на верхний крючок застегнул. И ушанка была завязана под подбородком, а козырек опущен вниз. Да один черт русская хряпка видна за версту.

— Еще какие приметы надыбал? — хрипло выдавил Слонок из себя.

— Больше никаких, обыкновенное демисезонное пальто, зимние сапоги. Разве что шарф темно-коричневый, длинный, спереди завязанный.

Слонок краем глаза успел заметить патрулей, спешащих в его сторону с перекинутыми на грудь автоматами. Сзади скользил между рядами сам Хозяин с молодым помощником, громадная фигура качалась плоским маятником, загораживая широкой спиной все. Бригадир выковырнул из снега расплюснутую пулю, успевшую проделать небольшую дырочку, взвесив на руке, положил на край прилавка. Прятать в карман не имело смысла, все равно отберут, если дело дойдет до следствия, как вещественное доказательство.

— Что, где и когда? — проревел старший прапорщик, похожий на Гулливера. Рывкнул погромче, поведив вокруг коротким стволом АКСа. — Быстрее соображайте, мать вашу. Время — цена жизни.

— Туда убежал, — махнул промысловик рукой за кузов машины. — Сделал два выстрела и сразу выскочил на улицу. Если бы рванул вверх, на Семашко, то я бы увидел его в прореху между стойкой забора и бортом грузовика. Думаю, подался вниз, на Буденновский и к Дону.

— Как выглядел? — навис прапорщик над свидетелем.

— Длинное темное пальто, воротник поднят, зимние сапоги, черные. Шапка-ушанка завязана под подбородком. Я бригадиру уже говорил.

— Насрать, что и кому ты болтал. Особые приметы были?

— Были, — насупился Слонок. — Расшлепанный нос, кацапский.

Прапорщик включил рацию, передал все сообщения, получив подтверждение на перехват, оставил одного бойца рядом с потерпевшим и махнул рукавицей остальным подчиненным. Те забухали армейскими ботинками в сторону выхода с территории базара. Огромная рыночная площадь с прилегающими районами за несколько минут оказалась оцепленной со всех сторон патрульными группами, состоящими из трех ментов, непрерывно барражирующими по внутреннему и внешнему ее периметрам. Подошел начальник уголовного розыска, переговорив с бойцом, отпустил его догонять остальных. Затем осмотрел место происшествия, заметив пулю на краю прилавка, взял ее, поднес к полноватому лицу.

— Длинноствольный, твою мать, “ТТ” с глушителем, — вынес он вердикт, мгновенно и профессионально. — Боевой, армейский, уже использованный. Полосы от нарезки ствола по бокам пули сглажены.

— Подарочек от чехов, — судорожно ухмыльнулся бригадир, посмотрев на Хозяина. — Не думал, что отличишь так быстро.

— Рассказывай, — начальник уголовки придвинулся к нему вплотную. И тут-же передумал. — Не надо ничего, когда вернемся в кабинет, выложишь результаты сегодняшних

проверок. А вдруг этот привет окажется не от чехов?

— А от кого еще? Пархатый с Нахичеванского, хоть и законченный паскудник, но на такую подлянку не пойдет, — сипло возразил бригадир, трогаясь за Хозяином. — У нас с ним почти мирный передел ювелирных магазинов и скупок золотого лома, он даже не догадывается, что и эти места под милицейским контролем. Думает, я хожу под вами только внутри рынка, остальное — мой беспредел.

— Тогда с какого хрена решили после Нового года стрелку забивать?

— Для порядка, поговорим и разойдемся, каждый останется при своих интересах, — просветил Слонок с одышкой. — Если не возникнет за это время новых проблем.

— Они наметились, — начальник уголовки, не сбавляя шага, приоткрыл суть дела. — Я получил указание взять под свой контроль все ювелирные по Садовой до Советской с магазином “Яблочко”.

— На Советской за “Яблочком” уже армянская зона, эти черножопые не уступят даже палатки, — набычился Слонок. — Мол, земли им выделила еще Екатерина Вторая, а теперь она стала их собственностью.

— Их собственность в Армении, и то с разрешения Российской империи, когда наши цари по просьбе тех же армян погнали оттуда османов. Иначе их бы повырезали, — чертыхнулся Хозяин. Разоткровенничался от переизбытка чувств. — Наглеют, козлы, чалтыри-малтыри, нахичевани-сраняни, все ихнее и везде гонят один фальшак. Галочки не успеваешь ставить, да на заметку брать.

— Американцы индейцев, хозяев американской земли, держат в резервациях, у нас же земли выделяют каждой бродячей своре, — подключился к разговору помощник начальника. — Видали, поставили в Нахичевани на площади Карла Маркса памятник своему чемпиону мира по борьбе? Можно подумать, что русских чемпионов уже на свете не существует. Алексеевых, там, понеделльников, турищевых...

— Армяне делают правильно, а мы до сих пор хрен за мясо не считаем, — оборвал подчиненного начальник. — Вот и получаем по полной программе.

Слонок молча сопел рядом, он обдумывал свое положение, в которое влип то ли по доброй воле, то ли по наводке. Глаза, налитые страхом, шныряли беспрерывно по сторонам, выискивая в толпе граждан, одетых в обыкновенные пальто и шапки с опущенными ушами и козырьками, у которых была главная примета — расшлепанный нос, а длинный темно-коричневый шарф завязывался бы спереди. Такие изредка попадались, тогда ноги бригадира самопроизвольно подкашивались, а холодный пот полосовал обильными ручьями спину до самой задницы. Он по мобильнику успел вызвать Скирдача с бригадой шестерок, и теперь эта разношерстная компания дружно месила снег рядом.

Слонок вышел из кабинета начальника, когда рынок затопила вечерняя мгла. Засветились фонари, затеплились у корейцев свечи под стеклянными колпаками с приправами из овощей. Почти все валютчики снялись и ушли, остались самые ушлые, но как раз в этой профессии обогащаться спешить не стоило, загребущие менялы платили жизнями в два раза чаще. После разговора с Хозяином сомнений у бригадира прибавилось еще больше. Если он приписывал до этого нападение только чеченцам, то Пархатый с кодлой отморозков представлялся теперь опаснее кровожадного Асланбека. Мало того, планы на будущее меняло то, что цацками, проданными пастухом, заинтересовались на самом верху, вплоть до приближенных к губернатору области, не говоря о руководителях из УВД. Они потребовали дело раскрутить на полную катушку, и покушение, вызвав у Слонка чувство

обида, отошло на второй план. В кабинет заглядывали бойцы, приводили задержанных, но все оказывалось не тем. Надо было что-то делать, иначе могли, как в кино про войну, переступить через собственный труп.

Возле ступенек корчилась группа Скирдача, окончательно замерзшая.

— Ты не проверял место Коцы? Приходил он или нет? — повернулся Слонок к нему. — И что с ним вообще?

— Его не было, из валютчиков его тоже никто не видел, — разлепил Скирдач губы. — Наверное, решил переждать.

— Когда пройдет дебилизм у тебя и твоих гавнюков? Зачем надо было пасти Коцу? — взвился бригадир на дыбы. Резко опустил руку. — Вызнали, что снова имел сделку с пастухом, пронюхали, что и за сколько выкупил, и в сторону. Теперь спросить не с кого — ни пастуха, ни Коцы, ни Сороки.

— Пастух на крючке, Коца никуда не денется, отлеживается. Сорока мечется по своим делам, за ним должок.

— По каким делам? Какой должок?

— Он ходит еще по квартирам, скупает у стариков картины, иконы, музыкальные инструменты, мебель из ценных пород дерева. Имеет заказы от богатых покупателей. А должок тянется за ним еще с билетов Мавроди, когда вложил в них бабки, не только свои, но и двадцать тысяч баксов, взятых у Каталы под проценты.

— А при чем здесь мы, пусть Катала и разбирается.

— Меняла предложил нам выкупить у него этот долг.

— Когда предложил? — ошалел бригадир.

— Сегодня до обеда. Ты погнал по своим делам и я не успел тебя проинформировать.

Слонок схватился за норковую шапку, присел на корточки, его словно огрели обухом по голове. Посидев немного, он медленно распрямился:

— Е...ный в рот, это новый труп. А если Катала его и грохнул, потому что отдавать баксы Сорока и не помышлял? Тогда как?

— А нам какое дело? — пожал Скирдач плечами. — Это их проблемы.

— Ты же долг решил выкупить. Вместе с трупом? — бригадир взбесился окончательно. — Если Каталу зацепят, он скажет, что со своим долгом доверил разбираться нам, и кранты ростовским причалам с белыми пароходами. Ты об этом думал или нет?

— Бригадир, что ты в самом деле, это их проблемы, — старший над шестерками растерянно развел руками. — Я еще не давал окончательное “добро”, намекнул, что передам тебе суть базара.

— Улаживай, сука, как хочешь. Если дойдет до Хозяина, или ниточка потянется выше, нам здесь делать больше будет нечего, — сказал Слонок, как отрубил. — А если это подстава? Катала бывший мент, законы для него не писаны.

— Как и для нас, — буркнул Скирдач.

— Ты никто, а он в уголовке работал. Где живет Сорока?

— А хер его... Где-то на Западном.

— А Коца?

— Этот в районе Нариманова. Можно узнать поточнее у валютчиков.

— Разделяй группу на две части, одна пусть к Сороке скачет, вторая прошвырнется до Коцы, где они и чем занимаются. Результат мне на сотовый.

Слонок, когда помощники разбежались, набрал по мобильному телефону номер

двоюродного своего брата, предупредил, чтобы тот прихватил двоих друзей и поспешил за ним на рынок. Сам спустился со ступенек у входа в ментовку, прошел до главных ворот, и примерз к железной стойке, провожая стоячими зрачками каждого проходящего мимо. Он знал, что в него на территории базара стрелять больше не будут, хотя на город опустилась ночная тьма, но возле “Ленд Ровера” грохнут запросто. Стоянка располагалась на перекрестке, через квартал начинались лабиринты старинных улиц центра города. Затеряться в них даже непрофессиональному киллеру не составляло труда.

Звонок от Скирдача на мобильник Слопка поступил, когда тот был уже у себя в особняке. Выглянув в окно, он некоторое время наблюдал в расплывчатом свете электрических лампочек за действиями двух охранников. Один из них вышагивал по центральной аллее, второй бродил по внутреннему периметру участка, огороженного высоким забором, положив руки в перчатках на крышку ствольной коробки и одновременно на затворную раму автомата на груди. Охранники были одеты в зимний камуфляж, подкрепленный меховыми ботинками. Еще один расположился на диване у входа, в начале лестницы, ведущей на второй этаж. Но после полученной информации и этого показалось мало. Скирдач сообщил, что Сорока с базара не возвращался, так ответила его жена, домой не звонил тоже. У Коцы в окнах свет не горел, на звонки в квартиру никто не среагировал. Получалось, оба валютчика, причастных к сделкам с пастухом, исчезли в одночасье в неизвестном направлении. Слонок, отпустив шторы, принялся ходить по гостинной комнате. Неужели Сорока кроме нагрудного знака с портретом Петра Первого приобрел что-то еще имеющее большую ценность? Тогда что в таком случае сумел урвать неуправляемый Коца и кто мог за ними следить. Или первый из менял действительно забухал у друзей, а второй отсиживается, пережидая волну. На Коцу это никак не походило, хотя он и не признавался, ощущалось, что оружие с приемами из боевых искусств ему известны не по наслышке. Недаром присвоили кликуху “гусь дикий”, то есть, профессиональный наемник. И еще одно, не связаны ли события с покушением на него самого? Бригадир постоял молча посреди комнаты. Вдруг подумал, что жиденок Микки Маус, этот перекупщик значков с монетами, тоже не показывал сегодня узкую морду в проемы ларечных дверей. О нем доложил бы Скирдач, которому было дано указание следить за каждым его шагом, потому что тот в общую казну не отстегивал ни копейки. Слонок подошел к другому окну. В цыганских хоромах хозяйничала ночь, лишь собаки, здоровые лохматые псы, злые как черти, подавали изредка отрывистый голос. За спиной послышался звук открываемой двери, бригадир моментально обернулся. Через порог перешагивала жопастая деваха в коротенькой ночной сорочке, с сиськами с темно-красными сосками, без лифчика торчащими в стороны. Ягодицы у нее при ходьбе подергивались как части тела провинившихся лохов, пытаемых током.

— Ты совсем про меня забыл, — капризно пожаловалась наложница, обнимая плечи благодетеля. — Я стала уже замерзать.

— Иди в спальню, — приказал бригадир, отворачиваясь. — Когда надо, тогда и приду.

— А когда наступит это надо, под утро? Я тогда спать захочу.

— Я сказал, иди, — Слонок угнул подбородок вниз. — Если хочешь спать, ложись и спи.

Деваха убрала руки и вздохнув, зашлепала мягкими тапочками обратно, тихо скрипнула закрываемая дверь. Слонок, отпустив шторы, прошел к дивану, сел на пружинистое сидение. У него в голове роилось множество мыслей, но ни одна не отвечала на простенький вопрос,

с какого хера начала сыпаться отлаженная годами система надзора над менялами, кующими его благополучие.

Так он просидел в полудремотном состоянии до тех пор, пока не заткнулись даже беспокойные цыганские собаки. Он уже начал моститься на диване, когда громкая мелодия сотового телефона заставила его вздрогнуть. Бригадир, нащарив кнопку приема, поднес мобильник к уху, в первый момент ему почудилось, что он еще не проснулся, таким неправдоподобным выглядело сообщение. Голос говорившего он признал тоже не сразу.

— Слонок, меня повязали. Я нахожусь в районе Кацапстроля, в подвале одного из желтых двухэтажных домов. Точнее сказать не могу. Сначала мне разбили морду, потом натянули на голову черный чулок. Сюда привезли на машине и впихнули в этот подвал.

— Кто ты?.. Кто впихнул?..., - запаниковал бригадир отморозков, встряхнувшийся наконец. — Что с тобой случилось?...

— Я Скирдач, нахожусь в районе Кацапстроля по Погодина и Ларина. Подкатил на своей девятке к дому, меня в подъезде отоварили куском железной трубы, потом доставили на иномарке в этот подвал. Руки связали веревкой, но я сумел ее ослабить и дотянуться до кармана. Совсем распутать узлы не получается, не шмонали, мобильник пока при мне. Когда ехали, я понял по разговору, что Сороку зацепили тоже где-то в районе Нахаловки. Его уже спросили, но он, кажется, ничего не знает.

— А что он должен знать? — крикнул в трубку Слонок. — Кто спросил? Кто вас повязал?.. Говори яснее, я ничего не могу понять.

— Сороку бомбят, похоже, чеченцы, а меня русские, по разговору. Кто, за что, понятия не имею, подвал сырой, тьма крошечная. Тут еще один беделлага, стонет в углу.

— Коца?!

— Не знаю... вроде, нет. Этот постарше будет.

— А где Коца?

— Я уже говорил, что дверь в его квартире никто не открыл, и света в окнах не было. Мы так и уехали ни с чем.

— Что ты еще можешь припомнить? Давай, дорогой, хотя бы какую-нибудь зацепку.

— Нету, Слонок, зацепок, если это люди Пархатого, то при чем здесь Кацапстрой, подвалов на Нахичевани побольше. Если продажные шкуры, работающие на чехов, опять вопрос, зачем я им понадобился. Короче, выручай, Слонок, звякни Хозяину, пусть он городскую уголовку с командой быстрого реагирования поставит в известность. Я прикинул, когда везли, что это район магазина “Колокольчик” и кинотеатра “Аврора”. На правой стороне, как с Ларина свернуть на Погодина, группа двухэтажных домов, штук пять. Выручай, брат, я тут долго не продержусь.

— Тебе делали какую-нибудь предьяву?

— Говорю же нет. Кажется все... шаги, железом загремели... Я запихну мобильник под мусор на полу, если останусь живой, постараюсь сообщить. Выручай, Слонок...

Связь прервалась. Бригадир вскочил с дивана, пробежался по помещению туда-сюда, его трясло, он не знал, с чего начинать. Если позвонить в ментовку, то те пошлют на хер, типа, оно им надо, а если достучаться до Хозяина, где гарантия, что он возьмется задействовать нужные связи. Ничего не ясно, кто, за что, при каких обстоятельствах, главное, где находятся оба потерпевших. Да и какой дурак станет шастать ночью по подвалам зданий целого района. Значит, на рынке стреляли те же скоты, что повязали его людей, а это начало войны. Слонок рванул на груди халат, швырнув толстый балахон на пол,

вышиб дверь в спальню ногой, ему был известен только один способ успокоения нервной системы, он запрыгнул в постель к сонной и горячей наложнице, принялся насиловать ее во все дырки, известные ему. Со всхлипами, с всхрапами, с поддергиваниями обильных слюней и соплей, с раздиранием нижнего белья и того, что находилось под ним. Деваха под извергом, исходящим вонючим потом, лишь вякала раздавленной кошкой.

Глава девятая.

В просторном кабинете начальника Управления внутренних дел области с портретом Путина на стене сидел за одним из приставных столов сухощавый высокий человек в гражданской одежде. Очередное заседание только что закончилось, стулья толпились в беспорядке перед полированными столами. Сам начальник с золотыми погонами генерал-лейтенанта на плечах, тоже высокий упитанный мужчина чуть за пятьдесят лет, выглядел возбужденным. Он брался то за авторучку, то за исписанные листы бумаги, или начинал передвигать по столешнице массивный пенал под цветные карандаши из черной пластмассы. Когда остальные сотрудники направились к двери, он попросил мужчину задержаться, продолжая выбрасывать в его сторону отрывистые фразы из недавнего обсуждения доклада о положении дел в области.

— Черт знает что, им все права уже передали в их же руки. Мало, мало, понимаешь? — сдерживал он мощь хорошо поставленного баритона, подергивая гладкими щеками в яблоках, одновременно буравя собеседника острым взглядом. — Открывают ООО, ОАО, ЗАО, другую хренатень, выкупают за бесценок советские еще новые строения с торговыми площадями с футбольное поле, и приспособливают их не под цеха по переработке молочных и мясных продуктов, плодо-овощных культур, семян подсолнечника. Наконец, под пошивочные, ремонтные мастерские, под промышленное, под пищевое производство, а обустривают там перевалочные базы по хранению иноземных продуктов и напитков, кроссовок с китайским ширпотребом. То есть, подгоняют вагоны с товарами, перегружают содержимое в машины, перевозят, и забивают эти склады ящиками с другой тарой. Ни клят, ни мят, ни пахоты до седьмого пота, ни ломоты в пояснице до восьмого скручивания. Бабки в их карманы неиссякаемым потоком всего лишь на перекидах. И все равно прячут, занижают количество, идут любыми путями только в обход, чтобы налогов платить меньше. И за этот обман отстегивают в казну копейки. Кроме того, русские коммерсанты переняли у армян, грузин, абхазов, азербайджанцев, опыт натягивания контролирующих органов. Куплено все, от сторожа на воротах за бутылку паленого самогона, до налоговых инспекторов, которым увеличили заработную плату в несколько десятков раз. И все равно мало, понимаешь? Что за нация такая, вечно голодная. Хорошо еще, не приваживаем здорово чеченцев, вообще была бы труба.

Мужчина в гражданском костюме сдержанно улыбался, чувства он привык хранить при себе, не ввязываясь в полемику, пусть бы она казалась ему откровенным бредом. Вот и сейчас можно было бы задать вопрос, мол, а тебе, пережравшая харя, тоже все мало, что хапаешь теми же вагонами, складируешь про запас стогами, да еще пасть разеваешь на все вокруг как голодная акула при нежелательной беременности? Не из белой кости, из того же хамла, о котором ведешь пустой базар. Тогда почему тебя раздражает на части, что кто-то хочет тоже урвать побольше? Зависть покоя не дает, природно-наследственная? Она баснописца Крылова на тот свет отправила. Не забывай про это, если помнишь про баснописца, про его лебедь-рака-щуку, про мартышкины очки и про квартет.

Но мужчина продолжал смущенно помаргивать, дожидаясь, когда начальство выдвинет вопрос, по которому попросило остаться. Он работал статистом в значных местах, не в прямом смысле этого слова, а отмечал из ряда вон выходящие случаи воровства, мошенничества, обмана, информируя о них начальство. А оно уже кумекало, какие действия

должны последовать дальше, то ли брать кого-то под стражу, то ли приставлять человека для полного выяснения обстоятельств дела.

— Недавно одному армянину, года не прошло, дал добро на открытие бизнеса, теперь его вотчину с похмелья не обсеришь, — продолжал начальник распинаться перед подчиненным. — Про меня, своего благодетеля, он забыл, других из областной администрации прикармливает, дорогие подарки оформляет с доставкой на дом. Ладно, он пожалеет еще о своей опрометчивости, несколько таких джигитов строчат из Богатыновской Тишины послания с пожеланием скорейшей встречи не за общим столом. Ну и этому туда дорога.

Начальник Управления перевел дыхание, нашарил, наконец, дорогой паркер, который его на время успокоил. Поднял на мужчину жесткие властные глаза, постучал по полировке стола плоскостью с нерусскими на ней буквами:

— Что там за шум на центральном рынке? Кто отхватил такого, что за это стали мочить? Мне доложили, что одного валютчика убили, а трое пропали, на ихнего бригадира покушение тоже было совершено.

Гражданский мужчина обстоятельно выложил все, что знал о покупке царских орденов с медалями и монетами. Добавил, что дело взято на контроль, о мужике, продавшем драгоценности, выясняется все возможное: кто он, откуда их взял. И так далее.

— Что за цацки? Расскажи толком, — потребовал генерал.

— Нагрудный знак с портретом Петра Первого и надписью “За храбрость”, начало восемнадцатого века. Золото, драгоценные камни, живописная эмаль. — доложил мужчина. — Приобрел за тысячу долларов нумизмат Пулипер, известный в нашем городе и за его пределами.

— Слышал о таком, как всегда, из евреев. А вообще, какая цена этому знаку, и сколько их всего штук? Начало восемнадцатого века... это говорит о том, что знак был выпущен при Петре Великом?

— Именно так, сколько всего знаков, никто не знает, многое после революции вывезено за границу. Цена же этого ордена отличия десять тысяч долларов.

— Ого! По старому каталогу, как я понимаю? — начальник Управления привстал в кресле. Мужчина молча кивнул. — Тогда кто такой мужик и откуда он его привез?

— Доставил из области.

— Из области... Не раскопал ли крестьянин старинный клад Стеньки Разина! Такие награды я не видал ни в Оружейной, ни в Грановитой палатах, ни в Алмазном, ни в других фондах Кремля, — у генерала зрачки вспыхнули алчным блеском. — Что сумел продать мужик еще и кто выкупил ценности? Или товарищ Пулипер успел наложить на все свою лапу?

— У Пулипера только нагрудный знак, он приобрел его у Чоха, скупщика орденов, медалей и монет на самом рынке. Чоху его продал Сорока, тот валютчик, который пропал. Но цепочка на нем не заканчивается, идет разговор, что Сорока выкупил знак тоже у одного валютчика, может быть, у убитого накануне. Этот мужик продал недели через две, уже другому валютчику, какую-то старинную звезду со знаком, георгиевские кресты — весь бант — и медали с монетами. А еще кольцо или перстень, скорее всего, с бриллиантом. Эту версию мы тоже отработываем.

— Так-так, расклад очень интересный, — генерал постучал паркером по столу, задумчиво огладил ладонью лицо. Затем повернулся к окну, наполовину задернутому

шпорами. — И второй меняла, не считая убитого, как я понимаю, пропал вслед за первым. Ты это хочешь сказать?

— Так точно, вместе с ними исчез старший группы контролеров при бригадире валютчиков. Говорят, что этот старшина был в курсе всех дел. Он позвонил бригадиру ночью по сотовому, сказал, что находится в каком-то подвале на Кацапстрое — район шестой поликлиники на Ларина и кинотеатра “Аврора”. Его оглушили металлической трубой в подъезде собственного дома и привезли в подвал. Он успел доложить, что валютчик Сорока тоже находится в заложниках, только в районе Нахаловки, где Железнодорожная поликлиника с Ленинским райотделом милиции.

— А сколько стоит эта звезда со знаком и георгиевский бант? В нем, кажется, четыре креста. Кстати, что за звезда, Андрея Первозванного?

— Толком никто ничего не знает, какая из звезд — Анны, Андрея Первозванного, святой Екатерины или святого Владимира. Каждая имеет цену до десяти и выше тысяч долларов, не говоря о государственной ценности. Бант состоит из четырех георгиевских крестов, два из которых золотые. Полный бант составляет редкость, и стоит вряд ли меньше звезд. Валютчик, выкупивший награды, до сих пор на рынке не появился. Гражданин Пулипер о нем или молчит, догадавшись, что дело на этих орденах не заканчивается, или действительно не в курсе происходящего.

— Вряд-ли, эта рыбина не загниет никогда, потому что с рождения вся гнилая.

— Я такого-же мнения.

— Если расклады начались, то о них проинформирован и начальник городского Управления. Я правильно мыслю?

— Абсолютно. Начальник рыночной уголовки, когда получил информацию от своего человека из среды валютчиков, сообщил в первую очередь по инстанции. В городском Управлении приняли решение задействовать для поиска пропавших милицейский спецназ с собаками, побывавший в Чечне. Результатов пока никаких.

— А мне об этом ни гу-гу, — генерал задумчиво опустил подбородок вниз. Повертел в руках паркер, бархатный на ощупь. — Хорошо, продолжай наблюдения, узнай, из какого района области прикатил мужик, набитый царскими наградами. Поинтересуйся заодно, что за звезду приобрел тот валютчик, который выкупал ценности у него последним. И куда он мог запропасться.

— Непременно, товарищ генерал, я любую зацепку по этому пути беру на заметку с самого начала. Одновременно прощупываю почву о покушении на бригадира валютчиков. Одной ли цепи звенья, или у них разные источники.

— А кто мог покушаться? Конкурентов у него не может быть — работает под нашей крышей.

— В том-то и дело, что объявились. Свое неудовольствие в связи с переделом сфер влияния выразила армянская группировка Пархатого с Нахичеванского рынка, — не согласился мужчина с генеральскими выводами. — Они считают своей территорию до конца улицы Советской, или до начала Большой Садовой. Это почти от Театральной площади.

— Армяне вконец оборзели, как там Коля Расторгуев поет про Екатерину Вторую? Чтс она была не права, когда затеяла торг с американцами по поводу нашей Аляски. Положили волкам палец в рот, они его тут-же откусили.

— Расторгуев поет не об этом, товарищ генерал, при Екатерине Великой Аляску только

открыли и начали ее разрабатывать. А продал ее в 1867 году Александр Второй, кажется, за семь миллионов долларов. Тот царь, который отменил крепостное право.

— А я как выразился? Я и говорю, что Катька была не права, когда влезла на американский континент, — начальник Управления сдвинул брови. — Ладно, это дело не нашего ума, история сама разберется. Кто еще мог покушаться на этого... как его, бригадира валютчиков?

— Асланбек, лидер чеченской группировки. Я узнал, что его заинтересовали царские награды, тем более, усыпанные бриллиантами. На рынке камешков ингуши и чеченцы держат абсолютное первенство, как и на штамповке фальшивых долларов с царскими червонцами.

— Испеченных из Колымского золота этого года намыва, — хмыкнул генерал то ли недовольно, то ли одобрительно. — А он здесь при чем, мало имеет со своего бизнеса? Ихнее казино грабит по полной программе русских новоиспеченных бизнесменов, не считая чемоданов с пачками фальшака и продажи оружия нашим же киллерам. Не Россия стала, а сумасшедший дом, который нарочно не придумаешь.

— Я имел ввиду, что чеченцев интересуется все самое лучшее, на чем можно сделать большие деньги. На меньшее они не согласны.

— А с большим не знают что делать, кроме как воевать, да головы русским парням отрезать. Распустили племена, они и банкуют по законам гор. При Сталине целинные земли в Казахстане вспахивали, чабанами ходили за стадами овец, глотая пыль, поднятую копытами. И опять горланят, что свободы народам дали мало. Известно, из каких источников выплескивается эта поганая пропаганда. Насаждают гольный космополитизм, забывая, что мир стоит только на первой ступени развития, — генерал возмущенно подергал большим кадыком. Плеснув минералки из бутылки в высокий стакан, гулко выпил. — Подобные вопросы пусть решают представители нашей российской власти, которые давно на повзду у масонских идеологов, а нам надо справляться со своими проблемами. Ты должен с этого момента держать меня в курсе всех событий на центральном рынке, если потребуется вмешательство, звони по прямому проводу. Разговоры о найденном якобы кладе Стеньки Разина или другого атамана-разбойника взялись уже будоражить не только общественность, они фигурируют в кругах правящей местной элиты. Их надо развенчать, или прекратить. Ты должен выяснить в ближайшее время все, связанное с этим делом. Сроков не назначаю, напомню лишь, что на носу Новый год.

— Так точно, товарищ генерал, — мужчина в гражданской одежде вскочил со стула. — Разрешите идти?

— Свободен.

Хозяин кабинета, когда мужчина вышел в приемную, нажал кнопку на пульте внутренней связи, попросил зайти к себе одного из следователей. Затем прошел в комнату отдыха, задрапированную бамбуковой вьетнамской мозаикой. Открыв объемистый бар, плеснул коньяка в хрустальную рюмку, выпив, постоял немного, дожидаясь, пока напиток, расширяющий сосуды, прокатится горячей волной по всему телу. Потрогал эфес турецкой, висевшей на стене на маленьком коврикe, старинной шашки с аляповатым нерусским орденом, прикрепленным к нему. Но вытаскивать из ножен длинное лезвие, кованное из булатной стали, как часто это демонстрировал, не стал. Закрыв дверцу бара, снова возвратился в кабинет. На пороге уже возвышался вызванный следователь.

— Что у нас есть по Пулиперу? — спросил генерал у сотрудника с погонами капитана,

нашаривая ладонью любимый паркер. — Когда мы в последний раз вызывали его к себе? И по какому вопросу?

— В последний раз мы тревожили скупщика ценностей давно, по поводу старинной картины, принадлежащей кисти донского художника Горобцова, украденной несколько лет назад из музея Искусств на Пушкинской, — отрапортовал старший следователь по особо важным делам. — Картину мы у него конфисковали, передали обратно музейным работникам, самого скупщика отпустили с миром. Потом гражданин Пулипер ушел в подполье, не объявляясь даже на рынке нумизматов в парке Горького. Выезжал в Израиль, по непроверенным данным от различных источников посетил Париж, где отирался некоторое время среди художников на площади Тертр за базиликой Сакре Кер, что находятся на холме Монмартр. Затем присутствовал на аукционе Сотбис в Лондоне при распродаже мировых ценностей, ничего не приобрел, ничего и не предлагал. Вернулся снова в Россию.

— Эта информация вся?

— Так точно. По Пулиперу докладывать больше пока нечего.

— Нужно сделать так, чтобы посетить нас ему понадобилось самому. По доброй воле, — начальник Управления постучал по столешнице паркером, окинул полноватую фигуру следователя тяжелым взглядом. — В крайнем случае, пошлите по почте обычный вызов, он должен, направляясь к нам, прихватить нагрудный знак “За храбрость” с портретом императора Петра. Недавно им купленный.

— Так точно, товарищ генерал, — подтянул сотрудник большой живот. — Разрешите выполнять?

— И чтобы претензий от него не возникало, что мы дергаем честных граждан по поводу и без повода, — добавил начальник играя стальными нотами в хорошо поставленном театральном баритоне. — Надеюсь, статьи в газетах о его посещении нашего Управления не появятся.

— Никак нет, об этом я предупрежу прямо сейчас начальника пресс-службы.

Глава десятая.

Коца, развалившись в старом кресле в трехкомнатной квартире на улице Пушкинской, обставленной старинной мебелью, неторопливо осваивался в пространстве, знакомом ему по прошлым посещениям. Сюда он попал не впервые, но всегда испытывал ощущения неловкости, заставлявшие чувствовать себя скованно. Хозяин гостям и помощникам разрешал лишь то, что позволял себе сам — ни шага, ни лишнего движения. Было видно с первого взгляда, что мебель сделана из ценных пород дерева, в основном, из дуба и ореха. На самом верху книжных шкафов, забитых книгами под завязку, умещались узкогорлые пестрые вазочки и широкогорлые горшки, статуэтки богов, просто человеческие фигурки, гипсовые и фарфоровые копии зверей. Над шкафами и между ними заполняли пространство многочисленные картины различных художественных школ и направлений. Маски, то ли африканские, то ли эскимосские, странноватые на вид поделки. В самих шкафах рябили открытки с видами старого Ростова, других дореволюционных городов России. Было件нятно, что хозяин квартиры не брезговал ничем, хотя выделить основное направление его увлечений было нельзя. И какой бы человек здесь не появлялся, его не покидала мысль, что вокруг художественный бардак, на котором не стоит задерживать внимания. Но это впечатление было обманчивым.

Сам хозяин находился тут-же, устроившись в скрипучем кожаном кресле-качалке напротив. Это был седой лысоватый мужчина под шестьдесят лет с длинными прядями волос, ниспадающими вдоль моисеевского лица. Над пастернаковскими губами, резко очерченными, нависал крупный крючковатый нос. Внимательные голубые глаза светились умом, тем самым, которого отражалось меньше у представителей других народов. Рядом с Коцей молча сопел, примостившись на невысоком пуфике, черноголовый Микки Маус. Они пришли недавно и настоящего разговора с крупным представителем скупщиков ценностей еще не заводили.

Коца решил повременить с выходом на рынок, после сделки с пастухом и неприятных событий, последовавших за этим, когда один из шестерок Скирдача выстрелил в него из пистолета “Макарова”. Чувства страха валютчик не испытывал ни перед бригадиром, ни перед его помощниками, как не было опасений за то, что Хозяин примет решение его изолировать. Так он поступал не раз с непослушными валютчиками, в том числе с Лехой Слонком, своей правой рукой. Не верил и в то, что ему станут мстить ментовские жополизы, слишком мелкие рыбешки, чтобы не задуматься об ответной мести с его стороны. А вес и авторитет в среде менял он занять успел, даже менты не проходили мимо, чтобы не пожать ему руки. В тот вечер они с Маусом заперлись в ларьке Каталы, и рассмотрели богатство, приобретенное у мужика, во всех подробностях. После чего Катала и Маус в один голос посоветовали Коце сваливать с базара побыстрее, мало того, предупредили, что квартиру придется на время поменять. Если шестерка Скирдача, подсматривавший в театральный бинокль, расписал сделку во всех красках, то вряд ли кто из дельцов останется теперь равнодушным к сокровищам пастуха. Так он и сделал, договорившись предварительно с Микки Маусом о встрече и дальнейших действиях. Тот обещал просветить обо всем Пулипера, скупщика ценностей, известного в городе, и попросить у него аудиенции, чтобы наметить план дальнейших действий. Ночь пришлось провести у любовницы, живущей на другом конце города, он нанял частного и гонял его по переулкам до тех пор, пока не

осознал, что любая слежка не выберется из лабиринтов на свет божий без чьей либо помощи. Ближе к обеду Коца приехал в центр города, они вместе с Маусом, петляя как зайцы, пришли в этот сталинский дом на престижной Пушкинской улице, с толстыми стенами, с потолками в квартирах по четыре метра, с кухнями минимум по десять. С дубовым обязательным паркетом на полах, со множеством других удобств в отличие от холодных что зимой, что летом, хрущевок с брежневками. Валютчик, прежде чем войти в арочный тоннель, ведущий во двор здания, обернулся назад в который раз, и заметил, как скакнула за дерево неуклюжая фигура в зимней одежде. Подумал, если бы он пробирался один, никакой сволочью и близко бы не пахло, а с Микки Маусом только грибы летом собирать на крутой полянке. Пришлось успокоить себя мыслью, что ломиться к хозяину непрошенные следопыты не станут. Да и саму квартиру в доме с несколькими подъездами на обе стороны угадать будет нелегко, если не знать заранее, к кому направились гости. Они пролетели несколько лестничных маршей, затаили дыхание на площадке, готовые выскочить на улицу с противоположного бока. Внизу было тихо. Микки не воспользовался электрическим звонком, а постучал в крепкую дубовую дверь особым образом. Ждать им пришлось довольно долго, пока с той стороны не раздались какие-то звуки. На пороге вырос худой мужчина в возрасте, прищурившись на посетителей ярко-голубыми почти детскими глазами, молча отступил в сторону, пропуская их в широкий полутемный коридор. Когда все устроились вокруг стола, хозяин квартиры после нескольких в начале встречи ничего не значащих фраз, предложил:

— Давайте посмотрим, что у вас такого интересного, — Коца вдруг подумал, что Микки Маус успел или по телефону, или в частной беседе, предупредить скупщика о раритетах, потому что вряд ли такие люди пускают к себе в дом кого-либо. А к постоянным клиентам Коца не принадлежал. — Не стесняйтесь, здесь все свои.

Валютчик, скупко улыбнувшись, помог хозяину установить между креслами низкий столик на колесиках, потом вытащил из внутреннего кармана толстое портмоне со множеством отделений. Раскрыв его, положил на заранее приготовленную шерстяную материю, брошенную на полированную поверхность столика, инкрустированного цветной мозаикой. Скупщик примостил на краю настольную лампу, включил ее, направив жестяной плафон на центр. Снял с книжной полки несколько справочников по монетам, орденам, медалям и прочим наградам со времен египетских фараонов и до наших дней. Уложил книги на коленях. Сначала Коца поддел пальцами орден Виртути Милитари за позолоченную корону сверху креста, за ним подцепил за жесткую муаровую материю георгиевский бант, скрепленный воедино. Кресты отозвались малиновыми звонами. Потом вытащил знак ордена святой Анны, облитый живописной эмалью, со скрещенными мечами, покрытыми золотом, похожий на гитлеровский железный крест. И только после всего потянул с уважением за один из ребристых лучей восьмиконечную звезду ордена святой Анны. Ордена вспыхнули в электрическом свете настольной лампы, брызнули в разные стороны разноцветными фонтанами огней. Но узкое лицо еврея в годах не дрогнуло ни одной черточкой, лишь глаза поглубели еще больше, выдавая этим его внутренне напряжение.

Валютчик, закрыв портмоне, запихнул его во внутренний карман пиджака, решив, что не следует хвалиться всем за один присест, сперва нужно узнать цену раритетам. Если она окажется ниже предполагаемого уровня, то разговор продолжать не стоит. Останется одно — подняться и уйти, хотя делать этого было бы не желательно. Одна из причин крылась в том, что теперь он оказался на крючке, чтобы продать их с выгодой, надо было раньше

загарить ордена в укромном месте, и вытащить по приходе лучших времен. Пулипер, оторвавшись наконец от созерцания сокровищ, поднял знак ордена святой Анны сухими пальцами, поднес поближе к лицу. Эмаль заиграла красочными тенями, словно ее только что нанесли на раритет.

— Умели делать в старину, — не сдержал пожилой скупщик волнения. — Глянешь на современный орден, хоть Красной Звезды за афганскую кампанию, и не испытываешь никакого интереса. Эмаль блеклая, фигура солдата в центре до сих пор с винтовкой, словно вместо русского защитника отечества вставили памятник французским баррикадникам времен какого-нибудь Робеспьера или Мюрата. А этот раритет всего лишь знак на левую сторону мундира, говорящий, что сама звезда еще краше. А как радует глаз, как завлекает формой и красками! Поэтому женщины в те далекие эпохи были без ума от военных. Представительно, не правда ли, друзья мои?

Коца с сомнением качнул головой, но доказывать, что каждому овощу свой срок, не стал. Кто бы сейчас носил эти знаки отличия, огромные по размерам, когда на счету каждая складка на солдатской униформе. За одну заначку запикиваешь, за другую сигареты со спичками, за третью штык-нож иностранного производства, добытый в бою. И так далее, вплоть до писем от любимой девушки. В боевых условиях тумбочки при кровати не имеется, как и самой кровати, и все свое приходится носить с собой. Он стал с интересом наблюдать за тем, как коллекционер по одной выдергивает с шерстянки царские награды, долго обнюхивает их со всех сторон. Затем кладет на место, выбирает нужную книгу и начинает листать страницы. Он водит носом по строчкам, не переставая ворчать что-то про себя. Сверившись с листочками, нарисованными от руки, служащими как бы закладками, принимается охаживать близорукими глазами новую цацку, одновременно лаская ее пальцами. Наконец, Пулипер отложил очередную книгу, откинулся на спинку кресла-качалки и задумался, скрестив пальцы на животе. Микки Маус, не сказавший за все время ни слова, продолжал сопеть рядом с Коцей. Валютчик тоже притих в ожидании решения, от которого зависело очень многое. Например, стоило ли им с Маусом делать засаду в заброшенном хуторе у единственного дома из крепких дубовых бревен. Все могло оказаться обычной туфтой, и ордена со звездами представились бы вдруг как царские червонцы, отштампованные в ингушских аулах, пахнущих овечьим кизяком.

— Молодой человек, ты говоришь, что эти награды привез какой-то мужчина с периферии? — обратился Пулипер к валютчику. И тут-же развернулся к Маусу. — И вы успели на своей машине проводить его почти до Усть-Донецка?

— Не доезжая до городка километров трех, мужик вышел из автобуса и направился в степь по правой стороне от дороги, если ехать из Ростова, — подтвердил Маус. — Мы не могли долго стоять на одном месте, чтобы не привлекать внимания пастуха и человека от Слонка, бригадира валютчиков, следящего за ним. Переждав, мы развернули машину и отправились в обратный путь, но запомнили место.

— Вот что я вам скажу, молодые люди... — протянул скупщик ценностей, огладив безбородое лицо. И засуетился. — Подождите, я посмотрю, лежит ли на аппарате телефонная трубка, мне кажется, что мою квартиру давно прослушивают.

Он прошел в другую комнату. Затем вернулся, заглянул в прихожую, где на стене тоже висела китайская трубка. И снова опустился в кресло-качалку, сложил руки на животе.

— Эти ценности подлинные, стоят они по нынешним меркам очень дорого, — негромко заявил Пулипер, окинув обоих менял внимательным взглядом. — Если учесть их

редкость и единичность исполнения, то можете себе представить, что оказалось у вас в руках.

— Какую же цену они имеют? — спросил Коца с напряжением в голосе.

В голове у него пронеслись давнишние мечты, с которыми он связывал будущую свою жизнь. Вырваться во что бы то ни стало из вечно бедной, пьяной и хамской страны, изломавшей, помогавшей рабским самим молчанием изуродовать миллионы судеб своих соотечественников. Не единожды перемоловшей самое себя как те снопы сена в комбайновских молотилках, но вывода из ада, в котором побывала, не сделавшей все равно. Сейчас все зависело от решения пожилого еврея, если он выложит правду, тогда следует пойти на все, чтобы дотянуться до настоящих сокровищ, разнюханных первобытным патухом. Главное, добраться до хутора и начать, а потом дело покажет само.

— Ты интересуешься, какую цену они имеют? — переспросил Пулипер. — Я могу дать каталоги и ты сам посмотришь, во сколько оценена каждая из вещей, принесенных тобой. Естественно, в долларах, потому что эта международная валюта стала с некоторых пор конвертируемой и в России. В отличие от родного рубля, который на должную высоту поднимут разве что немеряные наши запасы нефти, газа, леса, черных и цветных металлов. Приплюсуй сюда сотни тонн золота, не только Колымского, миллионы каратов необработанных алмазов. Мы продаем их за рубеж в первозданном состоянии мешками. Если бы купили необходимое оборудование и занялись бы сами доведением камней до ума, то Россия смогла бы на одной только обработке воздвигнуть, уверяю вас, молодые люди, сотни американских небоскребов и обустроить свои нищие города с сельскими дорогами. При условии, что будем с умом распоряжаться этими богатствами.

— Я вам верю на слово, но я имел ввиду не каталожные расклады, а действительную ценность, — поправился валютчик. — Сколько, например, отстегнули бы за ордена в Москве, если предложить их тамошним коллекционерам. Я уже не говорю про за границу.

— Ты еще про Сотбис упомяни, — усмехнулся Микки Маус за спиной Коцы.

— Я без стеснения предложил бы русские раритеты тамошним миллиардерам, если бы представилась возможность добраться туда. Целее будут, понимаешь?

— Понимаю, — буркнул подельник, не горя желанием ввязываться в полемику.

— Не стоит спорить, я попробую все разложить по полочкам, — миролюбиво остановил скупщик ценностей обоих. — Если взять, к примеру, орден Виртути Милитари, то по каталогу этой награде красная цена шестьдесят баксов. Умножаем на тридцать рублей с небольшими копейками, получаем одну тысячу восьмьсот рублей, ну, две тысячи. Надеюсь, такую цену молодой человек этому мужику не выложил?

Пулипер с интересом посмотрел на валютчика, Коца почувствовал, что пожилой еврей проверяет его на вшивость. Значит, следует ожидать более серьезных предложений. Он не раз имел дела с представителями этой нации и успел понять, что если показать им, что ты не дурнее паровоза, то они начнут относиться к тебе почти как к равному. Пожав плечами, он отрицательно качнул головой.

— Ну, вот, какой-никакой навар уже есть, я имею ввиду, что время и деньги потрачены не зря и не впустую. Коснемся другой стороны медали, учтем, что таких орденов раз — два и обчелся. И тут начинает выясняться, что серьезный покупатель уже не обращает внимания на то, из чего сделан знак отличия. Это мы с вами знаем, что его отлили из обыкновенной бронзы, вызолотили и покрыли черной с зеленой эмалью. А коллекционер смотрит в первую очередь на состояние раритета, на его количество на мировом рынке. И мы садимся на

любимого конька, потому что орден Виртути Милитари на специальных аукционах, на тех же антикварных рынках, предлагают не так уж и часто. То есть, цена зависит от спроса. Выходит, владелец имеет право запросить за него в несколько раз дороже.

— Если удастся нарваться на истинного собирателя в этом направлении, — закончил Коца длинные поучения. — А у нас как раз напряженка с богатыми любителями царских звезд.

— Ищите, — усмехнулся Пулипер. — Вам и карты в руки.

— Поэтому мы к вам и пришли, — развел валютчик руками. — Мы просим вас оценить каждую вещь в отдельности и вывести окончательную сумму, за которую вы смогли бы выкупить все, не оставаясь сами в накладе.

Пожилой еврей взял в руки наиболее полный каталог, пролистал страницы:

— Ну что-же, друзья, я не против, — согласился он с достоинством. — Итак, начнем с каталожной цены, а потом перейдем к реальной, хотя и говорят, что не стоит делить шкуру неубитого медведя. По этому каталогу звезда и знак ордена святой Анны за военные заслуги оценивается в три тысячи долларов, или в девяносто пять тысяч нынешних рублей. Полный георгиевский бант всех четырех степеней, из которых первая и вторая степень из чистого золота, а третья и четвертая из серебра, вытягивают на триста пятьдесят долларов, плюс сохранность — всего триста пятьдесят баксов. Орден Виртути Милитари, как мы уже говорили, шестьдесят баксов, итого три тысячи четыреста десять баксов.

— За сколько вы сможете выкупить все? — подался Коца вперед.

— С учетом того, что мне самому хочется кушать, что с орденами придется повозиться, что дело это не совсем простое, я имею возможность отстегнуть сразу четыре тысячи двести долларов. Можете считать это задатком, молодой человек, — Пулипер погладил пальцами морщинистый лоб. — Вы в курсе наших правил, если я выйду на серьезного покупателя, то с меня будет причитаться еще часть суммы сверху этой.

— Выкладывайте, я сейчас на полных бобах, — согласился Коца, понимая, что ему самому никогда не справиться, и не только по причине неумения находить клиентуру, но и по неспособности выбить из покупателя нужную сумму. Он мягко напомнил, осознавая, что торопится, что признание в несостоятельности — лишний козырь в руках противника. — Работать на рынке совершенно не на чем.

Пожилой еврей, ухмыль

нувшись, опустил на пол стопку каталогов, свернул в несколько раз шерстяной кусок материи с орденами, разложенными на нем. После чего поднялся с кресла-качалки и ушел в другую комнату. За спиной валютчика зашевелился Микки Маус, притихший на время сделки.

— По моему, получилось неплохо, — подал он гундосый голос, как бы с французским прононсом. — Никто из скупщиков, известных нам, не отвалил бы такой цены.

— Половины бы не получили, — повернулся Коца. к нему — Но мы имели полное право не торопиться, тогда навар мог бы превзойти все наши ожидания.

— Он и без того перевалил за самую высокую планку.

— Главное, я буду сейчас с деньгами, значит, будет на чем крутиться. А дальше? — валютчик поймал черные зрачки подельника. — Кажется, мы пришли сюда не за тем, чтобы сплавить подороже царские цацки, хапнутые за копейки.

— И за этим тоже, ты сам сказал, что на полных бобах, — подковырнул Маус. Посерьезнел. — Когда выйдет к нам хозяин квартиры, тогда начнем настоящий разговор. Ты

не будешь ему предлагать перстень с монетами?

— Надо сначала получить валюту за одно, потом браться за второе.

В комнату, раздвинув стучащие бамбуковые шторы, вошел скупщик ценностей. Умопившись в любимой позе в кресле-качалке, как бы на минуту замер, словно осмысливая предстоящие действия. Затем быстро просунул руку за пазуху, вытащил оттуда пачку долларов нового образца. Смочив пальцы слюной, взялся медленно отсчитывать их, шершаво цепких, на полированную поверхность стола. Коца с интересом рассматривал купюры достоинством в “хундред долларс” в непривычном исполнении. Во первых, портрет президента Франклина был больше прежнего, во вторых, оформление показалось проще и несомненно лучшего качества. Он сразу поверил в такие баксы, с ними не проблема хоть на край света.

— Проверьте, — Пулипер придвинул к валютчику невысокую горку банкнот. — Деньги любят счет.

— Деньги любят деньги, — сдохмил Коца, подбирая пачку со столешницы. — И чем их больше, тем спокойнее себя чувствуешь в этом ненадежном мире.

— Именно так, — согласился пожилой еврей, не отрывая взгляда от ловких рук менялы. — Есть, к сожалению, странная максима, утверждающая обратное, она звучит примерно так: У дурака одна дорога — намочивать бабки. Купить можно все, но под каждым купленным будет стоять фамилия чужая. Не знаю, как вы отнесетесь к такому изречению.

— Почему странная, я ее знаю, — Коца, пересчитав купюры, сложил их во внутренний карман пальто. — Эта максима ясно показывает, что мир состоит из противоречий. Кому-то временные ценности сейчас, сразу и на этом свете, а кому-то вечные блага после жизни, за чертой смерти. Все закономерно, например, бабки мне, вам и Маусу, нужны сейчас, для того мы здесь и собрались.

— Абсолютно так, человек слаб и земные блага его соблазняют, — снова кивнул головой Пулипер в знак согласия. — А есть ли жизнь на Марсе, то бишь, на том свете, или нет ее, никто ничего доказать пока не смог. Поэтому, не стоит отказываться от того, чем удобно воспользоваться сию минуту. Вы правы, для этого мы здесь и собрались, я предлагаю обмыть эту сделку, чтобы она не оказалась последней.

Хозяин квартиры протянул руку за спинку кресла-качалки, вытащил темно-матовую пузатую бутылку настоящего французского “Наполеона” с фигуркой императора вместо пробки. Обратился к Микки Маусу:

— Я попрошу тебя достать три рюмки вон из того шкафа, только возьми не на длинных ножках, а низенькие, широкие. Коньяк пьется из них лучше и кажется вкуснее.

— Простите, уважаемый Аркадий Борисович, я решил предложить вам кое-что еще, — надумал, наконец, валютчик. У него мелькнула мысль, что лучше сдать все сейчас, чтобы потом лишний раз не привлекать внимание исканием нужных клиентов. — Я выкупил по случаю несколько монет и перстень с бриллиантом каратов на десять. Вы посмотрите?

— Конечно, с удовольствием, — немедленно подобрался пожилой еврей, отставляя “Наполеон” в сторону. Новый кусок темной шерстяной материи, появившийся из бокового кармана, тут-же покрыл бликующую полировку стола. — Что вы там припрятали еще?

Коца, вытащив то же лопатистое портмоне, разложил его на материи и принялся выдергивать раритеты из многочисленных отделов по одному, раскладывая так, чтобы можно было начать с малого, а закончить значительным Перстень, таким образом, оказался

на последнем месте. Хозяин квартиры вынул из внутреннего кармана пиджака многократную линзу, вправленную в деревянный складной держатель. Нагнулся над столом, глянув мельком на перстень взялся по очереди вертеть в руках монеты. Когда с ними было покончено, полистал один из каталогов, лежавших на полу, словно нарочно не поставленных на место в книжном шкафу. У валютчика в который раз возникло подозрение, что Пулипер о его сокровищах информирован от и до. А хозяин квартиры, меж тем, надолго задумался над пожеванной страницей с невзрачными фотографиями и цифрами под ними.

— Не могу найти слов, монеты подобраны будто специально, — наконец, подал он голос с высокими нотами в нем.

— В каком смысле? — Коца довольно ухмыльнулся.

— Ну, семь с половиной и пятнадцать рублей не так уж редки, хотя надо признать, что состояние монет идеальное. Цена за обе двести пятьдесят баксов. А червонец Санкт-Петербургской чеканки одна тысяча семьсот пятьдесят седьмого года, без головы императрицы, тянет на две тысячи долларов, потому что исключительная редкость. Так-же пятерка времен коронации Николая Второго и первого года его власти, она тоже стоит не меньше тысячи. Если брать по потолку, получается только на монетах три тысячи двести пятьдесят гринов. Уважаемые, сумма довольно приличная.

В комнате зависла тишина, каждый из присутствующих пытался разгадать тайну сокровищ, попавших им в руки. Все указывало на то, что мужик с периферии, продавший их, действительно наткнулся на старинный казачий клад. Валютчика ко всему не покидала догадка, что хозяин квартиры неспроста так откровенен, он рассчитывает на большее, значит, поездка за автобусом с пастухом будет обязательно иметь продолжение, и теперь ко всему надо быть готовым. Пулипер меж тем взял в руки перстень, начал его обследовать с особой тщательностью. Хищно сверкнули по бокам рубиновые глаза двуглавых орлов, размахнувших крылья, в мощных лапах засветились красным огнем символы императорской власти. Вокруг крупного бриллианта заиграли зелеными холодными искрами изумруды по полкарата, а когда хозяин квартиры подставил сокровище лучу света от окна, помещение заполнилось множеством льдистых синеватых снежинок, замельтешивших в воздухе как в призрачном вальсе. Коца от изумления провел ладонью по лицу, прав, оказывается, был пастух, когда рассказывал про утренние сияния на сочных лугах. За спиной негромко побряхтывал Микки Маус, по прежнему принимавший участие в развитии событий как посторонний наблюдатель. Наверное, он постарался цапки, выкупленные перед этими у валютчика, запрятать поглубже в щелях своего жилища, не желая делиться ни с кем. А Коца успел получить за них деньги и раскрутиться еще круче. Ну что же, время покажет, можно ли иметь дело с мужчинами, находящимися в одной комнате с ним. Он стал с пристальным вниманием следить за Пулипером, пытаясь по выражению его лица понять, что нужно ждать от него. Но глубокие морщины пожилого еврея превратились в каменные расщелины, и разобрать, во что они могли перевоплотиться — в змею или в стебель со скромным цветком эдельвейса, было невозможно.

— Камень хорош, чистой воды, — нарушил скупщик ценностей молчание. — У многих старинных бриллиантов в середине от громадного внутреннего напряжения появляется тончайшая паутинка, опускающая драгоценный камень часто к подножию горы с кимберлитовой трубкой, в которой он был добыт. То есть, превращающая его в отходы без цены. Или есть мельчайшие сколы, выщербины. Этот же обработанный алмаз словно только сейчас взяли из рук огранщика. Перстень, к тому же, именной, вы его не рассматривали?

Собеседник повернулся лицом к валютчику, прищурил ярко-голубые глаза, в которых не отражалось ничего, кроме восхищенного любопытства.

— Некогда было, пришлось помотаться по городу, чтобы замести следы, — буркнул Коца. — На первом перстне, который я продал Маусу, стояли две буквы “Е” и “В”, то ли Екатерина Великая, то ли Евлампий Воронцов. Был на Дону такой атаман.

— На этом сокровище стоят те же две буквы, — Пулипер как бы пропустил мимо ушей сообщение о сделке Коцы с его другом. — Перстень действительно принадлежал Евлампии Вороноцову, атаману Всевеликого Войска Донского. Им его наградили или императорские особы, скорее всего, сам государь, или Воронцов по высочайшему повелению был возведен в дворянский титул и заимел право ставить клеймо на свою собственность. Не путать клеймо с фамильным гербом.

— Не говорит ли это о том, что мужик раскопал атаманский клад? — предположил валютчик. — Все вещи, выкупленные у него, как бы не случайные, что-ли.

— Все может быть, — проворчал пожилой еврей уклончиво. — Надо было все-таки разузнать о драгоценностях поподробнее, тогда бы легче пролегла дорога к остальным казачьим сокровищам.

— Простите, но пастуху место в строю павликов морозовых и александров матросовых. Как говаривал Маяковский, гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей.

— Понятно, — ухмыльнулся пожилой еврей с сарказмом. За спиной Коцы насмешливо хмыкнул Микки Маус. — Я беру и монеты, и перстень. Монеты как объявил, бриллиант из расчета двадцать баксов за десятку, дороже никто не даст. Считать, надеюсь, не разучились?

— На том стоим, — валютчик утвердительно наклонил голову

Пулипер аккуратно свернул отрез шерстяной материи в несколько раз, зашел снова за вьетнамские бамбуковые шторы. Наверное, их приспособили специально, чтобы никто не сумел подобраться к хозяину незаметно, когда тот начнет колдовать над потайными схронами. Вышел он быстро, так же споро рассчитался. Как только стол освободился от купюр, накинул на него небольшую скатерку, поставил бутылку коньяка, рюмки. Все трое не курили, поэтому на закуску пожилой еврей предложил тарелку с конфетами, тоже приготовленную, скорее всего, заранее. Молча выпили, посидели в ожидании теплой волны по всему телу. Она не заставила себя ждать, коньяк оказался подлинным. Почти сразу повторили, взялись безо всяких переходов за обсуждение основного вопроса, словно давно сговорились. Остановились на обустройстве засады у дома пастуха за день до предполагаемого очередного приезда его в Ростов. Туда должны были отправиться Коца и Маус. Друг Мауса, шофер, был обязан дожидаться конца операции в автомобиле или на обочине шоссе из Ростова. Или недалеко от дома мужика, если позволит дорога на хутор. Перечислили все, что необходимо взять с собой: тулупы, валенки, меховые рукавицы, адидасовские сумки, термоса с горячим кофе, бутерброды. Пару бутылок коньяка для согрева, табак для отбивания нюха у собак, если таковые окажутся и возьмут след. Коца, когда встал вопрос о людях из конкурирующей группировки, причислил к необходимым предметам немецкий “вальтер” с запасной обоймой, приобретенный в начале перестройки, и АКС в десантном исполнении с тремя рожками, привезенный из горячей точки. Дело серьезное, не допускающее метаний из стороны в сторону. Микки Маус лишь поморщился, отказавшись брать с собой даже столовый нож. Хозяин квартиры, больше молчавший, подвел под планом окончательную черту:

— Повторяю, я беру на себя обязанности спрятать ценности, если они найдутся, и быструю их реализацию. В обоих случаях гарантирую сохранность, безопасность и честность своих действий.

— Согласен, — не стал спорить Коца, заявление Пулипера играло на конечный результат, а как известно, он — венец всему делу. Микки Маус тоже молча кивнул головой. — А теперь попрошу у вас совета, что мне делать, выходить на рынок и работать по прежнему? Или не выказывать из какой-нибудь норы носа до начала операции? Маус со своим другом Каталой категорически против моего появления, каша заварилась крутая.

— Круче не бывает, — не стал спорить хозяин квартиры, раздумчиво пощипав подбородок. — Знаешь что, я бы тебе посоветовал выйти и занять свое место, во первых, люди Слонка уже в курсе событий, они успели проследить за мужиком. Во вторых, подключилась еще одна банда, или банды. Валютчика убрали по одной причине, тот или заартачился, или не смог толково объяснить, у кого выкупил раритет. А Чоха, которому попала в руки эта ценность, не тронули, значит, их интересует только мужик и место самого клада. Так-же поступи и ты, мол, погремушки приобрел у деревенского пастуха, успел уже перепродать. Откуда пастух? Да наплевать, вы, мол, тоже можете что-то предложить, не называя домашнего адреса и не указывая места, где спрятали ключи от сейфа с мешком баксов. Сыграть, то есть, под дурачка.

— Опасный ход... А если я спрячусь? — Коца пристально посмотрел на Пулипера.

— Тогда тебя в покое не оставят до тех пор, пока не найдут, ни свои, ни чужие. Объявляться когда-нибудь все равно придется, вот в чем дело. Держать ответ перед бандитами тоже, даже если с кладом ничего не получится.

— Вы правы, отморозки на меня глаз теперь положили, — валютчик потер виски ладонями. — Если никакого клада не откопаем, то будет вдвойне обидно оказаться в положении заложника. Уж лучше сразу ответить на все вопросы, интересующие их.

— Я бы рассуждал именно так, — сплел пальцы скупщик. Посмотрел на собеседников. — А теперь не грех выпить и по третьей стопке.

Пожилой еврей, когда начали расходиться, подошел к окну, отвернул край занавески. Постояв немного, почмокал полными красными губами, походил взад-вперед по комнате.

— Что-нибудь случилось? Когда мы сюда шли, мне показалось, что за нами следят, — обернулся валютчик к нему. — Мужчина в зимнем мешковатом пальто.

— Именно такой торчит сейчас напротив нашего дома и ждет вашего выхода, — хохотнул Пулипер задорно. — Я видел, как вы шли по Пушкинской, волоча за собой пушистый хвост, но не стал на этом заострять внимание, потому что за собой я усек слежку давно. Но этот хвост, молодые люди, притащили вы, мой, наверное, на время отпал. Давайте сделаем так.

Хозяин квартиры накинул поверх пиджака старенькое полупальто, прошел к двери, глянув в глазок, открыл замок. Когда все вышли в коридор, защелкнул тяжелую створку на ключ и засеменил в конец здания, противоположный подъезду. Там находился черный выход. Он, спустившись вниз, осмотрел еще раз через щель кусок улицы Пушкинской перед домом. Теперь хвост, по всему неопытный, остался позади. Дождавшись, когда группа горожан поравняется с подъездом, пропустил посетителей мимо себя, и сразу заторопился назад. Коца с Микки Маусом тут-же смешались с проходившими, на перекрестке они поспешили каждый своей дорогой. Новый год должен был наступить в субботу, через четырнадцать дней, до назначенной встречи оставалось ровно одиннадцать суток.

Глава одиннадцатая.

Скирдач, запрятав мобильник под кучу мусора сбоку себя, снова заложил руки за спину, принял неловкое положение и закрыл глаза. Незнакомый заложник в другом углу, или обычный бомж, заворочался, залопотал еще сильнее. В подвале было очень холодно и сухо, наверное, трубы отопления проходили только в квартирах. Помещение было просторным, разделенным на бетонные секции, как под новыми домами, скорее всего в эпоху Хрущева под двухэтажкой находилось бомбоубежище на случай атомной войны, поэтому его приспособили под все автономное. В том числе под компактные обогреватели с двумя забетонированными колодцами для холодной воды. Когда Скирдача волокли сюда, он не уставал вертеть шеей, чтобы зацепиться хоть за соломинку, не дав надежде на освобождение умереть до срока. В тот момент в одном из помещений горел свет, сейчас он был отключен. Из другой секции долго никто не показывался, наконец, шаги по бетонному полу раздались громче, узкий луч карманного фонарика заметался по крупным блокам, расплылся на длинной фигуре Скирдача. Тот затаился.

— Отдыхает, — послышался уверенный голос с кавказским акцентом.

— А что ему еще остается делать, — ответил русский говорок с неприятными нотами, скорее, молодого подлеца, которых развелось из-за перестройки больше требуемого. Парни именно с такими голосами были способны на все. Скирдач невольно подобрал ноги под себя. — Теперь у него было столько времени, сколько он сам отпустил себе.

— У его коллеги одинаково, но к тому мы спешить не будем, — хмыкнул кавказец. — Начнем с этого, который должен знать больше.

— Можно приняться и за его друга, нам какая разница.

— Я говорил Асланбеку, он приказал того пока не трогать. Пусть поспекает.

В другом углу опять заворочался неизвестный, он громко вскрикнул несколько раз подряд, луч от карманного фонарика пришел в движение. Скирдач, воспользовавшись тем, что вновь провалился во тьму, повернул голову и открыл глаза. В белом снопе света корчилась горбатая куча тряпья, словно набросали в угол хлама из одежды, отслужившей срок, а он ожил душой, оставшейся в нем.

— Бомж? — спросил кавказец настороженно.

— Кто его... вроде, пацан. Может, какой наркоша забился издыхать, — хмыкнул русский. — Сейчас проверим.

Он продвинулся к тряпью, включил второй фонарик, постояв немного, ковырнул кучу носком сапога. Хлам резко дернулся, издал протяжный стон.

— Это баба, наверное, бомжиха, изуродованная до потери пульса, — присмотрелся русский. — Или уличная шмара, провинилась в чем, ее тут и опустили.

— Что будем делать? — кавказец смачно сплюнул. — Здесь оставлять ее нельзя, она помешает нам проводить работу.

— А что ты сделаешь, ей кранты, руки с ногами, по моему, вывернуты. Слушай, не подружка ли это Мусы? Помнишь, он избавился от нее неделю назад.

— И оставил под домом, в котором снимал квартиру? Вряд-ли Муса мог так поступить.

— Похожая скотинка, — русский снова ударил по тряпью ногой, куча не отозвалась. Или ничего уже не чувствовала, откликаясь только на внутреннюю боль, или задохнулась от удара. — А запах, я тебе скажу, в канавах с гниющими трупами будет посвежее.

На некоторое время наступила тишина, нарушаемая лишь частыми сплевываниями русского, да невнятными погыкиваниями кавказца. Луч фонарика в руках последнего продолжал обследовать рванье.

— Короче, с ней нужно что-то делать, — повторил кавказец. — Выволакивай пока за стену, потом решим.

— Как за нее браться, когда она уже протухла, говорю тебе, что ей кранты. Лучше тогда заложника перевести на другую сторону.

— Заложник останется здесь, ему в этой секции удобнее, — не согласился кавказец с твердостью в голосе. — Не стесняйся, бери за одежду и волокни.

Русский влез в рукавицы, чертыхнувшись, зацепил за что-то хлам, легко поволок его по бетонному полу. Кавказец, стоя на прежнем пяточке, подсвечивал дорогу до тех пор, пока возчик не завернул за массивные блоки, положенные друг на друга. Затем снова направил свет на Скирдача. Помощник бригадира зажмурил веки, в голове у него роились тысячи мыслей, но настырнее всего выпирала та, от которой от затылка до кончиков пальцев на ногах продирали ядреный мороз. Если два отморозка решили избавиться даже от полумертвой женщины, то больше ни от кого ждать милости не следовало. Значит, пришел конец и ему, Скирдачу, потомственному казаку. Кавказец, между тем, перемаялся с ноги на ногу, не решаясь подходить ближе и не сдергивая луча с притихшего тела. За блоками раздался глухой стук, переросший в возглас, короткий и пронзительный. Его прервали два тупых удара, следовавшие один за другим. Луч от фонарика дернулся было к проходу, и снова замер на одной точке. Через пару минут послышались неторопливые шаги.

— Ты что с ней сотворил? — кавказец обернулся назад.

— Ты сам сказал, что с ней надо было что-то делать, да и зачем нам лишний свидетель, — хохотнул русский как-то беспечно. — Не бери в голову, она все равно издыхала.

— Эта женщина вскрикнула.

— Так, испуг ничем не удержишь, он возникает у человека сам собой. Бабий тем более.

— Знаю, трудно удержать внутри себя страх и испуг.

— Тогда с какого хрена спрашиваешь, ты воевал и я воевал. Мы это проходили.

— Я воевал, и продолжаю воевать, за свободу своей родины.

— А я убиваю за просто так, мне это нравится.

Кавказец направил свет в лицо русскому, долго ничего не говорил. Потом опустил фонарик вниз:

— Странная ваша нация, никакой логикой не обладает.

— К чему она, твоя логика? Ложку меду ко рту, что-ли, поднесет, или зарплату нарисует побольше? Я выполняю свое дело, вы мне за это отстегиваете. И не хило.

— Шакал ты, — подвел кавказец после некоторой паузы черту под разговором. — Скажу тебе прямо, шакалом ты и сдохнешь.

— Ну-ну, кто бы спорил, у тебя судьба покруче, — не стал собеседник возражать. — Недаром на вашем флаге волчара.

— Волк и шакал — абсолютно разные вещи.

Скирдач проглотил слюну, ободравшую горло, ему очень хотелось добавить, что волк и шакал — звери одной породы — псовой. Но он сейчас находился не в том положении, когда было бы не грех и побоговать, к тому же, оба фонарика уперлись лучами ему в лицо.

— Буди его, — приказал кавказец с характерным чеченским акцентом. — Пора

поговорить, если захочет спасти свою шкуру.

— Заставим, — живо откликнулся его напарник.

Удар тяжелого ботинка пришелся в пах, если бы Скирдач не подогнул колени, он бы скорчился от невыносимой боли. Второй удар принял на себя живот, защищенный толстой курткой. Старшина отморозков, перевернувшись на спину, оскалил зубы и всхрапнул.

— О, сучара, огрызаться надумал, — садист добавил ботинком еще раз.

— Я сам поговорю с ним, отойди в сторону, — чеченец шагнул вперед.

Он всмотрелся в лицо лежащего, опустившись на корточки, скривил кислую мину. Русский продолжал фонариком шарить по казаку, словно выискивал незащищенные места. Старшина на всякий случай полностью не расслаблялся.

— Мы сможем с тобой побеседовать? — ласково спросил кавказец. — Без мордобоя, по спокойному.

— О чем? — разжал Скирдач губы. — В таких ситуациях не разговаривают, а выбивают показания.

— Бывает, и горла режут, — чеченец прищурился. — Но нам надо сначала потолковать.

— Спрашивай.

— Ты помощник Слопка?

— Я старший над несколькими парнями, если хочешь, контролерами.

— А что входит в обязанности твоих людей?

— Следить в бригаде валютчиков за порядком, чтобы никто их не обижал.

— То есть, внутренняя охрана, я так понимаю?

— Что-то вроде этого.

— Слонок тебе доверял?

— Не понял, — Скирдач скосил на кавказца глаза. — Я выполнял свои обязанности, дела Слопка меня не интересовали.

— А кто дал команду, чтобы без разрешения валютчики не скупали камешки, а давали о таких клиентах сначала маяк бригадиру? Слонок? Или он повторил приказ хозяина, стоящего над ним?

— Команду дал Слонок, недавно, — зашевелил казак извилинами, в лицо явно пахло опасностью. Значит, завелась в их дружном коллективе продажная крыса, которая поставляет информацию в том числе и чеченцам. Недаром бригадир пытался навести об этом справки, но думал он, что конкурентов по бизнесу просвещает кто-то из нахичеванских армян. Зря, выходит, напрягался. — До этого обходились шепотком по цепочке от самих валютчиков.

— Я знаю, что все вы работаете по принципу гитлеровского гестапо. Каждый валютчик обязан доносить на другого, если заметит за ним что-то необычное, или если тот урвет кусок пожирнее. Отсюда быстрое раскрытие уголовным розыском квартирных краж, ограблений ювелирных магазинов, особняков богатых людей. Задержание в том числе клиентов с фальшивыми баксами, с оружием ..., — чеченец сдвинул на затылок норковую шапку, выпустив на волю непокорный чуб. — Вы почти все написали заявления о добровольном сотрудничестве с правоохранительными органами, и это нам известно. Меня интересует другое, с чего это последовал вдруг приказ о сдаче ментам клиентов с драгоценными камнями? Что послужило поводом?

— Откуда я знаю, — Скирдач отвел глаза в сторону. — Мне продиктовали указание, я его выполнял.

— Ты не вилай, сучара, сейчас въеду по белым зубам, и твоя голливудская улыбка исчезнет навсегда, — ощерился русский садист. — Правая рука ментовской шестерки, и не знает.

— Тю, братэла, озверел? Я говорю как есть.

— Нужно говорить как надо, а не как есть.

— Это не ко мне.

Толстая подошва зимнего сапога вдавила ребра на груди казака вовнутрь его тела, Скирдач скорчился, громко закашлялся, пытаясь восстановить дыхание. Еще один удар в лицо заставил его перевернуться на другую сторону, он чуть было не потянулся к голове рукой. Если бы это сделал, отморозки бы поняли, что ослабла веревка, стягивающая локти. И дальнейший ход событий разворачивался бы по иному.

— Ты мешаешь мне работать, — сквозь треск в скулах услышал казак голос чеченца. — Ломовые приемы побереги на потом, когда возникнет надобность. Сейчас из него нужно выкачать все ценное.

— Заставь еще этого пидора написать плаксивое письмо, как делают в Чечне твои соплеменники, маме или родным, чтобы они прислали за него бабки. А потом перережь ему горло, — отпарировал русский резко. — Вам много бабок накидали?

— Да ты борзеешь! — поднялся с корточек кавказец. — Что ты хочешь?

— Ничего, — огрызнулся напарник. — Побыстрее кончить этого козла.

— Мы его не за тем привезли сюда, ты не понял?

— Понял, работай...

Скирдач, отхаркавшись, задышал ровнее, подумал, что на вопросы нужно отвечать с оттяжкой, полужошью, полуправдой, чтобы заставить чеченца петлять парой извилин в неправильном черепе. Они там все уроды, вон как повыпирали из-под шапки лобные бугры. Если это удастся, появится возможность на какой-то период оттянуть свое животное существование. Глядишь, Слонок подсуетится, и тихий пяточок из десятка двухэтажных домиков профессионально прочешут парни из ОМОНа.

— Давай поговорим спокойно, — дипломатичный азиат, проводив злым взглядом русского, отступившего подальше, снова присел перед Скирдачом на корточки. — Мне известно, что один из валютчиков выкупил у деревенского мужика орден Петра Первого, усыпанный драгоценными камнями. Ты не знаешь, у кого, и за сколько, он его приобрел?

— Того валютчика уже нет в живых, — ответил Скирдач, стараясь не показывать слабости. — Теперь спросить у него не представляется возможным, да я и не интересовался.

— Пусть господь успокоит его душу, я... слышал. Но тот мужик примерно через пару недель объявился на базаре снова. Привез какие-то звезды с камнями, из-за чего среди валютчиков пошла гулять слухи о царском кладе, найденном тем крестьянином.

— Мало ли на Дону тех кладов, — заложник уместился на неровном полу поудобнее. — Байка о кладе атамана Стеньки Разина гуляет среди казаков из поколения в поколение. Но точного места до сих пор никто не указал.

— А вдруг его раскопал тот мужик?

— Вряд ли, гутарють, что Стенька зарыл свой клад на острове посреди реки Дон. Островов тех наберется, если взять от низовских казаков, с которыми атаман ходил на туретчину, и до самой станицы Раздорской, не меньше двух десятков, — Скирдач откашлялся, сплюнул на пол, он понимал, что его спасение может зависеть и от долгих разговоров. — Далеко ходить не надо, прогуляйся по ростовской набережной, и сразу

наскребется шпук пять. Самый большой из них Зеленый остров перед Нахичеванью, там тожить были казачьи лагеря.

— Кажется, на другом берегу стоит станица Елизаветинская?

— Она самая и есть, только подальше в сторону.

— Мужик оттуда?

— Может, и оттудова, я же сказал, что толковать с ним не приходилось.

— Так может, или со станицы?

— Про то надо спрашивать у других людей.

— У кого?

— Отпустишь, разузнаю, а так, что толку воду в ступе молоть.

— Молодец, Скирдач, казак в хитрости ни в чем не уступит кавказцу, — чеченец ухмыльнулся. — Если я тебя отпущу, то сам через пару часов окажусь в твоём незавидном положении.

— Этот быстро подвесит на дыбу, — подал голос русский садист, стоявший невдалеке. — Чего ты с ним баланду травишь, он обезьяну водит, не видишь?

— Вижу, но рассчитываю на его благоразумие, — согласился азиат. — Должен понять, что ему хотят добра.

— Чтобы потом ножом по горлу? — не выдержал наглости казак. — Я ж тебе не кацап и не хохол, которые вас не пробовали.

— Выходит, ты что-то знаешь? — чеченец быстро наклонился над ним. — Говори, зачем делать тайну из тебе не принадлежащего.

— Никто никаких тайн не делает, был разговор, но что к чему — неизвестно. Повторяю, отпущай, разведая поточнее.

— Придешь и все выложишь мне, — насмешливо хмыкнул патриот своей родины.

— Выложу, — угнул казак голову. — Жалко что-ли!

Чеченец встал, направил под ехидные похихикивания своего напарника луч от фонарика на длинные ноги лежащего на бетонном полу. Потом со свистом соснул воздух через крепкие зубы, поколотил перчаткой о перчатку, и ударил казака носком сапога в переносицу так, что кости хрястнули яичной скорлупой. Саданул еще раз, дождавшись, когда голова вернется на место, под верхнюю губу, и еще раз, теперь под подбородок. Спросил, отойдя чуть в сторону, у своего друга с плохо скрываемым отвращением:

— А почему у него не связаны ноги?

— Долго их перебить, — откликнулся русский с готовностью. — Тому, что в другом подвале, я потоптал не только ноги, но и руки с ребрами. На всякий случай.

— Повтори, — приказал чеченец коротко.

— Нет проблем...

Скирдач очнулся от того, что кто-то обнюхивал его щеку, в голове была мешанина, ориентация в пространстве отсутствовала напрочь. От ног по нервам добралась до сознания боль, она заставила покривиться. Рядом с лицом завизжало какое-то существо. Скирдач пришел в себя окончательно, вокруг колыхалась морозная полутьма, слабо подсвеченная откуда-то сверху. На воле, наверное, набрал силу новый день, неизвестно какой по счету, а свет пропускают решетки на вентиляционных окнах. Красиво, что и говорить. Рядом с окнами проходили люди, он же не имел возможности позвать их на помощь, потому что рот был забит раздавленными губами и осколками от зубов. Воздух через нос не проходил, значит, сопелку, чтобы не выступал, сровняли со скулами. Вспомнил, что за бетонной

стеной лежит куча тряпья, под которой спряталась убитая то ли женщина, то ли девушка. Мысль о скором конце принялась вновь высасывать из мышц остатки сил, он подумал, что если лежать не двигаясь, его еще живого обглодают крысы. Ростову на этих мерзких существ, и на маньяков, везло как никакому другому городу России, измученной самим народом. Скорее всего, ту, за тяжелыми блоками, они успели обожрать, иначе не стали бы к нему принюхиваться. Он попробовал пошевелиться, болезненные ощущения оторвались сразу от нескольких точек тела, но сознание не угасло. Скирдач перевернулся со спины на бок, подобрал под себя колени, и перекатился на голени, усилием воли отключив все возможные ощущения. Сел на ботинки задницей и осознал, что его общмонали с ног до головы. Одна рука выпала из-за куртки, замерла возле кармана, значит, веревка расплелась еще больше. Он подергал другой рукой, выставил ее, полумертвую, вперед, нашарил перед собой кучу мусора. Мобильник оказался на месте, но пальцы отказывались служить. Перевернув его кнопками вверх, он надавил ладонью на все разом, табло не загоралось, то ли подсели батарейки, то ли заморозился индикатор. Больше экспериментировать Скирдач не стал, потому что сотовый был единственной надеждой, он сгреб его с пола обеими лапами, пропихнул в карман. Он не ведал, сколько провел времени в этом подвале, не знал и своих истязателей, осталось только ждать звонка от своих, глядишь, мобила и сработает. А больше напоминать ему о себе было некому, Скирдач, как и бригадир, приехал из области, в городе снимал лишь квартиру. Разведенный, престарелые родители в станице, какой там телефон! Бабы были, но все временные.

Казак, не теряя драгоценных минут, проелозил на карачках несколько сантиметров, уткнулся лбом в глухую стену. Поднялся, цепляясь за отсыревшую штукатурку, потащился по перегородке к едва различимому выходу из помещения. В другой секции было посветлее, там ближе к углу чернела куча, Скирдач подобрался к ней, ничего не разглядев, передвинул ноги к следующему провалу в неизвестное. В третьем помещении оказалось почти светло, серый полумрак вливался через квадратный проем, рассеивался по комнате, он же чуть обозначил прямоугольник напротив. Это была, кажется, дверь. Казак, собравшись с силами, прополз по стене, шуганулся через проход к противоположной стороне. Устоял, не рассыпался трухлявым пнем, даже сумел вскарабкаться по высоким ступенькам к желанному выходу из заточения. Черная железная дверь предстала страшным обманом, она оказалась не только закрытой, но еще и без ручки. Скирдач, пошарив разбитыми пальцами по ней, зарычал от бессилия, не в состоянии заколотить кулаками по железу. Он не сдался, спустившись по лестнице вниз, побрел дальше осматривать бомбоубежище. Но дверь во всем громадном помещении была единственной, мало того, бомбоубежище было совершенно пустым, если не считать ведра припаявшегося к бетону дном. И здесь казак не упал духом, отодрав дворницкий инструмент, проторчавший тут неизвестно сколько, он поставил его перед одной из отдушин на попа, постарался взобраться на него и удержать в таком положении равновесие. Усилия были вознаграждены, он увидел ноги в зимней обуви, мелькавшие по ту сторону отдушины, полы разных пальто, мотавшиеся туда-сюда. Почувствовал человеческий дух, исходящий от прохожих, набрав воздух через рот, расклеил окровавленные губы... и задохнулся от приступа кашля. Снова оперся неживыми руками о маленький выступ перед окном на волю, всосал воздух в легкие. Голоса не было, он пропал. Просачивалось через мизерную щель в гортани хриплое сипение, не вспугивая на углах и тонких нитей паутины. Скирдач напрягся из последних сил, привстал на ведре на носки, подбородком, а не руками, оперся о спасительный этот выступ, чтобы удержать равновесие,

а после крикнуть во всю мощь. Перебрал, нашаривая точку опоры, тяжелыми ботинками, и ощутил вдруг, как осыпается вниз доминошным столбом, утратившим стержень. Дно ведра, проржавевшего насквозь, не выдержало веса казака, он стукнулся затылком о замусоренный пол, залитый бетоном на совесть.

А когда очнулся, все вокруг оставалось по прежнему, то же помещение, плавающее в полусумраке, та же отдушина, дышащая студеными сквозняками. Никто за все время так и не позвонил, он бы встрепенулся от звонкой мелодии на казачью песню, как только раздались бы первые звуки. Но никому, видно, он не был нужен, а может, закончилась у мобильного карточка, сели батарейки, или не включена нужная кнопка. Или он тоже сдох, пока валялся вместе с хозяином на замороженном бетоне. За стеной возвышалась куча тряпья, уже без души, качнулось на ноге жестяное ведро с провалившимся дном. Тело, показалось, заостенело напрочь, лишь внутри еще бился слабый огонек надежды неизвестно на что. Огонек заставил казака задергаться деревянным Буратино, скинуть с ноги трухлявую железку, он вновь поднял человека на попу. Скирдач, выковырнув сотовый из кармана, долго мял его между лопатами ладоней, не в силах отыскать и нажать на спасительную кнопку. Табло оставалось черным. Он измучился, понимая, что теряет драгоценные минуты, наконец, затолкал мобильник снова в карман. В голове пронеслась мысль о том, что если пришел конец, то стоит воткнуть ему в задницу хоть острую точку. Скирдач подцепил скрюченными фалангами ведро, вытолкал тычками погнутое дно, откинув боковину, смял подошвами трухлявую железку сначала один раз, потом второй. Дно сгиналось пластилиновым листом, получилось что-то вроде пластины с рваными углами и краями. Если это оружие упереть между большим пальцем и основанием указательного, можно попытаться попасть в глаз, если противник, конечно, будет в этот момент расслабленным. А если окажется на стреме, то он ускорит собственный переход за черту жизни. Впрочем, что смогут дать лишних несколько минут или даже часов, когда у некоторых целая жизнь пролетает впустую.

В железной двери перед центральной секцией бомбоубежища загремели ключи. Скирдач перекрестился, по стене продвинулся к проходу и притаился за углом, подумал, что сначала они фонариком начнут обследовать пол, а потом уже посветят лучом вокруг. Надо подловить такой момент, когда кто-то из них появится из-за блоков, привыкнуть к темноте он успел, должен различить, где находится глаз.

— Я подойду к нему первым, — негромко предупредил кого-то человек с чеченским акцентом, спускаясь по ступенькам. Скорее всего, тот-же чеченец упреждал прежнего товарища из русских отморозков. Стало светлее, видимо, перед дверью в коридоре горела электрическая лампочка. — Если он еще жив, потому что на исходе второй день, а в таком холодильнике недолго и в ледышку превратиться.

— Представляю, если эта шестерка Слонка не сдох, как он перекапывал мусор в поисках мобильного, — хохотнул садист, прикрывая за собой дверь. Это снова был он, наверное, члены бандитской группировки работали на пару. Скирдач отрешенно подумал, что русскими до этого случая в Асланбековской кодле не пахло. — Как он нажимал на кнопки переломанными лапами в надежде, что тот отзовется. Потом сел на сраку и завыл.

— Ты вытащил батарейки?

— Я их вставил вновь, но перед этим перекусил в гнезде провода.

Казак захлебнулся от чувства страха и одновременно ненависти, охвативших его, он понял, что пришел последний час. Никто из отморозков, подчиненных ему не доезжал до

такого изуверства, было все: утюги, электричество, иголки, переламывали руки с ногами. В этом принимал участие и он, выродок, как прозвали его в родной станице со школы. Все делалось по примитиву, вычитанному из книжек, но никогда до изуверства не доходило.

— О-о, ты молодец, — откликнулся чеченец солидарно, удаляясь в сторону дальней секции.

— Я веревки ему ослабил, пускай потешит себя близкой свободой. Отсюда все равно деваться некуда.

— Ты прав, еще ни один не вышел из подвала своими ногами.

— Гы-гы, это точно, только выносили. Надо Маркелычу сказать, чтобы подогнал труповозку. Вонюща...

Наступила тишина, лишь слышно было, как оба бандита, не говоря друг другу ни слова, переходят с места на место. Наверное, они взялись обследовать многочисленные темные углы. Скирдач едва удерживался от желания взвыть от бессилия, долгожданная свобода находилась в нескольких шагах, за просто прикрытой дверью. Он понимал с тихим ужасом, что не успеет на разбитых ногах пройти короткое расстояние, подняться по лестнице и добраться до выхода. А надо еще пробежать по коридору, выскочить на улицу и замести следы между домов. Если прикинуть, что садисты догонят его во дворе, то он и там никому не будет нужен. В Ростове-папе неукоснительно соблюдался один закон — паталогическое невмешательство в чужие разборки. Только сейчас до него докатилось, что жители якобы вольного города существуют в бесправном замкнутом пространстве. Казак, гулко сглотнув, сморгнул ресницами, скрутил нервы в поводья и натянул их. Смерть бывает красна не только на людях, можно красиво умереть и для себя.

— Вот, сука, уполз...

Луч фонарика вырвался из-за угла, пока далекого, уперся в противоположную бетонную стену. Скирдач придавил левой клешней к железке большой палец на правой руке, он ничего не чувствовал, но знал, что ржавая пластинка из захвата до срока не выскочит.

— Куда уползет это животное, забился, наверное, в какую щель, — промяокал чеченец озадаченно.

— И здесь нету, а под труп забраться он не мог... — отморозки перешли в другую комнату. — Слушай, а мы проверяли решетки на вентиляционных окнах?

— А ты до них дотянешься? К тому же, их танком не выломаешь.

— Вдруг какая прогнила, а эта падаль нашла подставку. Я видел вон в том углу ржавое ведро.

— В каком углу?

— Опа! Его уже нету...

Лучи от фонариков стали быстро приближаться, как только из-за угла показался силуэт человека, Скирдач легко вскинул руки, до этого неподъемные, ударил наотмаш в район предполагаемого глаза бандита. Почувствовал, что жестянка воткнулась во что-то твердое, отбросив неизвестного назад. Один из бандитов, глухо вскрикнув, бросился за перегородку, второй вильнул лучом во все стороны. Казак ударил в темное лицо и его, пожалел, что вряд ли удалось содрать с уклонившегося лба хотя бы кожу. И тут-же понял, что собственное тело едва не насквозь проткнули ножом, лезвие мягко вошло в грудь, как в тюк с материей, не зацепив ребер, оставив после себя комок, набухающий болью. Последовал еще удар, затем еще, Скирдач продолжал тянуться к противнику, силясь нанести хоть шрам, хоть царапину. Пусть даже заставить усраиться от страха, чтобы получить самому облегчение от смерти,

принявшейся выжимать из него жизненные соки. Он осознал, что дама эта беспощадна, как жизнь при рождении на свет. Пришел срок — все. А темный силуэт продолжал наносить удары, как робот на ткацкой фабрике, приставленный людьми протыкать в джинсовой ткани дырки для заклепок. Молча, механически. Затем он отскочил на расстояние, готовый к бегству, осветил фигуру казака дергающимся лучом, и ударил с ненавистью ногой в продырявленную им грудь. Когда Скирдач распластался на полу, смахнул рукавом пальто пот, обильно смочивший лоб, поддержнул слюну с соплями, украсившие пузырями ноздри с уголками вздрагивающих губ. Казак успел улыбнуться мысли, убегающей от него, что страшно было не только ему, но и этому зверенышу, возомнившему себя равным с цивилизованными людьми. Там, на небесах, поджидающих его, он не собирался спорить о том, что представлял из себя отбросы общества. Не думал оправдываться обстоятельствами, сложившимися не так. Но этот зверь человеком никогда не был, и не будет по одной причине — он еще не научился прощать. А казак, бывало, прощал, чаще, чем следовало по законам, неписанным для беспредельщиков.

— Поганый гяур!.. — чеченец продолжал брызгать выделениями, не замечая, что на его узком лбу все же выступила полоска крови. — Неверная тварь, на кого ты хотел поднять руку? Я заколочу тебя живого в бетон, ты прогрызешь его до земли и сам выкопаешь себе могилу. Прямо на этом месте.

— Сделай это, я прошу тебя..., - подвывал сзади русский садист, которому казак сумел сорвать с левого глаза волосатую бровь с приличным куском мяса. Он притрагивался к ней окровавленными руками, опасаясь придавливать, думая, что Скирдач проткнул ему заодно с бровью глазное яблоко. Потом выхватил из кожаной куртки пистолет “Макарова”, попытался снять с предохранителя, но кровь обильно проливалась на веки, а мокрые пальцы скользили по металлу. — Дай, я сам умолочу его, я вышибу ему моргала...

— Он уже издыхает, — чеченец искал выхода для ненависти, и не мог найти. Животные страсти перекосили черты грубого лица, сотворив из него потустороннюю маску прислужника дьявола. — Но я не дам ему умереть человеческой смертью, он подохнет как паршивый баран.

Чеченец оттолкнул друга, выскочившего вперед, опустился на колени перед умирающим казаком. Подсветив себе фонариком, руками деловито пробежался по горлу, словно прощупывал, в каком месте удобнее будет резать, чтобы нож не наткнулся ненароком на твердое препятствие, чтобы работу не пришлось повторять заново. Для мужчины из их рода это посчиталось бы позором. Чеченец, как бы обозначив твердыми ногтями путь лезвия, приставил острие под скулу казака, заглянув ему в потухающие зрачки, оскалился крепкими зубами. И моментальным движением перехватил его горло от одного бока до другого. Кровь толчками зафонтанировала из широкой раны на подбородок, на грудь Скирдача, казак со всхрипом втянул в себя воздух, и выпустил его с таким же жутким хрипом. Уже ненужный.

Глава двенадцатая.

Леха Слонок метался по собственному особняку как зверь, загнанный в угол. Деваху, затраханную до полусмерти, он еще утром сволок по лестнице в прихожую на первом этаже, затем не поленился подняться еще раз, чтобы собрать в кучу ее одежду. Швырнул разноцветные тряпки на тело, расprostертое посередине помещения. Вызвав по сотовому одного из охранников, приказал погрузить подругу в восьмидесятую “Ауди” и отправить ко всем чертям, хоть утопить в недалеком пруду. Сам вскарабкался снова на второй этаж, осмотрел оружие, припрятанное на случай осады в каждой комнате. Под подоконником, прямо по центру главного въезда в усадьбу, пристроился крупнокалиберный РПД на сошках, пристрелянный, в других помещениях были АК или АКСу с полными рожками, готовые к применению. Пули в магазины набивали разные: бронебойные, со смещенным центром с ртутной каплей в дырочке сбоку, просверленной и запаянной, трассирующие, даже зажигательные. Затем, удостоверившись, что все оружие пригодно к стрельбе, он набрал номер телефона Крохаля, недалекого но исполнительного, попросил, сообщив последние новости, обзвонить пацанов, чтобы те были готовы исполнить в любой момент его приказания. Лишь когда стрелки на часах показали половину восьмого, а сквозь зашторенные окна промялся серенький рассвет, решился звякнуть самому Хозяину.

— Говоришь, Сороку в заложники взяли чехи? — переспросил начальник базарной уголовки.

— Так сообщил по сотовому Скирдач, а ему успел передать сам валютчик, пока его катали по Нахаловке, — повторил Слонок. — Скирдачу его похитители еще не представлялись.

— И не представятся. Но это не армяне, те любят работать, как по паленому, так и по заложникам, под другие фирмы. Я думаю так, — пришел к выводу Хозяин, немного поразмыслив. — На Сороке можно поставить крест, парня, конечно, жалко.

— Почему? — Слонок затаил дыхание.

— Потому что он ничего не знает, выкупил Петра Первого у Тутушки, который ни слова не сказал про мужика, двинувшего нагрудный знак. Факт этот ясный, иначе крестьянина пас бы весь базар. И перепродал за символическую цену Чоху. Если бы Сорока был в курсе, сколько стоит вещьца, он бы так не поступил, он скорее всего подумал, что это обыкновенные стекляшки. Это второй облом не в его пользу. А Чоха чуть придавили, он пальцем указал на Сороку, получается, что на нем сходятся все нити дела — он выкупил, он перепродал. Станут Сороку пытаться, ему сказать будет нечего, финал в таких случаях известен — лишних свидетелей убирают.

— И где искать, к тому же, неизвестно, — почмокал бригадир губами. — Нахаловка хоть и низкая, да раскинулась на половину Железнодорожного с Октябрьским районов. Там не перечешь домов с нехоженными подвалами.

— Между нами, а кому это нужно, у каждого своих забот полон рот, — прогудел Хозяин с сочувствием в голосе. — В самой Москве убийц Листьева с Холодовым никак не найдут.

— Все правильно, — ухмыльнулся бригадир криво, он и рад был помочь подчиненным, попавшим в беду, но не знал чем. В первую очередь, по причине сохранения своей шкуры. — Если бы верховная власть страны захотела бы изловить Масхадова с Басаевым, те рассматривали бы уже внутренние стены Бутырского санатория с расстояния в полтора

метра.

— Не будем об этом. Хотя УКГБ и поменяли на УФСБ, но никто не отменял прослушивание телефонных разговоров в государственных целях, — начальник уголовки помолчал. — Я попробую сейчас связаться с нужными людьми, глядишь, что и получится. У Скирдача положение получше, ориентиры его просматриваются, у Сороки, повторяю, надежд никаких, тем более, если дело связано с чехами.

— Вот в чем и проблема... звери намостырились провозить людей через непроходимые якобы кордоны. Сами предаем, сами продаем, в Чечне все подвалы забиты нашими.

— Ты понимаешь. А теперь к делу, — в голосе начальника послышались твердые ноты. — Я бы посоветовал тебе забить стрелки сначала с Пархатым, а потом с чехами.

— Стрелка с нахичеванскими у меня на третий день после Нового года, — запаниковал Слонок. — Все расписано по нотам.

— А я предлагаю забить на сегодня, часов на пять вечера. Не допер еще, что происходит? — Нажал Хозяин на железо. — Людей, имеющих крышу — нашу крышу! — стали воровать из-под носа. За подобное жестоко наказывают.

— Понял, — сглотнул бригадир слюну, ставшую поперек горла. — А когда с чехами?

— На этот же час на второй день. Если останешься в живых, — съязвил начальник уголовки.

— Заметано.

— Прикрытие твоей группе будет обеспечено. Работай потом, доложишь результаты переговоров.

Хозяин положил трубку. Слонок отключил сотовый, присел раз десять на корточки, чтобы унять дрожь, возникшую в коленях. Потом подошел к бару в стене, отвинтил пробку на бутылке с коньяком, сделал прямо из горла несколько крупных глотков, принялся вместе с бутылкой в руке наматывать километры, мотаясь семенящими шагами от одного окна к другому. Прошло с полчаса, ничего нового за это время на ум не приходило. Он завалился на диван, обитый плюшевой материей, взглянув на настенный терем с позолоченным маятником, присосался основательно к бутылке. Ничего не помогало, нервная лихорадка, встряхивающая с самого начала тело, продолжала колотить его, будто он очутился снова на мостике раздолбанного комбайна, списываемого каждый год за профнепригодность из родной механизированной бригады и ежегодно восстанавливаемого в тех же списках. Бригадир рывком поднялся с дивана, проскочил в одну из комнат к тумбочке с аптечкой. Выдернув из картонной коробки блестящую пластинку, выковырнул из ячеек несколько зеленых таблеток элениума. Забросил их, разинув пасть, на язык и с бульканьем запил коньяком. Минут через пятнадцать повело капитально. Он включил мобильник не дожидаясь, пока лекарство начнет действовать в полную силу, набрал номер соперника по контролю над ювелирными магазинами, со скупками золотого лома.

— Да, — отозвалась трубка недовольно.

— Пархатый...

— Эта нэ Пархатый.

— Мне нужен Пархатый, я сказал, — рявкнул бригадир.

— Сэйчас.

— Я слушаю, — голос в трубке был высоким и тоже жестким, но он оказался знакомым.

— Пархатый, я забиваю тебе стрелку сегодня, на пять часов вечера, — Слонок облизал липкие губы. — Ты меня понял?

— Что случилось, дорогой? — немного удивились на том конце связи. — Стрелка намечена у нас с тобой на третий день после Нового года, и я о ней не забывал.

— Она переносится из-за нарушения тобой и твоими людьми договорных условий. Сегодня в пять часов вечера на том же месте, я больше повторять не буду.

— Какие нарушения?.. Какими моими людьми?.. — обиделись вроде в трубке. — Дорогой, ты думай, о чем ведешь базар, за это можно и ответить.

— Вот ты и будешь отвечать, по полной. Я не стану напоминать, что бывает, если сорвешь стрелку. Конец связи.

Слонок, бросив мобильник на диван, поднял бутылку за доньшко и вылил остатки коньяка прямо в горло. Опять посмотрел на терем на стене, стреловидные указатели замерли на восьми часах утра. Впереди, чтобы хорошенько отдохнуть и придти в себя, был достаточный период. Сняв с волосатого запястья накрученные “Сеико”, он поставил будильник на три часа дня и напялил браслет обратно. Кажется, он сделал все, что в таких случаях было необходимо. Парни предупреждены еще до раскладов с Хозяином, оружие проверено до базара с ним же, можно отрубиться на несколько часов. А там судьба сама решит, кому проторять дорогу на том свете, а кому на этом продолжать боговать дальше.

Бригадира разбудил звонок на стационарный телефон, он долго не мог сообразить, в каком месте особняка находится и какие события предшествовали неожиданной пьянке. Но телефон трезвонил настойчиво и злобно. Слонок редко кому позволял пользоваться этим номером, обходясь вечно сотовым при нем. Во первых, по стационарному нетрудно вычислить местонахождение объекта, во вторых, прослушать по нему разговоры не составляло особого труда. Он оторвался от двуспальной кровати, на которой валялся не раздеваясь и не разуваясь, прошкандылял к узкой тумбочке. Номера накручивал Крохаль, глупый но исполнительный, замещавший Скирдача в несерьезных проблемах.

— Я тебе где-то с час уже звякаю. Ноль внимания.

— А почему не по сотовому? — дернул Слонок щекой.

— Ты ж его, видно, отключил, или слабый сигнал.

— Рассказывай, что там произошло, да покороче, — разрешил бригадир, кинув сердитый взгляд на диван, на котором оставил мобильник. — У меня есть тоже дело ко всем пацанам.

— На базаре объявился Коца, пришел к часу дня, занял свое место.

— Да и хер с ним, с этим Коцей, с ним разберемся потом. Ты по нему позвонил?

— Не совсем, у Кидалы в палатке расположился Микки Маус, балдеет будто ничего не знает. Я попытался прощупать его на предмет новых поступлений раритетов от Коцы. Молчит, как Сергей Лазо у паровозной топки.

— И с ним базар еще впереди. Сколько времени, ишак? У меня до трех дня мертвый час.

— Половина третьего, бригадир, извиняй, если что, — слышно было, что на том конце провода немного стушевались — Но главное не это, передаю теперь самую важную информацию.

— Достал уже, козел, давно бы передал! — завелся бригадир. — Когда я приучу вас сообщать в первую очередь основное.

— До Коцы подканалы два чеха, прикинутые от и до, — Крохаль сразу заторопился. — Тихари от Асланбека, не иначе.

— Подробнее, — , приказал Слонок, внутренне подбираясь.

— Про треп между ними ничего сказать не могу, далеко, да и Коца не подарок. Сначала

он съездил по зубам Скопе, выследившего его с мужиком, а потом устроил гонку за нашим из молодых, стрелявшим в него. Тот поклялся при всех, что пульнул вверх и в сторону, для остратки. Коца пообещал его закопать.

— Дальше, не томи.

— После базара с чехами Коца озверел вообще. О чем они толковали, хер их знает, только чехи тоже взвились на дыбы. Они разошлись с предьявами друг к другу.

— Когда это было?

— Часа с полтора назад.

— Кому еще про это известно?

— Никому, кроме наших.

— А теперь слушай внимательно, то, что ты сейчас продиктовал, мы замнем до лучших времен, — бригадир провел по лицу рукой, сгоняя остатки балдежного сна под элениум с коньяком. Но вялость таилась везде, она начала бесить, эта немощность некстати. — Предупреди пацанов, что все должны собраться в четыре часа возле автостоянки, на которой я паркую свой джип. Пусть они наберут бойцов на пять машин, стрелка с Пархатым перенесена на сегодня на пять часов вечера, в район парка Авиаторов. Ясно?

— Это между вторым Орджо и Авиагородком? По Новочеркасской трассе.

— Именно. Броники, боекомплект, санпакеты. Дай парням маяк, чтобы не бздели, нас подстрахуют.

— Таких среди нас нет, — Крохаль как-то скомкал фразу.

— И не будет, — оборвал Слонок жестко.

— А что будем делать с Козырем? Он же полуармянин.

— Метла тоже армянин, то ли метис... Перс, Катала, Зурик. На рынке четверть валютчиков из местных армян, или из метисов, да еще хохлы. Дальше что?

— Понятно, евреи, падла, уже плачут... хотя, вместе больше двухсот лет живем.

— Козырь и другие армяне местные, а эти понаехали из наглючей материнской Армении, подбивать нахичеванских с чалтырскими. Скоро Чалтырь станет уже прозываться НАР — народная армянская республика.

— А кто за ними пойдет? Чалтырские с нахичеванскими давно забыли свой язык, они обрусели. Хотя, дай волю, враз вспомнят.

— Все правильно. Выполнять.

...Вереница разномастных легковых машин во главе с джипом “Лэнд Крузер” просвистела по Садовой, затем по Советской. Она повернула на площади Карла Маркса, на которой местные армяне надумали водрузить памятник Екатерине Второй, в сторону проспекта Шолохова.

— Стоит еще, — Крохаль устроившийся рядом со Скопой, кивнул со злой усмешкой на гранитный бородатый монумент. — Давно бы снесли, если бы не был евреем, или похожим на армяна,

— Кого? — переспросил, не отрываясь от дороги, Скопа, сидящий за рулем шестого “Ауди”.

— Карла, сочинителя “Капитала” только для русских, — пояснил Крохаль, подтягивая ремень на короткоствольном АКСе. — Я не против Катьки, которую они хотят взгромоздить вместо Маркса, она заслужила, она же наградила армянских беженцев, гонимых турками, нашими землями. А если честно, это туйфта, понимаешь? Им лишь бы зацепиться, потом и вместо Катьки нарисуетя какой-нибудь Вартапет-освободитель от Османского ига. А наш

родной Ростов-папа почернеет и превратится в азиатский Эчмиадзин, где армяне начнут трахать в задницы не только наших девочек, но и мальчиков. Они повальные педики.

— Ну ты корещ, загнул, у меня из армян много друзей, неплохие ребята, хотя с ними ухо надо держать остро, — не согласился Скопа с доводами товарища. — А вот насчет памятника ты прав, дай разрешение, площадь через год не узнаешь. Станет армянской с аксакалами на лавочках, или как их, дашнаками в турецких шароварах, в туфлях на босу ногу с загнутыми носами. У них из своего только носки, теплые и пестрые, из овечьей шерсти.

— У них все овечье, даже телевизоры со стиральными машинами, — пробурчал Крохаль. — Своего ума хватает лишь на кидалово.

Монумент с Вечным огнем остались позади, но в салонах других машин базар на эту тему не затихал. Кавказцы, в частности, ростовские армяне, достали жителей донской столицы наглыми претензиями. На площади с Театром Юного Зрителя из-за памятника императрицы едва не разгорелась настоящая бойня между местными армянами и коренными ростовчанами. Если бы нахичеванские армяне, подогреваемые посланцами из Еревана, установили ту статую, произошло неминуемо бы разделение единого Ростова-на-Дону на два города — на Ростов-папу и Нахичевань-на-Дону. И пошел бы гулять передел по всему югу России. Уже армяне Армавира на Кубани подняли горячие головы, объявив его древней столицей государства Айастан, зашевелились армяне из материнской Армении, скупившие за бесценок хибары по черноморскому побережью от Туапсе до Адлера. На трассах за южными городами появились плакаты с надписями: Россия, убирайся отсюда. Здесь территория Кавказа. На Кубани засилье армян превратилось в запредельное. За родной Арарат с территорией, отобранной турками, армянам затевать драку с басурманами было не с руки, вмиг бошки открутили бы, как в 1915 году, когда вырезали полтора миллиона. А с Россией, бесправно-лапотной после революции, чего не повоевать, она все простит. И теракты в московском метро, и паленую водку цистернами, с сотнями тонн животного жира вместо сливочного масла, из-за которых население расплачивалось тысячами жизней. И кидал, и фальшивые баксы, и даже то, что русскую девушку, завоевавшую на конкурсе красоты первое место, армянский изувер облил серной кислотой. За то, что отказала ему в мерзкой любви. Но... просчитались. Местные армяне не сумели поддержать разыгравшиеся аппетиты армянской ереванских, да и русские вспомнили, что данные территории испокон веков числились за славянами. Прозывались они Тмутараканью.

— Ну, сука, времена настали, то Москву оккупировали казанские татары, то прибалты носы отворотили. А теперь на мозоль наступают кавказские племена, — не мог успокоиться Крохаль, несостоявшийся историк. — Ничего, и черная напасть перемелется, как татаро-монгольское иго. Где они, татаро-монголы, и где теперь немытая для них Россия?

Скопа в знак солидарности положил руку на плечо товарища, он словно подтверждал помыслы последнего, что сегодня русскими парнями за право быть хозяевами на своей земле будет преподан урок ведения боевых действий.

Примерно такие мысли, после пересечения незримой границы с Нахичеванью, толпились в головах и остальных боевиков бригады Лехи Слопка, спешащих на стрелку с отморозками Пархатого. Парни заводили себя, провожая неприязненными взглядами каждого кучерявого на стоянках общественного транспорта.

Сразу за Берберовкой, на подъеме из заснеженной балки, от которой начинался парк Авиаторов, расположился на обочине трассы гаишный пост, состоящий из парочки “ДЭУ” с голубыми милицейскими полосками по бокам и УАЗика, приторчавшего по другую сторону

дороги. Мент в форме гаишного патруля маякнул головному джипу карманным фонариком.

— Все в порядке, нас подстраховывают, — расслабился на пассажирском сидении Слонок. Баранку джипа крутил за него Козырь. Добавил. — Перед дорогой не Александровку сворачивай направо, прямо в рощу, остановишься не доезжая самолета на стреле. Осмотримся.

— Понял, — буркнул насупившийся Козырь.

Сзади с автоматами на коленях отдыхали трое штатных боевиков бригады, набранных из числа парней, прошедших горячие точки. Они представлялись очень удобными, эти молодые сухощавые ребята — чуваш, адыгеец и русский. Среди них попадались татары, коми, калмыки и какие-то саха-якуты из-за уральского хребта. Наемники не совались ни в какие дела, им было все равно, кого отправлять на тот свет. На рынке у многих из них родственники крутились валютчиками, скупщиками драгоценных металлов или промышляли зубным высокопробным золотом. Остальные считались их друзьями. Но все работали под началом Хозяина, поэтому назвать парней посторонними было бы неправильно. Скорее, они за добрую отстежку хоть российскими бабками, помогали, как и другие члены бригады, восстанавливать справедливость,

Кавалькада нырнула в заросли, покатила по обледенелому узкому асфальту, в просветах показался серебристый реактивный самолет, насаженный хвостом на стреловидную наклонную стеллу. Вокруг не было ни души, гнутые стволы акации с сиренью и дикой жерделой, покрытые почерневшей корой, торчали из глубокого снега усохшими будыльями на замерзшем пруду. “Лэнд Крузер”, неслышно рокочущий, остановился, затем просунулся на несколько метров вперед, не заглушая двигателя. Бригадир через лобовое стекло внимательно оглядел окрестности.

— Вот пидоры черножопые, — досадливо цыкнул он сквозь зубы, коронованные золотом. — Не дай бог не заявятся, все повешу на них. И покушение, и похищение, и захват не своих территорий.

— Каких территорий? — повернулся Козырь к нему. — Они со времен передела в девяносто третьем году границ не нарушали.

— Родная кровь взыграла? — Слонок вмиг ощерился. — А кто недавно скупку за “Яблочком” прикарманил? Мою скупку.

— Я не знал, что она стала твоей, надо предупреждать, Никто из наших тоже не в курсе, — сощурил помощник черные зрачки. — А если эту скупку мы взяли под свой контроль, то почему отстежка не поступает в общий котел?

— Потому что она только на днях включена в список нашей территории, — бригадир, стараясь унять бешенство, смахнул с губ слюну. — Я сделаю объяву, когда соберется очередная сходка.

— Ты успокойся, на стрелки с таким настроением не выезжают, — посоветовал Козырь.

Слонок молча выдернул из кармана широкий носовой платок, провел им по лицу, вытер губы. Сонное одурение от элениума с коньяком начало проходить, перерастая в тревогу, сдерживаемую с трудом. Пока она поселилась только под сердцем, но он знал, что тугой ее комок, маленький поначалу, способен в любой момент расползтись по всей груди. И тогда возникнет паника, унять которую можно будет лишь бешенством, вызванным искусственно. Клин вышибается клином. Он снова, сунув платок в карман, обвел дорогу и рощу вокруг сверлящим взглядом, на расстоянии видимости было по прежнему пустынно. Точное время встречи катастрофически исходило на нет. Бригадир, вытащив из бокового кармана куртки

длинноствольный “ТТ”, нажал на кнопку на рукоятке, проверил обойму, вогнал со щелчком ее на место. В это время мобильник запиликал одну из ростовских блатных песен, Слонок поднес к уху брус, утыканный кнопками.

— Не там ищешь, дорогой, с похмелья ты, наверное, не туда въехал, — высоким голосом Пархатого прогундосила трубка. Слонок от неожиданности чертыхнулся про себя, а мобильник продолжал издеваться. — Так бывает, когда коньяк постоянно торчит на виду, и пройти мимо бутылки нету сил. Я помню, что бар в твоём доме расположен прямо в гостиной.

— А где его нужно располагать? — ощерился Слонок. — В твоей заднице, что-ли?

— Ну зачем так грубо, бар со спиртным должен быть в баре, — не унималась насмешливая трубка.

— А ты не пьешь? Или говно, как некоторые, через тряпочку посасываешь? — Чуть не взревел бригадир, сдерживаясь из последних сил. — Помню, в моём доме лично я помогал тебе спуститься по лестнице, чтобы ты смог дойти до своей машины.

— Было дело, — не стала спорить трубка. На том конце связи поцыкали языком между зубами, смачно сглотнули слюну. — Слонок, оглянись назад, я уже здесь.

Хозяин машины невольно крутнулся на сто восемьдесят градусов, забыв, что обледеневшие тонированные стекла стали похожими на сценические шторы в оборках. Трое бойцов, расслабившиеся на сидении, никак не отреагировали на его выпад. Бригадир, приняв прежнее положение, сплюнул под ноги, он понял, что Пархатый пристроился в хвост его колонне, и сейчас находится на этой же дороге за поворотом, скрытом от глаз густыми зарослями кустарника. Во всей роще только этот участок, да еще по краям, не был прорежен усердными лесничими. Слонок чертыхнулся про себя, мол, хорош, армянский кряква с короткий нос. Выбор места стрелки принадлежал Пархатому, и бригадир согласился, уточнив лишь время, он еще тогда подумал, что следовало бы досконально проверить район встречи. Не родные русаки, разъезжающие по стреляющей Чечне верхом на бронетехнике, вместо того, чтобы за нее прятаться. Потому и гробы с грузом двести идут оттуда нескончаемым потоком, скупо поблескивающим странными цинковыми пятнами, как в Великую Отечественную. Словно на этих гробах заморозились капли материнских слез.

— Слышишь, Слонок, если гаишники на трассе подстраховывают тебя, то дело твое швах. Мы так не договаривались, — снова загундосила трубка. — Я все просчитал, отход в том числе, все менты, к тому же, схвачены и готовы порвать жопу тебе первому.

— Если они с нами, то тебе вообще труба, попал ты между молотом и наковальней, — не стал бригадир вдаваться в ненужную полемику. Не согласился он и на долг. — Отход ты имеешь ввиду куда, на тот свет?

— Вместе с тобой, у тебя дороги впереди нет, дальше завал, — взвизгнул Пархатый, не выдержав долгой беседы. — А у меня есть боковой отвод.

— Который тоже успели завалить мои гаишники, — подбавил Слонок хворосту в огонь. — Короче, Пархатый, выходим.

— Выходим, — отозвался, чуть помедлив, напряженный голос главара бригады нахичеванских мучеников, у которых проблем было побольше. И территорию надо было свою отстоять, и площадь Карла Маркса украсить Екатериной Второй. В то время, как Слонку любые памятники не сдались вовсе. Пархатый с угрозой повторил. — Выходим, дорогой.

Бригадир, побегав по кнопкам сотового, повернулся к Козырю, сидевшему за рулем,

махнул свободной рукой, чтобы тот выключил двигатель, работавший на малых оборотах. Приставив мобильник к уху, сдержанно приказал Крохалю, сидевшему в машине, следующей за ними:

— Выходим. Передай по цепочке — оружие на взвод.

— А где армяне? — засуетился помощник. — Их что-то не видно.

— Пархатый висит у нас на хвосте, за поворотом с кустами, — спокойно объяснил Слонок, он прекрасно понимал, что с недалекими людьми нужно говорить убеждениями. — В кучу не сбиваться, рассеяться на обе стороны. Ты лично держись от меня на расстоянии десяти шагов, если что, давай команду на гасилово. Тут не до базара.

— Ясно. Приступаем.

Слонок, спрятав мобильник, откинулся на спинку мягкого сидения и отключился от действительности. Потом дернул за ручку двери, скомандовал Козырю с троими бойцами сзади:

— Вперед, на том свете, говорят, тоже есть жизнь.

— Кто бы сомневался, — поддержал его Козырь, снимая “Макаров” с предохранителя.

Вокруг машин деловито суетились подчиненные бригадира, передергивая затворы автоматов, загоняя в рукоятки пистолетов обоймы, полные патронов. Некоторые, прислушиваясь к тихим приказам Крохалю с Метлой, быстро продвигались по направлению к недалекому отвороту дороги, охватывая как бы полукругом участок банды конкурентов с их невидимыми еще средствами передвижения. Слонок, щелкнув дверью, направился широким шагом за своими бойцами вдоль ряда автомобилей. Можно было, пока они занимали места, идти спокойно, не выказывая волнения. Один из бойцов возился за багажником иномарки, третьей по счету, с разобранным АКСом, он, раскрыв крышку ствольной коробки, ковырялся внутри механизма распрямленной булавкой.

— Нашел время, — притормозил бригадир, снимая свой “ТТ” с предохранителя большим пальцем правой руки. — Что случилось?

Он не опасался удара в спину, но с некоторых пор могло произойти все, если брать в расчет покушение на него самого в центре дневного рынка, набитого людьми. В голове начала крутиться мысль о том, что в среде преданных людей завелся доносчик. Иначе как объяснить тот факт, что о ценностях, выкупленных у мужика, знают члены других группировок, расплодившихся в Ростове словно крысы в период мора.

— Тормозится, сука, наверное, мусор какой подхватил, — отозвался боец, продолжая тыкать булавкой вовнутрь. — Затворная заедает.

Козырь, шедший с другой стороны, тоже приостановился, глазами дал понять, что он присмотрит. Бригадира у последней машины дождался Крохаль, он широко расставил ноги, положив руки в кожаных перчатках на ствол и приклад АК семьдесят четвертого, давая всем видом понять, что ему подобные разборки не впервой. Слонок узрел еще через несколько шагов никелированный радиатор шестисотого “Мерса”. А потом вереница “Мерседесов”, от самого престижного до консервной банки сто девяностой модели, испачкала черной гадюкой укрытую снегом дорогу через рощу, давно не тревоженную протекторами.

— Козлы черножопые, на всем лоск стремятся навести, — не удержался Крохаль от оскорбления в адрес армян. — Я одному как-то доказывал, что кавказцы тупые. Штаны с сапогами, и те носят русские, не говоря об изобретении хотя бы стиральной машины. Ты знаешь, что он мне ответил?

— Что? — спросил Слонок машинально.

— Привезут.

— А ты бы не прикинулся дураком, а сказал бы тоже в ответ.

— Что?

— Только труд делает из обезьян человека.

Боевики из группы поддержки уже расположились полукругом перед колонной машин армянских беспредельщиков, успевших рассеяться по бокам дороги. Издалека, облокотившись о капот, посмеивался Пархатый, главарь банды в длинном черном пальто с шарфом грязного цвета. Высокая шапка не смогла прикрыть иссиня черных завитушек, выпершихся из-под ее низа.

— Наемник, падла, с таким надо базарить жестко, — сказал Слонок будто сам себе.

— Кто наемник? — Крохаль пошарил глазами впереди. — Пархатый, что-ли?

— Он самый.

— Я его, вроде, знаю уже сто лет, и все на Нахичевани крутится.

— Он ереванский боговик, не из местных. Говорят, скоро состоится воровская сходка, на которой его будут крестить в воры в законе.

— Этого отморозка? Шушеру эту? — воскликнул Крохаль, и тут-же согласился. — Не запахло, в России после Славы Япончика остались одни грузинские да армянские воры в законе, еще азербайджанские с тарабарскими. И здесь порядка как не было, так и нет.

— Все, базар окончен. Значит, как договорились, — Слонок обдал соратника тяжелым взглядом, потрогал еще раз в боковом кармане куртки ребристую рукоятку пистолета. — Я пошел.

— Удачи, бригадир, я на стреме.

Фигура Пархатого, высокая и полная, тут-же отделилась от “Мерса”. Слонок по мере приближения успел рассмотреть, что добрая треть боевиков тоже не местного происхождения, они заросли черной щетиной, имели длинные и тонкие носы. Русские дикие гуси, воевавшие в Нагорном Карабахе, рассказывали, что состав армяней не однородный, бывало, они принимали национального ополченца за азербайджанского поджарого патриота. Значит, главарь вызвал для поднятия боевого духа подмогу с гор, но и среди этой разношерстной команды попадались парни со славянскими чертами лица. Пословица не суй свой нос туда, куда собака хрен не сует, была не про них.

— Привет, Слонок, — протянул Пархатый руку в перчатке. — Рад встречи с тобой.

— Я обрадовался еще больше, — не стал и бригадир снимать перчатку. — Всю ночь не спал, думая о твоём здоровье.

— Хамишь, ара, — Пархатый с кислой миной коснулся тисненой кожи, у него проститутский номер не прошел. — Куда уходят теплые отношения, которые сопровождали нас на протяжении стольких лет.

— В Библии прописано, что все течет, все меняется. Вот и мы с тобой не стоим на месте.

— Ты что, за Библию взялся, что-ли? — приподнял главарь черные брови.

— Мне она ни к чему, но почему бы не запомнить хорошие мысли.

— Вот и давай обсудим по доброму проблемы, возникшие между нами.

— За тем и встретились, — Слонок в упор посмотрел карими зрачками, налившимися нездоровым блеском, в черные глаза соперника. — Первое, с этого момента вся территория по Садовой и Советской до магазина “Яблочко” со скупками драгоценного металла, с ювелирными магазинами, с обменниками валюты, объявляется территорией нашего

влияния. Их будут контролировать наши люди.

— Никто на нее не претендовал, она и была вашей, — Пархатый с напускным удивлением развел руками. — Бригадир, какая муха тебя укусила?

— Объясню, — скрипнул Слонок зубами. — Мне доложили, что ваши золотушники с менялами прибрали к рукам все доходные места до Театральной площади и саму площадь от того же “Яблочка”. Они сгоняют с мест наших людей, угрожают им, одного ограбили и побили. Это так?

— Подожди, дорогой, ты что-то путаешь. Межевая линия между Ростовом и Нахичеванью испокон веков проходила по пересечению улицы Советской с улицей Верхне Нольной, которая пролегает, если ехать из Ростова, за Театральной площадью. До тебя не дошло еще, почему местные власти не взялись переименовывать в Большую Садовую проспект Энгельса, бывший главным, до площади Карла Маркса, а поменяли название только до Театральной? Ведь трасса тянется стрелой от главного железнодорожного вокзала почти через весь город. Я тебе объясню, потому что за Театральной начинается территория города Нахичевани-на-Дону, поэтому и оставили улице прежнее название — Советская. На ней почти через остановку расположился магазин “Яблочко”, получается, что наша территория от площади, в том числе и магазин.

— А я располагаю информацией, что Нахичеванская слобода начиналась с площади Карла Маркса, которая далеко за магазином “Яблочко”, если ехать, как ты выразился, из Ростова. И если дошло до дележа, то черта раздела должна пролегать вообще за площадью Карла Маркса, потому что только за ней начинаются ваши убогие трущобы с кривыми переулками, в которых сам черт ногу сломает. Короче, благодарите Катьку за подарок и обустройвайте его как хотите, но на ростовский каравай рот не разевайте. Узнаю, что армяне продолжают моих людей изживать от исконно русских доходных мест, больше нормального базара — вокзала не обещаю.

— А что ты можешь нам пообещать? Войну объявишь? — расхохотался в лицо Слонка главарь нахичеванских отморожков. — Не боишься проиграть?

— Пархатый, как это воспринимать? — Слонок налился нездоровой краснотой. — Ты мне угрожаешь?

— Ну что ты, дорогой, — продолжал армянин скалить зубы, он все больше утверждался в мысли, что перед ним обыкновенный отморожок, цена которому пятак в базарный день. Эта мысль возникла давно, с начала периода знакомства с ментовским ставленником. — Вот ты сказал, что армяне на подаренных императрицей землях со времен переселения ничего стоящего не возвели. А что успели с тех эпох возвести русские, кроме двух-трех этажных зданий вдоль главной улицы и в самом центре? Они все в трещинах, вся Богатыновка разваливается пополам, я промолчу про Нахаловку, Берберовку, Сельмашстрой, Кацапстрой, с медвежьими Наримановскими углами. Все мы, земляк, из Советского Союза.

— Тебе земляк ереванский отморожок, езжай туда качать свои права. — ощерился Слонок.

— Мои права при мне, и ты мне не указ, — сузил Пархатый черные зрачки, ощущая, что запал у противника ложный. Скоро на его место вернется страх, привычный таким людям.

— Значит, наших условий ты не принимаешь?

— Они неправильные, недостойные настоящего толковища, — отмахнулся главарь как от назойливой мухи. — Не мы должны решать этот вопрос, наше дело выкачивать бабки из любого доходного места, если оно оказалось без нужного присмотра.

— Тебе мои люди не предьява?

— Они работали плохо.

— Вопрос исчерпан, — бигадир всхрипнул.

— Он не стоит выеденного яйца, — подтвердил Пархатый, ухмыльнувшись. — Давай второй вопрос, только не тяни с вашими-нашими. Все наше, зачем лишний базар.

— Ты организовал на меня покушение? — спросил Слонок в упор. — Только не виляй, все равно все успело перейти в ваши руки.

— Да кто ты такой, какой-то паршивый отморозок! — вконец возмутился Пархатый. — Прими за честь, что я приехал на стрелку с тобой, скоро прикажу отрубить хвост лучшему твоему другу, и ты ему отрубишь. Сам.

— Хорошо сказал..., хотя в воры в законе тебя еще не короновали. А ты в этом уверен?

— До вора мне всего один шаг, и к бабке не пойду. А ты как был ментовским шакалом, так шакалом и сдохнешь.

— Опять поглядим, кого поставят смотрящим по Ростову, — Слонок понял, что вчистую проигрывает стрелку. Бешенство искало у него выход, и не находило его, но и авторитеты, как и монументы, ему тоже были до одного места. — Не рано возносишься?

— В самый раз, коронация не за горами. И кто знает, кто займет на этот раз место смотрящего в Ростове-папе, соблюдающем воровские законы.

— Тебя будут короновать грузинские с армянскими авторитеты, это они, что-ли, соблюдают законы? Ты дури, часом, не перекурил? — гоготнул бригадир внаглую. — Кто я такой, спрашиваешь? Я отсюда родом, это моя земля, а что представляют из себя такие, как ты, беженцы из нищих республик? Кто и когда на Дону признавал за истинных воров в законе армянских с грузинскими самозванцев, которые выкупают себе титул за бабки? Общероссийским общаком у нас заправляют свои, и если на трон взгромоздится выходец из черножопии, Ростов-папа упадет со смеху.

— Слушай, курва, исхода стрелки дожидается на александровской трассе гаишный патруль, который приставлен тебе на помощь. Ты думаешь, я ничего не понял? — Пархатый с презрением сплюнул сквозь зубы.

— Пусть будет так. Дальше что?

— Среди десятка русских ментов, твоих патриотов с боевым оружием, всего один армянин. И он один устроит так, что в твою защиту десять русских пальцем не шевельнут. Он уже так сделал.

— Каждого бабками обнес! — процедил Слонок с остервенением, понимая, что армянин говорит правду. — И они прижухли.

— И бабками, о чем разговор, но самое главное, ты своим соплеменникам сто лет не сдался, — сорвался главарь, наконец. — Они тебя первого готовы отправить на тот свет. Пош-шел на хер, сучка отмороженная, пока я тебя не опидарасил прямо здесь, на виду у твоих пидоров от рождения...

Слонок, отшатнувшись, заюлил глазами в поисках выхода из положения, но его, как и вначале, не находилось, лишь новая волна беспомощности взялась заглаживать гребень бешенства, вздыбившийся по первости. И тогда он попер по мужицки напролом — или по животному — когда оба существа попадают в положение, безвыходное для них. Выдернув из кармана пистолет, он приставил его к груди Пархатого:

— Это я опидарашу тебя, сучня черножопая, прямо на месте, чтобы все видели, что до вора в законе тебе как козлу до сохатого оленя, — брызнул он слюной в лицо армянину. —

Ты откуда к нам появился, чтобы устанавливать здесь свои порядки?

— Тихо, тихо, — главарь нахичеванских сбавил тон. Если бы на месте отморозка оказался блатной, он был бы обязан его уделать. Но для беспредельщиков законы никто не удосуживался написать. — Слонок, не води обезьяну, она тебе может дорого обойтись.

— Это ты обезьяна, — взвинчивал себя Слонок, понимая, что дальше отступить некуда. — Вот ты за все сейчас и ответишь. Пошли со мной.

— Куда?! — опешил армянин. — Опомнись, родной, мы не на сцене!

Кольцо из боевиков с обеих сторон начало сужаться с катастрофической быстротой, одно неловкое движение или возглас главарей могли заставить блевать свинцом немалое количество оружия, находившегося в их руках. Крохаль нервно повел стволом по черноголовым рядам, парни от Хозяина сделали это привычно, развернувшись боком к противнику и чуть подогнув колени раздвинутых ног. Точно так-же поступили заросшие и узколикие боевики с армянской стороны, этот прием как бы разделил обе бригады на бойцов, принимавших участие в боевых действиях, и на салаг, еще не обстрелянных. Остальные забегали глазами в поисках укрытий. Снова получалось, что больше преимущества оказалось у армян, они почти не отошли от своих машин.

— В мой просторный джип, для подробного расклада, — бригадир пожирал противника зрачками. — Не в твоих ли сейчас подвалах томятся валютчик Сорока и Скирдач, мой заместитель? Шкуру с них сдираешь, чтобы добыть информацию об орденах с камешками? Отвечай, с-сучня!..

— Каких подвалах?... Какие валютчики?... — Пархатый суетливо зашмыгал коротким, словно обрубленным, носом. — Что за ордена с камешками? С перепоя гальюники покатили?

Неспокойное поведение противника окончательно утвердило главаря базарных беспредельщиков в его догадке, что нахичеванские не только пошли на захват территорий, исконно принадлежавших местной братве, но и пронюхали подробности о ценностях из неизвестного клада, объявившихся на рынке. Этого было достаточно, чтобы предъвить претензии в полный рост.

— Вперед, пидор, не на морозе же трахать тебя. Ты обязан ответить за все.

— Да ты совсем с катушек слетел, грязная свинья... — взбесился Пархатый, потерявший чувство опасности.

Но преимущество над русским отморозком не покинуло его даже в этом случае, сняв перчатки, он швырнул их на землю, бросил руку в карман черного пальто, холеные пальцы с платиновым перстнем на одном из них успели обхватить удобную ручку браунинга и показать его всем. Слонок постарался нажать на курок первым. Подцепив за грудки тело беззаконника, такого же как он, притянул его к себе, защищаясь от града пуль, сыпанувшего в него, завалился на жесткую дорогу. Вокруг пошла молотьба колосьев из человеческих тел, созревших для жатвы, смерть будто решила устроить праздник урожая среди зимы. Она подсчитает потом, кто умрет стоя, кто в муках, а кто останется жить, пока же саван ее метался над озверевшими людьми белым на всех покрывалом...

Менты, разминавшиеся у патрульных машин на трассе, ведущей в Александровку, услышали стрельбу сразу, они, замерев на какое-то время, быстро повернули головы в сторону дороги, нырнувшей в рощу. Руки в теплых рукавицах потянулись к автоматам, повешенным на грудь поверх гаишной формы.

— Не договорились, теперь пойдет рубка до последнего, — сказал кто-то из них. —

Помните славные бригады новочеркасца Сотника с дагестанцем Аликом, контролировавшие вещевые рынки? В живых тогда не остался ни один.

— Да и хер с ними, звери поганые, пусть хоть на куски порубятся, — отозвался его сосед. — Никакого к ним сожаления, одна ненависть.

— Это потому, что тебе платят мало, — буркнул первый из ментов. — Зависть, понимаешь?

В этот момент от автомобиля командира подразделения раздалась громкая команда:

— Приготовиться! Как только взмахну рукой, бегом по машинам.

— Вот и гони, тебе за боевые надбавки начисляют, — пробурчал под нос не побывавший в Чечне мент с крестьянским лицом, к которому успел подойти и все объяснить заместитель командира, армянин с погонами старшего лейтенанта — А мне бы сто лет оно не снилось, у меня семью кормить нечем и квартиры еще нет.

Примерно такие-же чувства отражались на большинстве лиц милицейских сотрудников, обмундированных в гаишную форму, набранных из близлежащих населенных пунктов, обнищавших за время перестройки. Когда смотришь по телевизору отрывки из военных архивов про Первую мировую войну, не встречается более подлых рож даже в тех нечеловеческих условиях, масса которых вдруг выбросилась на площади и улицы больших городов. Невольно возникает вопрос, откуда они повыпирились, из каких захолустных углов!

— Пора, иначе они изрешетят друг друга, — расстегнул кобуру командир подразделения, прислушиваясь со вниманием к автоматной молотьебе. — Надо помочь Слонку сохранить боевой костяк. Эти отморозки еще пригодятся для контроля над настоящей оргпреступностью.

— А они что, еще не организованные преступники? — сощурил заместитель нагловатые глаза, пропуская сигаретный дым через толстые губы. — Не спеши, я слышу, что бригада Слонка работает слаженно.

— У него боевиков меньше, чем у Пархатого, — не согласился командир. — Ты заметил, сколько “Мерсов” завернуло в рощу от нахичеванских, и сколько “Ауди” с “Хитачи” от центрального рынка? У первых “немцев” штук двенадцать, у вторых всего пять иномарок. Уверен, они загнали Слонка в капкан и теперь решают его судьбу по своему.

— А тебе не все равно, какая у них судьба? — лениво проговорил старший лейтенант. — Они свою судьбу выбрали сами, всего лишь отморозки, что те, что другие.

— Не скажи, со своими беспредельщиками нам справиться будет легче, — не согласился командир, не переставая подставлять ухо отзвукам боя. — ИИ забыл про Буденновск с Первомайским, про дохлые базары Черномырдина и Ельцина с Басаевым и Радуевым. Представь себе, если хлынут эти банды из чехов, ингушей, татар и прочей сволоты на города и села России. Что от нее останется?

— Не забудь добавить — от светлой, — ухмыльнулся заместитель. — Ты бы лучше подсчитал, сколько зла натворили солнцевские с люберецкими бригады и подольские с тамбовскими. Грабили и убивали своих без оглядки, я не упоминаю про Уралмаш с Тольяттинскими автовазовцами.

— Я сказал, что мне справиться со своими легче, — напрягся командир.

— Тогда не стоило создавать Союз Советских, — не остался в долгу старлей.

— По машинам, — капитан, развернувшись к милиционерам, резко взмахнул кожаной перчаткой. Уже на ходу, усаживаясь в тесный “ДЭУ”, бросил своему заму через плечо. — Не хера было самим проситься под крыло матушки-России, не создан бы и Советский Союз.

— Никто не просился, это была настоящая экспансия, — огрызнулся тот.

— Тогда надо было воевать лучше.

Милицейский “Уазик” с парой корейских “ДЭУ”, исполосованных голубой краской, ворвались по узкой дороге в рощу. Проехав какое-то расстояние на тормозах, выбросили из распахнутых салонов человек двадцать поджарых собровцев в пятнистых бронежилетах. Бойцы, вскинув на ходу стволы АКСов с откидными прикладами, дали в воздух дружный предупредительный залп. Наверное, его приняли за подоспевшую помощь к какой-либо из сторон, потому что стрельба усилилась. Собровцы придвинулись вплотную к людям, уничтожающим друг друга, повели стволами вверх голов, заставляя последних прижиматься к земле. Кто-то из мешанины беспредельщиков в горячке разборки пальнул в сторону ментов, и получил немедленно в ответ целый рой раскаленных пуль. Автоматные очереди тут-же прекратились, армяне, прячущиеся за автомобилями, побросали оружие подальше от себя. То же самое сделали их противники, лежащие за корявыми телами деревьев. На дороге и по ее обочинам разбросались с обеих сторон в различных позах члены двух отморозенных бригад, отпускающие души на небеса. Собровцам такая картина была не в новинку, они зорко следили за тем, чтобы кто-то не пальнул в них по дурости.

— Вот сука, взял бы чуть повыше, и как раз под горло, — боец, с трудом переводя дыхание, показывал сослуживцам пулю, застрявшую в бронеке. — Нагнуть две акации, привязать падлу за ноги и разорвать пополам.

— Его без акаций порубили в капусту, — откликнулся товарищ, стоявший рядом, смахивая пот, выступивший из-под каски. — Родная мать не узнает.

Один из трупов на середине дороги зашевелился, все автоматы и пистолеты тут-же взяли его на прицел. Бойцы настороженно наблюдали, как расслаивается неторопливо на две половины толстое тело, разбухшее от одежды. Отбросив “ТТ”, оно высвободило из-под широкого черного пальто сначала руку в джинсовом рукаве, потом ногу в зимнем сапоге на толстой подошве. Пальто ничком уткнулось в промороженный насквозь асфальт, а человек сел, наконец, задницей на укатанный наст, припорошенный снегом с алыми подтеками, замотал коротко стриженной головой. Казалось, его от мощного взрыва контузило. Командир подразделения, всмотревшись в окровавленную морду, хлопнул по бронежилету рукояткой “Макарова”:

— Твою мать... Уцелел.

— Кто это? — уставился на обрюзгшую фигуру, напрягая зрение, прапорщик, стоявший рядом. — По моему, он из бригады беспредельщиков с центрального рынка.

— Так и есть, бригадир, собственной персоной.

— Вот сука, повезло, а? — подключился заместитель командира. — По расположению трупов, на переднем крае стоял. Его должны были изрешетить.

— А он хитрожопый, из кацапского наплыва, как только прикатил из области, так сразу пошел в дамки, под крыло начальника уголовного розыска рынка, — сплюнул капитан с радостной злостью. — Замочил главаря конкурирующей группировки и тут-же прикрылся его телом. Проторчал до конца разборки под ним.

— Ворэт пуци кунэм, — матернулся старший лейтенант по армянски. — Всех отморозков надо следственным органам не сдавать, а перестрелять прямо на месте, чтобы больше не смердили.

— Опоздал, дорогой, уже воронки вызваны, — ухмыльнулся в усы командир. Крикнул бригадиру, продолжавшему качаться посередине дороги. — Слонок, поднимайся, пора своих

пересчитывать.

— Стараюсь, — донесся хриплый ответ. — Слышь, служивый, разреши сотовым воспользоваться. Страсть, как захотелось с женой побазарить.

— Обойдешься, руки за голову и на раскорячку вон к той машине. Если не можешь идти, руки опять за голову и мордой вниз. Я два раза не повторяю.

Из-за деревьев показались крытые эковозки с тупорылыми радиаторами.

Глава тринадцатая.

Валютчик Сорока, прикованный наручником к ржавой водопроводной трубе с горячей водой, проклинал день, когда связался с Чохом, скупщиком орденов и медалей. У него не возникало сомнений, что это он, длинномордый и голенастый нумизмат со стажем, похожий на американского ковбоя, сдал его незнакомым парням, перехватившим уже по дороге домой и приволокшим сюда, в этот вонючий подвал неизвестно под каким зданием и в каком районе города. Единственное, что успел он сделать, это позвонить Скирдачу по сотовому, и, пока крутились на “Уазике” по закоулкам, назвать приблизительно место плутания. Похитители часто останавливались, выходили из машины, совещались, скорее всего, точного места назначения они сами не знали. Этим и воспользовался меняла, не шмонавшийся вначале. Ему почудилось, что они елозили по знаменитой Нахаловке, беспредельного района со дня основания города Ростова-на-Дону, хаотично застроенного частными домами. Потом последовал удар в челюсть и провал. Очнулся Сорока на бетонном полу, мокром от воды, текущей из труб, одна рука была свободной, он провел ею по лицу и сразу отдернул. Под пальцами вместо бровей, носа и губ заслякало липкое месиво. Значит, молотили без сожаления, а это верный признак того, что валютчик ни к чему беспредельщикам, и нужно готовиться к самому худшему. Сорока, вспомнив о сотовом телефоне, зашарил по карманам, они оказались вывернутыми наизнанку. Ни ключей от квартиры с машиной, ни записных книжек, ни мелких денег. Барсетки возле бока с крупной суммой валюты, капусты, с золотым ломом больше сотни граммов, с изделиями из него, тоже не нашлось. Спину сводило ноющей болью, по ногам будто потопталось стадо слонов, Сорока попробовал добраться по горячей трубе до сипящих звуков, это ему удалось с большим трудом. Маленький фонтанчик бил из второй трубы с холодной водой, проложенной намного выше первой. Влага, ржавая и едкая на вкус, освежила немного полость рта и усохшее горло, он собрал ее рукой сколько сумел, смочил разбитое лицо. Вспомнил вдруг, что в сапоге с высоким голенищем, задернутым брючиной, должен быть охотничий нож. Он по крестьянской привычке засовывал такой же нож за голенище сапога, когда приходилось перед зимними праздниками ходить по дворам и резать свиней и овец. Было удобно, почесав животину и заставив ее расслабиться, выхватить клинок за удобную рукоятку и всадить его в мягкое живое тело, ощущая, как собирается оно стремительно в одну точку, как принимается трепетать на конце стального жала каждой жилочкой. Так и держать, неторопливо проворачивая, пока внутри не умрет сама жизнь. Сорока пошарил пальцами по брючине, нащупал рукоятку, сделанную из оленьего рога, улыбнулся, откинувшись на трубы. Одного он сумеет забрать с собой, а там как господь решит. А пока не грех бы освободиться от стального браслета, успевшего надавить запястье до онемения всей кисти. Хорошо еще, что верхняя его половина нагревается не очень, не распространяясь на нижнюю, хотя сам браслет трогать бесполезно, но может сгнила труба, к которой он прикован. Ее надо поковырять острием, нащарить слабое место, тогда останется одна проблема — лишь бы хватило времени, остальные заботы осыпались бы как осенние листья. Сорока чутко прислушался, ни звука, ни шороха, или дом был нежилой, или наступила глубокая ночь и жители спали. Выдернув нож из-за голенища, он потыкал по поверхности трубы, острие не входило в слой краски, оно скользило, та перемешалась, наверное, со ржавчиной, образовав крепкий защитный слой, но работать надо, иначе отдыхать придется

на том свете. Валютчик снова и снова, перевернув на живот непослушное тело, пробовал на крепость трубу, проложенную еще хрущевскими, скорее всего, сантехниками.

Прошло больше часа, Сорока за это время успел проковырять небольшое отверстие сверху трехдюймовой трубы, из которого принялась с сипением бить горячая вода. Почти кипяток. Это могло означать лишь то, что в доме жили люди. Он перестал чувствовать руку до локтя и пальцы, промочился насквозь сам, но с упорством обреченного долбил и долбил в одно место, до тех пор, пока не понял, что из затеи не выйдет ровным счетом ничего. Труба прогнила действительно, но только там, где на нее капало с других труб, притрушиваясь мельчайшей пылью. Снизу она оставалась новой. Сорока вдруг осознал, что сам ускорил свой конец, фонтан заработал таким широким веером, что спрятаться от кипятка было практически невозможно. Если никто не заглянет в подвал, он медленно сварится, или просто сопреет, а если отключат горячую воду, заледенеет — по низу бетонного пола гуляли сквозняки. Валютчик осторожно погладил плоское лезвие ножа, странная улыбка раздвинула его губы.

Время тянулось медленно, а может, остановилось вообще. Никто не тревожил тишину подвального помещения, кроме сипения горячей воды из отверстия сверху, вызывавшего теперь бессильную ненависть. Сорока понял по своим биологическим часам внутри тела, что прошло больше одного дня, потом пространства и расстояния, а вместе с ними временные пояса, окончательно смешались, на голову опустилась бесконечность. Лужа, образовавшаяся на холодном полу, растеклась, напитала водой низ полушубка, теплые плотные брюки, забралась в зимние сапоги. Успела подморозиться. А сверху валютчика поливали раскаленные брызги, промокли насквозь шапка, полушубок, свитер с рубашкой, они исходили густым паром, забивавшим ноздри и горло. Сорока изредка приходил в себя, принимался с остервенением рубить ножом дырку в трубе, тыкать в стальной браслет, не замечая, что уже промахивается и метелит по собственной отмершей руке, превращая кожу в лохмотья. Кровь уже не бежала, она запекалась от страха, терзавшего плоть. Мысль перерубить руку, возникшая поначалу, сдохла не вызрев, для этого нужна была точка опоры, а перебитые ноги оказались не в силах за что-то зацепиться. Тело с поврежденным позвоночником представилось таким же беспомощным. Если он вначале смог еще подтянуться на руках, чтобы собрать со второй трубы холодной воды, то сейчас здоровая рука сумела лишь вцепиться пальцами в рукоятку ножа. Силы начали иссякать, отбираемые страхом, обстоятельствами и темнотой, делая валютчика безжизненным, уже согласным на преждевременный конец.

Он так до конца и не понял, в чем его обвинили, знал лишь одно, что его подловили по наводке Чоха. Об участии того в похищении говорило то, что нумизмат подходил перед концом работы к нему и пытался о чем-то предупредить. Наверное, о том, что проговорился гнилым людям о сделке с ним, и что он, Сорока, больше чем сам Чох знает о том мужике, продавшем раритет с драгоценными камнями. Но связано ли это с нагрудным знаком с портретом Петра, или причина крылась в другом, он не ведал, у каждого подобных сделок с перекидами было миллион. Он выкупил пару лет назад у какой-то старухи настоящий голубой бриллиант в несколько карат величиной, оправленный в золото пятьдесят шестой пробы. В царское золото с женской головкой, с гербами и фамильными печатями. Подарок судьбы отдыхает до сих пор в надежном месте, но шума от той нечаянной сделки, с трудом замазано, было достаточно. Или если вспомнить покупку шашки самого атамана Давыдова с золотым эфесом, с императорскими вензелями. Атаман был награжден ею в Париже, уже

после наполеоновской кампании. Шашка ушла в надежные руки сразу, да суета вокруг нее продолжалась с полгода. То налетела делегация усатых казаков, то музейные работники достали просьбами об описании редкого экземпляра. То нагрянули с чемоданами денег личности, под видом которых могли оказаться люди хоть самого Вадика Червонного, вора в законе, смотрящего по Ростову. Попробуй узнай, что в первую очередь заинтересовало похитителей, замурававших его здесь, может быть, они держат менялу для того, чтобы спокойно ограбить его квартиру. Или выпаривают, чтобы размягчился и рассказал о ценностях на стороне, спрятанных помимо домашнего добра. Все имеет право на догадку, да с кем бы теперь ее разрешить, тех отморожков и след простыл. Валютчик опять вырубился в который раз за последнее время, хватанув разом густого плотного пара. Очнуться его заставило какое-то движение в темноте, это не был пугливый шорох крысиных разведчиков, подбиравшихся по трубам к покалеченной руке, и не шум ледяного ветра за стеной, залетавшего в подвал через вентиляционные отверстия. Движение походило на осторожные шаги наощупь, когда люди пытаются в крошечном мраке дойти до нужного места. Сорока инстинктивно затаил дыхание.

— Где-то здесь... Б...дь, бардак, что в квартирах, что на улицах, что в засранном подвале, — слышался негромкий присаженный голос с характерным мяокающим акцентом. — Что за нация дебилов с руками в жопе.

В груди у валютчика принялся разрастаться ледяной ком, он ясно осознал, что ему пришел конец. Разговор с дикими зверями был один — через прицел вооружения любого вида, они никогда не поймут, что их аулы насквозь пропахли овечьим и коровьим говоном, которым они вдобавок топят печи. Сорока, спрятав нож за голенище сапога, закрыл глаза, пытаясь сконцентрировать силы для последнего броска. Жаль, что свободной оказалась только левая рука, что наручник не отпустит далеко, классный получился бы бросок из положения лежа. А ударить в нужное место он бы сумел.

— Мы прошли твою трещину в полу, включай фонарь, — замяокал снова тот же голос. — Теперь нас никто не заметит.

— Сейчас включу, — проворчали чисто по русски.

Узкий луч света ударил сначала в заваленный мусором пол, затем пошарил по низким стенам подвала из бетонных блоков, уперся в изжеванную кучу тряпья, представляющую валютчика. Сорока продолжал лежать в том же положении, не подавая признаков жизни.

— Сдох, что-ли! — то ли спросил, то ли просто воскликнул чеченец. — А ну дай фонарь.

Он поводил лучом по нелепой фигуре в овчинном тулупе, промокшем насквозь.

— Слушай, ноги у него вмерзли в лужу, а из-под воротника с шапкой поднимается пар, — сказал русский с удивлением. Встрепенулся — А, это прорвало трубу с горячей водой, вот сука, классно пристроился на контрастный душ.

— Видишь руку в браслете? Наверное, грыз.

Чеченец поцокал сочувственно языком, погромел в кармане металлическими предметами, может быть ключами от наручника. Наклонившись над Сорокой, долго светил ему прямо в закрытые веки. Валютчик, чтобы не выдать себя любым движением, собрал в кулак всю силу воли, он совсем недавно мечтал о том, чтобы пришли пусть даже враги и навсегда прекратили его мучения. Сейчас же он желал только одного, чтобы эти враги ушли поскорее, тогда он снова попытается вырваться из когтей смерти. Он обязательно что-нибудь придумает.

— Я говорил Асланбеку, сюда надо было приехать на следующий день после того, как мы в бомбоубежище замочили дебила, тогда бы мы выбили из скота все, что требовалось. Это второй сплетник в толпе менял, а Метла у них самый главный. Но Метла не выкупал ничего, а этот знал все новости, — пробормотал чеченец, распрямившись. — Такие, как он, родную маму за пятак не пощадят, чтобы стать первыми. У кого теперь спросить, кто продал ему тот орден с камешками, и почему Леха Слонок остался жив, если в него стреляли люди из бригады Пархатого. А стрелять хорошо они умели всегда.

— Ты лучше проверь, может, он еще живой, не получилось бы как с тем казаком, — посоветовал русский, подходя поближе. Он сильно ударил грубым сапогом по ногам Сороки, затем раздробил каблуком пальцы на его левой руке. — А ну вставай, вонючее животное, притворяешься тут... Раздавлю как последнюю жабу.

Кости фалаг захрустели, Сорока не смог выдержать сильной боли и возникшей вслед за ней мысли о том, что отсюда он теперь точно никогда не вырвется. Правая рука давно отмерла от браслета, сдавившего ее, от кипятка с морозом, от ударов по ней ножом. Левую поломал отморозок из соотечественников, крепко до сего момента любимых, бьющих себя в грудь и прославляющих нерушимое отечество во главе с русским народом. Он приподнялся, дико вскрикнув, уперся воспаленным взглядом в нависшего над ним нелюдя с перевязанным кровавым бинтом левым глазом, в чеченца с длинной лентой пластыря на узком лбу. Попытался плюнуть в харю русского упыря, но слюна давно закончилась. И провалился в небытие.

— А ты хотел оставить его в покое. Того пидора в бомбоубежище тоже не стали сразу трогать, так он устроил нам проверку в подвалах, — гоготнул как-то несмело русский отпадок. — Надо было заковать казака в наручники и отбивать по порядку внутренности, тогда бы что-нибудь получилось. Хорошо, что я карманы прощмонал, — пушка, пика, кастет, если чего не выгреб, так гранатомета. И в кармане у этого ишака тоже завалился газовый. Давай к делу приступать.

— Еще ты не заметил у казака сотового, который тот спрятал потом под кучу мусора. Мы до сих пор не знаем, воспользовался он им, или нет, — медленно процедил кавказский абрек сквозь зубы, скосив злые зрачки. — А когда решил, что деваться Скирдачу некуда, ты ослабил ему веревки. — Добавил. — Чтобы призывать к активным действиям, надо не забывать собственных ошибок.

— Я про свои ошибки помню, — заюлил отморозок тощей задницей. — У казака мобильник был засунут в один из внешних карманов на рукаве. Кто бы о нем догадался? А руки я ему развязал тогда, когда тот задышал на ладан.

— Едва этим ладаном Скирдач недохнул на нас, — чеченец дал резкую отмашку. — Не мешай мне сосредоточиться.

Кавказец некоторое время пристально всматривался в лицо валютчика, ушедшего вновь в беспамятство, долго водил по нему лучом фонаря, прощупывая каждую черточку. Потом проверил трубу, наручники, последил, как над головой менялы поднимается пар, как подернулась ледком лужа под ним. И молча полез в карман.

— Ты надумал его отстегнуть? — запаниковал русский, заметив в руках у чеченца ключи от браслета. Наверное, он понимал на подсознательном уровне, что земля круглая — что пошлешь вперед, то в спину и возвратится. — Давай работать, не расколется — добьем.

— Меняла уже добит, сам собой, — сказал чеченец жестко. — Это он ковырял трубу, чтобы снять браслет, ноги у него отморожены, голова ошпарена, руки раздроблены. Нам

здесь делать нечего.

Он отомкнул наручники, последил, как безвольно шлепнулась кисть вдоль тела валютчика, чувствовалось, что не впервой ему приходилось наблюдать подобную картину. Затем брезгливо протер о брюки Сороки стальные кольца, сунул их в карман короткой дубленки. Они еще должны были сослужить службу.

— Я не могу его так оставить, — русский заметался глазами по сторонам, наткнувшись на половинку кирпича, поднял ее рывком над головой и опустил со всей силы на лицо менялы, словно тот успел вырезать всю его семью. — Подыхай, падла, будешь знать, как хапать без спроса драгоценности у больших людей.

Подобрав камень, замахнулся с ненавистью во второй раз. Чеченец, следивший за его действиями, презрительно скривил рот, спросил с отвращением:

— Ты что, животное? Сейчас ты ничем не лучше его.

— Но и не хуже, — отозвался с одышкой русский, опуская камень на голову валютчика. — Не хуже, понял?

... Во дворе трехэтажного дома на Нахаловке, недалеко от Железнодорожной больницы, не могли никак о чем-то договориться Артур Хачикян с Полиной Голопузовой, девятиклассники, возвращавшиеся со школы. Артур жил через пару кварталов отсюда, Полина в этом доме на втором этаже. Свечерело, двор погрузился во тьму, подсвечиваемую лишь расплывчатыми пятнами света из окон. Морозец градусов под пятнадцать со смурноватыми порывами ветра, обычными в донских краях, от которого дубели не только щеки, но и ноги в теплых ботинках, подавливал, обещая начать к ночи прессовку по серьезному. Двор был пустым, даже бродячие собаки попрятались по потаенным щелям. Артур забрался рукой в кожаной перчатке за пазуху подружке и разминал ей с нагловатой усмешкой на красных губах выросшую грудь. Подружка стояла рядом, словно описалась, на покорно подогнутых ногах, с дебильной миной на круглом лице, с большими карими глазами овцы, влюбленной в своего барана. Родители ее, потомки крестьян из российской глубинки, переехавших в двадцатые годы на великие стройки, не уставали приводить в пример кавказцев. Мол, они работающие, денег, а хоть наспекулированных на перепродаже овощей с продуктами питания, наворованных бандитскими наездами, наверхенных на паленых джинсах с водками, у них нераспечатанные мешки. Вот за кого надо замуж выскакивать, а не за русских дурбалаев, хлеставших эту паленую водку и сотнями тысяч сдыхавших от нее. Однажды девушка не выдержала и задала матери вопрос:

— А что же ты сама надумала выскочить за русского? За безвылазно ломающего хребет, вместо накручивания денег, на стройках пятилеток.

На что мать не задумываясь ответила:

— Милая, я бы выскочила замуж и за цыгана. Да не берут.

Полина запомнила накрепко материнские наставления, и теперь млела от счастья, что сам красавчик Артур обратил на нее внимание. Пусть он в школе двух предложений связать не мог, не отыскивал на карте ни одной страны, даже родной Армении, не был в силах перемножить одно число на другое, это проблемой для него не являлось. Он переходил из класса в класс, его отец имел сразу две машины, домяра на том краю, где обосновались они, беженцы из Азербайджана, не уступал цыганским хоромам. Единственное, что смущало, это половые с ним связи, перешедшие в почти ежедневные, и там, где приспичивало Артурчику. В школе — в дальнем углу гардероба, или на захлавленной лестнице на чердак, вне школы — летом где придется, зимой — за выступом любого здания. А еще странные ощущения в

области живота, начавшиеся месяца через два после прекращения менструации. Артурчик не предохранялся, несмотря на рекламы вокруг, а она стеснялась об этом сказать. Вот и сейчас Полина поняла, что дело движется к тому, от чего рада бы отказаться, да дружок немедленно перекинется на ее подружку. Их, блядей, было много, а такой как он — один.

— Ну, пойдём, Полина, — гундосил Артурчик. — Я начал уже замерзать.

— Куда, Артур, люди кругом, — жевала она все те же сопли, не поднимая век.

— В твой подъезд, я же сказал, станешь раком между этажами. Или отсосешь.

— А кто увидит! Потом будут в морду тыкать, — отнекивалась она, вспоминая запах его немытого члена, но боясь покривить губы. — Да и холодно вокруг, в подъезде тоже.

— В первый раз, что-ли, тогда сношались вообще на ледяном ветру. У меня член покрылся коркой.

— А у меня все внутри огнем пылало. Думала, сдохну.

— Не сдохла же? — хохотнул Артурчик участливо. Скосил выразительно красивые черные глаза в сторону высокого фундамента дома. — У вас подвал есть, помнишь, мы летом уже там были. Давай заберемся туда.

— Я боюсь, на отдушину бродячие собаки воют, — Полина уткнулась лицом в мягкий мех его дорогой курточки. — Я отцу сказала, тот отмахнулся, мол, там какая-нибудь из них концы отдала.

— Подумаешь, собаки ..., - поморщившись, почмокал он сочными губами. — Пусть бы в ЖКО кто-нибудь сообщил.

— Кому это надо.

Но желание Артурчика оказалось сильнее собачьего воя, он крепко прихватил подружку за рукав простенького пальто.

— Пошли, носы, если что, платками заткнем.

— Там темно.

— Далеко заходить не будем, у меня спички.

Маленькая дверь под лестничной площадкой держалась на замке, проржавевшем насквозь, дужка, просунутая в петли на честном слове, не желала открываться. Кто-то, видимо, срывал эти петли, а потом заколотил как попало. Артур, повозившись немного наощупь, завертелся по темному подъезду волчком в поисках рычага, мимо пугливо прошмыгнули двое жильцов, за ними еще один. Наконец, дружок нащупал в углу какую-то метлу, подсунул черенок под петли и, заставив Полину осветить спичками, дернул на себя. Хлипкая конструкция отвалилась с глухим звяком, деревянная дверь скребнула низом по бетону. Во тьму подвала вели каменные ступени короткой лестницы, оттуда пахло сыростью и чем-то приторным.

— Я боюсь, — снова заканючила подружка, уцепившись за рукав курточки Артура. — Чувствуешь, запах неприятный?

— Разве это запах? В вашем подъезде пахнет тошнотней, — с нервной дрожью в голосе откликнулся беженец, проталкивая Полину вперед. — Спускайся, я ворота прикрою.

— Я ничего не вижу.

— Спичку зажги, у тебя коробка.

Захламленный вход в подвал осветило нестойкое пламя, блеснули на противоположной стороне трубы, вечно мокрые, скользкие, послышался крысиный омерзительный визг. Полина инстинктивно повела рукой со спичкой в ту сторону, ей показалось, что из темноты проступила сама смерть, она выронила спичку, вскрикнула, не в силах вымолвить ни слова.

Артурчик сзади торопливо задирает ей пальто вместе с подолом платья, стукнув кулаком по спине, он заставил подружку согнуться, рывком спустил вязанные колготы вместе с трусами. Сдернул быстренько свои штаны. Жадные пальцы, отогретые на Полининой груди, раздвинули бесцеремонно половые губы и направили между ними торчащий колом член. Через крепкие зубы под пробивающимися усиками протиснулся довольный стон. Полина чувствовала, что сейчас ее накроет обморок, все тело свела судорога от невыплеснутого ужаса.

— Подмахни... что ты, как овца в загоне ...

Артурчик задергал задницей еще резче, он никогда не жалел свою подружку, сейчас ему надо было, чтобы половая щель стала еще теснее. И он ширял членом по сторонам, выискивая узкий заветный проход, который существовал. Беженец знал это точно. Но партнерша почему-то не хотела работать, она словно окаменела. Артурчик, скрипнув зубами, вытащил член, поводит им по промежности, вогнал со всей силы в задний проход, испачканный выделениями из влагалища. Он не единожды побывал уже и тут. Замер от страсти, накрывшей его, заставившей потерять ритм, вжался покрепче в пухлую попку подружки, стараясь выплеснуть семя поглубже, так, как принуждал инстинкт. Подождал, пока улягутся волны, затем оттолкнул партнершу, почти упавшую на него, брезгливо спрятал опавший член в трусы. Поддернув брюки, застегнул ширинку на молнию, и только после этого обратил внимание на то, что Полины рядом нет.

— Куда ты забилась? — расслабленно спросил он, восстанавливая дыхание. — Мне уже домой пора, давай выбираться.

Под ногами раздалось какое-то мычание, Артурчику ужасно претило нагинаясь, начал ощущаться к тому же запах, неприятный и тошнотворный. Он пошарил растопыренными пальцами перед собой, наткнувшись на пальто, дернул его на себя. Подумал, что эта образина даже не смогла удержаться на ногах, завалившись как овца на бетонный изгаженный пол.

— Там сме-ерть... — промычала Полина, стараясь встать на колени.

— Какая смерть? Что ты выдумываешь?

Беженцу очень хотелось бросить сексуальную партнершу в подвале и уйти домой.

— Возле той стены с трубами...

Полина поднялась, коснулась голой липкой задницей его руки, Артурчик с отвращением вытер ладонь о ее пальто.

— Совсем свихнулась? Натягивай трусы.

— Посмотри сам, вот спички...

— Одевайся, говорю, мне уже домой пора.

Артурчик, брезгливо забрав с ладони коробку, чиркнул спичкой, готовое погаснуть пламя завихлялось от сквозняков. Увидел перед собой лицо Полины с карими вытаращенными глазами, ее морда никогда ему не нравилась, сейчас же она просто пугала откровенным дебилизмом.

— Слушай, ты будешь надевать трусы? Или пойдешь так?

— Там, — дернулась одноклассница назад, попыталась взмахнуть рукавом пальто. — Она там...

Артурчик успел краем глаза схватить что-то ужасное, привалившееся к противоположной стене, но в этот момент спичка, коснувшись пламенем кончиков пальцев, догорела. Ужас, возникший внизу живота, разом развил под шапкой кучерявые волосы,

приподнял их над черепом, Артурчик, судорожно выдвинув пенал, с трудом выдернул сразу несколько спичек, чиркнул ими по боку коробки. Яркое пламя осветило часть подвала, на противоположной его стороне положила голову на трубы сама смерть, одетая в полушубок с зимними сапогами. Клубы пара то окутывали ее полностью, то поднимались к потолку. На плече сидела здоровенная разжиревшая крыса, она смотрела прямо на пламя в руках беженца, которого взялся сковывать столбняк.

— Полина..., - выдохнул он из себя. Повторил. — Полина, дай руку...

Полина, пришедшая в разум, подпернула труссы, стряхнула пальто. Спичка догорела, Артурчик бросился к двери, дико вскрикнув, забился на лестнице возле нее, не в состоянии нащупать нужный край. Снова и снова тыкался он в тот бок, где были петли, шестнадцатилетний пацан, раздавленный страхом, потерявший разом самоуверенность. Его подружка, растирая слезы по щекам, нашарила деревянную лудку, толкнула дружка вперед. Навстречу хлынул глубокий морозный вечер со свежим запахом колючего ветра. Артурчик ползком преодолел последний барьер, цепляясь за стены в подъезде, поднялся на ноги.

— Надо сообщить в милицию, его там, наверное, пытали, — предложила Полина, отдышавшись. — А потом убили.

— Кого? — Артурчик ошалело покрутил черной головой.

— Того, в подвале, это какой-нибудь коммерсант. Их сейчас мочат на каждом углу.

— Я ничего не видел..., я ничего не знаю, — встрепенулся беженец. — И с тобой я не был, ты меня поняла?

— Конечно, поняла, — ухмыльнулась подружка, она не впервые сталкивалась с откровенной трусостью дружка. Девушка не любила его, а просто жалела как всякая русская баба, женским чутьем разгадывая в наглых кавказцах, падких на ласку, обыкновенных зверьков. А кто в России, и когда, не любил животных. — Чего здесь не ясного.

— Если вздумаешь впутать в это дело меня, я тебя зарежу, — скрипнул зубами Артурчик, обретший вновь себя. — Ты меня знаешь.

— Знаю, и себя знаю, — вздохнула подружка. — Иди домой, родители, поди, заждались.

Полина, переступив порог своей квартиры, набрала номер телефона милиции. Обрисовав обстоятельно труп, увиденный в подвале, покосилась на родителей, пришедших с работы, прошла в свою комнату. Разделась и легла спать. Дежурный записал адрес, пообещал направить подвижную группу патрулей. Да кто бы в это поверил, когда трупов достаточно валялось и на дорогах. Но на подобный сигнал они должны были среагировать.

Глава четырнадцатая.

На рынок Коца вышел на второй день после посещения Пулипера, скупщика ценностей. Он, уходя ближе к обеду от любовницы, положил перед ней пятьдесят долларов, намекнув, что половину она вольна истратить на себя, остальное отдает на продукты. Молодая женщина потянулась через стол для долгого поцелуя, она, как и большинство бывших совков, не представляла, с какого бока подлезать под этот долбаный начальный капитализм без выплат годами зарплат, зато с ценами, растущими буквально на все как. Коца, обеспечив себе надежный тыл, выскочил за дверь, в кармане позвякивал запасной ключ от квартиры. Тревога за полученную от пожилого еврея толстую пачку баксов, спрятанную под обшивку матраса на старенькой кровати, незаметно улетучилась. Он понимал, что без разборки на рынке не обойдется, поэтому прихватил с собой кроме ножа газовый пистолет. Потом сама обстановка подскажет нужный выход.

Полуденное зимнее солнце обливало холодными лучами золотые купола ростовского собора, копии московского собора Христу Спасителю. Коца, устроившись на своем месте, осмотрелся вокруг, пока ничего настораживающего не наблюдалось. Шестерки Слонка под началом Скирдача не маячили на виду, не проходил и Хозяин. Беседу с ним Коца решил отложить на потом, когда разберется с отморозками сам. Поправив на груди табличку, валютчик принялся за обычную работу, простреливая пространство вокруг взглядами, брошенными мельком. Он так увлекся покупкой украинских хохлобаксов у очередного клиента, что не усмотрел, как сзади пристроился грузноватый высокий Крохаль, второй заместитель Слонка по общим вопросам.

— Привет, Коца, ты где пропадал? — забасил он глуховатым голосом. — Тут про тебя спрашивали

— Кому это я понадобился? — повернулся валютчик к Крохалю, пряча деньги в сумку.

— Хозяин, например, еще кое-какие личности.

— Я к Хозяину попозже зайду сам, а кое-какие личности меня не интересуют.

— Они так не думают.

Коца заметил в этот момент Скопу, следившего за ним во время сделки с мужиком, тот стоял в окружении товарищей с нагловатой усмешкой на губах. На лицах последних тоже не отражалось положительных эмоций. Недавний эпизод под переходным мостом, а до него разборка со Скирдачом, показали, что валютчик не считает их за людей. Коца и не думал скрывать своих чувств, для него все они были продажными шкурами, работающими на хозяев доносами с предательствами

— А ну, отойди-ка в сторонку, — отпихнул он мешковатого Крохаля.

— Ты бы поспокойней, — заместитель Скирдача, опомнившись, сунулся было ему навстречу.

— Пош-шел на хер, я сказал, — валютчик, выдернув из внутреннего кармана пальто газовую пушку, воткнул ее стволом в переносицу недотепы. Тот отпрянул ко входу в магазин.

Коца, забросив за спину сумку с деньгами, шагнул к Скопе с твердым намерением повышибать тому зубы. Молодой мужчина оказался гибким, заставив валютчика несколько раз поработать кулаками вскользь. Тогда Коца изменил тактику, показав, что хочет ногой вломить в живот противнику, раскрутил корпус и другой ногой въехал тому в насмешливые губы. Потом удары ботинками и кулаками посыпались на беспредельщика как из бездонного

мешка. Валютчик, отшвырнув смятого Скопу к стене магазина, сделал подсечку. Лишь после того, как отморозок оказался на проссатом алкашами снегу, его соратники зашевелились, оголтелой кучкой они попытались сбить распалившегося менялу на землю. Снег, притоптанный множеством народа, успел покрыться коркой наледи. Коца старался не опираться на ноги, заворачивая носки ботинок вовнутрь, чтобы подошвы не скользили, а тяжесть тела переносить в удар. Вскоре группа из нескольких шестерок, поняв, что ловить нечего, разбежалась в разные стороны. Крохаль никак не мог дожевать родные сопки возле входа в магазин. Между тем валютчик, раззадоренный дракой, разглядел в толпе нападающих молодого, который выстрелил в него, когда он поднимался из тоннеля по лестнице. Новая волна бешенства заполнила его грудь, догнав в несколько прыжков паршивца, он придавил его к земле.

— Ты, сука, стрелял? — зарычал он ему в лицо, оскалив зубы.

— Нет-нет..., я нечаянно, — забился тот в железных объятиях менялы. — У меня были холостые патроны.

— У меня сейчас тоже, целая обойма... — Коца свернул отморозку скулу, вкладывая в кулак всю силу. — Лови, продажная твоя морда, не зевай...

Он мочил беспредельщика до тех пор, пока тот не перестал цепляться за кисти его рук, затем огляделся вокруг. Бесконечные толпы народа лишь на минуты замедлили движение, стараясь поскорее проскочить место, щекочущее нервы. Шестерки Скирдача во главе с Крохалем стояли в отдалении, молча дожидаясь развязки, они понимали, что Коца из диких гусей, что он бешеный, ему заколотить в снег кого-то из них как два пальца обоссать. Он при себе носил, к тому же, средства самообороны, невольные заставляющие поджимать хвосты. Валютчик, схватив за шиворот молодого отморозка, приподнял его голову, постриженную налысо, над дорогой, размахнулся, чтобы поставить в разборке жирную точку.

— Я стрелял не в тебя. Клянусь, — запричитал пацан, опустив покатые плечи, — Я поднял ствол и пальнул в воздух.

— А пуля — дура сама пролетела мимо моего уха. Так получается? — валютчик с трудом сдерживал ярость.

— Нет, она ушла в сторону. Клянусь, я не хотел тебе плохого...

Коца, всмотревшись в лицо шестерки, искаженное страхом, с силой оттолкнул его от себя, он знал, что вот такие пацаны, не пробовавшие на вкус солоноватой крови, как своей, так и чужой, способны с необыкновенной легкостью отправить на тот свет. Они никогда не поймут содеянного до конца, потому что не ведают, что творят.

— Безмозглая тварь, моли бога, что догадался поначалу крикнуть, а потом только выстрелить, — валютчик пнул ногой покорную фигуру. — Получилось бы по другому, я бы рассматривал тот свет уже без микроскопа. А если бы остался жив, заставил бы это делать тебя.

— Я понял, я больше не буду..., - пролепетал пацан, измазанный собственной кровью. Его сообщники, стоявшие в отдалении, как по команде расслабились. — Прости, брат.

— Молочный поросенок тебе брат, — уже уходя, бросил Коца не оборачиваясь.

Из группы отморозков послышался боязливый возглас:

— Замочить бы козла вонючего, да за него сам Хозяин.

— Завсегда к вашим услугам, — приостановился было Коца. Рассмотрев шестерок, ужавшихся под его взором, скривил презрительно губы. — Подонок он потому и подонок, что не способен подняться на поверхность.

— Слышишь, гусь, я доложу Слонку обо всем. И Хозяину скажу, — крикнул Крохаль, когда валютчик отмахал приличное расстояние. — Можешь мне поверить.

— Не стоило говорить, — отмахнулся тот.

Заняв свое место, Коца попытался взять себя в руки, чтобы не отпугивать клиентов бешеными глазами, но сделать это ему не удавалось. Половина потенциальных сдатчиков золота, валюты и прочего, проскользнула вовнутрь базара, пугливо оглядываясь. Он уже начал жалеть, что решил возвратиться на рынок, сидел бы сейчас в квартире, гонял бы чай, пока любовница на работе, а дочка в школе. Бабки есть, немалые. Пришел бы урочный час, подогнали бы легковую машину прямо к дому, и поехали бы они с Микки Маусом ловить удачу голыми руками. Глядишь, да задержалось бы чего-нибудь между растопыренными пальцами, а тут приходится проводить разборки с неполноценными вырожденками, да еще Слонок не подпирал. Потом надо навеститься к Хозяину, иначе проститутки из шестерок успеют нагородить такого, что не рад будешь своему появлению в этом злачном месте. Это их работа, за которую они получают бабки.

Коцу за подобными мыслями, заставляющими невольно подергивать то левой щекой, то правой бровью, застали два кавказца среднего роста. Оба были одеты в длинные черные пальто с разрезами сзади, в черные высокие шапки из норкового меха. Белели из-под поднятых воротников теплые вязаные шарфы. Валютчик фыркнул, что и говорить, умеют кавказцы приспособливаться к веяниям моды. Впрочем, чем умнее нация, тем проще она одевается, к примеру, в потертые джинсы. Была и еще одна нестандартная странность, кавказцы чаще встречаются или выше среднего роста, или почти пигмеи со скалистых хребтов. Зато принадлежность к месту рождения всегда на виду, хотя уши в прошлое черкески с газырями, с тонкими наборными поясами из кожи, с кинжалами на них. На их место пришли нелепые фуражки — аэродромы и вот такие высокие шапки — папахи. Обязательно из дорогого меха.

Кавказцы некоторое время внимательно присматривались к валютчику, окидывая его глазами, полными собственной гордости с крутой недоступностью. Тот в конце концов не выдержал, взялся раскручиваться боком к ним.

— Послушай, меняла, ты все берешь? — решил на вопрос один из кавказцев.

Коца, не успев тот произнести первые фразы, резко повернул к ним голову, это были чеченцы. На их родине шла ожесточенная война, множество беженцев, в том числе из коренных жителей, перекачивалось ежедневно через город, оставляя на рынке немерянные ценности, состоящие из золотых изделий, серебряных царских монет, ковров и прочего. Попадались узкогорлые кувшины, ножны, обделанные накладным серебром с настоящими старинными кинжалами, вложенными в них, наборные пояса. Война заставляла выносить из домов последнее.

— А что вы хотите предложить? — ответил валютчик вопросом на вопрос.

— У нас камешки, — ухмыльнулся второй чеченец нагло.

— Показывайте, чего стесняться.

— Прямо здесь?

— Давайте отойдем к стене магазина, — пожал Коца плечами. — Если что-то серьезное, то можно за угол палатки, чтобы глаз меньше таращилось.

— Они у нас черные, — оба клиента, в ожидании ответной реакции, разом насторожились. — Ты в них разбираешься?

— Черные бриллики? — переспросил Коца. — Встречались, правда, не часто.

— Будешь смотреть?

— Обязательно, идите сюда.

Валютчик снял табличку, отошел к углу палатки, стоящей задом к магазину. Чеченцы тронулись за ним, один из них, оглянувшись вокруг, вытащил небольшую коробочку из-под дешевых сережек, чуть сдвинул футляр. Внутри коробочки переливались как бы осколки черного стекла, или мельчайшие крошки от антрацитного угля. Они в свете зимнего солнца брызгали резкими синевато-красными искрами, создавая впечатление игрушечного фейерверка. Коце такую картину пришлось наблюдать второй раз в жизни. Впервые он увидел черные бриллианты в руках у Пулипера, перехватившего их у Микки Мауса, который сам несколько этих крупинок с острыми гранями выкупил у Каталы. Тот потом жаловался, что ингуши, продавшие камешки, при расчете кинули его на пару кристаллов. Они спичкой задвинули брилики за отклеенный отворот на углу картонки, и показали пустую коробку.

— Играют неплохо, можно один вытащить? — прищурился Коца на камешки.

— Это настоящие, — сказал со знанием дела чеченец, предложивший добро. — Если сторгуемся, будешь разглядывать их хоть всю жизнь.

— Тогда какой у них вес и по сколько вы хотите продать?

— Разве ты слепой? Определяй, — подал голос кавказец, стоявший рядом с товарищем. Добавил, не переставая присматриваться к валютчику. — И оценивай, ты стоишь здесь.

— Я могу назвать стоимость камешков только после их проверки на подлинность, — не остался в долгу Коца, переводя на говорившего пристальный взгляд. — Искусственных бриллиантов сюда приносят достаточно, цирконов, фианитов, и таких черненьких, какие у вас. Когда изучим, тогда и начнем настоящий торг.

— А как ты будешь их проверять? Для этого нужна специальная аппаратура, — ухмыльнулся собеседник. — Она у тебя есть?

— Найдем, если придем к общему знаменателю.

— Ищи, мы подождем, — сверкнул зрачками первый чеченец, закрывая коробочку.

— А сейчас посмотреть нельзя? — меняла начал заводиться. — Навскидку.

— Навскидку бьют только уток, — сдохмил товарищ владельца коробочки. Посерьезнел. — Мы поняли, что ты не прочь их купить и стараешься разобраться в таких вещах, но вопрос у нас будет другой. Если договоримся, в накладе, не останешься.

— Так вы не продаете? — откачнулся Коца назад. — Тогда для чего устраивать цирк?

— Слушай, не кричи так громко, я уже сказал, что мы пришли по другому вопросу.

— По какому, товарищ? Что у вас за азиатские постоянно номера?

— А ты не азиат? Триста лет под иглом, — подключился владелец камней. — Сначала успокойся, тебя уже колотит.

— Когда подъезжает по десятку на день идиотов с претензиями на твою свободу действий, то недолго одного из них и замочить, — согласился валютчик, с трудом заставляя себя сдержаться. — Выкладывайте свои проблемы, да я пойду работать. День сегодня... суматошный.

— Проблемы уже возникли, но о них потом, — холодно отреагировал хозяин добра на диалог. — К тебе камешки часто подносят?

— А какая вам до этого нужда? — снова опешил Коца от наглости.

— Пока просто интересуемся, — как бы нехотя пожал плечами собеседник. — Мы могли бы за них неплохо заплатить, а ты хорошо заработать.

— Перекупщики у нас есть свои, — внутренне подобрался Коца, чувствуя, что начинает

догадываться, кого представляют подвалившие чеченцы. — Работа менялы простая: купил — продал, сколько удалось наварить — то все наше. Лишь бы бабки крутились.

— Мы об этом в курсе. Но ты не ответил на вопрос, как часто на базар приносят камешки?

— И кто из таких клиентов чаще, и где они живут, — не удержался Коца от презрительной ухмылки. Он ничего не мог с собой поделать, потому что раздражался от одного вида кавказцев, стоящих перед ним, прущих камнепадом только вперед. “Ха-ачу Ларису Ивановну!”. В голове в то же время закрутился совет пожилого еврея разыграть из себя простачка. В данном случае, наказ подходил как нельзя кстати. — На такие вопросы, парни, ответ один: когда вольетесь в бригаду валютчиков, тогда узнаете все. Я бы посоветовал вам обратиться к нашему начальству, а ко мне камешки приносили всего пару раз, но я так толком и не понял, настоящие они, или нет.

— Если ты не соображаешь, то как хотел проверять у нас? — придвинулся второй чеченец ближе.

— Я сразу сказал, что их надо обследовать. Сходил бы на рынок к более опытным валютчикам, у них есть любые приспособления. В том числе ручной микроскоп.

— А давно предлагали брилики в последний раз? — продолжал первый из джигитов бить в одну точку.

— На днях, на каком-то кольце. Его сдал заросший мужик вместе со старинными то ли значками, то ли орденами. Решил, наверное, пустить в распыл семейное наследство.

Коца ясно вдруг осознал, что наступил момент говорить полуправду. Эти кавказцы и вранью не поверят, и правду начнут выбивать первобытными методами, от которых вряд ли останешься в живых. Их успели проинформировать продажные шкуры из среды любимых соплеменников, тасующихся сейчас на рынке. Он покривился от мысли, что нация, к которой принадлежит, неполноценна. За копейки снабжать боевиков оружием, гранатометами, ракетами, не думая о том, что и сам попадаешь под прицел — и в дурдоме закачались бы в размышлениях.

— Что за камень был на кольце?

— По моему, брилик, он здорово сверкал, но болгарин, перекупивший у меня все, сказал, что это горный хрусталь. Жалко, не было времени сбегать к ребятам, но и без того хорошо наварил. Почти полторы тысячи.

— За все? — покривился собеседник.

— Мы договаривались на все сразу, зачем упускать клиента, который заплатил в два раза больше, чем я отстегнул. К тому же, погремучки еще надо перетаскивать через границу, а там как повезет.

— А тебе какое до этого дело?

— Я русский, беспокоюсь за всех, за вас тоже волнуюсь, чтобы жили лучше нас. А мы уж как-нибудь.

— Вешать лапшу на уши ты мастак, — сплюнул первый чеченец под ноги валютчику. — Мы знаем, что тебе продали царские ордена и георгиевские кресты, с монетами. Но ты не желаешь быть с нами откровенным.

— Во первых, кто вы такие, чтобы перед вами выкладываться? Менты, что-ли? — Коца вновь почувствовал, что его начинает накрывать. — Во вторых, ордена это были или значки, мне начхать, в третьих, здесь простой закон, кто подвалил первый, тому вещь и досталась.

— Болгарин-фиглярин... ты думаешь, что гонишь? Откуда здесь болгары и зачем им

русские ордена? Повезет, что-ли, в Англию, выставлять на аукцион Сотбис?

— А зачем по России шастают граждане Чечни? Они же откачнулись до турков с арабами. И с какого хера Басаев с Радиевым поперлись на Буденновск с Первомайским? Их там ждали? Москву обещали трупами завалить, атомные станции взорвать... — Коца демонстративно сплюнул под ноги чеченцу. — Велики, падла, с голодухи овец с коровами угонять со Ставрополя, да увозить хлеб машинами... Вас послать, или сами потопаете?

Оба чеченца несколько минут представляли из себя зверей, надыбавших дичь, Коца поразился тому, как развито у них чувство интуиции. Оба ворочали одинаковыми мыслями в головах конических котелками, это было видно по взглядам из подлобья, по напрягшимся раскоряченным фигурам с руками в карманах пальто. Наконец, один из них с силой соснул воздух через крепкие зубы:

— Ты не забудешь о том, что сейчас сказал?

— Я помню, что слово не воробей, — ухмыльнулся Коца в рожи, каменные от злобы. — Так-же не забыл, что каждый чеченец генерал и морпех в одном лице, оттого и радостно, что есть достойный противник, которого в настоящий момент ломают мои соплеменники в самой Чечне. Пришла пора отвечать за все по полной программе.

— Было бы у нас такое же оружие, как у вас, вы бы ползали под нашими ногами, моля о пощаде.

— Вряд ли, русский дух тупым обухом не перешибешь. У Наполеона с Гитлером оружие с пушками смотрелись и посовременнее, и помощнее.

— Мы тебе напомним, если ты забудешь то, о чем говорил сейчас, — повторил чеченец с угрозой.

— Если ты скажешь еще хоть слово, я влеплю полный заряд тебе в глаз, — выдергивая второй раз за сегодняшний день газовый пистолет из внутреннего кармана пальто, ткнул валютчик стволом в грудь чеченцу. — Пошли вон, подарки природы, еще раз подойдете ко мне, базар будет другим.

Оба кавказца разом скосили глаза на пушку, но так как Коца по умному прикрыл пистолет сверху второй ладонью, разглядеть боевой он или нет, было проблематично. Они отошли, прошипев что-то по своему сквозь побелевшие губы, потом тронулись в середину базара. Валютчик перевел дух, сунул газовую пушку в карман, он понимал, что теперь его жизнь будет зависеть от него самого. Убивают граждан не только на улицах, полных неожиданностей, но и на лестничных клетках домов, упакованных такими же гражданами. Как на крики о помощи не реагировали в революции и в сталинские времена, так не обращают на них внимания и в нынешние. Создавалось впечатление, что Россия представляет из себя стадо животных, из которого кровожадные мясники выдергивают без проблем любую рогатую особь и отправляют ее на бойню.

Вот и сейчас трое ментов из внешнего патруля, стоявшие на другой стороне трамвайных путей, отправились, досмотрев действие до конца, выискивать нищих с престарелыми сограждан, торгующих пучками зелени, дабы содрать с них выкуп за незаконную торговлю в неполюженном месте.

Рабочий день прошел бестолково и напряженно. Кто-то из валютчиков поделился информацией о том, что бригада отморожков во главе с Лехой Слономком участвовала в разборке с нахичеванскими армянами. И в той разборке почти все полегли. Коца недоверчиво покачал головой, кто бы решился связываться с ментовским беспределом, под контролем у которых большинство доходных точек города. Пусть даже армяне, оборзевшие

за последнее время. Но факт, что на рынке ни одного отморозка не оказалось, говорил об обратном, не было на месте и начальника базарного уголовного розыска. У ворот на Буденновский проспект сорвались с привязи несколько ментовских машин, помчались с воем на Большую Садовую. Неожиданно Коца засек за собой хвост, он увидел краем глаза, когда еще направлялся в отделение, высокого русского парня в легкой куртке, в спортивном костюме и кроссовках, снявшегося с места параллельно с ним. Пробежался на выходе из ментовки быстрым взглядом по головам посетителей базара, но парень в вязаной шапочке никуда не делся. Сознание принялось за сортировку вороха беспорядочных мыслей, если это проделки отморозков Слонка под началом Крохаля, то валютчик найдет на спортсмена управу. Но если взялись за дело чеченцы из банды Асланбека, или из бригады, соперничающей со Слонковой по поводу контроля над доходными в городе местами, то хорошего мало. Им неважно, кого замочить, лишь бы противник это почувствовал, тем более, что по рынку задефилировал слух о кладе атамана Стеньки Разина, якобы раскопанном. Кто его распускал и с какой целью, тоже не укладывалось в привычные рассуждения. Коца на всякий случай решил зайти к Катале в надежде увидеться с Микки Маусом. Подельник занимался тем, что размещал на прилавке несколько серебряных монет с небольшими нагрудными знаками, тоже серебряными, и с вождением их изучал. Валютчик пристроился сзади.

— Ни хрена себе, революционные фанатики, и в царском серебре, — присвистнул он. — Лев Давыдович Троцкий собственной персоной, с Яковом Михайловичем Свердловым. Откуда ты их раздобыл?

— Катала наменял на приднестровские “суворики”, они сейчас в цене, — профранцузил Микки Маус, не оборачиваясь. — Когда Приднестровская республика отдаст концы — а она их все равно отдаст — “суворикам” наступит лафа, баксы упадут перед ними на колени. Но это не все, ты не видел Ленина с Крупской и Комиссаржевской в том же исполнении. А вот и Воровский с Зиновьевым и Каменевым.

— Короче, вся революционно-перестроечная кодла во главе с Парвусом от масонской логи. Как сейчас при Ельцине Березовский, Чубайс, Немцов, Лившиц с присказкой “надс делиться”, — махнул Коца рукой.

— На них доктора Менгеля из Освенцима не хватает, — хохотнул Катала.

Микки Маус быстро развернулся к нему покрасневшим лицом:

— Если бы я тебя не знал, обегал бы десятой дорогой, — с укором сказал он. — Что за привычка все опешлять, свою нацию тоже кроешь без стеснения. А надо уважать.

— Было бы за что.

— И нас, дураков, уважать, и вас, хитрожопых евреев, — добавил Коца скороговоркой. — Перестань, Микки, это всего лишь присказки маньяков, нам ни те, ни другие, сто лет не сдались. Своих проблем по горло. — Он примиряюще улыбнулся, тронул Мауса за плечо. — Я к тебе по делу.

Он пересказал о разговоре с чеченцами, о том, что заметил за собой хвост. Под конец спросил:

— Может, Пулипер не прав, не лучше ли дома отсидеться? Как бы не нагрел тот момент, когда вообще ехать не придется. Как ты считаешь?

— Я думаю, что скупщик посоветовал правильно, лучше во всем разобраться сейчас, чем потом отвечать неизвестно за что, — Микки Маус, все еще недовольный на Каталу, раздумчиво потерел длинный нос. Просветил. — Новость не слышал? Слонок забил

сегодня стрелку с Пархатым, ходят слухи, что в живых осталось несколько человек.

— Всего, или из бригады Слопка? — посерьезнел валютчик. Подтверждалось сообщение одного из менял.

— Из бригады наших отморожков. Пархатого пришили сразу, говорят, пулю в него всадил Слонок. С этого все началось.

— Ну... господь им судья, Хозяин наберет новых. Ты лучше скажи, как мне быть с хвостом? Парень, видно, из бывших спортсменов.

— В первый раз тебе отмазываться? Постарайся не даваться в лапы, если не удастся замести следы. Я еще одну вещь скажу, верный человек сообщил, что похитили Скирдача с Сорокой. Одного, во всяком случае, нет ни дома, ни на работе, второй не появился, кроме всего, на стрелке. А это для члена бригады проблема серьезная.

— Во-от оно как! Значит, у меня с чехами базар-вокзал был запланированным, — протянул Коца. — Среди нас завелся наводчик, чехи расписали всю мою сделку как по нотам.

— Что ты им ответил? — поежился Микки Маус. — Если предположить, что Тутушку замочили за то, что не рассказал, кто продал ему нагрудный знак, а Сороку со Скирдачом зацепили за это же самое, то следующая очередь за тобой. А потом, если ты не расколешься, за мной. Выходит, что у бандитов ничего с менялами не вышло, иначе они не объявились бы на рынке.

— Я расписал, что купленное сплавил какому-то болгарину, за две цены от истраченной самим.

— Они поверили тебе?

— Конечно, нет, я говорил, что вместо ума у кавказцев сильно развита смекалка.

— Я это от тебя уже слышал, как и о потомках скотников с доярками. И так далее.

— Разве не так?

— Все равны.

— Ну да, космополитизм.

— Перед носом у тебя пример Сталина, Хрущева, Брежнева, Ельцина. Все они от сохи.

— По сохатому и правили, — не стал валютчик вдаваться в подробности. — В общем, если этот хвост от представителей банды чехов, то придется идти на мочилово. Но сначала хотелось бы повидаться со Скопой, Крохалем и Скирдачом.

— Только Крохалю не впутывай, он потому у Слопка и на подхвате, что больше молчит. Скирдач тоже на подянку вряд ли пойдет, он казак, ненависть к врагу у него в крови. Но это мнение мое.

— Тогда кто еще может заниматься передачей сведений, интересующих бандитов?

— Метла, Перс, этим отмороженным по барабану, кто и за что станет отстегивать им бабки.

— Они тоже были на стрелке?

— Собрались все.

— Ну что-же, подождем результатов разборки до завтра, потом будем решать, как поступать дальше. Пастух все равно не станет навещать схрон с кладом понапрасну. Ехать сейчас на хутор — это лишние хлопоты.

— Тогда будь поосторожнее, ты еще пригодишься.

— Ты тоже не зевай.

Коца ехал к любовнице на квартиру на перекладных, как не в первый раз, и все равно не

мог отмахнуться от мысли, что отвязаться от “спортивного” хвоста вряд ли удастся. Слишком настырным оказался малый, он запропастился куда-то лишь перед домом, шустро перескакивая вслед за валютчиком с транспорта на транспорт. Коца на всякий случай вытащил заранее нож, снял газовик с предохранителя. Зимняя южная ночь в отличие от северной норовит упасть на землю неожиданно, захватывая граждан, незнакомых с ее повадками, врасплох. Вот и сейчас валютчик, завернув за угол пятиэтажного дома, с трудом различил темный привычный подъезд с разбитой лампочкой и с дверями, выломанными недоумками. А перед ним остатки лавочки с точащей столбом расплывчатой фигурой. Руки невольно пришли в движение, правая припаялась к ручке ножа, в левой угнездилась рукоятка пистолета.

— Коца, привет, иди сюда, — позвали из темноты. — Есть разговор.

— А ты кто? — спросил валютчик, останавливаясь на расстоянии.

— Какая тебе разница. Все равно без меня ты в квартиру к своей бабе не попадешь.

— О как! Чего-ж тогда не стали бомбить меня на лестничной площадке? Чубайс один хрен электричество заморозил, света нету и не предвидится,

— Дело в тебе, а не в рыжем антихристе, это ты запросто так не поддашься. А своих людей подставлять, чтобы ты продырявил им шкуры, у меня охоты нет.

— Рассказывай, — разрешил валютчик ровным голосом, подходя ближе. Он понял по характерному акценту, что человек этот из банды нахичеванских армян. Или из ереванских, балующих город, как и чеченцы, голодными наскоками.

— Ты знаешь, о чем должен быть между нами базар-вокзал.

— Слышь, корешок, господь обделил меня данными Чумака, читать мысли на расстоянии я тоже не умею. Не стесняйся, выкладывай.

— Ну... как хочешь, — незнакомец вытащил пачку сигарет, закурил. Это движение не осталось без внимания, Коца понял, что потолковать все-таки придется. — Нас интересует, что ты выкупил у того деревенского мужика и куда дел выкупленное. И не спрашивал ли у него, откуда этот колхозник родом.

Коца моментально вспомнил из диалога с Микки Маусом последние фразы о том, кто мог передавать информацию не только Слонку с Хозяином, но и лидерам других бандитских группировок. Тот назвал пару имен из отморозков Скирдача. С Метлой все было ясно без слов, Арфиша лошадка вообще темная, еще был Скопа, вечный артист на подхвате. Подобрал Хозяин себе команду, нечего сказать, обустроился. Приправил недавно в бригаду валютчиков так называемых беженцев из солнечной Грузии, наделив их полномочиями, одинаковыми с остальными менялами. Грузины, как и малочисленная, но сплоченная, армянская диаспора, взялись выкачивать из клиентов бабки не хуже доильных аппаратов на молочно-товарной ферме. Но Хозяину с его Большими Хозяевами все равно, лишь бы не иссякал валютный поток в их карманы.

— Я сегодня одним кавказцам объяснял, они до сих пор тэйпами живут, — Коца засек, как вышли из подъезда еще трое мздоимцев. — Повторю и тебе, что в морду мужику не заглядывал, заняться проверкой купленного не было времени, цацки посчитал обыкновенными безделушками. Откуда прикатил мужик, мне без разницы, как не заинтересовали сведения то ли о болгарине, то ли югославе, выкупившем добро. Считаю базар на данную тему бессмысленным.

— Зато мы так не думаем, — собеседник постукал по концу сигареты пальцем в кожаной перчатке. — Во первых, нам известно, что ты навещал Пулипера, эта фигура из не

простых перекупщиков, на барахло не клюнет. Во вторых, рядом с тобой ошивался рыночный еврейчик, специалист по редким вещцам. Чох, кстати, перепродал через него Пулиперу нагрудный знак с Петром Первым.

— С Пулипером мы знакомы давно, он предупреждал, чтобы я показывал редкие вещишки в том числе и ему. Почему бы этого не делать, если он заплатит больше. Вообще, я привык считать лишь свой навар, не разевая рта на чужой каравай. А вы решили заменить на рынке самого Хозяина со Слонком, его приспешником?

— Слонку кранты, эта курва умрет не своей смертью, как только выпустят его за ворота Богатыновской тюрьмы, — сказал незнакомец жестко.

— Он остался живой?

— Пока живой... а чему ты обрадовался?

— Сто лет бы они мне не снились, — сплюнул Коца в сторону. — Я отстегиваю Хозяину положенное, он обязан меня оберегать от тупорылых отморожков.

— Ты кого имеешь ввиду?

— Ты знаешь кого, и тебя тоже с вонючками возле подъезда, — не заставил валютчик ждать с ответом, приподнимая незаметно ствол газового пистолета. — Со мной базара не получится, я не проститутка, на колени за бисер для свиней не падаю.

— Вот как! Тогда за что желаешь упасть?

— За свободу, и не на колени, а в полный рост. За нее не жалко жизни, — Коца встал спиной к подъезду, отсекая незнакомца от подельников, поднял на уровень его бровей пушку. Отрывисто приказал. — Давай своим маяк, чтобы валили по хазам. Хочу сказать тебе по секрету, как родному.

— Говори, — ухмыльнулся незнакомец натянуто.

— Я дурак.

— Мы про это наслышаны. Значит, время на тебя тратить бессмысленно?

— Именно так.

Нежелательный собеседник замахал рукой, показывая, что сообщники могут идти к машинам. Потом уставился вновь на валютчика.

— Я думал, ты умнее. Если клад на самом деле существует, он для тебя окажется неподъемным.

— Мое дело купил — продал, я за те цапки, что были у мужика, полторы штуки за пару часов поднял, — хмыкнул Коца равнодушно. — И в хер не дунул.

— Если бы те цапки показали мне, я бы разбирался с тобой не здесь. А со слов какой портрет.

— Думаю, для вас овчинка выделки тоже не стоит. Кстати, это не ваш чемпион в спортивном костюме проводил меня почти до дверей?

— Наши чемпионы носят настоящие меховые дубленки. Ну, дикий гусек, пока.

— Как хочешь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Коца перевел дыхание только тогда, когда незваные гости укрылись в автомобилях, которые тут-же сорвались с места. Газовая пукалка третий раз за сегодняшний день произвела нужное впечатление на серьезных людей. Но рисковать больше не следовало, тем более, что спортсмен оказался не из команды армян. Значит, он приставлен чехами, а у тех базар короткий. Коца оглядел пустынную улицу, перед этим показалось, что кто-то прошмыгнул в подъезд, может быть, припозднившийся жилец. Он направился, передернув

плечами, в черный проем, мысль о том, что подставляет невинных людей, не покидала голову. Если отморозки сумели выследить квартиру, что стоит им взять в заложники одинокую женщину, живущую с дочерью школьницей. И другой вопрос, вдруг пастух надыбал под столбом всего лишь жестяную коробочку с царскими сокровищами, а самого клада не было в помине. В подобную отговорку теперь самого себя не заставишь поверить, не то что беспредельщиков разных мастей и национальностей Закрутилась непростая карусель, да куда бы она вывезла.

Коца, пройдя за порог, выставил по привычке левый локоть вперед, в правой руке щелкнула выкидная пика. Бандиты уехали, но кто может поручиться, что все члены банды сели в машины. Валютчик, осторожно нащупывая бетонные обгрызанные ступени лестницы, добрался до площадки на первом этаже с электрощитком на высоте плеч. Пощелкал вслепую выключателями, никакой реакции, в самом центре миллионного южного города черныбыльская мертвая зона. Какие, к черту, рыжие чубайсы, когда руки у самих в глубокой заднице. Коца, бормоча привычные ругательства, переставил ногу, нашаривая очередную ступень, и в этот момент на него пахнуло опасностью. Так бывает на войне, когда привыкнешь уже различать “свои” с “чужими” ножи, пули, гранаты, мины, снаряды. Тогда свистнувшему рядом привету от смерти не кланяешься, а стараешься издалека поздороваться с косматой кивком головы. Коца инстинктивно отклонился к стене, одновременно выбрасывая вперед полусогнутую руку, на локоть со всей мощью обрушился удар обрезка стальной трубы, или куска толстой арматуры. Сознание отключилось и тут-же резкая боль заставила его возвратиться вновь. На раздумья не оставалось ни минуты, валютчик, подныривая вперед, ударил ножом, зажатым в правой руке, в черную неизвестность. Наверное, противник в этот момент наносил второй удар, потому что твердый длинный предмет лишь скользнул по пальто сбоку. Но Коца уже понял, что его усилия не пропали даром, лезвие проткнуло ткань, вошло с натугой в напряженное тело. Он замахнулся еще раз, в то же место, над головой глухо вякнули, словно пьяный жилец отбросил с лестницы ногой кошку. Кто-то не маленького роста, срываясь с ножа, попер напролом вниз по ступеням, зацепил по лицу валютчика кистью, будто широкой лапой смазал по арбузу на столе. Развернул Коцу, чтобы тот успел пикой ударить нападавшего в спину, и затоптал подошвами по ступеням вниз, все вниз, на выход из черного подъезда в не менее черную ночь без звезд. По лестнице вслед за ним загремела железная скалка, пересчитывая звонкими щелчками бетонные углы, пока не успокоилась под вышибленной дверью на площадке внизу. И все стихло. Безлюдная зона лестничных пролетов входила в свое обычное, пугающее жильцов, состояние. Через несколько секунд стало слышно, как этажом выше сработала в одной из квартир дверная защелка, и снова космический вакуум облапил со всех сторон. Прямо перед лицом Коцы что-то злобно зашипело, мимо промчался на всех парах взбудораженный кот. Валютчик, преодолевая боль и не выпуская ножа из пальцев, достал левой рукой из кармана платок, вытер вспотевшее лицо, лоб, затем спустился по лестнице к выходу. На улице никого не было, за углом здания тоже, на черном небе не загорелось ни одной звездочки. Коца, подцепив ладонью горсть снега, приложил его к лицу, к шее. В домах напротив едва светились подслеповатые окна, зашторенные по случаю полнейшего беспредела, наступившего в стране. Валютчик наощупь, не закрывая лезвия, поднялся до своего этажа, надавил на кнопку звонка. Ему с порога улыбнулась усталая женщина, за спиной которой таращились огромные глаза ее дочери. Но сегодня Коца не купил ей никакого подарка.

На другой день валютчик торчал с неуклюжей табличкой на груди на своем обычном месте. Рука, смазанная каким-то снадобьем, болела не очень, никаких волнений за вчерашний инцидент с отморожком, напавшим в подъезде, он не испытывал. Если это оказался залетный грабитель, пусть отвечает сам за себя, а если приставленный бандитами, они должны помнить, что он не собирается уходить один на тот свет. Подругу он сторого-настрога предупредил о неприятных оказиях, сказал ей, что может не придти домой. Она поняла, ростовчанка, привыкшая ко всему.

Местная зима здорово похожа на нервную мамзель. На Дону всего пару дней назад хозяйничали трескучие морозы, а сегодня ледяные бугры покрылись из-за оттепели ноздреватыми трещинами. Лица у людей повеселели, подошвы не скользили, хотя денег прибавилось не у всех. На рынке объявилось больше крестьян с продуктами, придержанными на крайний случай. Мимо тащились нескончаемой чередой драные полушубки, ватники со столетними зимними пальто, наброшенными на исхудавшие фигуры мужиков с бабами. По лужам хлобыстали сапоги, а то валенки, редкие на юге.

И вдруг Коца усмотрел на той стороне трамвайных путей, среди неприхотливого народа, знакомый брезентовый плащ. Он поначалу не поверил своим глазам, помассировал веки, плащ, а вместе с ним убогая шапка, никуда не исчезли. Пастух, зыряка на валютчика, не переставал вертеть головой по сторонам, видно было, что он был в прошлый раз основательно напуган, приехать вновь его могли заставить только серьезные обстоятельства. Коца моментально оценил обстановку, вокруг не было ни одного подозрительного типа, если и вели, то очень осторожно, следопыты, скорее всего, решили оттянуться в какой из многочисленных пивных. Время приближалось к трем часам дня, значит, мужик наблюдал за ним не один час. Автобусы наезжают в Ростов из области в основном с утра. Валютчик уловил момент, когда пастух в который раз посмотрел в его сторону, махнул рукой по направлению к ларьку за автобусной остановкой, уже известному. Мужик наклонил недоверчиво набок мохнатый треух. Коца решительно снялся с притоптанного бугра, пошел широким шагом через трамвайную линию, поравнявшись с крестьянином, сделал знак, чтобы тот следовал за ним. Пастух, озираясь, засеменил рядом.

— Правильно сделал, что сразу не подскочил, — сказал Коца, когда они зашли за палатку. — Тут у нас не совсем спокойно

— А что приключилось? — заволновался крестьянин еще сильнее.

— Свои разборки, но нам лишние косые взгляды ни к чему.

— Я часа три и так вокруг да около. По всему базару прошастал, ни одного из знакомых не увидел.

— Я тебя обидел тогда, что решил к другим намылиться? — валютчик невольно передернул плечами, вспоминая о Тутушке с Сорокой. — Какую цену назначил, столько и получил.

— За деньги ничего не говорю, Да больно мы расстались нескладно.

— Поэтому объясняю, дела нужно делать с одним человеком.

— Но тогда стреляли, поджилки до самого дома тряслись. Едва медовухой отходился.

— Что стреляли, это тебе показалось, — не признался валютчик, чтобы окончательно не запугать клиента. — Машина выхлопной трубой ахнула, а получилось как выстрел. У нас такое часто, бензин хреновый продают, чуть не соляжкой разбавленный. Ладно, не будем заострять внимания на мелочах, привез что-нибудь? Или так заскочил?

— Привез, а то как, звезды, эти, колечки, — кивнул мужик. — Дочка приехала, денег

потребовала. Я все наторгованные ей выложил, прибавил зарплаты свою с бабой, старухину пенсию. достал заначку. Мало, вот какая она оказия, Москва, говорит, денежки лю-убит.

— Нынче молодежь такая, — согласился Коца. — Сама как не хотела работать, так и не желает, а послаще пожрать дай.

— Во-во, правильные твои слова. Подумал грешным делом, все выложи, дом с подворьем, со скотиной продай — сам сойди в могилу — все одно будет мало. Жестокая стала, и внучонку не рад.

— Какую воспитали..., - завелся было Коца, вспоминая, что деревенские без работы, квартир и садиков в городе зверели всегда. Но сразу осекся. — Капитализм, он все соки выжмет.

— При чем здесь капитализм, у нас народ неблагодарный, — расслабился пастух. — И мы не лучше.

— Долго здесь разговаривать нельзя, — остановил его валютчик. — Опять пойдем во двор здания через проспект, так-же, как тогда.

— А снова прихватят?

— Пока некому, шестерки отдыхают.

Коца, кивнув мужику, чтобы следовал за ним, пересек улицу Московскую, он решил не спускаться в переходной тоннель, а проскочить Буденновский проспект по верху. Так было удобнее заметить слежку, если бы ее устроили. Коца до сих пор не знал результатов разборки, потому что старался не появляться в центре базара, где банковала основная часть бригады валютчиков. Раньше Хозяин с утра тянул руку, теперь какой день не проходил мимо. Микки Маус работал по чутью, то есть, если кто что приобрел, он тут как тут. Отморозков Слонка простыл след, как и самого бригадира, можно было предположить, что рубка получилась действительно стоящая. Но Коца не спешил об этом жалеть, уверенный в том, что свято место пусто не бывает. Завернув за угол здания, он забежал в проходную, подождал запыхавшегося мужика. Потом прошел через длинный коридор, показав вахтеру заветный знак, до небольшой двери, ведущей во двор. По прежнему большую часть просторной площади загромождали ряды пустой тары из деревянных ящиков, заводские поломанные станки. Коца, пропустив пастуха вперед, захлопнул дверь, подпер ее на всякий случай отсыревшим колом, валявшимся рядом.

— Показывай, — разрешил он, придвигая на середину закутка еще крепкий стул.

— А больше выходов отсюда нету? — мужик беспокоило завертелся на одном месте. — Я раскладываться не стану, если опять возьмутся подсматривать. Еле в тот раз ноги унес.

— Я при тебе дверь колом подпер, — развел валютчик руками.

— Что там кол, по наледи склизанул, и вся твоя подпорка.

— Хорошо, а вот это тебя успокоит? — Коца выдернул из внутреннего кармана пальто настоящий “Вальтер”. Он решил сегодня утром идти на рынок не с газовым пугачем, а прихватить боевое оружие, напомним сам себе незабываемую присказку, что если противник показал зубы, то на войне должно быть как на войне, Прикрикнул на колхозника, отшатнувшегося в испуге. — Перестань усираться раньше времени, сегодня отморозков не ожидается.

— Ты сам-то не из них? — мужик покорно полез за пазуху.

— Я вольный казак, если кто и был в роду, так и тот из терских, — подмигнул Коца, пряча оружие. — У меня один дед по родословной был кубанско-терской казачура, царство ему небесное, второй дед из донских, тоже царство небесное. Все остальные, скорее, кацапы,

точно не ведаю.

— Мудрено говоришь.

— Такая судьба досталась.

Мужик, вытащив из густых завитков бараньей шерсти грязный кусок материи, такой же, как в прошлый раз, принялся его развязывать на стуле, не переставая кидать боязливые взгляды то на купца, стоящего рядом, то вокруг. Руки у него заметно подрагивали. Наконец, последний узел поддался под заскорузлыми ногтями, мужик раскидав концы платка в стороны, уставился Коце в лицо пристальным взглядом. Он не поверил бы никаким доводам и самым фантастическим цифрам, если бы вдруг кто-то реально начал оценку богатствам, принесенным им. Пастуха могли убедить только эмоции на лице покупателя, да выражение его глаз. И снова валютчик едва удержался от восторженно — удивленного восклицания. Пришлось в который раз признаться себе, что за время работы на рынке он не только не встречался с подобными сокровищами, но и за жизнь не любовался ими даже в самых именитых музеях. А посмотреть на что было, сверкали бриллиантами, изумрудами и сапфирами три женских золотых, изумительного исполнения, перстня, они, нанизанные на обыкновенную лыковую бечевку, представляли собой замысловатое как бы переплетение тонких золотых нитей в виде разделенных половинок сердец, повернутых друг к другу под разными углами. Возле женских лежал большой мужской перстень с настоящим рубином. Камень в наклонных лучах солнца переливался внутри живым пламенем, то рвущимся вверх, то стелющимся в середине по идеальным граням. Рубин словно удерживал в себе цыганский костер, не давая языкам возможности вырываться наружу. Снова на широких его золотых боках были отлиты две странные перекрещенные буквы “Е” и “В”. Лежало вокруг несколько золотых монет с двумя серебряными древними медалями. Это все окружала толстая золотая цепь с бриллиантовыми и другими вставками из драгоценных камней в прямоугольных крупных звеньях. Цепь уходила концами под угол завернувшейся ткани. Мужик, не спускавший глаз с валютчика, прервал на секунду пристальное изучение выражения его лица, протянул корявую руку к платку, отбросил угол в сторону. Снова впился бешеными зрачками в переносицу валютчика, не чувствуя, что на краях губ, больших и потрескавшихся, собирается белая пена, что от внутреннего напряжения по небритому лицу с рыже-седыми остями волос покатился обильный пот. Нижние веки увлажнились, задышали соплями раздутые ноздри вздернутого носа. Пастух с неправильным, как бы изжеванным, лицом походил сейчас на брюкву, испеченную на углях, буравящую прорезавшимися зрачками человека, стоявшего перед нею. Коца крепко сжал зубы, чтобы не охнуть, под углом материи оказалось самое главное сокровище. Восьмиконечная звезда вспыхнула, брызнула всеми цветами живых красок, ослепляя взор, загорая то, что находилось под нею на концах цепочки. Рядом красовался широким над ним бантом знак ордена, выполненный в виде креста с полукруглыми концами, с каким-то портретом в середине. Перед валютчиком, похоже, лежал учрежденный Петром Первым еще в 1713 году орден святой Екатерины. Этого не могло быть, потому что вряд ли в коллекциях богатейших музеев мира имелись подобные редчайшие регалии. В голову закрались сомнения по поводу их подлинности, но Пулипер, старый проходимец, признал еще в первый раз, что царские награды настоящие. Значит, мужик действительно раскопал золотую жилу. Происходило бы это в Америке, или в другой какой капиталистической стране, он бы сейчас рассекал на “Кадиллаке” заказного исполнения, владел бы заводами, шахтами, пароходами. Крутились бы на его благополучие и благосостояние тысяч умнейших людей, потому что сам пастух не имел в шишковатой башке

ни одной развитой извилины. Невольно в связи с этим возникала мысль: правильно ли сделал Советский Союз, что повернул по западному пути развития, по капиталистическому? Ведь тогда многократно усиливалось значение максимы, высказанной Коцей в пику богатым дуrolомам, которую он не уставал повторять при каждом удобном случае. Себя он не причислял почему-то к скаредным особям, хотя стремился к тому же золотому божку. Максима звучала так: у дурака одна дорога — намолачивать бабки... И так далее.

Но сейчас блеск золота, драгоценных камней в купе с живописной эмалью завораживал взор неопишуемой красотой и благородством. Коца снял перчатку, провел кончиками пальцев по лицу, не замечая, как ухмыльнулся довольно пастух, точно поросенок, зарывшийся в крутое месиво. Валютчик вспоминал отрывок из лермонтовской поэмы “Бородино”, в которой поэт еще в те эпохи бросил с презрением в народ: “Богатыри! Не вы!”. В голове вертелось непристойное сравнение, хотя очень хотелось верить утверждению, что все люди равны. Коца, наклонившись, сдвинул звезду чуть в сторону, ощутив тяжесть благородного металла. В глаза ударил фейерверк разноцветных искр, как бы зависших над синеватым пламенем. Валютчик, подавив желание поднести руку к лицу, сузил по кошачьи зрачки, уменьшая поток сияния. Орден концами опирался на огромный то ли сапфир, то ли еще какой камень, прикрепленный захватами в виде древнего дворянского герба к массивной золотой цепочке. Может быть, из группы голубых халцедонов, не настоящий, потому что драгоценных камней таких размеров, наверное, не существовало в природе. На вскидку тридцать каратов не меньше. И все это богатство покоилось на куске грязной тряпки, оторванной от рабочего халата. Коцу снова едва не накрыло бешенство от мысли, что узрел наяву отношение к великим предкам, к своей истории.

— Видал, какие цапки привелось откопать на своем базу? — сообщил мужик с боязливой радостью. — А ты тогда мне не поверил.

— Сколько ты хочешь за все, — осведомился валютчик, опять по глупому.

И сразу прозвучал не менее тупой ответ:

— А нисколько, я показать принес. Да еще прицениться.

— Прицениться, говоришь? — скрипнул зубами Коца, едва сдерживаясь, чтобы не крикнуть, что эти сокровища бесценны, и что пастух не имеет права к ним прикасаться, не то, чтобы за них торговаться. И осекся, соображая, что давно страдает какой-то необъяснимой раздвоенностью. Хочется с одной стороны справедливости во всем, с другой не прочь и сам нажиться за счет вот таких деревенских хамов. Наверное, такова истинная русская душа, полуевропейская, полуазиатская. — Я тебе скажу, сколько стоит каждая из вещей, но если вздумаешь обратиться с ними к другим менялам, тебя просто замочат.

— Я и не собираюсь бегать по базару, я потому и подошел к тебе первому, — сбавил мужик радостно-озлобленный напор. Два этих чувства тоже, скорее всего, являлись неотъемлемой частью раздвоенной русской души. — Если договоримся, значит, по рукам, а не получится, отвезу обратно.

— С этого надо было и начинать, а то ниско-олько, прицени-иться принес, — передразнил валютчик.

— Ты тоже хвост не дюже поднимай, тебе оказали доверие — давай оправдывай.

— Не сомневайся.

Коца успел взять себя в руки, вспомнив, что мужиком любой жест или мимика на лице берутся на крепкую заметку. Из них у него вырастает постепенно оценка согласия или не согласия. Меняла подсчитал в уме, машинально перекинув сумку на грудь, сколько денег

захватил с собой. Сумма была приличной, но по сравнению с богатством, лежащим на лоскуте, оглашать ее решил бы человек совсем без совести. В то же время, цапки мужику достались задарма, тогда о каком стеснении может идти речь. Он вытащил несколько пачек достоинством по десять рублей, шлепнул ими со смачным звуком по крышке стула. Бросил сверху пачку из пятидесяти рублевых листов, которые выглядели и на вид, и по цифрам по бокам, посолиднее, добавил неторопливо еще пару синеватых же пачек. Внутри сумки оставались и зеленые, из десяти рублевых купюр, и синие плотные квадраты, и желтоватые из сотенных. Он еще у любовницы решил пойти ва банк, предупредив, что в квартире спрятана заначка, которую оставляет ей с дочерью, если с ним что-нибудь случится. Женщина лишь кивнула головой, деньги для нее не являлись в жизни главным стимулом.

— Это за все, что-ли? — мужик притворно-удивленно развел руками. — Не-е, мы так не договаривались, вылупайся по полной, а то пачки покрупнее прячешь, а мне подкидываешь крохи.

Коца сглотнул обильную слюну, все начиналось как в первое знакомство, с разницей лишь в том, что пастух в этот приезд не поспешил на раскопанное богатство. А может, и сейчас он приволок только то, что лежало на виду казачьего клада, набитого сокровищами доверху. Надо прощупать его со всех сторон, но это предстоит сделать осторожно, чтобы не возникло и доли подозрений. Коца, небрежно махнув ладонью, указал на звезду со знаком, на цепочку с двумя медалями и небольшую россыпь золотых монет.

— Пока лишь за это, ты в тот раз за перстень мне настоящий концерт устроил, до сих пор забыть не могу, — он с напускным равнодушием разделил на две кучки груды редкого металла, понимая, что приравнял раритеты, лежащие на стуле, к ведру привялой картошки. — За звезду с монетами, помнится, ты спорил не здорово.

— Как это не здорово! — не согласился мужик. — Я с тобой воевал за все, а цепочки тогда не было.

— Посмотри, сколько здесь пачек рублей, и прикинь, чего на них можно купить. Колбасы, конфет, сахара, да хоть торт дорогой, с кремлем и со звездами. Кто продаст тебе за твои погремушки хоть что-нибудь? Скажут, ты что, старый, совсем из ума выжил? Товар у нас продается только на деньги.

— Тут ты правду говоришь, в деревне они никому не нужны, детям разве что, под игрушки, и то пораниться могут, — признался мужик, не сводя с валютчика лихорадочного взгляда. — Но ты-то, гляжу, не дурак, что собираешься прибрать их к рукам? Значит, у вас цену они имеют?

— Если побегать с ними до волдырей на заднице. Ты что думаешь, что люди в городе святым духом научились питаться? Им тоже охота пожрать послаще, а на блестящих твоих железках зубы быстро обломаешь.

— Не брешь, когда по телевизеру подобные украшения показывают, аж вздох расхваливают.

— Те музейные, а эти из земли, разницу чувствуешь? — валютчик волтузился с мужиком как с маленьким ребенком. — Сам сказал, что они в деревне ни к чему.

— То в деревне, а это город, тут любая палка в дело идет. Очисточки, когда картошку шелушат, аж светятся. Короче, докладывай, и кандибобер с концом.

— Сколько ты хочешь, чтобы я доложил?

— Еще столько, — прикинул хитрый пастух, прищурившись.

— Не-е, я не согласный, — вошел и валютчик в роль, нагибаясь за пачками денег. —

Мне самому такие бабки здесь нужны, увози свой товар,

— Дело не хитрое, увезу, — сунулся и мужик к лоскуту материи. — Я вот что-то первого из ваших не вижу, которому продал значок с портретом. Мы бы с ним быстро договорились.

— Твоего первого убили, — решился признаться Коца, понимая, что задача номер один у него задержать мужика любыми путями и выкупить все до золотишки. Вряд ли еще в будущем предвидится нежданного подарка от судьбы.

— Убили!?! — насторожился пастух, отдернул руки от узелка. — За что его так?

— За такие вот цацки, — скривился валютчик, нагоняя на клиента еще большего страха. — Не хрена было хвалиться кому попало, вот за язык и поплатился.

Мужик помолчал, потоптался на месте, не решаясь на дальнейшие действия, Он тоже осознавал, что раскрылся перед покупателем с пистолетом за поясом на распашку. Валютчик теперь может отправить его на тот свет за просто так, как спровадили того парнишку. В прошлый раз никакая машина выхлопной трубой не трещала, а прозвучал выстрел из настоящего пистолета. Пастух громко сморкнулся в рукав брезентового плаща, подумал, что война сейчас кругом, а не только в Чечне. А виноватый он, стрелочник.

— Ну полстолько, почитай, задарма эти золотые финтифлюшки отдаю, — сбавил он цену, сдерживая завистливую жабу внутри, растолстевшую за время торга. — Кому они принадлежали, тот в гробу перевернулся.

— Хозяин их брать с собой постеснялся, такое барахло, вот и подумай, нужны они там, — рассудительно заметил Коца. — Я докладываю сверху еще пачку из сотенных листов, банкуй на здоровье, пока я добрый.

— Из тебя добро-то так и преть, аж скулы порозовели, — не преминул колхозник подъегорить, хватая деньги с поверхности табурета и рассовывая их, как в прошлый раз, по бокам пазухи. — Вон как занялись огнем-то, довольство видать учуяли.

— Они покраснели от неслыханного твоего нахальства. Загреб за находку под столбом для привязи полмешка бабок, и гонишь непотребное.

— Я-то нашел, а ты искать не собирался.

Валютчик, дождавшись, пока мужик распихает деньги по углам, забрал с тряпицы звезду со знаком, опустил ее в отдельное гнездо в сумке, туда же нырнула массивная цепочка с драгоценным сапфиром, огромным по размерам. За нею он ссыпал, не приглядываясь ни к достоинству, ни к году выпуска, несколько золотых монет, поступил так же с медалями, обойдя вниманием тот факт, в честь какого исторического события их отчеканили. Он был уверен, что любая из вещей с лихвой окупит затраты. Нужно было по всем раритетам пролистать каталоги, чтобы нагряться к пожилому еврею не темным иванушкой, а нумизматом, подкованным хоть немного. Впрочем, Пулипер, услышав историю про клад, обнаруженный пастухом, настроился, кажется, вести игру по правилам. Хотя эта нация и не таких дельцов ловко обходила на закрученных виражах с крутых финансовых гор.

— Сколько за колечки отвалишь, сударь-государь? — мужик снова заюлил глазами, размазав сопли по верхней губе. — Не начнешь опять молотить, что они тебе не к спеху?

— Если я сказал, что выкуплю все, то так должно и быть, — Коца посмотрел, переводя облегченно дыхание, на кусок материи с перстнями. Главная сделка прошла благополучно, даже странновато, что не возникло сучков с задоринками, на которые мужик был горазд. — Я тебе не какой-то там барыга.

— Давай тогда торговаться.

— За сколько ты хочешь отдать все колечки сразу?

— А сколько ты дашь?..

Пастух опять пожирал глазами каждую черточку на лице Коцы, и снова валютчик старался всеми силами не выдать истинного состояния, чтобы не потерять навсегда удачу, свалившуюся на него...

Закончился торг тогда, когда тени от деревьев по периметру двора не исполосовали его вдоль и поперек. Меняла не раз и не два косился в сторону двери, припертой кругляшом, но в эту сделку все, кажется, обходилось спокойно. Теперь предстояло выйти незамеченными, проскользнуть мимо базара, чтобы не попасть в поле зрения следопытов, приставленных к валютчику, а вести его они были обязаны, и рвануть домой. Придется назначать деловую встречу с Микки Маусом и с Пулипером по сотовому телефону, на рынке с таким грузом делать нечего. Но беспокойство за судьбу пастуха не давало возможности оставлять его одного, и еще одна назойливая мысль тревожила Коцу. Он, последив, как старательно мужик укладывает свой капитал во множество складок в плаще с тулупом, переступил с ноги на ногу:

— Я у тебя хочу спросить.

— Спрашивай, а чего такого? — откликнулся тот, не отвлекаясь от приглаживания рубцов.

— Это последняя твоя ходка сюда?

— Какая ходка?

— Ну... уже все выгреб из жестянки?

— Какой там выгреб, еще есть, — простодушно признался мужик, подняв голову с глазами, вновь принявшими невинное выражение. Разоткровенничался, — Я почему погремушки вожу сюда кучками, захвати я, к примеру, все добро, на нем дотла и сгоришь. А при таком гнездовом способе остается навсегда уверенность, что не останешься на бобах. Я и дочке не обмолвился ни словом, что клад откопал, есть, гитарю, копеечка за печкой, чем можем, тем поможем. Проговорись я им про царские забавы, оберут хуже татаров. Вырастили... хрен разберешь, как уехала в город, так чужая, и все тут.

— Все бросились наживаться, а ума не хватает, — подлил Коца масла в огонь. — Куда проще ограбить престарелых родителей.

— Ума-то у них палата, да не в ту сторону, — не согласился мужик. — Ты с чего за приезд спросил?

— Интересуюсь по денежной причине, чтобы при бабках быть. Ты-ж налетаешь наскоком.

— А как прикажешь прибывать, когда и дома покой потерял, а не токмо у вас в городе. Все чудится, что кто-то следит, в туалет, прости господи, приспичит, перестал без топора ходить.

— Заприметил кого-нибудь?

— Бог миловал, конечно, кроме дочки. Та что-то учуяла, на шаг перестала отпускать.

— Ты ей все бабки сразу отдаешь, а надо постепенно.

— Причина, думаю, другая, когда я в первый раз к вам собрался, одно колечко на подворье потерял, больше нигде узелок не развязывал. Жена, мыслю, подобрала его, да дочке похвасталась, вот та и взбеленилась. Мол, сокровища прячу, а делиться не желаю.

— Я уже сказал, что молодым ограбить сейчас родителей, как два пальца обоссать. Могут и замочить, дело не хитрое.

— Не пугай, я у себя дома хозяин, это от вас пока доберешься, все поджилки трясутся.

— Сам перестал с пушкой расставаться, — поправил Коца шарф. — Значит, заглянуть к нам еще можешь?

— Как договаривались в прошлый раз, — мужик пугливо покосился на отворот пальто у валютчика. Сглотнул слюну. — Отсчитай от Нового года среду и жди в этот день. Ты человек проверенный, если сразу не убил, то больше рука не поднимется. Так что, токмо к тебе.

— Хорошо, я деньги как раз соберу, — согласился валютчик, ухмыльнувшись тайным своим мыслям. — Побольше.

Коца, когда вышли на Московскую улицу, цепко осмотрелся по сторонам, поманив пастуха за собой, довел его до трамвайной остановки в сторону главного железнодорожного вокзала, напротив которого располагался автовокзал. Мужик решил в Дом крестьянина не заходить, а по приезде завернул сразу на рынок. Он не стал артачиться, чтобы валютчик его проводил. Автобус на Усть-Донецк должен был отправляться через полтора часа, времени было достаточно, поэтому Коца посоветовал пастуху, чтобы тот укрылся в какой-нибудь столовой.

— Не, я куплю билет, а сам перекантуюсь на железнодорожном, — прищурился тот хитро. — Там залы просторные, худого человека видать за версту.

— Если кто прицепится, отвязаться будет трудно, — валютчик с сомнением почмокал губами. — И в милицию тебе обращаться нельзя.

— Способ проверенный, — уперся мужик.

— Как хочешь.

Коца, дойдя по Буденновскому проспекту до Большой Садовой, тормознул частника, снова, когда садился в машину, зыркнул по головам пешеходов. Уже зажглись ртутные фонари на высоких столбах, но свет от них сочился как от бледного лица Чубайса — никакой. Сказав шоферу, чтобы тот довез его через Комсомольскую площадь до РИИЖТа, развалился на заднем сидении. Немногие жители богатого когда-то города позволяли себе такую роскошь в связи с наступившим безденежьем. Коца решил не рисковать больше жизнями любовницы и ее дочери, надумав теперь посетить свою однокомнатную квартиру, заброшенную на время разборок. Выйдя на площади с институтом железнодорожного транспорта, расположенным на ней, он отправился пешком по улице Ларина по направлению к проспекту Октября. Подобрался дворами к полуслепому фасаду четырехэтажного хрущевского дома, постоял за углом здания напротив. Фонари на столбах поносили шустрые перестроечные пацаны с пьяными взрослыми олухами, пространство вокруг освещала лишь блеклая луна, и все равно он засек под стволом старого пирамидального тополя расплывчатую фигуру незнакомого парня. Похлопав по боковому карману пальто с надежным “Вальтером” в нем, чертыхнулся про себя, что и здесь покой ему только снился. На улице уже никого не было, а в квартиру попасть надо было во чтобы то ни стало, потому что там лежали на книжных полках разные справочники, каталоги, ценники на многие раритеты и вещи поскромнее. И он решился, насадив шапку поглубже, поднял воротник пальто, опуская подбородок в теплый мохеровый шарф. Направился твердым шагом к незнакомцу, на ходу поддернув кожаные перчатки.

— Кого ждем? — спросил он жестко у широкоплечего мотыля.

— Тебя это колышет? — небрежно бросил тот, мельком окинув фигуру валютчика и не отрываясь от тополя. — Проходи своей дорогой.

— Нет, дорогой, со мной сейчас пройдешь ты, — Коца решительно взял парня за локоть. — Я из милиции.

— Да и в хер бы она мне не снилась, ваша ментовка, я что, пьяный? — заартачился увалень. — Или правопорядок нарушаю?

— Оборзел, смотрю, салага... ты мешаешь нам работать.

— Кому мешаю? Я корешка жду.

— Валютчика? — Коца ловко завернул за спину толстую руку парня. — Мы тоже мечтаем увидеть его.

— Кто это вы? Ну кто вы?

— Милиция.

— Отпусти руку, служивый, я сюда не сам же приставлен. Надо звякнуть.

— Кому ты хочешь позвонить?

— Своим... предупрежу кого надо и уйду.

Валютчик чуть ослабил давление, здоровяк вытащил свободной рукой мобильник, набрал номер. Объяснив положение, в которое попал, спросил, что дальше делать, мол, менты тоже за каким-то валютчиком охотятся. А самого его уже повязали, готовятся отправить в ментовку. На том конце связи долго не отвечали, наконец, дали добро на оставление поста до выяснения обстоятельств.

— Пасите суку дальше, но знайте, что он наш, — верзила, пряча сотовый, нервно выдернул здоровенную лапу из тисков Коцы. — Долго бегать он не сможет.

— Чей это — ваш? — хмыкнул Коца как бы с недоверием, — Нам известно, что он человек Слопка.

— Был, и Слонок тоже был. Власть поменялась.

— К Пархатому перешла? Или к Асланбеку?

— Пархатый на том свете пробует на вкус собственные сопли. Не слыхали про стрелку в парке Авиаторов?

— Прошел звоночек. Много положили?

— Шестьдесят на восемьдесят процентов в пользу Слопка, за счет его диких гусей. Рубка была стоящая.

— Значит, банковать взялся Асланбек, а потянет? Войне еще в самой Чечне конца не видно, русские парни не больно-то жалуют чехов.

— А мне по херу, лишь бы хорошо отстегивали.

— Фальшаком, — хохотнул Коца. Подтолкнул увальня в широкую спину. — Пош-шел отсюда, добытчик, тебе и родную мать не за падло на тот свет отправить.

— Что мне мать, я сам вырос, — огрызнулся недоумок, снимаясь с места.

Коца, подождав, пока высокая фигура не скроется за углом здания напротив, нырнул в темный провал подъезда. В который раз, нащупывая подошвами зимних ботинок выщербленные бетонные ступени, задался вопросом, почему дома и подъезды по всей России одинаково загаженные. Ведь среди обосранных русских много необосранных людей других национальностей, а ведут они себя одинаково с коренными жителями. Он открыл дверь ключом, нашарил выключатель, в глаза сразу бросилось изменение в расположении мебели, в том, что по другому поставлены книги в книжных шкафах. Ясно, успели, суки, побывать и прощмонать. Хорошо, что догадался все ценное, как и документы, перетащить не только к любовнице, но и в другое надежное место, оставив на кухне лишь заначку с золотом и небольшой суммой денег, капитально замаскированную. Иначе сморгал бы сейчас тягучей

слуюной до тех пор, пока очередной хряк не замочил бы прямо на пороге собственного дома. Как успели сделать это с другими валютчиками, неповоротливыми в новой обстановке. Коца вырубил свет в комнате, включив настольную лампу с коническим абажуром, подошел к широкому окну, задернул плотные шторы. Лишь после этого разделся, поставил чайник на газовую плиту, жрать хотелось как бездомной собаке. Странно, чувство голода накатывало тогда, когда здорово приходилось поволноваться. Но в холодильнике лежали только маленький кусок колбасы, да пачка плавленого сыра. Возвращаясь опять в комнату, он вынул ключ, поставил замок на стопор, на случай, если кому-нибудь из кровников захочется вновь посетить его убогое жилище. Затем вытащил из книжных шкафов не меньше десятка различных справочников, разложил их на раздвижном столе. Рядом примостил базарную сумку.

Коца провозился почти с купленными у мужика раритетами до утра, сверяя каждый по справочникам. Звездой оказался, как он и ожидал, орден святой Екатерины, цена которому доходила до десяти тысяч баксов по самым скромным указателям. Даже серебряные медальки, простенькие на первый взгляд, потянули каждая на тысячу долларов, одна была “За Полтавское сражение” в 1709 году, вторая “За победу у мыса Гангут” в 1714 году. Валютчик, подбив приблизительно общую сумму, сильно потер виски, надолго уставился в точку в углу квартиры. Цена колебалась от двадцати тысяч баксов и выше, без учета стоимости бриллиантов и сапфира на цепочке с другими драгоценными камнями на перстнях. В голове все сильнее проявлялась мысль о том, что за такие богатства стоит не только побороться, но и постараться сделать так, чтобы клад очутился в его руках. Вряд ли в этот момент нашлась бы сила, сумевшая отговорить его от опасной затеи. Валютчик спокойно перешагнул бы через нее.

Глава пятнадцатая.

В казино на центральной ростовской улице, прямо напротив губернаторских хором, объявились почтенные гости. Они, расположившись в комнате отдыха на мягких диванах, потягивали марочный коньяк, закусывая его плиточным шоколадом. Две русские девушки-официантки ласково обхаживали каждого из гостей, стараясь не зацепить кого из присутствующих нечаянным движением за добротные костюмы. Обе, несмотря на страх, таившийся внутри, были довольны своей работой, порхая бабочками с размалеванными мордашками. Асланбек кайфовал в кресле посередине. Самого Хозяина казино не было среди уважаемого общества, он занимался организационными вопросами, не влезая в серьезные дела. Тем, чтобы вертелись без длительных перекуров однажды раскрученные тотализаторы, чтобы не смолкали за игральными столами эмоциональные восклицания, чтобы в баре в достатке было вина и водки.

— Русские не щадят ни детей, ни стариков, они прут напролом, — сказал на чеченском языке один из гостей, продолжая начатый разговор. — Если захватывают отряд воинов ислама, перерезают им горла и сбрасывают в овраги, затем обливают известью, чтобы поскорее истлели. Трупы сжигают или закапывают в неглубокие ямы, собаки разрывают их когтями.

— Многие из гяуров стали проповедовать за убитых своих друзей кровную месть. Мне показали солдат из разведки, вся группа состоит из наших кровников, — поддержал собеседника второй чеченец. — Они берут боевое оружие, сверху надевают маскхалаты и уходят в горы на поиски наших баз. Если натыкаются, завязывают бой с вызовом по рациям вентиляторов. А те наносят удар поквратно, спрятаться от них практически невозможно.

— Воевать сейчас тяжело, зеленки нет, укрыться негде, — подключился третий гость. — Даже в горах, в родовом селе Басаева, старейшины постановили, чтобы отряды не заходили в населенные пункты. Сказали, что надо сохранить молодое поколение.

— В родовом тейпе Масхадова поступили так-же. Президент Чечни отправил семью в Малайзию, а сам навещает родственников только по ночам, — просветил собравшихся еще один из присутствующих. — Между тейпами продолжает нарастать раздор.

— Все разбегаются, любитель поэзии и пива Яндарбиев, умный Удугов, хитрый Ахмед Закаев... Их места занимают политики из равнинных чеченцев, хасбулатовы, завгаевы, пророссийски настроенные. Их отвергают, но они лезут все равно. Имам Кадыров повернул вообще в обратную сторону.

— Кадыров никогда имамом не был, священнослужитель не имеет такого права, объявить русским газават и взять свои слова обратно. Он предатель чеченского народа, ему уже вынесен смертный приговор.

— Чеченцы упустили момент наивысшего благоприятствования, когда Хасбулатов был председателем Российского правительства. Пусть он не из горной Чечни, а с равнинной, он все равно боролся за самостоятельную Ичкерия, но от России получающую немерянные дотации на восстановление хозяйства, разрушенного коммунистическим режимом. Он имел возможность сместить полужидка Ельцина и стать во главе русского государства, — негромко начал говорить чеченец с задумчивым лицом, сидевший на краю дивана. Присутствующие повернули головы в его сторону и затихли. — Русский народ — это отара баранов, он покорно шел за Иваном Грозным, кровавым царем, за императором Петром

Первым, рубившим ему головы, за Сталиным, уничтожавшим его любыми способами. Он и за Хасбулатовым побежал бы. Русский народ — это рабы из неграмотных крестьян, вся российская империя представляет из себя бескрайнюю деревню, населенную от начала смердящими холопами, ею правили цари с кучками умных приближенных, большинство из которых были иностранцами по происхождению. Таковой эта нация осталась до сих пор, при имаме Шамиле Чечню взяли не русские войска, а казаки под водительством генерала Ермолова. И еще один момент упустил чеченский народ, это когда Масхадов с генералом Лебедем подписывал в Хасавюрте документ о перемирии. Нужно было сразу после подписания бумаги выходить из состава Российской Федерации, нефти у нас достаточно, наши места еще Гитлер стремился завоевать. Пригласили бы иностранный капитал, объявили бы себя лет через десять кавказской Швейцарией. Я до сих пор не понимаю, зачем нужна была Масхадову с Басаевым вонючая Россия.

— Они хотели дать передышку воинам ислама, затем перестроиться и нанести сокрушительный удар сразу по всей территории России, — подал голос один из чеченцев поближе. — Взорвать атомные станции и склады с боеприпасами, разрушить плотины, отравить воду. Пусть неверные подышают миллионами, они пригодны только для рабского существования.

— Мы все равно поставим эту империю на колени, — поддержали хором остальные.

— Наше дело правое, победа будет за нами.

— Аллах акбар.

Сидящие полукругом раскрыли ладони, омыли лица воздухом, затем потянулись к рюмкам со спиртным, к жаренному мясу с большим количеством зелени. Асланбек в разговор не вступал, он был лидером преступной чеченской группировки, грабившей русских в южных областях России. Он был таким, как другие чеченцы, которые в Тольятти и в Москве обдирали русских на дойке вещевых с продовольственными рынков, на выпуске фальшивых авизо, на угонах иномарок, на меченых долларах, на продаже московских квартир, переписанных на себя, со спаиванием и убийством их хозяев. И это в дополнение к миллиардам рублей и долларов, вагонами поступающих в Чечню на восстановление якобы домов, заводов, фабрик и мостов через арыки, разрушенных русскими. Российские же деревни стирались с лица земли, а люди в них спивались. Извечный вопрос, кто виноват и что следует делать, не фигурировал в Государственной Думе ни в одной бумажке, по которой водили пальцами малограмотные избранники народа из самых низов, которыми легче было управлять. Так было задумано изначально, чтобы Россию представляли именно эти депутаты. Этот идиотизм совершался с благословения правящей “семьи”, вопрос об улучшении жизни россиян не поднимался и после ухода ‘царя Бориса’. Все было просчитано до мелочей. И мало кто в стране понимал, что ‘ставленники ничего’ не представляли из себя, как в той же Чечне Яндарбиев с Масхадовым. Ушлый Березовский, “истинный друг” русского народа, нашептывал избранным главам государства от имени тайного мирового комитета нужные указы с приказами, за которыми стояли миллиарды долларов, оплаченные миллионами жизней. Все повторялось как по заранее прописанному. Как при Парвусе с Лениным в революцию, так и в перестройку при Березовском с Лившицем.

— Как идут дела с партией фальшивых долларов? — промокнув губы салфеткой, повернулся к Асланбеку главный по виду над остальными чеченцами. — Успели протолкнуть, или возникали какие-то трения?

— Здесь все схвачено, — улыбнулся главарь преступной группы. — Нужные люди

получили свой процент, они просто не вмешивались. Хотя в Москве делать это легче, а здесь возмущаются казаки.

— Понятно. Можно еще партию прислать?

— Надо подождать, пока рассосется пристроенное.

— А как с кандидатами в заложники? Подходящие есть, с большими доходами?

— Есть.

— Мы должны возвращаться в Чечню не с пустыми руками, а на хороших машинах, набитых добром неверных.

— Мои люди стараются, заложников мы запираем в подвалы, вывозим их за город. Но отправлять в Чечню вещи и людей стало труднее. Основные магистрали перегородили милицейскими и казачьими постами, а казаки на взятку идут труднее.

— А ведь у нас с ними мирный договор, и все равно поперек дороги становятся, — подключился выбритый до синевы член застолья. Было видно, что совсем недавно он носил широкую бороду. — Помните случай на Ставрополье, за одной из станиц на самой границе с Ичкерией? Тогда чеченец бросил мешок денег под ноги начальнику заставы из казаков, чтобы тот без досмотра пропустил всего один треллер. Не взял, ишак, обшитый лампасами.

— Терские казаки в Наурской, в Червленной, в Слепцовой на территории равнинной Чечни вооружились до зубов. Пока в боевых действиях участия не принимают, но видно, на чьей они стороне.

— Поэтому донские с кубанскими казаки поспешили заключить с нами мир, чтобы наши бойцы не разнесли в клочья станицы их братьев.

— А как у вас с оружием? В достатке? — поинтересовался Асланбек в свою очередь. — Мои парни нащупали на местных армейских складах немало брешей. Оружия достаточно, от автоматов с пулеметами до “Мухи” с “Иглой” с ракетами по летящим целям.

— У нас оружия хватает, вплоть до израильских “УЗИ”, удобных в обращении. Оно течет к нашим армиям через перевалы Азербайджана, Грузии с Абхазией и Дагестаном нескончаемым потоком. Новейшее, — утвердительно кивнул главный. — Имеем и бронетехнику — БТР, БМП, самоходки, есть даже современные девяностые русские танки. Угнали, — вокруг дружно засмеялись. — Жаль, Дудаев позволил вначале войны разбомбить аэродром с самолетами и вертолетами, их надо было сразу перегнать на запасной аэродром.

— Тяжелой военной техники у нас нет, — согласно закивали головами остальные слушатели. — Несколько установок “Град”, и с неверными было бы давно покончено.

— Но все равно, победа будет за нами.

— Аллах акбар.

Гости снова потянулись к рюмкам со спиртным, наполненным официантками, они запихнули в рот кусочки мяса, обернув их зелеными листьями салата, по подбородкам потекли струйки жирного сока. Присутствующие, подбирая пальцами капли, вытирали руки о салфетки и снова наклонялись над горами прожаренного мяса на больших блюдах. Когда насытились, разговор продолжился в том же русле, видимо, война накрепко перепутала повседневные мысли, заточив их острыми стрелами.

— На священную войну с неверными поднялись Самашки, Новые Атаги, Галашки, Шали, Гудермес — все как один. Русские поставили во главе своих войск генералов Казанцева с Трошевым, последний родился и вырос в советской Чечне. Они сделали на него ставку, а генерала Булгакова назначили командиром группы “Север”. Телефоны каждого офицера и домашние адреса у нас в записных книжках, им не поможет никто, — снова

включился в разговор чеченец с задумчивым лицом. Все опять как по команде повернулись к нему. — Вертолетчики достойны особой ненависти, их родным мы мстим с жестокостью, потому что они наносят нашим войскам самый большой урон. Чеченцы дерутся как волки, Гелаев, Ваха Арсанов, чего стоит отряд братьев Ямадаевых, не говоря о Басаеве с Радуевым. Последнего, правда, заносит по части политвыступлений, он не в силах забыть, что был в прошлом комсомольским вожаком. Но Хаттаб с другими арабами держат ситуацию под контролем, мы слышали уже разговор об Абу Аль Валиде, его великом заместителе.

— Ставку на арабов делать не стоит, нам нужно построить свой халифат, от Каспийского моря до Черного, как мечтает об этом Басаев. — решил высказаться, немного подумав, главный из присутствующих. — Жаль, Дагестан слабо идет навстречу, придется брать его войной. Тогда мы, маленькая нация, покажем всему миру, кто такие чеченцы.

— Весь мир будет у наших ног.

— Аллах акбар.

— Но сначала для полной победы мы должны обеспечить себя и мужскую часть населения всем необходимым, — закончил главный, совершив ритуальный обряд. — А для этого нужно сделать еще много чего.

— Да, Вагиф, дел предстоит много.

— Вот потому, уважаемый Асланбек, мы сегодня у тебя в гостях. Нужны деньги, много денег, — тот, которого назвали Вагифом, уставился многозначительно на главаря. — Тот капитал, что ты отдаешь на победу чеченского народа в войне с неверными, нам хорошо помогает. Не беда, что он по сравнению с другими потоками капля в море, но капля, добавляющая нам силы. Ростовская область самая богатая из краев и областей Южного региона, и нужно расширять сферы действия, чтобы государственные банки русских работали только в одном направлении — на подсчет убытков от выявления фальшивых рублей и долларов. На выдачу дотаций разорившимся коммерсантам, на восстановление многоэтажных домов, разрушенных нашими подрывниками. А свою экономику эти недоразвитые гяуры сумели уничтожить сами. Тогда победа приблизится еще быстрее.

— Я тебя понимаю, мы отдаем на победу все, не оставляя себе почти ничего, — негромко сказал Асланбек, покосившись на гостей, склонивших в знак согласия со сказанным бритые головы. — Мы продолжаем искать новые пути, подминаем под себя группировки, конкурирующие с нами, облагаем данью акционерные общества, товарищества закрытого типа. Но конкуренция очень велика. Я знаю, что на нашу родину стадами угоняют скот из Ростовской области, из Краснодарского со Ставропольским краев, колоннами перегоняют машины и другую технику, составами ввозят лес, товары народного потребления. Каждый из нас делает все, чтобы Ичкерия во всем стала независимой. Но Россия, эта немытая неповоротливая баба, начинает просыпаться и почесываться, нам становится все труднее ее насиловать.

— Ты говоришь правильно, значит, нужно успеть ею насытиться до полного ее пробуждения. Ингуши, наши кровные братья, прибрали к рукам весь Колымский золотой прииск, большинство якутских алмазов проходит только через наши руки. Драгоценные уральские камни тоже не просыпаются мимо нас, практически все, на чем можно сделать деньги, под нашим контролем. Надо закрепляться на доходных местах, чтобы они продолжали работать на нас при любом военном или политическом исходе.

— Я могу сказать только одно, что моя группа работает не покладая рук, и наша капля в море постепенно увеличивается. Есть одно дело, по которому работают сейчас мои парни,

думаю, если правда то, на что мы наткнулись, наша доля увеличится многократно.

— О чем ты говоришь? — придвинулся Вагиф к Асланбеку.

— О слухах, пока непроверенных, что на Дону найден клад самого Степана Разина.

— Степана Разина? — переспросил Вагиф. Он присмотрелся к Асланбеку с пристальным любопытством, не скрывая возникшего интереса. — В детстве я слышал разговоры казачьих старшин из Наурского юрта о сокровищах, спрятанных на Донской земле от царских ищек. Откуда возникли слухи?

— В двух словах не перескажешь. Давай отложим разговор до окончания трапезы, чтобы в спокойной обстановке обдумать дальнейший план выхода на нужных людей.

— Согласен, — кивнул главный чеченец, произнес, чуть понизив голос, как бы в пространство. — Клад Стеньки Разина должен потянуть больше, чем весь золотой поезд с царской казной адмирала Колчака, который русские потеряли в Сибири в гражданскую войну.

— Ходили слухи, что Колчак часть золотого запаса на лошадях перевез через Монголию в Китай. А там золото прикарманили узкоглазые япошки, — чеченец, сидящий рядом, почмокал с сомнением красными губами. — Еще говорили, что про клад Разина придумал сам Стенька, чтобы иметь возможность или откупиться, или попасть из Москвы на родной Дон, где его освободили бы станичники.

— Его предали как раз станичники, связали и доставили царским властям, — не согласился задумчивый собеседник. — Но все равно, в слухах о кладе что-то есть, казаки часто закапывали часть наворованного на непредвиденный случай.

— Там сокровищ должно быть немеряно.

— Когда русские войска пленили Шамиля, нашего духовного лидера, в его родовом ауле Гуниб, богатств в его доме было не меньше. Все отошло к неверным.

— Надо вернуть наши сокровища на историческую родину. И мы это сделаем.

— Гяуры обязаны возместить нам убытки с великими процентами.

— Аллах акбар.

После застолья Асланбек с Вагифом, ученым чеченцем, прошли в маленькую комнату отдыха за трапезной, с потайным выходом в ростовские запутанные дворы. Здесь помещалось всего несколько мягких матрасов, скатанных валиками, пол устилал толстый персидский ковер. Единственное окно было плотно занавешено парчевой золотистой портьерой, собранной частыми складками. С противоположных стен проливали мягкий свет бра с матовыми плафонами.

— Не станем заниматься пустословием, перейдем сразу к делу, — присаживаясь на один из валиков, предложил чеченец с начитанным выражением на лице. Скорее всего, он представлял из себя идеологического лидера из команды Удугова. Повернулся к Асланбеку, подождав, пока собеседники займут каждый свое место. — Расскажи поподробнее об этих слухах, кто их распускает и есть ли видимые результаты.

— На рынке валютчики занимаются обменом рублей на иностранные деньги, среди них мы выпасли одного с кличкой Жан Копенгаген, забрали все, что было при нем. Пообещали больше не трогать, если он станет передавать нам сведения о своих товарищах, не об обыкновенных менялах, а о накачанных баксами под завязку, — начал Асланбек. — Он сдал нескольких с крупными суммами, и мы их приняли, а потом сообщил вдруг новость, что один из валютчиков выкупил царскую награду с драгоценными камнями и перекинул за гроши соседу по бизнесу. Тот толкнул ее перекупщику, а уже перекупщик продал еврею

Пулиперу, кажется, за несколько тысяч долларов. Мы вышли на первого менялу, предложили обрисовать продавца — кто, откуда. Он отказался, я сейчас думаю, что он с хозяином награды имел долгосрочный договор. Несговорчивого, чтобы не засветиться, пришлось убрать.

— Как я понимаю, Жан, этот меняла-наводчик, теперь на рынке ваш человек? — переспросил удуговец, слушавший со вниманием.

— Без проблем. Недели через две он же опять подкинул новость, что на базаре снова объявился неизвестный продавец, который предложил более серьезные вещи. Но кто их принял, не назвал, якобы Слонок приказал своим шестеркам проглотить собственные языки, я догадываюсь, что делом заинтересовались сами менты. Среди валютчиков пополз слухок, что клад Степана Разина раскопал кто-то из деревенских, — продолжил гостеприимный хозяин. — Мы знали цепочку, по которой прошла первая награда, взяли второго причастного, заодно прихватили Скирдача, помощника Слонка, старшего над группой его шестерок. Один сдох в подвале по собственной дури, а второй — казак — не раскололся, и Мусе с Блохастым пришлось его замочить. И вот на днях мы вычислили второго купца из валютчиков. Мы бы занялись им раньше, да он с рынка на время исчезал.

— Кто он, откуда? — негромко спросил Вагиф, глядя в одну точку. — Молодой или старый?

— Молодой, говорят, из диких гусей.

— Вот как! — помощник Удугова встрепенулся. — С Афганистана, или из джунглей, вьетнамских с африканскими?

— О себе он предпочитает не распространяться, — объяснил Асланбек. — А к нему в досье никто не заглядывал.

— Тогда откуда сведения, что он из диких гусей?

— Разбирается неплохо в оружии и знает приемы из боевых искусств. У меня такая информация.

— Сейчас каждый школьник собирает и разбирает автомат Калашникова с завязанными глазами, — хмыкнул политинформатор. — А приемами каратэ владеют даже девушки.

— Меняла успел показать себя в деле, с ним в бригаде валютчиков стараются не связываться.

— Хорошо, пусть продолжает в том же духе, — кивнул удуговец головой. — Что он выкупил конкретно в последний раз? Главное, у кого.

— Копенгаген не в курсе, я тоже ничего не могу сказать, но выкупленные драгоценности заслуживают внимания. Полный георгиевский бант из четырех крестов, старинный орден в виде золотой звезды, какой-то знак крестом с разноцветной эмалью, перстень с бриллиантом каратов на пять. Именной. Золотые монеты, еще что-то по мелочи. Копенгагену шепнул обо всем Скопа, отморозок при Скирдаче, следивший за сделкой. Армяне на стрелке пустили его на следующий день в расход, поэтому мы не смогли разузнать о клиенте побольше. Какой-то колхозник в старом собачьем треухе и длинном плаще. Хочу заметить, что это вторая ходка продавца под шапкой-невидимкой, и еще добавлю, что наблюдение за диким гусем установили не только мы.

— Армяне? Или опять беспредельщики с рынка автомобилей, которым было мало всегда и везде, — сузил Вагиф серые зрачки.

— Мы пока не знаем. Пархатого замочили на стрелке, сам Слонок остался жив, отдыхает сейчас в богатяновских боксах. Он потерял, как и Пархатый, почти всех бойцов,

разница в том, что на замену армянскому главарю уже приехал из Еревана, тоже из бластных, кандидат в воры в законе. А Слопку пока замены не видно, но дикого гуся ведут и армяне.

— Еврейские жополизы, без мыла в задницу проскальзывают, — поморщился политинформатор недовольно. — Асланбек, мы армяней можем предупредить, что этот меняла наш и пусть они пасть на него не разевают. Но ты намекнул, что есть еще какие-то люди.

— Я с ними не знакомился, — главарь чеченских бандитов развел руками. — Только знаю, что вчера вечером недалеко от дома, в котором проживает любовница менялы, нашли труп парня в спортивном костюме. Мне доложили, что он двое суток вел валютчика.

— Из этого следует, что спортсмена замочил меняла?

— Вполне на него похоже, он выходит на работу не только с ножом, но и с пушкой.

— Интересный экземпляр, им надо заняться вплотную, — удуговец надменно вздернул подбородок. — Кроме того, его квартиру нужно прощмонать основательно.

— Уже без нас сделано, на него ментовские шестерки тоже имеют зуб. Но люди Слопка ничего там не нашли.

— Может, плохо искали? А у любовницы он, случайно, не оставляет заначки? — ввернул Вагиф.

— Вряд-ли, скорее всего, он говорил правду, когда наши прощупывали его на предмет, что он придерживается, мол, железного правила: купил-продал, — Асланбек огладил лицо рукой. — Я думаю, что на него вышел старый еврей Пулипер, через молодого жиденка с базара. Меняла, как только выкупил драгоценности, то немедленно отнес их к нему домой, и жидяра обул наемника, не умеющего отличать брилик от осколка бутылочного стекла, по полной программе. Я же говорил, что он в оружии понимает больше, чем в драгоценном металле с баксами.

— А почему бы нам этого Пулипера не пощипать самого? — загорелся было Вагиф, главный над чеченцами. — Жидяра набит драгоценностями как бочка мочеными яблоками.

— Забудь, дорогой, свое предложение, для нас эта нация неприкосновенна, — тут-же резко пресек политинформатор дальнейшее развитие мысли. — Мало того, что вонь на весь мир расползется, да еще Борис Абрамович Березовский, наш лучший друг и товарищ, натравит весь этот мир на маленькую Ичкерию, вместо эффективной помощи чеченскому народу по высвобождению его из русского рабства.

— Ты прав, уважаемый, — согласился Вагиф. — Тогда искать спасения нам будет не у кого, потому что мир очень велик. Даже наш Радуев, непобедимый командарм, вряд ли справился бы с ним.

Собеседники постарались замять снисходительные усмешки.

— Получается, что необходимость в валютчике заключается в одном — как в наводчике на таинственного продавца с периферии, — удуговец, снова посерьезнев, оглядел присутствующих, заметив утвердительные кивки, подвел черту. — Тогда брать его в разработку не имеет смысла, потому что как и двое менял, замоченных в подвалах, он знает мало. Выбивать из бывшего наемника показания по описанию продавца, откуда тот приехал и где живет, номер тоже пустой, на войне мы таких уничтожаем сразу. Остается одно — не спускать с него глаз, если клад существует на самом деле, откопавший его обязательно вернется на это место. В том сундуке для него обыкновенные погремушки, с которыми в деревне нечего делать, а здесь, на рынке, живые деньги, крупные суммы денег. Считаю, что на базаре продавец объявился во второй раз именно по этой причине.

— Мысли абсолютно правильные, — согласились с выводами удюговца оба собеседника разом. — Теперь нам придется самим оберегать дикого гуся от непредвиденных обстоятельств. Иначе мужик из казачьего хутора, нагрянувший с очередной партией драгоценностей, повернет оглобли в обратный путь, не усмотрев на рынке своего спасителя. Кто его опознает, и кто станет задерживать каждого, приехавшего на базар по своим делам, подозрительного колхозника. Здесь нужен тонкий подход, как ходьба по зеленке с растяжками под каждым кустом.

— Именно так. А сейчас предлагаю продолжить отдых в гостиной наших дорогих хозяев, обратный путь на родину нам предстоит проделать с немалыми трудностями, — удюговец широко улыбнулся, показав неправильные зубы. — Ведь мы собираемся ехать на хороших автомобилях с жирными валютными баранами, связанными по рукам и ногам под подошвами наших армейских ботинок, восседая на тугих мешках с настоящими деньгами. Мы имеем возможность обеспечить фальшивыми баксами каждого жителя России по самые макушки, в отличие от жадного российского правительства. Пусть русские рассчитываются ими за свет, за газ и за квартиры, за которые успели задолжать немалые суммы.

— Пусть нам во всем поможет аллах.

— Аллах акбар.

Глава шестнадцатая.

Аркадий Борисович Пулипер, имеющий двойное гражданство, в задумчивом состоянии мерил осторожными шагами свою тридцати метровую комнату с потолками в четыре с половиной метра. То, что его пасли агенты уголовного из областного Управления милиции, не очень беспокоило, для того, чтобы сексоты не следили, нужно было работать на заводе. А он занимался щепетильным бизнесом, который был интересен всем богатым — и не богатым, но умным — людям на земле. Интересовались им и отбросы общества в лице уголовных элементов, значит, он был обязан себя подстраховывать, чтобы не вляпаться в какую пакость. Аркадий Борисович, подойдя к окну, чуть сдвинул в сторону тяжелую портьеру. На Пушкинской посередине тротуара, почти не прячась за голыми стволами акаций, торчал человек в длинном пальто с поднятым воротником, с надвинутой на лоб шапкой из крашеного меха. Его сменял через каждые пару часов другой, копия первого.

Пулипер, перед тем, как обнаружить хвост, имел неприятный разговор со старшим следователем по особо важным делам из того же областного Управления. Скупщик как раз ревизовал свой капитал и драгоценности, приобретенные недавно, спрятанные в плоский сейф с длинными полочками, вделанный во внутреннюю стену, задрапированный диким туром, неплохо нарисованным на холсте, с крохотным замочком для ключа на фоне одного из рогов. Тут и раздался настойчивый звонок. Пришлось разворачивать по стене на место неуклюжую картину вместе с тонкой дверцей, и только потом поднимать телефонную трубку. В квартире соблюдалась во всем определенная последовательность, позволяющая избежать массу неприятностей. Следователь на том конце провода не стал крутить вокруг да около, сразу заявив, что ему известно о покупке Пулипером редкого раритета петровских времен. Когда Аркадий Борисович попытался, как всегда, уйти в сторону, тот припел ни к селу, ни к городу, “генерала Диму”, адвоката, известного всей стране. Мол, Дима тоже выкручивался как ужака под вилякой до последнего, пока его не привлекли за участие в разворовывании древних фолиантов из государственных книгохранилищ, и переправке их на землю обетованную.

— А при чем здесь земля обетованная? — опешил Пулипер. — Я, кажется, нахожусь пока в России.

— Земля обетованная имеет во всем мире причастность ко всему, — надавил старший следователь. — Все лучшее из всех стран обязательно должно принадлежать выходцам почему-то именно из нее, а не оставаться в собственности народа, достоянием которого является.

— Что вы хотите этим сказать?

— Когда отправитесь к нам, прихватите, пожалуйста, раритетик, мы исследуем его на предмет исторической ценности. Достаточно нам своими редкостями ублажать за границу, они пригодятся еще нашим поколениям, идущим вслед за нами.

— Вообще-то, следовало об этом подумать пораньше...

— Думать, гражданин Пулипер, никогда не поздно.

— Я сторонник того, что лишь бы редкая вещь находилась тысячелетия в целости и сохранности, а в какой стране и в чьих руках — не столь важно. Талибы в Афганистане, как вам известно, разрушили на их территории скульптуры, принадлежащие буддистам, высеченные в скалах еще до новой эры. В России тоже немало ценностей просто втоптанно в

грязь.

— Считайте, что россияне проснулись.

— Но телефонное приглашение ничего не значит.

— Вам уже отправлена повестка.

Вот такой разговор произошел накануне, и теперь Аркадия Борисовича обуревали сомнения по поводу петровского нагрудного знака и других раритетов, приобретенных уже после. Скупщика, кроме менял с центрального рынка, снабжали редкостями нумизматы, коллекционеры и просто граждане России, ставшей свободной. Особую тревогу вызывали царские ордена с медалями, выкупленные недавно у валютчика Коцы. Он маялся от неизвестности, знают ли о них в областном Управлении, или слух дошел до сыщиков только об одной вещи? Если информировать их успели и о последних сделках, можно смело ждать обыска и подсчитывать убытки. А они окажутся немалыми. Стоит лишь недалеким сыскарям из уголовки зацепиться, а разматывать они за годы совесткой власти научились капитально. И не пора ли собирать манатки, да трогаться добровольно в дальнюю дорогу, пока не повезли насильно в обратную сторону? Утром Пулипер спускался к своему почтовому ящику на первый этаж, он как-то запамятовал, что повестки вручают обычно на руки и под расписку. Ее принесли ближе к обеду, на белом клочке бумаги было напечатано, что такому-то такому следует явиться по такому-то адресу в десять часов такого-то числа. То есть, завтра с утра. Времени оставалось меньше суток, если прикинуть по умному, часть капитала, вложенного в редкости, удастся спасти — есть в областной администрации надежный человек с неограниченными возможностями. А если это обычная проверка, а здесь непечатый край работы? Тогда убытки возрастут многократно.

В смежной комнате зазвонил телефон, хозяин вздрогнул, покосился с недоверием в ту сторону, затем перевел взгляд на часы. Машинально отметил, что звонить в такое время из милиции вряд ли будут, они стараются раскручивать дела с утра и занимаются ими почти до самого вечера. Значит, конспирацию, исключая случай, можно нарушить. Пулипер прошел в комнату и снял трубку.

— Аркадий Борисович? — спросили на том конце провода.

— Я слушаю.

— Мне с вами необходимо встретиться. Как вы на это посмотрите?

— А что случилось? — скупщик узнал голос валютчика Коцы.

— Есть новые данные по тому делу, с новыми поступлениями.

— Ты имеешь ввиду монеты петровских времен? Потерты такие, — спросил как можно спокойнее еврей в возрасте. — Которые мы с тобой в тот раз рассматривали.

— Да, те же самые, — сумел сориентироваться валютчик, чуть замешкавшись. — Я еще несколько штук откопал.

— Дорогой мой товарищ, они ничего не стоят, ко всему, я заперт и в кармане у меня повестка. На завтра на десять утра.

— Я понял, Аркадий Борисович. Жаль, — Коца пожевал губами. — Я вам перезвоню если вы не будете против, денька через два.

— Да бог ты мой, почему не помочь начинающему нумизмату. Звони хоть завтра, — Пулипер снова покосился на часы. — Кстати, передай своему товарищу, с которым приходил, что я очень занят, но сам пока с ним не советуйся. Для него это обычная копеечная сделка... Как там у вас дела?

— Неважно, — Коца шмыгнул носом, подыскивая слова. Засмеялся наигранно, — То

жена, то дети, ну как в родной России, то армяне, то чеченцы, то хрененцы... И все норовят запустить лапу в карман, не успеваешь отбиваться.

— Будь с ними поласковее, они ведь тоже родственники, — перекупщик поскреб ногтями левую бровь, сообщение его насторожило. В голове мелькнула мысль, что не гоже оставлять цапки на произвол судьбы. — А по поводу монет я постараюсь что-нибудь придумать.

— Было бы неплохо. Так мы договорились?

— Рано утром я попытаюсь тебе перезвонить. А с родными советую не спорить, иначе будут потеряны время и здоровье.

— Спасбо за совет, но не всегда так получается.

Пулипер, положив трубку на рычаги, прошел на середину комнаты, пощипал кончик носа, он понял, что у валютчика, кроме своих отморозков, проблемы с армянскими и чеченскими преступными группировками. Его ведут внаглую, как это умеют делать кавказцы только в России. Он уловил сразу, что Коца опять выкупил какие-то награды у мужика с периферии, того самого. Очень хотелось разузнать о них поподробнее, но обстоятельства заставляли вспомнить о конспирации. Значит, никаких дел со сторонними, лишь консультации с надежными людьми по поводу дальнейших действий. Сняв трубку, он набрал номер ближайшего своего друга:

— Здравствуй, Рувим.

— Аркадий, рад тебя слышать.

— Я сразу к делу.

— Я весь внимание.

— Меня на завтра вызывают в областное Управление милиции по поводу того знака, о котором я тебе рассказывал.

— Понял, я прямо сейчас свяжусь с ответсекретарем газеты “Время”. Если что, напомним кому надо о свободе слова и действий в демократическом обществе.

— Рувим, если что, ты знаешь, как поступить в отношении моего имущества и квартиры. Можешь известить дочь, она в Израиле, других родственников.

— Аркадий, это так серьезно?

— Нет, но не забывай, где мы живем.

— Я не забываю... — в трубке помолчали. — А если тебе звякнуть в правительство области? Оно еще работает. Или это сделать лучше мне? Или подключить Лазаря?

— Все действия должны начаться после моего визита к старшему следователю по особо важным делам и предъявления обвинений. Я пока не в курсе, что им нужно от меня.

— Как фамилия этого следователя?

— Марфушин.

— Записал... Но не мешает подстраховаться.

— Ты так считаешь?

— Я уверен в этом, не забывай, где мы живем.

— Хорошо, мы договорились?

— Ты можешь быть спокойным.

Пулипер снова набрал номер телефона, в трубке раздался мелодичный девичий голос.

— Наташенька, мне, пожалуйста, Свинотелова, — попросил скупщик ценностей как можно вежливее.

— А кто его спрашивает?

— Аркадий Борисович Пулипер. Наташенька, мой неприятный тенор в твоей коллекции, я думаю, в единственном числе.

— Аркадий Борисович, я узнала вас, но, согласитесь, сейчас полно розыгрышей, — начала мило оправдываться секретарша. — Кстати, не слышали последней новости на подобную тему?

— Интересно, какой?

— Михаил Евдокимов, наш великий комик, собрался баллотироваться в губернаторы Алтайского края. Ума не приложу как мы все останемся без него.

— Ох, моя девочка, как ты права, теперь вся сатира и юмор переместятся в Барнаул. Веселить Россию станет некому, останется разве что Гена Крокодил, самый хитрый из армян.

— Петросян, что-ли? Или пенсионер Хазанов?.. — засмеялась секретарша. — Я вас соединяю.

Трубка некоторое время тарахтела начальственными нотами, хозяин кабинета, скорее всего, кого-то распекал. Затем он строго сказал:

— Слушаю.

— Николай Степанович, я буквально на минуту, — заторопился Пулипер.

— Аркадий Борисович, ты же знаешь, я всегда для тебя свободен, — загакала трубка с сильным местным акцентом. — Сам хотел тебе позвонить по поводу той безделушки для супруги. Как там на этот счет?

— Николай Степанович, давно подобрал. Пусть назначает встречу, я подвезу.

— Ну, спасибо, считай, я твой должник. Теперь я слушаю тебя.

Скупщик ценностей быстро пересказал причину, по которой побеспокоил большого начальника. Дал понять, что встрял в это дело по чистой случайности.

— У нас в коридорах с некоторых пор перестали смолкать разговоры про якобы Стенькин клад, — прогудел начальственный голос. — Аркадий Борисович, как ты считаешь, возможен ли такой вариант? Или все это происки гробокопателей?

— Гробокопатели хоть что-то, да находят, в том числе незаконное, а по этой безделушке даже зацепиться не за что, — ответил Пулипер уверенным голосом. — Ну, сдал какой-то мужик нагрудный знак петровских времен, разве царь мало награждал казаков? Или та же Екатерина Вторая не жаловала придворных? У этого мужика кто угодно мог оказаться в кавалерах, например, пра-прадед. Что теперь кто докажет? Николай Степанович, если представить, что крестьянин действительно напал на золотую жилу, у нас давно бы оказался в руках не один-единственный знак, а целый короб драгоценностей, как минимум. Кто бы таскал из клада по одной цацке, из него черпали бы ведрами, и уже хлебали бы цистернами водку. Слух о сокровищах разбойника гулял бы по всей матушке-России, как когда-то сам Стенька Разин.

— Ты прав, Аркадий Борисович, мозги у нашего народа дырявые, что накопят, все просыпается на язык, — со смешком откликнулись на том конце провода. — Сходи к этому следователю, покажи ему цацку, чтобы он посмотрел и успокоился. Я не вижу ничего для тебя страшного, можешь, если что не так, рассчитывать на меня.

— Спасибо, Николай Степанович, — с чувством поблагодарил Пулипер большого начальника. Добавил, не забывая, что в разговоре последние фразы запоминаются лучше. — Так вы скажите Марии Игнатьевне, своей супруге, чтобы она назначала мне свидание, я уже по ней соскучился.

— С удовольствием, Аркадий Борисович, — загрохотали в трубку. — Вот за это большое спасибо.

Скупщик царских раритетов, потеряв руки, прошелся с подскоками по горнице, волнение, с утра поселившееся было в груди, улетучилось легким эфиром, теперь можно бы этому валютчику Коце позвонить, назначить деловую встречу. Кто знает, стукнет ему в голову моча и продаст звезды с камешками первому проходимцу, подвернувшемуся на пути. А что у него новые имперские награды, не возникало сомнений. Интересно, что заставило того мужика приехать раньше намеченного срока? Жадность? Непредвиденные расходы? Какие? На что? Пулипер было развернулся снова к телефону, и остановился, подумав, что лучше все-таки переждать, а пока можно предупредить Микки Мауса, верного помощника, чтобы он подстраховал на всякий случай заводного Коцу. Он так и сделал, затем прошел снова к зашторенному окну, выглянул осторожно на улицу. Мужчина, приставленный за ним шпионить, засунув руки в карманы пальто, переминался с ноги на ногу под тем же корявым стволом акации.

— Ну, служи, служи, глядишь, хозяин выделит тебе за добросовестную стойку кусочек сахара, — ухмыльнулся Аркадий Борисович. — Мне тоже под твоим присмотром будет спокойно поработать со своими сокровищами. Кстати, я их не успел еще классифицировать, не разложил по коробочкам, не записал в специальный журнальчик. Вот позвонит сейчас значительный человек, а я не смогу ответить ему профессионально.

Пулипер довольно сощурился, поправил на стене небольшую картину с обыкновенной на первый взгляд мазней местного маляра. Проходя мимо книжного шкафа, задвинул створку поплотнее, постучал ногтем по глиняной вазе, и вытащил из кармана небольшой никелированный ключик. Стальной плоский сейф с длинными полочками вдоль, опять показал свое нутро, набитое добром. Бриллианты с другими драгоценными камнями умудрялись даже в полусумраке комнаты сверкать идеально отшлифованными гранями, словно были помещены на дно темного подвала. То из одного угла, то из другого вырывались вдруг снопы разноцветных искр, коротких и длинных, долгих и моментальных, радуя хозяина неиссякаемой живостью, превращая в княжеские палаты комнату с ничем не примечательной обстановкой. Пулипер, нацепив на затылок очки на резинке, взял с полки записную крохотную книжку с миниатюрной авторучкой, воткнутой в нее, полистал осторожно страницы. Затем напустил на себя ученый вид и выудил первый, ахнувший радугой, раритет. Им оказался орден Суворова первой степени, которым героя наградили в 1943 году, винтовой, не на колодке. Награждений было всего двести девяносто одно, но дело в том, что орден этот был без платиновой головы самого полководца. Если за 1942 год наградой с изображением Суворова отметили только сто человек, то в следующем году платиновый портрет на поверхности заменили на изображение из белого металла. Стоил орден без драгоценного профиля великого военного стратега двадцать с половиной тысяч долларов. Скупщик взял из коробочки шерстяную мягкую тряпочку, протер осторожно разноцветную эмаль награды без единой царапины. Перевернув другой стороной, открутил медный круглый прижим, сверил номер с отмеченным в записной книжке. Там же была фамилия владельца, четко прописанная, в каком году и за что ему вручили награду. Впрочем, справочной литературы о подобных героях вышло немало, военные подвиги этих офицеров и полководцев постарались отразить журналисты и писатели. Тут-же стояли и книги, занимая одну из полок. Еще не старый коллекционер, выбрав на нижней полке коробочку попрочнее, открыл ее и осторожно опустил туда редкую награду внешней

стороной вверх. Переместил коробочку, аккуратно надписав на крышке название ордена, на ступеньку выше, на которой устроились рядом другие регалии.

Так скупщик провозился до глубокого зимнего вечера, перебирая не спеша вещицу за вещицей, записывая в блокнотик их название, состояние и ценность. Затем попил чаю с печеньем и включил телевизор, удобно устроившись в глубоком мягком кресле, ухмыльнулся в который раз за сегодняшний день презрительной усмешкой, вспомнив о часовом под окнами своей квартиры, голодном и холодном. Он бы пригласил с удовольствием сексота домой, чтобы ощущать себя совсем уж в полной безопасности, если бы знал, о чем разговаривать с представителем народа, только переступившего порог нового строя.

Ранним утром Пулипер набирал номер телефона валютчика Коцы, за ночь пришлось пропустить через себя много разных мыслей. И все-таки он пришел к мнению, что надо предупредить резвого парня и выкупить драгоценности до того, как тому придет на ум предложить их кому-то другому. На рынок сбегается достаточно дорог, по которым ходят толпы разномастных купцов. Перекупщик выбрал удобное время, валютчик оказался на месте, он, предложив приехать немедленно, опустил трубку, напел что-то из Мендельсона. В груди царили покой и благодущие, навеянные вчерашними заботами о нем друзей, не покидающих в беде. Примерно через час Пулипер с удовольствием возился в потайном сейфе в стене, пробуя раскладывать по полочкам сокровища, приобретенные вновь, приятно щекочущие нервы. Навар от исторических ценностей предполагался, по самым скромным подсчетам, в районе нескольких сотен тысяч долларов, если пристроить их за границей, а то и, при хорошей организации торгов, он потянул бы на пару миллионов. Это было несложно, золотой путь за бугор был хорошо укатан многоосными трейлерами с другими грузовыми машинами и судами, снующими без перерыва туда-сюда. Оставалось чуть больше часа до похода на аудиенцию к старшему следователю областного Управления милиции. Сама дорога заняла бы минут пятнадцать.

Глава семнадцатая.

Вишневая “ДЭУ-эсперо” спешила в сторону Усть-Донецка по прямому как стрела, пустынному шоссе. Раннее утро нового дня высветило розовым светом подмерзшие на обочине гребешки грязи и льда, опустила оттепельный туман на поля и степь вокруг, превратив его в крепкую блескучую корку. Небо за последние дни очистилось, синело над крышей машины ситцевым пологом с редкими белыми кучками облаков, большое солнце показало половину красноватого бока. Оно только собралось вылезти из-за горизонта. В салоне автомобиля сидели трое мужчин, двое впереди, один — Коца — развалился сзади. Динамики на выступе за задним сидением негромко поцокивали, стрелка спидометра зацепилась за отметку в сто километров.

— А если дорога не подмерзла как следует, или ее нет вообще? — повернулся шофер к Микки Маусу. — Как тогда поступим?

— Тогда ты подождешь на обочине трассы, а мы с Коцей пешком попаримся к заброшенному хутору. Обрато поворачивать нет смысла, — прогундосил Микки. — Главное, чтобы морозец продержался до Нового года, иначе в такой грязи недолго утонуть по самые яйца. А тракторов поблизости, как видно, давно не телепалось.

— Их собрали на центральной колхозной усадьбе для ремонта и техобслуживания, — включился Коца в разговор. — Или, как теперь они называются, эти хозяйства, бывшие советскими?

— На ЗАО “Закат гречихи”, — сдохмил водила. Посерьезнел. — Нам осталось, полюбому, двигаться только вперед, будем надеяться на удачу.

— Парни, наступил вторник, а завтра уже среда, колхозник в этот день обещался прибыть на базар, — заговорил валютчик снова. — Я не думаю, что он станет навещать тайник перед самым отъездом, тем более, что скрывает место нахождения клада от всех домашних.

— Я тоже считаю, что мужик выберет момент, возьмет нужное заранее и припрятет недалеко от хаты, — кивнул Микки Маус узкой головой. — Чтобы не мельтешить понапрасну.

— Родственники, к тому же, давно усекли, что у него откуда-то появляются деньги. Не исключено, что и самого его пасут основательно.

— Получается, пора охранять и пастуха, замочат как пить дать, если проведуют, что драгоценности существуют действительно. Времена наступили — ошизели бы крестьяне революционных будней, тогда брат ходил на брата, сейчас дочь попрет на отца без тени смущения.

— Без смущения... Скажи, без капли жалости, так оно будет вернее.

Впереди показались два очередных сбоку трассы бетонных столбика из сотен одинаковых. Водитель сбавил скорость сориентировавшись по приметам, известным одному ему, подкатил поближе. И заглушил мотор:

— Здесь, вон в тот столб кто-то уже вписывался.

— Тогда вылезаем и проверяем обстановку на месте.

Микки Маус первым открыл дверь, за ним потянулись остальные. Ни знаков, ни других указателей, лишь колея, едва заметная, убегала в открытую степь, намекая, что за далекой, черной лесопосадкой, может еще теплиться жизнь. Мужчины, пройдя за столбики, принялись

пробовать на прочность снежный наст поверх колеи, он показался достаточно крепким.

— Прокатишься? — обернулся Маус к водителю.

— Выдержит, но вопрос в другом, — широкоплечий парень поднял голову к небу. — Не получится ли так, что моя “дэвушка”, как прогреет солнышко, начнет елозить на брюхе?

— Я слушал сводку погоды, потепления на ближайшие дни не обещали, — Коца сдвинул на затылок шапку. — Как сейчас, минус два-три градуса.

— На твою ответственность, — водитель выбросил окурок и пошел к машине. — Трогаемся.

На часах было уже половина девятого утра, а солнце едва оторвалось от горизонта. Косые его лучи скользили по обледенелой дороге, мешая разглядывать две едва заметные темные строчки, бегущие впереди. Но когда вползли в неширокую лесопосадку, стало получше, Микки Маус попросил остановиться на самом ее краю. Пассажиры успели и сами отметить между деревьями высокий крепкий дом, крытый светлым шифером. Он стоял на бугре справа от дороги, примерно в полукилометре, обнесенный частоколом из горбылей. За ним виднелась лента Дона, широкого в этом месте, по берегу, много дальше, чернел останками заброшенный хутор. На другой стороне реки, почти напротив развалин, раскинулась станица Раздорская, бывшая лет четыреста назад столицей казачьей вольницы. Пастух не соврал, пятистенки рубили на века, с дубового крыльца открывался, наверное, прекрасный вид на сремнину былинного Дона, на песчаный за ним широкий плес с густой рощей. Прежний хозяин, видно, обладал художественным вкусом. Напротив усадьбы, метрах в двухстах от нее, пролегла от лесопосадки до берега реки неглубокая балка, обросшая кустарником.

— Ехать дальше не имеет смысла, иначе встречать нас выбежит из дома вся родня.

— Слушай, отсюда тоже отличный обзор окрестностей, — покрутил Коца головой. — Может, и вылезать не стоит?

— А если схрон находится с другой стороны кошары? Тогда как? — переспросил Маус, не оборачиваясь. — Нет, дорогой, проверяй рюкзаки с поклажей, а потом двинемся вон по той балке навстречу своей судьбе. Она уже вырисовалась в полный рост.

— Мне припарковаться здесь, или вернуться к трассе? — подал голос водитель.

— У тебя сбоку гараж, а ты спрашиваешь, загоняй и отдыхай, — указал Маус на проем между корявыми сволами. — Про сигнал на всякий пожарный не забыл?

— Один выстрел в воздух, или в противника.

— Если его услышишь, гони немедленно в нашу сторону. Так-же должны поступить и мы, в случае недоразумений с тобой.

— Не забывай, что мы на охоту могли выйти не одни, — добавил Коца. — Поэтому пушка должна быть под рукой в полной боевой готовности.

— А кто здесь может быть? Слонок в тюрьме на Богатыновском спуске, — развернулся водитель к нему.

— И Слонок, и Бенья, и Козырь, все, кто после стрелки остался в живых, кстати, их после Нового года выпустят. Зато Хозяина никуда не прятали, Асланбека с его джигитами тоже, и армяшки со стремы вообще не уходили. Чаще крути по сторонам шеи, вполне возможно, что на трассе именно сейчас заторчала еще одна иномарка, пасущая персонально нас.

— Ты не упомянул про бригаду отморозков с автомобильного рынка на Западном и про студентов-беспредельщиков с юридического факультета РГУ, которых подкармливает информацией едва не вся ментовская уголовка города и области, — хмыкнул Маус в черные

усы. — Кто тебя постоянно пас возле родного дома, пока ты не решился свалить в гостиничный номер?

— Хер их знает, они сменяли друг друга чуть не каждый вечер.

— Вот именно.

Шагать по дну балки, поросшей невысоким голым кустарником, пришлось недолго, сама балка убегала дальше и падала с крутого обрыва в Дон, широкий в этом месте, скованный льдом. Почти на конце ее темнел высокий пенёк в несколько обхватов, то ли в дерево попала молния, то ли от старости оно сломалось само. Если не считать рукава на той стороне реки, образующего из берега острый угол, на середине стремнины не просматривалось никаких островов. Пригнувшись, Маус вместе с Коцей добрались до места напротив дома, сбросили тугие рюкзаки на дно. Вытряхнув содержимое, подложили под себя плотные коврики, вооружились полевым биноклем, одним на двоих. Погода показалась сравнительно теплой и полушубки с валенками остались в машине. Когда шли сюда, не уставали шнырять глазами по бокам, теперь же осмотрелись капитально. Балка находилась чуть ниже дома, стоящего на небольшом бугре, но преимущество заключалось в том, что холм не обрывался склоном за усадьбой, а продолжался вместе со степью едва заметным подъемом. Вся территория с пятистенком в центре торчала как на ладони.

Прошло не меньше часа, пока на базу не объявились первые фигуры, Микки Маус в это время задумчиво жевал сухой прутик. Коца, покрутив окуляры, поймал в бинокль сначала пастуха в неизменном брезентовом плаще, а потом молодую женщину, выглянувшую из дверей дома в модном пальто, запахнутом наспех. Она не пошла за мужиком, а осталась стоять на крыльце. Тот, подойдя к сараю, распахнул ворота, вытолкнул наружу небольшие санки, положив на них вилы с длинной ручкой, взялся за веревку. Возле крутилось несколько крупных овчарок, похожих на среднерусских.

— Помощница, едри ее в корень, сама взгромоздиться не прочь, — пробурчал валютчик недовольно.

— Ты про кого? — обратился Маус к нему.

— Дочка за пастухом как нитка за иголкой, он за сеном для скота, а она с него глаз не сводит.

Микки Маус лишь громче хрустнул сухостоем, стало без слов понятно, что подтвердились их догадки в отношении слежки. Коца неторопливо повел окулярами по окрестностям, различил в лесопосадке, прореженной зимними ветрами, корейский автомобиль, на котором они приехали сюда. Дорога вместе с далекой трассой были пустынные, а на дне балки виднелись следы, оставленные им с Маусом. И вдруг ладони у валютчика, обнимавшие бинокль, дрогнули, в поле зрения попала пустая пачка из-под хороших сигарет, застрявшая в ветвях на вершине. Он закрутил окуляры в обратную сторону, наводя линзы прямо перед собой. Кто-то грузный прошел по верху, широко расставляя ноги в сапогах на резной подошве, рядом торопились беспорядочные отметины от кроссовок и от теплых ботинок. Коца повел биноклем дальше, следы довели до обгорелого пня.

— Дорогой товарищ, а мы здесь не одни, — сказал валютчик перекупщику как можно спокойнее, опустив дальномер, он в упор посмотрел на Мауса. — Нас тоже, вполне возможно, засекли и теперь потихоньку ведут, как дрессировщик обезьян в цирке.

— С чего ты так решил? — насторожился Маус.

Коца молча передал бинокль, указав на место, где засек пустую сигаретную пачку,

повел рукой вдоль верха балки в сторону пня. Маус не спеша обследовал указанный участок бровки, перевернувшись на спину, задумчиво пощипал длинный ус. Глаза у него тревожно блеснули:

— Ты прав, там должен кто-то быть, если, конечно, следы не оставили несколько дней назад, — он протер окуляры тряпочкой, снова прильнул к резиновым уплотнителям. — Нет, я по времени не смогу определить.

— Все очень просто, вчера у нас была оттепель, так? — пояснил валютчик, осматривая "Вальтер", вытащенный из бокового кармана пальто. — Снежный наст немного просел, оплавился, подморозило лишь к вечеру. За ночь и за утро мороз не ослаб, то есть, ледяные гребни затвердели как следует. Если бы кто-то протащился по верху балки вчера или несколько дней назад, то следы смотрелись бы сглаженными, оплавленными. А гребни на самом деле белеют измельченной крошкой, сухие стебли торчат в разные стороны, они не успели обледенеть, не слежались. Да и пачку ветер не сбросил на землю, она телепается в верхних ветвях.

— Ну да, ты ж у нас дикий гусь, — пробурчал Микки, вертя вокруг шеи. — Что ты предлагаешь в связи с изменившейся обстановкой?

— Больше терять нам нечего, нас, к тому же, сюда не приглашали, как и тех, кто оставил эти следы. Выбора нет, конкурентов надо убирать, — пожал Коца плечами. — В общем, ты остаешься продолжать наблюдение за домом, а я подался на разведку.

— Хочешь по балке спуститься к Дону?

— Этот ход, если нас засекли, уже бесполезный, я вернусь в лесопосадку и попробую по ней обойти незваных гостей с тыла.

— А если они заметят, что я остался один, и направятся ко мне?

— Тогда мочи, один из отморожков, для информации, должен быть ну очень здоровый. Вряд ли ты справишься с ним, даже с одним, поэтому, или ты их, или они тебя, — Коца кивнул на рюкзак на дне балки, в котором лежал десантный АКС с полным рожком. — Беспредельщикам тоже не интересно, чтобы кто-то урвал добычу у них из-под носа.

— Я не смогу, не хотелось бы мне проливать кровь неизвестно за что, — пригнул Микки Маус голову. — Мы еще клада не видели.

— Не можешь, или не хочешь? — переспросил валютчик, продолжая готовиться в дорогу.

— И то, и другое.

— Тогда дергай отсюда, пока в лесопосадке маячит машина твоего друга, я сам попробую справиться. Но учти, я не собираюсь ни с кем делиться, если там что-то имеется, одному мне и достанется.

Микки Маус продолжал некоторое время терзать крепкими зубами застывший стебелек. Он прищурился, бросив взгляд на рюкзак, прикинул расстояние до обрыва балки на берегу реки, в зрачках вспыхнул твердый ответ:

— Хорошо, я принимаю предложение, сколько рожков к автомату?

— Один в АКСе, два запасных, в каждом по тридцать кукурузных зерен, не считая того, что в стволе. Отобьешься, не переживай.

— Понял, найди способ маякнуть, когда подберешься к ним ближе. Я подстрахую.

— Заметано, совсем другой базар.

Коца, сунув пистолет за пазуху, прильнул снова к окулярам, направив бинокль к берегу реки. Все было спокойно. Он легко поднялся, оставив у ног Микки Мауса аппарат,

заторопился, чуть пригнувшись, к лесопосадке. Не доходя до стены деревьев, нырнул в заросли кустарника, пробежался по ним, оставляя в стороне автомобиль, застывший на крохотной полянке. Тратить время на лишние разговоры с шофером было сейчас ни к чему, зорко всмотрелся в линию трассы, разрезающую степь надвое. По ней ползла одинокая грузовая машина. Коца, снова нырнув в гущу деревьев, поспешил между ровными рядами стволов, выглянул наружу тогда, когда за спиной осталось с полкилометра пути. Расстояние до берега Дона было отсюда чуть меньше, но его предлагалось покрыть по ровному полю. Коца, запетляв как заяц от одного куста до другой кочки, заторопился к обрыву, прыгнул с разбега под кручу, прокувыркавшись с десятков метров между обледенелыми глыбами. Затих у самой кромки припоя за большим валуном, прислушался, а потом осторожно выглянул. Мощный обрыв нависал над рекой дикой заснеженной стеной, такой же пустынной выглядела стремнина, скованная морозом, лишь впереди возвышался косой выступ, за ним могла спрятаться целая стрелковая рота. Коца встал на ноги, скользя обувкой по крупным гольшам направился, сжимая в руке пистолет, к мешавшему обзору препятствию. Подошва ботинка соскочила с камня, Коца, чтобы не вылететь на гладкий лед, сложился гуттаперчевым мальчиком. Но первозданные тишина и спокойствие нарушались только гулким уханьем собственного сердца да легким посвистом степного бродяги-ветра. Валютчик заглянул за край глинянной стены, промороженной насквозь, никого, лишь показался еще шире простор степной реки. Стало ясно, если кто и прибыл сюда для охоты за пастухом, то место он выбрал не здесь, а прошел по берегу либо выше, или приблизился к дому и притаился в какой-нибудь из воронок. Отряхнувшись, Коца стал спокойно карабкаться по устью балки. Он успел подняться наверх, уже ступил на дно разлома, увидел черные уступы обгорелого пня в три обхвата, когда внутренний голос приказал замереть. Валютчик скосил глаза на выступ с правой стороны, от его вершины на уровне шапки разбежался пустынный кусок степи. Коца опять покосился на пень, расщепленный едва не до основания, вид которого поначалу не вызвал никаких подозрений. Он разглядывал его в бинокль с бруствера балки, видел верх, когда поднимался от реки по крутому отвесу, но только сейчас вдруг узрел теплую компанию молодых парней, расположившуюся между толстенными корнями. Расстояние до них составляло примерно метров пятьдесят. Один, похожий со спины на Илью Муромца, сползшего с печи, примостился между наростами ствола и не сводил как у них с Маусом бинокля с усадьбы пастуха. Двое других дымили сигаретами и резались в карты, на расстеленном куске материи поблескивала батарея бутылок. Коца осознал, почему отморозки оказались в недостижимости его поля зрения, они пристроились как раз с противоположной стороны от их места наблюдения. И сами парни тоже не сумели по этой же причине засечь Коцу с Маусом. Получалось, они в отношении хижины пастуха мыслили с беспредельщиками одинаково. Но кто послал конкурентов пасти мужика? Неужели Слонок сумел передать Хозяину координаты из Богатынской тюрьмы, а тот предпринял самостоятельно попытку расколоть крестьянина, или разговор бригадира шестерок с начальником уголовного розыска произошел раньше? Раздумывать об этом было некогда, Коца, цаплей переставляя ноги, задом спустился до того места, с которого снова стал невидимым, и заторопился на свой наблюдательный пункт, благодаря провидение за то, что надоумило ветер дуть с берега.

Доскакав до лесополосы, он прислонился к дереву перевести дух, в голове крутилась мысль, куда беспредельщики спрятали свой автомобиль, не могли же они пешком добираться от трассы. Было рано, в связи с этим, тревожить Мауса с переменой места

наблюдения, теперь требовалось найти средство передвижения отморозков. Если в машине никого не окажется, произвести экзекуцию, чтобы она была не в состоянии стронуться с места. Валютчик наморщил лоб, подумал, что следует возвращаться по внешнему краю лесопосадки, тому, который параллелен трассе, потому что конкуренты не могли проскочить до деревьев, не оставив вмятин от протекторов. Он так и сделал, выйдя из зарослей, направился быстрыми шагами едва различимой дороге. Сразу отшел путь в противоположную сторону, если отморозки протопали пешком по правому боку балки, то вряд ли они переходили ее вообще. Скорее всего, соскочили с трассы напротив усадьбы крестьянина и, чтобы запутать следы, погнались к посадке прямо по степи. Или к заброшенному хутору вел еще один путь.

Расчеты оказались верными, Коца метрах в трехстах за дорогой узрел вмятины колес от мощной машины. Джип был припаркован за островком из кустарника, в зарослях дикой жерделы. Валютчик не спеша, подняв воротник и надвинув на брови шапку, обошел автомобиль вокруг, прислушался, заглянул за тонированные стекла. Внутренность его отразилась как под водой, в салоне, кажется, никого не было. Подобрал крупный обломок остроугольного камня, Коца размахнулся, послал его в боковину, стекло рассыпалось на мельчайшие квадратики. Выждав несколько минут, он пошарил глазами по обшивке внутри, затем просунул руку, нащупал защелку. На заднем сидении лежала пара вместительных сумок, в бардачке бутылка водки, пакет с едой и перочинный нож. Коца, нагнувшись под приборную доску, открыл панельку, обрезал провода, протянутые под приборами. Так-же он поступил с тормозными шлангами, с бензопроводом, проходившими под днищем. Осмотрел джип еще раз и заторопился к Микки Маусу, опять минуя вишневый “ДЭУ-эсперо” припаркованный в зарослях. Разговаривать с водителем снова было не о чем.

Микки Маус, плоский как вобла, встретил Коцу хмурым взглядом, рядом с ним лежал автомат, вытасканный из рюкзака, и один запасной рожок. Бинокль был снят с шеи и отложен на бруствер балки.

— Трое беспредельщиков ведут за пнем наблюдение за усадьбой пастуха. Я постеснялся спрашивать, кто такие, из какой банды, — начал рассказывать валютчик, пристраиваясь рядом. — Автоматов не видел, может они под корнями, но что они не с пустыми руками — к бабке не ходи.

— Один из отморозков, как ты сказал, очень здоровый? — поднял Маус голову.

— Не то слово, какой-то бегемот с расшлепанной мордой — щеки из-за спины видны. Он как раз водил биноклем по дому колхозника.

— Это Рамзан из группировки Асланбека, он работал в чеченском казино вышибалой, — Маус задумчиво пожевал сухой стебелек. — Задал чеченец нам задачку.

— Откуда чехи могли разузнать про место, где находится кошара пастуха? — вскинулся было Коца, и сам же предположил. — Если их просветили про царские ордена, кто приобрел, какие и за сколько, то ничего удивительного тут нет. Тот же наводчик обрисовал, у каких столбов нужно сворачивать с трассы, чтобы попасть на хутор.

— Это работа одного из шестерок из бригады Слопка, если сам бригадир не стал пахать сразу на два фронта.

— Вряд ли, Слонок обязан сначала накормить своих благодетелей — ментов, а потом уже наворачивать остатками по своему разумению. Лично я, как бы то ни было, не могу уступить чехам и пяди родной земли.

— Я придерживаюсь того же мнения, но по другой причине, распоряжаться ценностями

должны образованные люди.

— Тогда пора делать передислокацию, пока не попали в поле зрения зверьков, эти первобытные пустят оружие в ход не задумываясь.

— И как ты умудрился проскользнуть под их носом!

— Я теперь жалею, что не запалил ихний джип, который они спрятали в лесопосадке.

— Но раскурочил?

— А как-же.

Валютчик с менялой, быстренько свернувшись, заспешили от опасного места, пригинаясь под ветками невысокого кустраника. Заметив их, водитель автомашины открыл двери, вытащил термос с горячим кофе, но расслабляться было рано и все разом отказались от еды. Коца, прихлебывая из пластмассового стаканчика, высказал мысль:

— А не кажется ли вам, что чехи не случайно выбрали место для прятков? У меня возникло подозрение, что клад может находиться под корнями того пня, то есть, мужик имеет возможность попасть прямо к ним в лапы. Заодно вырыть себе могилу.

— Если клад не под корнями, то трудно отыскать лучшего наблюдательного пункта, с которого просматривается не только усадьба, — прогундосил Микки Маус. — Мужик пойдет хоть на другой берег вытаскивать сокровища, и все равно останется на льду реки, как на ладони.

— Хорошо, что эта мысль тоже не пришла вам в голову, — передернул водитель плечами. — Иначе вместо пастуха в лапы чеченцев попались бы вы сами.

— А какой дурак станет ждать жертву в том месте, где она закопала клад? Она имеет право от него отказаться, — хмыкнул Коца снисходительно. — В том то и дело, что нужно сначала выследить, где спрятана казна, а потом со спокойной совестью ее присваивать.

За кофе пришли к единому мнению, что пункт наблюдения необходимо переместить на другую сторону усадьбы, да и машину следует тоже перегнать подальше от дороги. “ДЭУ”, негромко шумнув двигателем, вернулась на трассу, проехав примерно с километр, соскользнула с невысокой насыпи прямо на заледенелую стерню, припорошенную снегом, и по ней добралась снова до лесопосадки. Коца с Маусом, оставив шофера в кабине с тем же наказом, доползли едва не на брюхе до воронки, заросшей будыльями конского щавеля, устроились на ее дне. Они не стали, как и в первый раз, облачаться в полушубки с валенками, мешавшие движению. Валютчик настроил бинокль, прильнул сразу к окулярам. Рамзан развалился между корнями, его место занял шустрый чернявый пацан, но он плохо выполнял свои обязанности, отвернувшись, продолжал беседу с невзрачным напарником с узким лбом. Коца навел бинокль на усадьбу, мужика и его дочери не было видно, по базу гуляли овцы, куры, возле загородки лошадь захватывала губами сено. Время, пока они мотались с переменной точки наблюдения, подошло к обеду, можно было подкрепиться и самим. Коца, пошарив по огороженной горбылями площади вокруг дома, отложил бинокль, перевел взгляд на Мауса, придвинувшего к себе рюкзак

— Ничего нет? — спросил тот.

— Кажется, обед, надо бы и нам перекусить.

— Как там наши конкуренты?

— Отдыхают, этот Размазан расплылся между корнями сырым тестом из бадьи.

Маус ухмыльнулся, взял бинокль и придвинулся к верхней кромке неглубокой воронки, долго водил линзами туда-сюда. Валютчик успел вытащить из рюкзака свертки с едой.

— Объявился, подпольщик, спешит, оглядывается... — словно про себя, пробурчал в

усы Микки Маус. — Собаки... на крыльце пока никого.

— Кто оглядывается? — Коца оставил в покое нож с колбасой.

— Наш подопечный. Ага... за сарай зашел, подкатил бочку... поставил ее на попа...

Слушай, он под застрехой, кажется, что-то прячет. Или прятал...

— Собаки, это хреново, от них за просто так не отвяжешься.

— Спугнули, — Маус оторвался от оккуляров, перевернулся на бок. — Но место там не пустое.

— Про что ты говоришь?

— Мужик встал на бочку и руками потянулся под крышу, а в это время на крыльцо вышла то ли дочка, то ли еще какая родственница в накинутом пальто, — пояснил подельник, почмокав губами. — Она, наверное, позвала мужика, но к ней побежали сначала собаки, потом с бочки спрыгнул сам пастух. Руки у него были пустые, значит, хотел достать какой-то предмет.

— А ну дай.

Коца осмотрел в бинокль весь двор с той самой женщиной на крыльце, с мужиком и собаками. Задержал взгляд на крыше, крытой камышом, на бочке, отброшенной от стены сарая, пошмыгал молча носом. Затем вытащил платок, высморкался и развернулся к Маусу:

— Понимаешь, дорогой, какое дело, клады под застрехами не прячут.

— Я не собираюсь утверждать, я подумал вот о чем, — пожал тот плечами. — А что, если мужик уже сходил к схрону, вытащил что надо, и спрятал под крышу сарая.

— Допустим, тогда зачем он полез туда сейчас, когда это удобнее сделать перед самым отъездом в город? Раненьким утречком, все домашние будут еще в отрубке.

— Ты, конечно, прав, но что-то заставило его или проверить положенное раньше, или перенести его в другое место?

— Прав, скорее, ты, его вынудила обыкновенная нервозность, сам видишь, домашние не спускают с пастуха глаз. Одна на крыльце за ним выскакивает, а второй — или вторая — пялится в окно. Вот он и мечется ершом в кастрюле.

— Наша задача усложняется еще больше, — пощипал Микки Маус подбородок. — Выходит, что с приездом мы опоздали, как и те, которые напротив. Пастух не собирается показывать, в каком месте зарыл Стенька свой клад.

— Думаю, дочке его с зятем делать тоже нечего, — Коца согласно кивнул головой, побарабанил по биноклю пальцами. — Есть одна мысль, не знаю, подойдет ли в подобном случае, и не станет ли от нее всем хуже.

— Ты о чем это? — вздернул Маус подбородок.

— О провокации.

— Не понял.

— У мужика прямо сейчас нужно экспроприировать то, что спрятано под застрехой, если мы развиваем мысль в правильном направлении и там действительно новая партия драгоценностей.

— Опять не соображаю.

— Проверить заначку сейчас он не смог, потому что ему помешали, есть предположение, что он вернется и дело обязательно доведет до конца. Так поступают люди, потерявшие покой.

— И дальше что?

— Пастух запаникует, обвинит в пропаже родственников. Это с учетом того, что мы

проведем операцию быстро и гладко.

— Так-так! — собеседник подался к валютчику.

— Мысль о том, что дочка с зятем, с матерью, с бабкой — какая разница — успели за ним проследить и надыбать, в каком месте находится клад, заставит его сорваться с привязи. Он, как пить дать, не утерпит.

— Пастух помчится проверять основные сокровища, зарытые на стороне, — закончил Маус. — Bravo, я бы ни за что не догадался развернуть дело в этом направлении.

— Не стоит забывать, что в простоте заключается истина, но это не главное, — Коца вновь посерьезнел. — Дело в том, что этот план имеет отрицательные стороны.

— Мужик, если клад закопан под обломком дерева на берегу, или на другой стороне реки, бросится прямо в лапы чеченским беспредельщикам. А те не станут водить обезьяну, и все на этом закончится.

— Есть сценарий и посложнее, чехи не будут трогать пастуха, они подождут, пока тот выведет их на тайник. Потом выгребут все и замочат бедного колхозника в той же яме. Они понимают, что отпустить его — себе дороже.

— Придется тогда подключаться по полной программе.

— Или к чему это стоило затевать.

— Кровь хитрого крестьянина окажется тоже на нашей совести.

— И здесь ты прав.

— Какой тогда выход?

— Его нет, у нас путь один, мы на него встали по обоюдному согласию.

— Значит, мы берем заначку под застрехой, если она существует.

— Как стемнеет, так сразу, мужику под чутким присмотром домашних перепрятать ее не удастся.

— Иначе и здесь придется вмешаться, крикнуть, там, гавкнуть. Палкой постучать.

— Заметано, ты идешь к сараю, я беру на себя собак.

— А чеченцы?

— Они пусть пока отдыхают, если все на самом деле так, как мы разложили. А после кто кого опередит.

Юг здорово отличается от севера, где одна ночь срачивается с другой, образуя на целые месяцы просто ночь, но и на юге зима диктует жесткие условия. В конце декабря вечер, переходящий за каких-то полчаса в непроглядную ночь, наступает в четыре часа дня. Не успели ловцы удачи отобедать, как наступила пора действовать. Мужик за это время выходил из дома лишь один раз, чтобы загнать овец и кур и задать им корма, но к бочке под стеной сарая он не прикоснулся. Коца, вытряхнув из рюкзака кулек с крепким табаком, обмотал вокруг себя служившее подстилкой байковое одеяло, пощелкал выкидным ножом. Микки Маус, наоборот, освободился из карманов от всего лишнего, стащил с себя зимнее пальто, оставшись в короткой курточке, подбитой мехом. Оба вылезли из воронки и повернули головы в сторону дома, засветившегося огнями. Вызревшая луна застыла в центре неба, просеивая через атмосферу блеклую синеву призрачного света, перекрашивая все вокруг в темно-голубое и черное. Она же сделала замершие фигуры ловцов удачи похожими на мистических упырей. Пути их расходились, одному нужно было подобраться к базу со стороны реки, второму перелезть с противоположной стороны через забор, или отодрать какую доску. Маус для этой цели запасся штык-ножом, снятым с АКСа.

Первым с места стронулся Коца, идти по зимней степи оказалось непросто, колхозные

поля, заброшенные с началом перестройки, заросли дикими травами, покрылись кочками с буераками. Под подошвами похрустывал жесткий наст, крепкие стебли опутывали теплые ботинки. Валютчик как ни старался опускать ноги помягче, все равно казалось, что его топание слышит вся округа. Он направился сначала к Дону, и уже оттуда повернул к усадьбе. Собаки учуяли его приближение тогда, когда он вплотную подобрался к неошкуренным доскам забора. Ветер, к ночи усилившийся, относил звуки и запахи по направлению к реке. Коца, нашарив под ногами обломок горбыля, постучал им по дереву, раззадоривая овчарок, рванувшихся навстречу. Они, сбившись в клубок с той стороны, принялись яростно его облаивать, повизгивая и одновременно всхрапывая. Но уверенности в том, что все собаки собрались в одном месте, не было. Коца, подняв комок застывшей грязи, перебросил его через забор, стараясь попасть по спинам, это ему удалось, бешенства заметно прибавилось, овчарки стали прыгать на доски. В дыру Коца заметил, как устремилась через двор еще одна овчарка, крупная и короткошерстная, она, собрав в гармошку кожу на носу, присела напротив на задние лапы.

— Ух ты, тварь кровожадная, не зря, видно, хозяин тебя натаскивал, что так ощерилась, — валютчик подобрал еще один комок, запустил им в щель между досками. — Мужика-деревенщину охраняешь, с дармовыми сокровищами? Я т-тебе...

Овчарка увильнула от камня, зарычала, готовая перелететь через забор, в стае она, наверное, являлась вожаком, потому что остальные собаки оказались позади нее. Коца вновь пошурудил обломком доски в дыре, прошел вперед, увлекая свору к дальнему концу усадьбы. Опять по ту сторону ограды запрыгал клубок из упругих тел. Валютчик так увлекся доведением собак до бешенства, что не заметил, когда вожак отделился от стаи и пропал. Он шаг за шагом уводил свору к дальнему углу загородки, чтобы потом погнать ее обратно. Надо было предоставить напарнику как можно больше времени для спокойных действий внутри обширного база. И Коца целеустремленно работал в этом направлении, стучал по горбылям, рычал, ругался матом, топал ногами, бегал взад-вперед, бросался кусками мерзлой грязи. Он успел вспотеть, запыхаться, распалившись сам, накрутил до упора и собак, они уже не видели, что перед ними доски, царапали все подряд когтями, рвали зубами. Коца понял, что внимание животных надолго привлеклось к нему, цель была достигнута, осталось бросить на середину двора обломок горбыля, чтобы овчарки порвали его в клочья, и уйти во свояси. Когда вдруг почувствовал, что кто-то собирается броситься ему на спину сзади. Метрах в трех приготовилась к прыжку та самая черная овчарка со светло-рыжими подпалинами по низу живота, ее глаза горели бешенством, оскаленная пасть угрожала острыми клыками. Он прижался спиной к доскам, выхватывая из кармана пику, подумал, что собаку следует убить, иначе от нее ожидается немало неприятностей, потому что она вела себя слишком разумно. Может быть, мысль сопрягалась с домыслом о том, что пастух, когда уходит выгребать из клада драгоценности, берет ее с собой, и тогда выследить его будет совсем непросто. А может, ожесточиться заставило реальное чувство опасности, ведь другие псы были способны только облаивать, да несмело цепляться зубами за одежду. Как раз один из них прихватил край одеяла, обернутого вокруг тела валютчика, эта возня мешала свободе действий, и Коца, не оборачиваясь, чиркнул открытым лезвием позади себя. Окрестности огласил дикий вой, злобный лай остальной стаи перешел в беспорядочные огрызания с повизгиваниями. Лишь овчарка продолжала приседать в напряженной стойке, готовая для прыжка. Со стороны дома слышались громкие возгласы, валютчик сумел разобрать лишь несколько слов:

— ...да волки! Ату их, ату! Овец порежут...

Свора собак снова начала впрягаться в общий лай, вожак тоже натянутся струной. Медлить было нельзя, Коца, сделав вперед резкое движение корпусом, тут-же откинулся назад, не опуская руки с ножом. И этот нехитрый прием обманул овчарку, она, заворачивая на лету голову, прыгнула, стараясь вцепиться зубами в горло человека. Тот хладнокровно наколол собачье тело на острие, и сбросил его себе под ноги, ударив кулаком по оскаленной морде. Когда судороги затихли, грубо посек ей горло лезвием, услышал, как заскулила за досками стая. Но, если виноваты волки, значит, убивать следует тоже по волчьи.

— Черныш... Черныш... Да где он пропал...

Коца, чуть пригнувшись за забором, уходил по длинной стороне усадьбы сначала до ее угла, потом метнулся по направлению к реке, к редким островкам кустарника. Выдернув кулек с табаком, просеял его на землю между пальцами, липкими от крови, на случай, если мужик надумает пустить по следу собак.

— Волки, чтоб их... — донеслось издалека.

Валютчик, не доходя до берега, свернул направо, пошел вдоль реки, все так-же пригинаясь. Он понимал, что вряд ли теперь возможно его догнать, но его как всегда, когда приходилось отнимать чью-то жизнь, взялась накрывать крупная дрожь, похожая на приступ эпилепсии. От этого приступа глазные яблоки поддергивались вверх, во рту становилось сухо, а руки и ноги сводила судорога. Коце захотелось пить, в голове мелькнула мысль о том, что в рюкзаке, оставленном в воронке, в термосе есть глоток горячего напитка.

Микки Маус уже сидел на дне буерака в зимнем пальто, напяленном на курточку, вид у него был, словно его огрели жердью по голове. Ворочая вокруг шеи, он умудрялся в то же время бегать глазами в противоположные стороны.

— Ты чего такой? — опускаясь рядом, вымолвил Коца сквозь стучащие зубы. — Ничего не получилось, или кто помешал?

— Никого не было, ты сработал капитально, — отозвался Маус от мороженным голосом. — А как у тебя, удалось оторваться?

— Пока все идет по плану.

— Понимаешь, — скупщик раритетов проглотил слюну, не обратив внимания на ответ валютчика. — Теперь у нас остался лишь второй вариант, без крови, думаю, не обойдется.

— То есть?

— Я нашарил заначку мужика. Если все начнет складываться так, как мы с тобой намечали, конкурентов придется убирать, — он выложил на подстилку кусок грязной материи, такой же, в которых пастух привозил на рынок царские награды. — Наборчик один к одному, вот звезда со знаком ордена, монеты, кольца с бриллиантами и другими камушками. В существование Стенькиного клада может теперь сомневаться только клиент ковалевских лагерей.

— Я был в этом убежден с первого посещения мужиком нашей вотчины. Мне показалось, что ты такого же мнения.

— Да, я повторяюсь, — Маус провел ладонью по узкому чернявому лицу. — Волнуюсь, потому что последнего момента в этот бред до не верилось. А сейчас словно глаза открылись.

— Встряхни башкой и давай кумекать дальше, — оборвал подельника Коца, нашаривая в рюкзаке термос и отвинчивая алюминиевую крышку. — Мне пришлось замочить собаку. Хорошая была овчарка, умная.

Он сделал несколько жадных глотков, передохнув, припал снова к стеклянному

горлышку колбы. Выплеснув остатки жидкости на руки, завинтил крышку на место. Вместе с выступившим потом уходило чувство необъяснимой тревоги и дрожь во всем теле. Коца развернул кусок материи, в лунном свете он сразу угадал орден святого Александра Невского и знак к нему в виде небольшого круга с крестом в центре, похожим на немецкий, покрытым темной эмалью. В юности он увлекался археологией, нумизматикой, филателией, но никогда не думал, что с подобными редкостями придется столкнуться вплотную. Под звездой со знаком лежали россыпью золотые царские монеты вперемешку с мужскими и женскими перстнями, с замысловатой брошью. Только теперь на тряпочке кучкой посверкивало что-то еще, валютчик тронул пальцем невысокую горку, она отозвалась пучком разноцветных брызг, растаявших в морозном воздухе. То ли это снова оказалась цепочка, то ли кольцо с драгоценными камнями, а может, и боярская диадема, которые боярыни надевали перед появлением пред очами императора Всея Руси. Для изучения этого чуда не было ни времени, ни подходящих условий. Коца, завернув углы куска материи, соорудил узелок и положил его за пазуху. Посмотрел на Мауса, молчаливо следившего за его действиями:

— Надеюсь, ты не против, если драгоценности временно побудут у меня?

— Нет вопросов, место за твоей пазухой кажется для них надежным.

— Тогда переходим к обсуждению следующих действий, я предлагаю такой вариант, — валютчик устроился на дне воронки поудобнее. — Нам здесь делать больше нечего, пастух вряд ли на ночь глядя надумает проверять заначку. Под застреху он полезет только рано поутру, перед самой отправкой в город. Какая слежка, когда родственники будут спать вповалку.

— Он, к тому же, не хотел бы открывать место, в котором постоянно прячет заначки.

— Значит, до обнаружения пропажи он останется спокойным.

— Вряд ли, ты сам признался, что убил собаку.

— Я посек ей горло ножом, мужик подумает, что ее порвали волки.

— Как сказать... хотя, кто будет приглядываться ночью. Но это не главное.

— Я предлагаю перейти в машину и отдохнуть в ней до утра, а когда наступит время отъезда мужика в город, снова занять эту воронку. Он в порыве гнева способен сразу рвануть к месту захоронения клада, потому что подумает, что его выследили, и там тоже ничего не осталось.

— Мысль правильная, если ему в голову не бросится моча, и он не затеет разборки с домашними, после которых напряжение в родовом гнезде только усилится. Тогда поступки пастуха окажутся для нас непредсказуемыми.

— Они и сейчас похожи на ребус. Короче, отправляемся отдыхать.

— А как с чеченцами, вдруг они решат тоже провести ночь в автомобиле? А он раскурочен.

— Это их проблемы, лишь бы не засекли нас раньше времени.

— Дело в другом, они в порыве ярости решат пойти ночевать в дом пастуха. Тогда действительно можно поставить окончательную точку.

— Для них! Они не должны живыми дойти до усадьбы, — Коца собрал губы в жесткую линию. — Чехи ведут себя очень странно, это не их приемы выбивания капиталов.

— Уже ихние, они переняли цивилизованные методы, как только поняли, что с Россией делать им нечего. Она раздавит, не заметив, кто крутился под ее ногами. Кстати, чеченские бригады за бугром начали действовать аккуратно, не покушаясь на местных, и только по своим бывшим землякам, — Маус сорвал сухой стебелек, похрустел им во рту. — Я уверен,

что Асланбек все просчитал и пришел к такому же, как мы, мнению. Мужик выдержит любые пытки, лучшее средство прибрать драгоценности к рукам — выследить пастуха.

— У нас тоже ночка впереди будет, значит, беспокойная. Собирайся, успеть бы несколько часов поспать.

Но этой ночью умереть суждено было лишь одной овчарке, видимо, чеченцам приходилось не единожды коротать время на природе. Хоть в зеленке, хоть в горах, хоть на берегу могучей донской реки. Зато в салоне “ДЭУ” тепло от включенной печки перекатывалось волнами, заставляя пассажиров погружаться в глубокий сон. Сторожили по очереди, подводя на нужное время стрелки будильников на японских часах. Коца, когда пришла пора покидать теплую кабину, вытащил увесистый узелок из-за пазухи, собрался было бросить его в емкий бардачок. Водитель повернул голову в его сторону, и валютчик почему-то раздумал, запихнул сверток обратно.

События на территории усадьбы развивались по схеме, оговоренной на дне воронки двумя ловцами удачи. Мужик, не нашарив заначки под застрехой, раскидал ногами собак, забегал по двору. Затем заскочил в дом, и буквально через пару минут вылетел из него с каким-то предметом на плече. Направился вприпрыжку к реке.

— Выдвигаемся за ним, иначе он скроется во тьме, — Коца, подхватывая автомат, поднялся с подстилки. — Идем сзади параллельным курсом, если чехи засекали пастуха, то пусть одного и ведут.

— Одежда забирать? — засуетился Маус.

— Они пусть остаются, может, еще пригодятся, рюкзак и другие вещи тоже. Если нас замочат, то следакам они вряд ли о чем скажут. А нам на небе вместо одеял будут уготованы пуховые облака.

— Что-то у тебя мысли грустные, с такими на дело не ходят.

— Обычное состояние, стоит пару шагов пройти, как в голове прояснится.

Черная фигура пастуха продолжала торопиться к берегу, словно его капитально надрали скипидаром. Луна из-за горизонта показывала лишь небольшой краешек, звезды начали тускнеть, на степь опускалась вязкая сероватая мгла, размывая окрестности с близкими предметами. Коца передернул плечами:

— Дорогой, прибавляй шаг, наш объект наблюдения может раствориться живым привидением.

— Стебли, падла... как проволока.

Мужик резко повернул вправо, дойдя до кромки обрыва, заторопился вдоль него. Оба преследователя едва успели нырнуть под островок из сохлых стеблей, притаились, прижавшись к земле, пастух, раздраженно пыхтя, протопал метрах в пятидесяти от них. Стало понятным, что путь его лежал в сторону заброшенного хутора. Поначалу это обстоятельство озадачило, Коца, подождав, пока объект наблюдения отойдет на приличное расстояние, раздумчиво хмыкнул:

— Маус, а тебе не кажется, что наш мужик обыкновенный мародер?

— С чего такие обвинения? — отозвался взвинченный друг.

— Не знаю, но я подумал о том, что пастух навещал оставленный хутор не раз, ты не заметил, из чего он соорудил свои хоромы? Сараюшки, закутки, курятничек, забор не хилый из горбыля. Такие только в богатых станицах, и то не во всех.

— Хозяйственный крестьянин, Россия подобными должна гордиться.

— И я говорю, что правильно делает, но моя догадка в обратном направлении.

— В каком? Говори скорее, он уходит.

— Он от нас никуда теперь не денется, я думаю, что клад находится в одном из домов. Мужик или перенес его туда, или там же и нашел, когда лазил по погребам с подполами. Варенья, соленья, там, доски, петли, замки. Бывало, одинокие старики доживали век, а в чуланчике у них то старинная иконка, то блеснут благородной поверхностью царские золотые или серебряные монетки, припрятанные на черный день.

— Старые люди запасливые, но чтобы клад с орденами и перстнями...

— Помнится, один колохозник сдал в государственную казну мешок древних монет с другими вещами, выкопанный на своем огороде.

— Пошли, иначе мы нашего колхозника не отыщем с собаками.

Микки Маус уже привстал на колени, когда Коца резко дернул его за полу длинного пальто, заставив принять прежнее положение.

— Крыша сползает? — зашипел перекупщик, возмущенно сверкнув зрачками.

Валютчик быстро накрыл его губы рукой в перчатке, молча кивнул за спину, по обрыву реки меряли расстояние вслед за пастухом трое чеченцев. Впереди срывался на рысь худощавый и чернявый, за ним спешил его невзрачный товарищ, замыкала шествие необъятная фигура Рамзана. Лучи от луны, падающей за горизонт, одливали их призрачным светом, превращая в мертвецов, вылезших из могил. По рукам, положенным на корпуса автоматов, можно было сделать вывод, что они принимали непосредственное участие в чеченских бандформированиях. Боевики прошли, похрустывая негромко наледью. Коца присел на корточки, положил АКС на колени, заворочался и Микки Маус.

— Красиво, как в американском сэндвиче, — озабоченно проговорил он. — Вкуснее прослойку между пастухом и нами не придумаешь.

— С твоим Размазанчиком она жирноватая, — подколот Валютчик.

— Сто лет бы он мне... — фыркнул перекупщик. — А что ты скажешь сейчас, стратег?

— Вот теперь и нам пришла пора трогаться.

— Куда?

— За ними. Пусть пастух занимается своими делами, пусть чеченцы преследуют свои цели, а у нас все должно идти по плану.

— То есть?

— Если чехи накроют мужика вместе с кладом, они его или сразу замочат, или дадут уйти, чтобы расправиться позже. А сами вытряхнут из схрона все до последнего. Тут их нужно и брать, чахнувших над золотом с бриллиантами, в противном случае они найдут способ перетащить драгоценности в город, поближе к своим норам. Тогда наша акция не будет стоить выеденного яйца.

— Значит, без крови не обойтись? — поднял Маус на подельника темные глаза.

— Выходит, что так, или мы их, или они нас.

— Тогда, как говорили мои предки: время — деньги.

Валютчик с перекупщиком, используя любую неровность для того, чтобы в случае опасности нырнуть под ее защиту, втянулись вслед за мужиком и чеченцами в селение, брошенное людьми, с печальными останками домов по бокам улицы, успевшей зарости мелким кустарником. Они теперь следили не за пастухом, скрывшимся из виду, а за бандитами, шедшими по его следу. Хутор, пугающий пустотой, растянулся по берегу реки километра на два, дома с обвалившимися крышами и выбитыми окнами, высвеченные лунным светом, стояли в три ряда, к самому верхнему из которых примыкала роща, черная в

утренней мгле. Задача облегчилась, потому что за останками домов прятаться было проще. Вся цепочка продвинулась к центру, чеченцы зашли за какое-то здание и затаились. Замигали огоньки сигарет. Коца с Маусом тоже прижались к полуразрушенной стене, изредка выглядывая, чтобы не упустить из виду незваных проводников.

Время тянулось медленно, из-за рожи показалось поседевшее солнце, осветило неживыми лучами брошенное людьми несчастливое место. Чеченцы присели на корточки, положили оружие на колени, теперь они стали видны как ладони. Коца через оконный проем залез во внутрь помещения, взялся наблюдать за ними из тьмы комнаты с потолка, готовыми обрушиться. Наконец, на улице нарисовался мужик, заторопился на край хутора, вертя шеей по сторонам, на плече тускло отсвечивала вороненной сталью двустволка. Пройдя мимо бандитов, попятившихся за развалины, он смачно выбил соплю на дорогу. Коца не заметил, из какого строения он выбежал, вся надежда снова оставалась на невольных проводников, они этот дом засекли наверняка. Как ни странно, чеченцы не бросились на пастуха, они от него постарались спрятаться, и когда тот скрылся за последней хибарой, борзой сворой кинулись к очагу с сокровищами. Им оказался пятистенок с высоким крыльцом, с облупленными наличниками на больших окнах. Валютчик, как только бандиты вломились в дверной проем, облегченно вздохнул, отошел к стене, за которой перекупщик ценностей коротал время на чурбаке.

— Ты знаешь, что такое время “Ч”? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Слышал, а что ты хочешь этим сказать? — насторожился Микки Маус.

— Оно наступило. У нас в рюкзаке есть бутылочка хорошего коньяка, мы не воспользовались ее содержимым, когда пасли мужика на дне воронки, не стали пить и ночью в машине. Теперь пришла пора сорвать пробку, ты не против?

— Если провозгласишь дельный тост.

— Чехи указали место, где мужик прячет свои сокровища, они сейчас дербанят их, как голодные волки молодого ягненка. Как только напьются крови и успокоятся, настанет пора подключаться и нам.

— Тебе в этом деле и карты в руки. Через сколько, примерно, надо быть готовыми?

— Дадим им полчаса, а потом постараемся загасить.

— Или они нас.

— Мы пришли сюда для того, чтобы победа досталась нам.

— А ты уверен, что в том доме, в котором сейчас чеченцы, спрятан клад Стеньки Разина?

— Я этого не говорил, но я видел мужика, к своей усадьбе он поспешил затаренным. Да и чехов и их звериное чутье не могло обмануть. Уверен, без добычи мы отсюда не уйдем.

— Тогда доставай бутылку.

Хуже не придумаешь, чем пить коньяк из пластмассовых стаканчиков, это неудобство скрашивалось лишь тем, что повод был слишком веским. Горло валютчика обожгла горьковато-терпкая жидкость, она просочилась вглубь желудка живительной струей. Коца привалился к стене, ему не хотелось запахами еды перебивать жгучие вкусовые ощущения. Микки Маус отставил стаканчик, вцепился со смаком зубами в кусок сухой колбасы. Он всегда, сколько его валютчик помнил, предпочитал марочные вина крепким напиткам. Вот и сейчас он с неудовольствием покосился на этикетку на бутылке:

— Бурда, если и пить коньяк, то только во Франции.

— Или в Германии, — кивнул Коца головой.

— Почему в Германии?

— Во первых, там сейчас больше евреев, во вторых, порядка всегда было больше.

— Где евреев в достатке, там порядка не жди.

— Наконец-то ты со мной согласился.

— Люди перед смертью всегда наговаривают на себя, или берут столько, что не в силах донести до бога.

— Ну... дорогой мой товарищ, к тебе ни с какого бока не подберешься. Давай по второй, да пора готовиться.

— Нападать будем вместе?

— Сначала я схожу в разведку, а ты поторчишь на стреме. Автомат я оставляю здесь, если что, гаси не стесняйся.

— А ты с чем пойдешь?

— Вальтер и парочка РГД-5, этого им, думаю, будет достаточно.

Валютчик, проверив пистолет и сняв его с предохранителя, вытащил из рюкзака две гранаты, похожих на зеленые помидоры. Положив по одной в карманы, подмигнул подельнику, тот понимающе опустил веки. Коца упруго вскочил, выглянул из-за угла дома, улица по прежнему была пуста. Он пригнулся, напялив поглубже шапку, побежал к развалине, стоящей на другой стороне, перескочил, прячась за огрызками стен, до следующего строения. Микки Маус следил за его действиями, в подельнике он был уверен, если того и могло что-то сейчас остановить, то только его величество случай, от которого не застрахован ни один человек. Коца, между тем, приблизился к высокому когда-то терему с крашенными наличниками, услышал голоса, доносившиеся из помещений. Чеченцы забыли о предосторожностях, не выделив на наружку ни одного из своих. Валютчик, обогнув угол просевшего фундамента, подкрался к оконному проему, из которого отчетливее выплескивалась характерная чеченская речь. Возбужденные восклицания не прекращались ни на минуту, словно это боевики решили отметить один из удачных рейдов в тыл российских войск. Коца прижался к стене, скользнул верхней частью туловища вдоль нее, заворачивая голову в сторону рамы без стекол. Увидел бандитов, присевших кружком в центре комнаты, энергично размахивающих руками. Разглядел в просвет между телами небольшой сундук с открытой крышкой, в старину селяне с горожанами прятали в таких добро, правда, этот по размерам показался раза в три меньше. Он подумал, что отыскать схрон не составило большого труда, следы, оставленные пастухом на припорошенных пылью половицах, привели бы куда угодно. Но разглядеть, что таилось в сундуке, не представлялось возможным. Коца покусал нижнюю губу, размышлять о сокровищах не было ни времени, ни желания. Он вытащил из кармана кругленькую гранату, нашарил чеку, переложив пистолет в левую руку, нащупал ногой точку опоры, чтобы не поскользнуться в самый ответственный момент и не погибнуть по дурацки. Снова наклонил верхнюю часть тела по стене, чеченцы все так-же горячо обсуждали проблему, открывшуюся перед ними. Один из них протянул руку, выудил из сундука горсть царского изобилия, и разогнул резко пальцы, мелодичный звон заставил темпераментные возгласы взметнуться к потолку, провисшему от ветхости, задал конечностям новые импульсы. Бандиты были похожи на первобытных охотников, добывших целого мамонта, и валютчик почему-то не испытывал к ним даже жалости. Наверное, лишь разумные люди вызывают к себе искреннее уважение и сочувствие, все остальные либо жалость, либо равнодушие к их судьбе. Коца, сорвав чеку, чуть притормозил, и постарался бросить гранату прямо в центр круга, образованного чеченцами, затем

автоматически отсчитал до четырех. Когда раздался взрыв, он показался в оконном проеме, не особенно прячась. Боевики, обливаясь кровью, раскидались по грязному полу, один затих мгновенно, двое корчились в предсмертных судорогах. Валютчик подождал, пока смолкнут громкие стоны, затем направился вдоль фундамента к парадному входу в дом. Поднявшись на крыльцо, махнул рукой Микки Маусу, выглядывавшему из-за угла, и вошел в покосившийся коридор. В просторной комнате все три бандита раззявили в последней улыбке крепкозубые рты, ни один из них не выпустил автоматов из скрюченных пальцев. Коца отбросил носком ботинка “калаши” подальше, бегло пробежался руками по фигурам в поисках другого оружия. Его оказалось достаточно: пистолеты, гранаты, штык-ножи, а еще наручники с удавками, так любимые представителями кавказских народов. Валютчик, собрав арсенал в кучу и переместив его под переборку, лишь после этого обратил внимание на крышку приземистого сундука, захлопнувшуюся от взрыва. В этот момент на пороге комнаты показался взбудораженный Микки Маус.

— Все готовы? — спросил он с недоверием в голосе, косясь на бандитов.

— Проверь, — бросил Коца через плечо, сдерживая привычную дрожь. — Горцы живучи как кошки.

Перекупщик наклонился над одним из бандитов и тут-же отшатнулся, глаза сверкнули испугом. Он, сдвинув рычаг режимов стрельбы на одиночные, вlepил пулю в грудь чернявому боевику, и тот, дернувшись, принял прежнее положение.

— Не обращай внимания, они все уже готовы, — усмехнулся Коца. — Видишь, носы начали заостряться.

— А этот вроде что-то проглотил.

— Осклок от гранаты под скулу, в том месте и хлопнуло.

Валютчик взялся за конец петли на сундуке и дернул ее вверх, сухо заскрипев, округлая крышка, окованная по углам медными пластинами, откинулась назад. Из дубового нутра выплеснулось тусклое сияние. Коца откачнулся назад, подобную картину он наблюдал разве что в приключенческих фильмах про пиратов и разбойников с большой дороги. Сверху на одной стороне лежали офицерские мундиры, расшитые золотыми позументами, с эполетами и царскими старинными орденами. По другую сторону высились разноцветной горкой, украшенные драгоценными камнями, женские бархатные и шелковые платья, на которых сверкали огнями причудливые диадемы с колье и ажурными серьгами. Узкое пространство посередине заполняли коробки с огромным жемчугом, золотыми старинными монетами перстнями, кольцами, брошами. Поблескивали отдельной кучкой крупные алмазы, сапфиры, изумруды, бриллианты. Золото, серебро, разноцветная эмаль, бархат, парча, кисейные кружева, солдатское сукно. Сбоку мундиров виднелись золотые ручки и ножны кинжалов, а так-же рукояти древних револьверов, усыпанные драгоценностями, из азиатского патира выглядывали золотые элементы конской упряжи. Два славянских застольных кубка были полны серебром, потемневшим от времени, в круглых и квадратных рублях. И все это богатство поблескивало, сыпало искорками, отскакивающими от него, обдавало незнакомым знойным жаром. Коца, как замороженный, потянулся рукой к воротнику пальто, расстегнул верхнюю пуговицу, затем сдвинул со вспотевшего лба шапку на затылок. За спиной раздалось натужное сопение Микки Мауса, некоторое время тот молча шмурыгал носом и глотал клубки тягучей слюны.

— Ну и что ты на это скажешь? — прочистил Коца наконец горло, перехваченное волнением. — Стоит ли за такой сундук отправлять конкурентов на тот свет?

Перекупщик снова гулко сглотнул, переступил с ноги на ногу:

— Для того мы сюда и пришли, чтобы завладеть богатствами по праву первооткрывателей мужицкой простоты, — откликнулся он незнакомым голосом. — Я сомневался до последнего момента, даже интуиция куда-то спряталась.

— Вашей интуиции можно позавидовать, но не в этом дело, как мы потащим отсюда полный сундук добра? Я не усек отсюда и намека на дорогу, она, видно, заросла кустарником, как улица посередине хутора.

— Наша машина прошла от трассы до лесопосадки нормально, проскочит и до этого хутора.

— И второй вопрос, куда нам деваться с немерянным хозяйством? Даже Пулипер не сможет выкупить все сразу.

— К тому же, хозяйство здесь не полностью, — закрутил Микки Маус покрасневшим носом. — Посмотри сам, сундук не очень высокий и не совсем вместительный.

— Не понял. Ты, брат, или жадный, или офонарел от содержимого этого короба, — напрягся, всмотревшись в подельника, валютчик, не отошедший еще от боя. Вывод неприятно его покоробил, — А тебе надо, чтобы сундук оказался с силосную яму?

— Понимаешь какое дело, старинные вещи делались, как правило, на семью, которая являлась ячейкой, определяющей общество, — попытался объяснить Маус, не обращая внимания на попытку его оскорбить. — Я хочу сказать, что тарелок в царском сервизе всегда было шесть или двенадцать, так же рюмок, бокалов, ножей, вилок и прочего. А в данном сундуке я усматриваю пока только один арабский патир с двумя славянскими кубками.

— А сколько их должно быть? — зло ухмыльнулся Коца. — Сколько сохранилось, столько и спрятали.

— Я не уверен, число кубков обязано быть большим, на Руси выпивать любили.

— Тогда говори, какое количество тебя бы устроило?

— То дореволюционное общество устроило бы шесть кубков, к тому же, мы назвали кубками обыкновенные посудыны, а на самом деле они всего лишь застольные чарки. Это как в наше время рюмки, только современные рюмки обычно из хрусталя, а эти чарки из драгоценного металла.

— Выходит, мы отбили лишь небольшую часть Стенькиного клада?

— Наверное, я думаю, что настоящие клады куда богаче, и они без тряпок, — покривился Микки Маус. — Нам не мешает поискать еще.

— С сундуком бы справиться... — Коца озадаченно приподнял плечи.

В этот момент со стороны улицы послышался приближающийся шум мотора, Микки Маус осмотрелся вокруг, недоуменно уставился на валютчика. Коца метнулся к бандитам, распластанным на полу, зарыскал пальцами по их одежде.

— Быстро сюда, — негромко приказал он подельнику.

— Зачем? — опешил тот.

— Ищи мобильники.

Маус понял, что Коца имел ввиду, бандиты через японские аппараты могли поддерживать постоянную связь с главарями банды. Не исключались и встроенные маячки. Перекупщик, упав перед трупом на колени, стал выворачивать наизнанку его карманы, через минуту свое существование прекратили все три сотовых телефона. Подельники, не сговариваясь, захлопнули крышку сундука, нырнули, минуя темный коридор, в пристроенный хлев, проникли сквозь проломленную стену в пустой сарай с ненужным

хламом, сваленным в углу. Маус хотел было затолкать короб, весивший больше тридцати килограммов, под него, но Коца упрямо потащил его дальше. Выглянув наружу, он запально выдохнул:

— Сокровища нужно перетащить в следующий дом, если найдут трупы, здесь живого места не останется. Перероют все, а потом подожгут.

— Понятно, это не менты, тем бы сто лет оно не сдалось, — согласился перекупщик.

— Да, это едут другие чеченцы, от которых нам, в случае чего, уйти будет трудновато. Скорее всего, пересмена.

— Слушай, а если они наткнулись на раскуроченный джип? — Микки Маус встревоженно вскинул брови. — Не хочу дальше загадывать, но ты сам понимаешь, что я имею в виду.

— А потом напоролись на нашего водилу?

— Деревья в посадке редкие, а солнышко уже светит.

— Твой товарищ вряд ли подпустил бы их так близко, мы в любом случае услышали бы выстрелы.

— Тогда дергаем отсюда, пока чеченцы едут медленно.

Валютчик пошарил глазами вдоль улицы, обзор закрывали останки других домов с пристройками. Он было снова взялся за ручку сундука, когда из-за ближайшего угла медленно выполз черный “Мерседес”, такой, в которых обычно телохранители сопровождают своего босса. За ним болтался как на привязи вместительный джип “Мицубиши”. Оба автомобиля проследовали мимо дома с трупами бандитов на другой край хутора. Коца подхватил короб, сверкнув на Мауса глазами, рванулся к выходу из сарая. Подошвы ботинок заскользили по хрупкой наледи, окрепшей за ночь, звук шагов слышали в этот момент все живые существа, населяющие окрестности. Кроме тех, которые пристально всматривались в гнилые останки строений, проплывающие мимо окон. Уши им забивал ровный рокот мощных двигателей.

Глава восемнадцатая.

В тесных боксах тюрьмы на Богатыновском спуске, известном всему Ростову-папе, было душно и нервозно. Запах давно немых тел смешивался с табачным, с вонью от параша, плотный воздух оседал на кожу, вызывая ответные едкие испарения, которые добавляли вони. В камеру, где отдыхал Слонок с Козырем, забросили, наконец-то, Беню. После стрелки в парке Авиаторов мускулистого кубанского казачка со сквозным ранением в грудь сначала подлечили в тюремном лазарете, затем переместили в общую камеру. И теперь он соединился с подельниками. Беня, оглядев занятые нары, прошел на середину узкого помещения, бросил телогрейку на бетонный пол. Вокруг ничего не было видно, несмотря на лампочку, горящую под потолком. Краснодарец, подложив шапку под голову, собрался было упасть в отключку до разноса пищи, когда кто-то негромко позвал его из дальнего угла. Он бы подумал, что обознались, но оклик повторился, слабый и несмелый. Беня всмотрелся в ту сторону, на верхних нарах лежал похожий на Слонка заморенный подследственный, с мешками под темными глазами.

— Слонок, ты, что-ли? — удивился краснодарец.

— Ну, а кто еще, — не стал спорить зэка. — Канай сюда, побазарим.

— Так, в чем дело, слезай.

— Он не может, его с неделю назад учили стоять на ушах, а то все падал и падал, — грубо хохотнули с ближайших нар. — Как вертухай откроет кормушку, так и он туда хавальником, позорный отморозок. Думал, за прошлые заслуги его наградят отпуском.

— Просчитался, ментовский выкормыш, — добавили хриплым голосом со шконки напротив.

— А ты кто будешь? — Беня неторопливо развернулся к первому докладчику, его неприятно покорило сообщение об избии бригадира.

— О, да тут еще одна шестерка нарисовалась, — приподнялся на локте татуированный собеседник, высунули головы на проход и остальные обитатели. — Я из блатных, а ты по какой масти канаешь?

— Я вольный казак.

Беня попытался ворохнуть вислыми плечами, но тупая боль в груди дала знать о себе неприятными ощущениями. Краснодарец, смахнув с лица кривую гримасу, расставил пошире ноги, он прекрасно понимал, что людям, находящимся в боксе, его проблемы до фени. Между тем блатной, окинув внимательным взором фигуру вновь прибывшего, не утратившую прочности, поддернул в уважительной усмешке уголки волевых губ:

— Казаков мы видеть всегда рады, проходи до моей шконки, погутарим.

— О правилах жития в блатном мире? — набычился Беня. — Ты знаешь, как мы относимся к воровским шайкам.

— Я в воровской шайке не состоял, я работал по своему, — мягко не согласился блатной. — Но поддерживаю законы воровской чести. А ты?

— Я же сказал, что происхождением от вольных людей.

— Менты из вашего сословия получают отменные, двуликие, как азиаты, — встрял в разговор все тот-же хриплый голос. Он принадлежал голому по пояс костлявому мужчине за тридцать лет, разрисованному синей татуировкой до паха. Почиркав спичкой о кусочек боковинки, оторванной от спичечного коробка, тот прикурил обуглившийся бычок.

Затянувшись, продолжил, — Казаки, это гребаный щит на рубежах шелудивой Родины.

— Тебе не нравится наша позиция? — спросил Бенья с вызовом. — Или ты из козлов, избегающих армейскую службу?

— Это кто козел? — костлявый тут-же вскочил. — Настоящие козлы ты сам и твой корешок, а мы живем по понятиям.

— Грабь первого встречного-поперечного, трати награбленное на водку с бабами.

— А ты не грабил? — ухмыльнулся блатной ухмылкой, не сулящей ничего хорошего. — Откуда ты знаешь Слонока, этого ментовского жополиза? Случайно, не из его кофты?

— Из его бригады. Лично я следил на рынке за порядком между валютчиками, чтобы грабители из ваших не подходили к ним на пушечный выстрел.

— Ты понял? Беспредельщиков прибавляется, — обратился первый из собеседников к своему товарищу. — Скоро нашу камеру сделают чисто ментовским отстойником.

— Пора скирдовать, — согласился тот с доводами друга, застегивая пуговицы на брючном поясе.

С нар, расположенных по бокам узкого бокса, соскочило сразу несколько человек, двое зашли за спину Бени, остальные остановились напротив. Казак понял, что слово, вылетевшее невольно, может стоить ему здоровья, он, принимая стойку, пошарил глазами вокруг. Слонок со стоном сползал с верхнего яруса, еще одна знакомая морда мелькнула возле противоположной стены. Это был, кажется, Козырь. До Бени дошло, что отбиваться от блатных придется ему самому.

— За козлов надо отвеча-ать, — протянул костлявый сквозь гнилые зубы.

— За козлов и опуска-ать не за падло-о, — согласился кто-то из стоящих вокруг, зэки поддержали идею грубым смехом.

— Козлами я назвал парней, которые косят от службы в армии, — попытался Бенья оправдаться. — При чем здесь вы?

— Ты обозвал козлом его, это ему до фени твоя армия, — блатной уверенно указал на костлявого. — Ты сейчас и будешь перед ним отвечать.

— Бенья, признай свою ошибку, — Слонок попробовал прорваться к двери. — Здесь ловить бесполезно.

Его, совсем недавно раскидывающего пузом встречный народ, отшвырнули под нары как обыкновенного бомжа. Больше ждать милостей от хозяев положения было нечего. Бенья вспомнил спортивное прошлое, когда играючи брал призы на Всесоюзных соревнованиях по дзю-до. Он, раскидав в стороны руки, сжатые в кулаки, подловил момент и нанес блатному удар ногой в голову. Затем раскрутил всеми конечностями метелицу, вышибая из игры сначала того, кто на вид показался покрепче, затем, пока они пытались придти в себя, обработал и слабых. Он силой воли загасил боль внутри грудной клетки, волею же старался добить противника без пощады. Зэки вскоре перестали рваться в драку, корча гримасы, они выходили из круга, к тому же, Слонок помогал чем мог, вечно мурый Козырь тоже пробовал растащить сокамерников. Наконец, из своры нападавших осталось всего двое, самый блатной и самый стойкий из молодых пацанов, мечтающих стать ворами в законе. Костлявый, еще пара человек, глотали на своих лежаках воздух порциями, они, скорее всего, были туберкулезниками. Кубанский казак, сбивая бурное дыхание, сообразил, если сейчас он уделает блатного, ему этого не простят ни воровской мир, ни сами тюремщики. Первые не потерпят позора, вторые перемены власти. Порядок в камерах испокон веков поддерживался авторитетом блатных. Вертухаи тоже не принимали на дух новых вожаков из числа

беспредельщиков, потому что те не обладали ни весом, ни собственной законодательной базой, от которой у эзков леденела бы кровь. Бенья подождал, пока молодой шустряк намахается руками вхолостую, затем качнулся в сторону, задерживая голову на прежнем месте. Когда пацан намерился поддеть его подбородок крючком снизу, перенес тяжесть тела на отставленную ногу, другой ступней смачно въехал ему в лицо на встречном движении. Шустряк прогнулся, вскинул деревенские копыта вверх и с размаху впаялся в каменный пол. Затих на нем, перебирая лишь пальцами. Кубанский казак, увернувшись от удара блатного, с шумом втянул в себя воздушный тухлый кисель, отступил к нарам. Подумал, что последнего противника придется сбить только на пол и лишь покрепче придавить к бетону, чтобы он остался в целости и сохранности. Ощутил вдруг на губах солоноватый привкус крови, понял, что открылось затянувшееся было огнестрельное ранение. Организм включил защитную реакцию без приказов из головного мозга, Бенья осознал, что сейчас его избить смог бы десятилетний мальчик. Опершись рукой об угол нар, поманил пальцем блатного, показывая, что ловить тому все равно нечего. Но тот не спешил продолжать поединок и сам, уголовнику стало ясно, что корона власти держится на голове всего лишь на единственном движении шкафа из краснодарских степей, стоящего напротив. Если она упадет, ему тоже не светит ничего хорошего. Он, прислонившись спиной к стене, лихорадочно искал выход из положения, и нашел дыру в очередной в исковерканной его жизни тупик. Поелозив рукой по брюкам, нашарил половинку лезвия для бритвы, зажал ее между указательным и средним пальцами. Закон, которому он старался следовать, приказывал сохранить достоинство ценой собственной жизни. Он нагнул стриженную голову и собрался броситься на оказавшегося крепче противника. В этот момент в замке загремели ключи, дверь, окованная железом, отворилась. На пороге выросла бесстрастная фигура тюремного вертухая, за ним замаячила бледная морда еще одного. Между обоими прошмыгнул узкоплечий начальник оперативной части:

— Господа подследственные, разборку можно считать законченной? — с издевкой спросил он, окидывая жильцов камеры шустрым взглядом. — О-о, я вижу, что у вас происходит перемена власти.

Блатной чертыхнулся, попытался спрятать лезвие обратно в прореху в поясе, но оно застряло в материи, поранив ему пальцы. Неловкая возня не осталась незамеченной, начальник кивнул вертухую, а тот притянул нарушителя к себе:

— Стареть начал, Кардан. — изумился оперативник, подталкивая уголовника в спину. — Почему не бросил мойку на пол? Или подумал, что мы исчезнем, а ты продолжишь разборку?

— Ничего я не думал, — блатной угрюмо насупился. — Мойка не моя, я нашел ее под шконкой.

— Ты под кроватью отыскал себе десять суток шизо. А потом посмотрим.

Начальник снова пошарил глазами по тесному боксу, наткнулся на молодого шустряка, привставшего с пола, молча тоже указал ему пальцем на выход. Затем прошел в помещение, похлопал по спине костлявого товарища блатного, задохнувшегося в кашле, и когда тот обернулся, так-же кивнул ему на дверь. Больше оперативник никого выделять не стал, не взглянул он и в сторону Бени со Слонком. Обернулся уже на пороге и как бы невзначай заметил:

— Слонок, освободилось три нижних койки, пора тебе поменять свое лежбище. Ты старое пригреть, надеюсь, не успел?

— Никак нет, гражданин начальник, — тут-же откликнулся бригадир, вытирая рубахой кровь с лица. — Забираться наверх было очень трудно. Все кости болят.

— Вел бы ты себя по умному, никто бы тебя не отметелил, — узкоплечий начальник взялся за край двери, но опять обратился к Слонку. — Чуть не забыл, за тебя на воле беспокоятся, завтра-послезавтра вызовут для серьезного разговора.

— Всегда к вашим услугам, — бригадир с усилием наклонил голову.

— Не спеши, а вдруг заготовили только для тебя смертный приговор?

— Гражданин начальник, в России смертная казнь отменена приказом президента Ельцина.

— В Америке на нее тоже наложено типа табу. Но в исключительных случаях с удовольствием применяют смертную казнь на электрическом стуле.

Дверь захлопнулась, в замке повернулся ключ, затем кто-то любопытный заглянул в глазок над кормушкой и шаги удалились. Бенья устало опустил плечи, подскочивший Козырь тронул его за руку, провел к нарам, на которых минуту назад возлежал блатной Кардан. Слонок забрал со своей койки телогрейку, подложил под подобие подушки на нарах напротив, она принадлежала туберкулезнику. Козырь переселился на кровать молодого шустряка. В душевой камере никто не проронил ни слова, остальные блатняки с уводом главарей в изолятор заткнулись собственными портянками. Бенья грустно усмехнулся, подумав, что догадается кто в России сместить самого президента, народ воспримет это как должное. В груди у него принялась разрастаться боль, но он уже знал, что это состояние временное, могучий организм привык за последние годы перемалывать и не сквозные ранения.

В камере установилась напряженная тишина, которая давила на виски вместе с застоявшимся воздухом. Разговор у Бени со Слонком и с Козырем долго не клеился, мысли о том, что если Кардана с его друзьями не запрут в изолятор, то продолжение конфликта может быть весьма интересным, заставляли нервно коситься на дверь. Но время текло, а ключ в замке больше не поворачивался. Наконец, шныри отомкнули кормушки, принялись раздавать обед, и проблема переместилась на второй план. После ужина она вообще начала угасать, бокс в обновленном составе мирно отошел ко сну. Ни друзья, ни враги, не смогли переступить психологический барьер, чтобы обсудит друг с другом наболевшие темы.

Кажется, только специально для тюрем делают вечные лампочки бессмертного Ильича, не гаснущие ни днем, ни ночью, во всех других учреждениях они перегорают буквально через неделю. Вот уж наступило утро, а приход нового дня не отразился ни на чем, ни на ком. И никак. Затхлое помещение с обтерханнами стенами обливал все тот-же подслеповатый свет, к параше, единственной на весь бокс, выстроилась очередь. После завтрака она повторилась, но покороче. Прогулку в связи с бунтом в соседней камере отменили на неопределенный период, и Бенья со Слонком сумели наконец-то уединиться для разговора, долгожданного для обоих. Вскоре к ним подвалил Козырь, получивший во время стрелки с нахичеванскими армянами легкую царапину плеча. Слонок долгое время косился на него, подозревая в нечестной игре, он думал, что на стрелке его помощник прятался от свинцового дождя под колесами какого-нибудь автомобиля, как сам Слонок под трупом противника. Армянский хохол и в боксе повел себя отчужденно, примкнув к подследственным, ведущим нейтральный образ жизни, он в защиту бригадира, когда того взяли прессовать, не пошевелил и пальцем. Но Козырь клятвенно побожился, что замочил нескольких армянских боевиков из автомата. Он не виноват, что ранили его легко, значит,

спасибо доброй заступнице судьбе. А в камере тоже надо знать, на кого пасть разевать, блатных вон сколько, а их только двое. И Слонок сдался, посчитав поведение Козыря обыкновенной трусостью.

— Ну как там у тебя с дыркой? Зарастает? — подсел бригадир на кровать к Бене.

— Затянется, куда ей деваться. — добродушно хмыкнул кубанский казак, вновь внимательно обследовал Слонка. — Да, брат, досталось тебе крепко.

— Несколько дней не мог подняться, из жратвы питался только жижей. Какая-то тварь доложила, что я работаю под ментовской крышей, ну и понеслась душа в рай.

— Не за Пархатого ли тебя прессовали, за главаря нахичеванских? Армяне вертухаям на лапу кинули, те шепнули кому надо.

— Все может быть, как ты проверишь, когда в крытке лишь блатные вась-вась, — почесал бригадир затылок. — То конька через форточку подбросят, то начнут перестукиваться. Они приспособились, здесь их дом родной.

— А с волей контакта никакого?

— Был в первую неделю, пока показания выбивали, с Хозяином в том числе, учил, как себя вести, что надо говорить. Интересовался мужиком с хутора, что повадился горстями сбрасывать цацки валютчикам. Я прикинул хрен к носу, решил, что дело по части сокровищ он надумал проверить сам.

— Паршивая информация, — погрустнел Бенья.

— Почему?

— Если бы Хозяин разузнал у выше стоящих, когда нас выпустят, получался бы другой коленкор, а он забеспокоился о цацках. Это наводит на размышления, что мы ему до фени.

— Бенья, не гони туфту, наше дело даже до прокурора не дошло, оно канает как конфликт бандитских группировок. А у власти сложилось мнение, что бандиты пусть разбираются сами. Чувствуешь масть?

— В масть или не в масть я пойму тогда, когда окажусь на свободе, а пока не знаю, чем здесь дышать. После драки чуть концы не отдал.

— Скоро сам начну мехами через сраку работать. Там, правда, тоже говно, зато свое.

— Хозяин что-нибудь еще говорил? Теперь он самый близкий нам человек.

— Начальник оперчасти толковал, что мною интересуются с воли. Завтра вызовут и объяснят, что почем.

— О тебе лично я слышал, о себе пока нет.

— Я своих в беде не оставлял, на тебе ж крови нет?

— Я в парке Авиаторов оказался случайно, пострадал от шальной пули.

— Я тоже, и Козырь с нами, мы направлялись через рощу по своим делам, а там бандиты устроили разборки. Еле живыми выбрались. А тут подкатили менты.

— И весь базар, — поставил Козырь окончательную точку, за весь разговор не проронивший ни слова.

В кабинете начальника тюрьмы на Богатыновке собрались несколько человек, в том числе сам хозяин, за ним глава городского уголовного розыска и начальник уголовки с центрального рынка. В сторонке на стульях представитель городской прокуратуры мирно вел беседу с представителем областной администрации. Разговор шел о текущих тюремных делах, нужно было кого-то из подсудимых готовить к выходу на волю, кому-то за совершенные ими преступления ужесточать наказание. На столе топорщилась кипа прошений о помиловании, о пересмотре дел, о досрочном освобождении по половинке, по

двум третям срока, намотанного судьями. Все заявления, несмотря на то, что этой волокитой была обязана заниматься специальная комиссия, были просмотрены, по ним до работы этой комиссии приняты соответствующие решения. Перед начальником тюрьмы осталось лежать лишь одно дело.

— Так, господа, к какому выводу мы пришли? — хозяин кабинета, крупный бледнолицый мужчина средних лет, откинулся на спинку кресла. — Как поступим с этим, как его...Слонком и с членами его бригады? Из нахичеванских нарушителей закона за ворота моего заведения выпущены почти все, кроме армянских боевиков, прибывших в Ростов из Еревана.

— По ним расклад особый, — хмыкнул глава городской уголовки. — Они участвовали в незаконных вооруженных формированиях, в том числе за пределами России.

— Да уж, в горячих точках эти отморозки поработали на славу. В Нагорном Карабахе, в Приднестровье с Таджикистаном, в других межнациональных конфликтах, — представитель областной администрации пожал плечами. — Вот там пусть и мочат друг друга, хоть совсем.

— Правильно, но они приехали насаждать беспредел и сюда, — поддержал прокурорский работник. — И должны здесь отвечать.

— У этого Слонка из бригады половина диких гусей.

— В Армению они не суются, а если сунутся, то разбираться с ними будут местные власти.

— Выходит, дикие так называемые гуси из бригады Слонка защищали свою землю от нашествия неприятеля, — работник администрации откровенно ухмыльнулся. — Чего их тогда, спрашивается, держать в тюрьме? Пусть идут на все четыре стороны.

— А трупы на кого списывать? Людей Пархатого они положили немало, — заметил кто-то из присутствующих.

— Там людей не было, одни отмороженные беспредельщики, о привлечении которых к ответственности общество устало уже взывать.

— А кто, кстати, распорядился отпустить членов нахичеванской бригады? Армяне у нас стали людьми первого сорта, или вообще перешли в касту неприкасаемых?

— Об этом надо спрашивать не здесь и не при электрическом свете. В данном кабинете приказы вышестоящих государственных деятелей только исполняются.

— Неисповедимы дела твои... чуть не сказал — господи.

— Вообще, подобные вещи о каких-то бригадах беспредельщиков на подобных советах не рассматриваются, нам про слоновое дело ничего не известно, — вдруг поднялся со своего места представитель городской прокуратуры. — Я свою работу выполнил, так что, разрешите откланяться.

— Мне бы тоже не хотелось копаться в грязи, подумаешь, две конкурирующие группировки принялись мочить друг друга... В столице солнцевские, люберецкие, грузинские, армянские, чеченские, в Татарстане казанские, на Урале уралмашевцы... И ничего, их взяли под контроль и отслеживают не вмешиваясь. А тут еще со своими уставами воры в законе под предводительством Славы Япончика, — работник областной администрации взялся застегивать пиджак вслед за прокурорским начальником. — Это американцам с их демократией делать нечего, они и Япончика вместо нас упрятали за решетку, и какого-то узбекского сэнсэя, типа Тайванчика, сумевшего подкупить французского судью на чемпионате мира по фигурному катанию. А нам надо думать как прокормить население, да обеспечить его всем необходимым. Я, пожалуй, тоже пойду.

— Так что вы предлагаете? Взвалить грязную работу по отлову наших братков на свободных американцев? — хохотнули в спину уходящим.

— Скоро наш беспредел и там никому не будет нужен.

Тяжелая дверь в кабинет со стуком закрылась, в помещении некоторое время стояла тишина, нарушаемая лишь сопением толстого начальника тюрьмы. Наконец, представитель городской уголовки оторвал взгляд от стола:

— Как видишь, высшие чиновники решение уже приняли, — обращаясь к хозяину кабинета, покривил он губы с пышными усами над верхней. — Отморозки не те фигуры, чтобы заострять на них внимание.

— Да уж, личности не слишком известные, чтобы за процессом наблюдала вся страна, тогда бы постановление об их освобождении принять было бы труднее, — подключился к разговору начальник базарного уголовного розыска. — А этим слонкам деваться некуда самим, только и осталось, что друг друга мочить.

— Толк от этого, если мы их выпустим, хоть какой будет? — начальник тюрьмы зорко всмотрелся в собеседника. — Сидишь тут, и не знаешь, что творится на воле.

— Ну, дорогой, тебе да не знать. Не понял, почему администрация с прокурорским надзором отказались принимать участие в вопросе об освобождении отморозков? — откровенно засмеялся главный усатый сыскарь. — Центральный рынок — это кормушка для всей верхушки местной власти, там ворочаются бабки, которые не снились американцам с их развитой экономикой.

— Если взять регион, подобный нашему, тогда да, — аккуратно поправил своего шефа базарный шварценеггер.

— Я имел ввиду не всю Америку.

— Вот это размах, а тут сидишь как в клетке, собственные пальцы обсасываешь, — тюремщик притворно развел руками. — Ну что же, давайте посмотрим на ваших подопечных, пусть они расскажут о себе сами.

— Ты бы еще обижался...

Но начальник крепких тюремных блоков за высоким кирпичным забором, обнесенным колючей проволокой, уже нажал на кнопку вызова надзирателей, подчиненных ему. Те не заставили себя долго ждать.

Глава девятнадцатая.

В дверь старшего следователя по особо важным делам в областном Управлении милиции аккуратно постучали. Хозяин кабинета, краснолицый капитан с большим животом жестко отозвался, выждав паузу, соответствующую занимаемому положению. На пороге возникла фигура Пулипера, известного ростовского скупщика ценностей, напоминающая вечный вопросительный знак. Он, пройдя на середину небольшой комнаты, остановился, вежливо поздоровавшись, повертел длинным носом по сторонам. Голые управленческие стены, покрашенные темной краской, давили на психику, заставляя искать изъяны внутри самого себя. Пулипер встряхнулся, перевел взгляд ярко-голубых глаз на капитана за столом. Тот продолжал неторопливо перебирать пачку бумаг, наконец, отложил ее на край столешницы, поднял голову, начавшую лысеть:

— Присаживайтесь, гражданин Пулипер. Сейчас мы быстренько пробежимся с вами по некоторым вопросам, и я вас отпущу.

— Было бы неплохо, господин капитан, — согласился скупщик, складываясь на стуле перед столом. — Как только ваше Управление в очередной раз призывает меня к себе, так у меня сразу возникают нежелательные отрицательные эмоции. А в моем возрасте, согласитесь, было бы предпочтительнее состояние спокойствия.

— Я вам вашу профессию не подбирал, она у вас действительно беспокойная, — хозяин кабинета прищурил нагловатые глаза. — Поменяйте принцип деятельности, и отрицательные симптомы снимет как рукой.

— А на что прикажете жить, на пенсию в тридцать долларов? Увольте, уважаемый капитан, в России даже бомжи не обходятся без побочного приработка.

— Ну-у, до бомжа вам разоряться и разоряться, в вашей квартире только на вид не на чем взгляд остановить. По последнему делу картина художника Горобцова потянула на несколько тысяч долларов. Мы не спрашивали, откуда у вас такие деньги и за сколько вы на самом деле ее приобрели.

— Добавьте, пожалуйста, что государство отобрало у меня картину за бесплатно, не вернув из истраченного на нее ни копейки.

— Не надо было покупать, — развел капитан полными руками. — Кстати, вы захватили с собой тот знак, о котором мы вас просили?

— Обязательно, не дожидаться же мне внезапного ментовского шмона.

— Ну вот, господин Пулипер, вы уже и на грубость перешли.

— Прошу прощения, гражданин начальник, сказывается советское тюремное прошлое, когда за колючую проволоку загоняли ни за что.

— Я вас не загонял, а на дворе не советская власть. Покажите, что вы принесли, и давайте обсудим некоторые детали в связи приобретением данного знака.

— Пожалуйста. Только я хочу сразу предупредить, что не грабил никаких государственных музеев, не шастал по закромам любимой родины, никаких дел по поводу этой вещицы с частными коллекционерами не имел.

Еврей в возрасте неторопливо достал из внутреннего кармана черного пальто коробочку из-под ювелирных изделий, положил ее на стол перед следователем. Тот молча посмотрел на нее, потом попросил:

— Откройте.

— Пожалуйста.

Знак в лучах зимнего солнца, приглушенных решетками на окнах, тускло блеснул гранями. Капитан взял коробочку, поднес к себе поближе, почувствовал тяжесть редчайшей награды, как-то само собой пришло мнение, что этому ордену нет цены. Отсвет от лампочки под потолком упал на камни вокруг портрета императора Петра Первого, на корону с маленьким крестиком не над головой реформатора, а над овалом из драгоценной россыпи, окружающим портрет, с надписью сверху “За храбрость” по цветной эмали. Первоначальное мнение утвердилось окончательно. Старший следователь по особо важным делам, с трудом оторвавшись от раритета, уставился с недоумением на еврея с двойным гражданством, сидящего перед ним:

— Разве имеют право быть подобные государственные награды в личных коллекциях? Золото, бриллианты, самоцветы, не говоря о единственном числе этого ордена.

— Сейчас имеет право быть все, — суетливо подергал руками Пулипер, облизывая губы. — Труд великих мастеров всех стран и народов находится в частных коллекциях в Англии, в Америке, в других развитых странах, по одной причине. Коллекционер зарабатывает на этом не только большие деньги, но и сберегает мировое достояние лучше, чем в государственных хранилищах.

— Почему вы так считаете?

— Потому что, уважаемый, деньги, — покривился перекупщик снисходительно. — Капитал — это движитель прогресса, собиратель истории.

— Прошу прощения, тогда мне не совсем ясно, по какой причине в парижском Лувре хранится, к примеру, картина “Мона Лиза” Леонардо да Винчи? А в дрезденской галерее вывешена “Сикстинская мадонна” Рафаэля, в музее Ван Гога в Амстердаме его “Подсолнухи”. Не говоря о сокровищах искусства в Ватикане. В папской вотчине собраны не только творения Рафаэля, Микеланджело, Леонардо, Боттичелли, величайших художников света, но и все самое значительное, созданное гениальными умами человечества.

— Вы там были? — быстро спросил Пулипер.

— Нет, конечно, эти сведения почерпнуты из справочников, проспектов, из разговоров с такими, как вы, например.

— Если бы вы посетили те благословенные места, вы бы поняли, что ваш вопрос абсолютно не к месту. Дело здесь в другом.

— В чем, скажите?

— В том, что шедевры, перечисленные вами, не имеют цены вообще, они бесценны как звезды на небе, как наша матушка Земля. Как, наконец, сама жизнь.

— А этот петровский знак имеет определенную стоимость?

— К сожалению, да.

— Потому что к нему прикоснулись руки не Рембрандта, или Боттичелли с Сезаном, даже не Фаберже, а русских обыкновенных мастеровых. Вы так хотите заметить?

— Опять, к сожалению. Хочу напомнить, что раритет выполнен тоже не отечественными ювелирами. Если вы посещали Оружейную палату, Алмазный фонд в Кремле, то должны были увидеть, что русскими умельцами из творений из золота и серебра, выставленных на обозрение, сделаны единицы. Остальное иноземного происхождения, в том числе кареты для монархов, старинные иконы. Иконы больше сербские, македонские, монтенегровские.

— Извините, какие?

— По английски Монтенегро — Черногория в бывшей Югославии.

— То есть, в России ничего из значительного нет?

— Почему? На всемирных аукционах торгуют яйцами Фаберже, знаменитую “Троицу” Рублева причисляют тоже к сокровищам мировой культуры. В настоящий период на международных торгах стали пользоваться повышенным спросом русские художники Васнецов, Саврасов, Шишкин, Иванов с “Явлением Христа народу”.

Капитан вытащил из коробочки наградной знак, покрутив в пальцах, перевернул другой стороной, но фамилии мастера нигде проставлено не было. Подумал, что еврей в возрасте, сидящий перед ним, в чем-то прав, даже лесковская сказка про искусного оружейника Левшу, подковавшего блоху, оказалась на деле обманом, если не сказать вредной. Блоха двигала ногами, танцевала, не успел оружейник ее подковать — навечно замерла. То ли ноги отяжелели, то ли Левша одно вылечил, а другое покалечил. Следовательно стало обидно за свой народ, не берегущий и не ценящий ничего из своего, в то время, как вот такие пулиперы в полный рост пользуются невежеством. Вывозят за границу самое дорогое, где есть стоимость всему и она не заставляет себя ждать. Он подумал о том, что этот грабеж пора прекращать, иначе можно остаться с голой задницей на ледяном революционном ли, демократическом ветру. Уставился, положив знак в коробочку, тяжелым взором на перекупщика:

— Откуда у вас этот орден?

— Господин капитан, не орден, а всего лишь наградной знак, — подобрался Пулипер. — Эдакая царская цацка на мундир какому-нибудь сиятельному жополизу при дворе.

— Все равно. Где вы взяли знак с драгоценными камнями?

— Мне его предложил один из валютчиков, я слышал, что того, кто его первым купил, убили.

— А кто продал его вам?

— Скупщик монет, орденов с медалями, старинных часов по кличке Чох, он приобрел знак у убиенного и перепродал мне. Сумму называть, или не стоит?

— Обязательно.

— Она незначительная, потому что никто не знает настоящей цены данной вещи, может быть, двести рублей за грамм золота, а может, тысяч десять долларов. Я заплатил, кажется, несколько десятков тысяч российских рублей.

— А точнее?

— Точнее, гражданин следовательно, только у прокурора, если, конечно, вы решите завести дело по незначительному поводу. Но я предупредил, что не грабил, не воровал, не убивал.

Капитан, вспоминая разговор в кабинете начальника Управления, постучал авторучкой по столу, давал генерал указание принести знак ему на просмотр, или доверил самому подчиненному провести исследование? Он, кажется, предупреждал, чтобы Пулипер захватил раритет с собой, значит, не прочь и сам прикоснуться к истории. Оправив китель, он встал из-за стола:

— Гражданин Пулипер, попрошу вас выйти из кабинета и подождать меня в коридоре. Мне необходимо посоветоваться.

— Помилуйте, я имею возможность дать вам по данному вопросу любую информацию, — вскочил со стула перекупщик, ощущая, как возникший в груди холодок

начинает разгуливать по всему телу. — Лучше меня в наградах и других знаках отличия никто, поверьте, не разбирается. Тот, с кем вы желаете пообщаться, сам обращается ко мне.

— Уже догадываетесь, у кого я хочу спросить совет?

— Думаю, выше начальника Управления идти просто некуда.

— Вот и отлично, пока выйдете в коридор, я скоро вернусь.

Пулипер на глазах постарел еще лет на десять, он понял, что обычный вызов может обернуться задержанием на неопределенный срок. Начнется шмон в квартире, набитой раритетами, придирки по поводу двойного гражданства, подключится УФСБ, выкрутиться станет намного сложнее. Помогут ли статьи в газетах вкупе с влиятельными людьми из администрации области? Россия — страна азиатская, здесь не только — закон что дышло, куда согнул, туда и вышло, тут чаще имеет место: как решат, так и будет. Зря он все-таки утром, перед вызовом к старшему следователю, надумал позвонить этому Коце и забрать у него звезды с монетами и перстнями, лучше бы он сделал это после похода в Управление. Столько денег отвалил, в том числе валютчику, выкупая ценности выше потолка в расчете на новые поступления. Если произойдет самое неприятное, и из квартиры вынесут все до незначительного винтика, восстановиться вряд ли будет возможным. И это не загадывая о наваре, ожидавшемся от продажи сокровищ за границей. Впрочем, счастье еврея всегда зависело от судьбы, предначертанной богом Яхве. Пулипер, глубоко вздохнув, шаркающей походкой подался на выход.

В кабинете генерала УВД области, похожем на зал, никого не было, хотя время обеда еще не наступило. Хозяин, борясь с многолетней привычкой опрокинуть перед едой стопку-другую коньячка, мял во рту со вставными зубами пластинку обыкновенной жвачки. Он ждал телефонного звонка по поводу предварительного расследования кражи большой суммы долларов с евро, произошедшей вчера из одного из крупных пунктов обмена валюты. Оперативники почему-то молчали, зато на коммутаторе загорелся сигнал от секретарши. Генерал нажал на кнопку.

— К вам с докладом капитан Марфушин, старший следователь по особо важным делам, — сообщила приятным голосом женщина за двадцать лет.

— Пусть войдет, — разрешил хозяин, прислушиваясь к себе. Чувства спали, женщины ему сейчас не хотелось.

Капитан прошел к столу, следуя молчаливому движению генеральской руки, опустился на стул из ценной породы дерева. Вытащил картонный футлярчик под ювелирные изделия, раскрыл и положил перед начальником.

— Пулипер, — вскинул хозяин кабинета властные глаза. — Выдрал у него что-нибудь новенькое?

— Нет, товарищ генерал, он рассказал только то, про что мы уже знаем.

— Это плохо, не мешало бы провести новую проверку его гнезда. Уверен, перекупщик, за то время, когда мы у него побывали с обыском, успел набить редкими вещицами не одну трещину в стенах.

— Я тоже так думаю.

— Ты сверял орден по каталогу? — генерал вынул из коробочки нагрудный знак, повертел в разные стороны. Света в кабинете начальника оказалось больше, чем в служебном помещении его подчиненного. Раритет расцвел бутоном разноцветных искр. — Ух ты, красота какая! Жаль, что камешки мелковаты, а цветная эмаль потускнела.

— Еще не сверял, протокол об изъятии тоже не составлял. Решил сначала

посоветоваться с вами, а потом уже вгрызаться зубами в перекупщика, чтобы растряссти его по полной программе.

Хозяин выдвинул ящик стола, достал из него многократную лупу из толстого стекла, надолго приник к поверхности знака. Перевернул через молчаливую длинную паузу тяжеленький раритет на другую сторону, внимательно проверил, не замечая влаги, набежавшей из носа на верхнюю губу, надписи в середине и по краям награды. Знаков было мало, то ли на строславянском, то ли на древнем иностранном языке.

— В единственном числе, что-ли? Ни порядкового номера, ни двора-изготовителя, — пробурчал он рассеянно. — Или очередная подделка...

— На подделку по внешнему виду не походит, — заметил полноватый следователь скованно. — Золото настоящее, тоже ограненные алмазы с другими самоцветами.

— Живописная эмаль... Это мы видим, так-же рассмотрели в некоторых местах и сколы. Бриллианты — если это они, а не очередные цирконы с фианитами — пожелтели, внутри с паутиной. Похоже на то, что вещь довольно старая, — генерал оторвался от лупы, обвел помещение невидящим взглядом. — Очень похоже, если бы мы не были знакомы с еврейским людом, способным на все. Этот Пулипер может запросто подсунуть нам копию, а оригинал по своим каналам отправить за границу.

— Да, уж, такой народ.

— Тут необходим анализ, для его проведения потребуются вызов опытного ювелира со специальными приборами. Эту цацку надо арестовывать вместе с ее хозяином, а у нас нет доказательств о незаконном ее приобретении. Так?

— Пока доказательств нет.

— Канитель долгая и дорогая, если взять в расчет ответный ход необыкновенно дружной этой диаспоры, — генерал отложил лупу со знаком, подвигал волевым подбородком. — Как ювелирное изделие этот знак ценности никакой не представляет по причине нанесения временем необратимых ущербов, это практически, лом. А как историческая ценность он нуждается в специальной проверке соответствующими службами, — он встал с кресла. — Вот настали времена, раньше шевельнул бы пальцем и покатыл бы изворотливый гражданин Пулипер считать снежинки на крайнем Севере. А теперь попробуй придерись безо веских на то доказательств.

— Да уж, начитанные до умопомрачения, в первую очередь по уголовному кодексу, — старший следователь заерзал на стуле. — Я вас, говорит, по любому вопросу проинформирую, тот, к кому вы направляетесь, сам обращается ко мне за советом.

— Так и сказал?

— Слово в слово.

— А зачем ты перед ним разоткровенничался?

— Простите... он меня вынудил, — смешался капитан, привставая.

— Сиди, сиди.

Генерал прошелся по кабинету, пососал задумчиво губу. То, что его подчиненному далеко до перекупщика по части разных уловок, было ясно без покаяний первого. Смущало другое, теперь еврей Пулипер на сто процентов осведомлен, от кого будет зависеть его дальнейшая судьба. А лишние хлопоты в период неустоявшейся пока демократии были ни к чему, слишком много вопросов личного характера по обустройству семьи с родственниками, обучению детей в престижных зарубежных колледжах, находились лишь в стадии разрешения. К тому же, перед глазами маячил пример первой в стране “семьи”,

подгребавшей под себя все подряд. Хозяин кабинета остановился, вновь покосился на нагрудный знак времен Петра Первого, лежащий на столе, интуиция выходца из крестьян, развитая довольно сильно, подсказывала, что на этой награде дело не заканчивается. Он, усевшись в кресло, хлопнул по столешнице грубой ладонью:

— Поступим так, ты берешь у Пулипера подписку о невыезде до выяснения всех обстоятельств дела, мол, это связано с убийством валютчика, причастного к покупке и продаже награды. Отдаешь орден, чтобы перекупщик успокоился, и отпускаешь его на все четыре стороны. Слежку ни в коем случае не снимаешь, при малейшем подозрении на занятие незаконной деятельностью закрываешь его в ИВС. Тем более, при скупке краденого.

— Мы кражу доказать не можем, я имею ввиду, по этому знаку.

— А ты постарайся, намекни, что от такого-то музея, или частного, в конце концов, поступило заявление, требующее внимательного рассмотрения на предмет пропажи подобного нагрудного знака. Пока без предоставления его описания. Как только к заявлению приложится опись или фотография цапки, так все вопросы в ту или другую сторону отпадут.

— Я понял, товарищ генерал. Разрешите идти?

— И чтобы комар носа не подточил. Ты в пресс-службу звонил?

— Так точно.

— Что там сказали?

— Ситуацию держат под контролем.

— Иди.

Хозяин кабинета, когда закрылась за подчиненным дверь, набрал один из телефонных номеров в администрации области.

— Ты отпустил его? — спросили после короткого приветствия на том конце провода.

— Доказательств по этому делу нет никаких, но мы продолжаем следить за развитием событий. У меня есть информация, что на рынке объявился тот-же мужик с новой коллекцией императорских звезд.

— Вот как! Значит, слухи о найденном кладе начинают подтверждаться? Кстати, мне по поводу этого Пулипера был предварительный звонок от Лазаря Моисеевича. Я пообещал, если что, посодействовать, но все в твоих руках.

— Гм... не дремлет, Моисеево племя, значит, торопиться с выводами не стоит.

— Понятное дело.

Пулипер, выйдя из Управления на центральную улицу города, принялся отряхивать пальто, словно к нему прилипла собачья шерсть. Подписка о невыезде, которую пришлось дать в кабинете старшего следователя, легла камнем на грудь, но основания, приведенные капитаном, показались вескими. Странно, что среди маститых коллекционеров не муссировался до сих пор слух о пропаже из какого-то областного музея в другом городе раритета, похожего на наградной знак. А может, особист решил взять на понт? Вряд ли, он обрисовал кражу красноречиво и убедительно. Из этого следовало, что и остальные звезды с медалями тоже краденные. Запахло не только обыкновенным составлением протокола об изъятии, при котором терялась крупная сумма денег. Если это было правдой, то так не долго поплатиться свободой, самым дорогим после жизни. Одна редкость, пусть и редкость, но всего лишь одна, а много раритетов в одних руках — уже преступление. Пулипер, чертыхнувшись, прибавил шагу, его перед аудиенцией в правоохранительные органы всегда тянуло в туалет. Накрывала медвежья болезнь. С настоящим зверем подобная оказия происходила тогда, когда он сталкивался с опасностью, организм выбрасывал все ненужное,

чтобы легче было двигаться. Неизвестно, как чувствовал себя медведь, когда опасность проходила, но Пулипера чувство голода после посещения заведений такого рода заставляло присматриваться даже к кошкам, шастающим по дворам. Вот и сейчас он проглотил обильную слюну и заспешил по Буденновскому проспекту, от которого было рукой подать до его дома на Пушкинской. В квартире он первым делом навалился на холодный суп, потом отрезал солидный кусок колбасы. К этому времени закипел и чайник. Резко зазвонил телефон, заставив перекупщика вздрогнуть, но абонентом оказался Рувим Израилевич, старый друг:

— Как прошла встреча, мой добрый товарищ?

— Рувим, в газетах есть такой раздел: нарочно не придумаете. Вот так примерно прошла моя аудиенция к старшему следователю Марфушину из областного Управления милиции.

— Аркадий, ты настраиваешь меня на беспокойство. Скажи конкретно, что случилось?

— У меня взяли подписку о невыезде.

На том конце провода надолго замолчали, затем попытались изменившимся голосом кого-то позвать. Снова взволнованно задышали в трубку:

— Ты в состоянии пересказать о визите в подробностях? Я включу запись и мы поробуем после проанализировать наговоренное, чтобы принять правильное решение.

— А может, не стоит ничего делать, просто воспользоваться твоей дружбой с товарищем из администрации области? Ты понимаешь, о чем я говорю.

— Конечно, но пусть этот ход останется на всякий случай, нам же пока необходимо сделать анализ событий. На будущее.

— Хорошо, я постараюсь быть кратким...

Пулипер, опустив трубку на рычажки, прошел на кухню, допил чай, беспорядочный рой мыслей начал выстраиваться в одну цепочку. В спальне он выдвинул из старинного дубового секретера ящик с документами, вернувшись в комнату, разложил неторопливо их на столе. В заграничном паспорте было проштамповано несколько зелененьких виз с серебряными голограммами по верху, французская, итальянская, английская, особо выделялась на следующей странице открытая виза в государство Израиль. Пулипер прибавил к загранпаспорту внутренний российский, затем израильский, отложил их в сторону и занялся перебиранием остальных документов. Нужно было подготовиться покинуть в любой момент страну, которой отдал лучшие годы своей жизни. Он побывал уже в земле обетованной, репатрианты из России чувствовали себя на исторической родине ничуть не хуже, чем на родине приемной. Им были предоставлены обустроенные квартиры, коттеджи, высоко оплачиваемая работа, их дети продолжали бесплатное обучение в школах, в высших учебных заведениях, после окончания которых они получали право в течении определенного времени объездить за счет государства весь мир, чтобы иметь о нем представление. Все было замечательно, разве что в гены иудеев успела за несколько поколений внедриться чисто русская черта — ностальгия по стране, вместе с которой шагали трудными дорогами в светлое будущее. Странно, именно эти трудности прозябания, а не радости жизни, вызывали щемящее чувство то ли квасного патриотизма, то ли обыкновенной биологической хандры. Вот и сейчас Пулипер вдруг остро ощутил в себе обыкновенного изгнанника, каковым являлся со времен исхода из святой земли по вине Тита, римского императора. Он ускорил, чертыхнувшись, возню с документами, подумав, что в Россию необходимо возвращаться только за одним — делать немерянные капиталы на не тронутым акулами капитализма,

девственном, необъятном пространстве. Чем и занимаются более молодые и шустрые его соплеменники, приобретая за красивые глазки пакеты акций неповоротливых организаций, контролирующих земные недра. Он, отложив пачку нужных деловых бумаг в угол ящика стола, чтобы иметь возможность ими немедленно воспользоваться, задвинул его и поднялся со стула. Подошел к окну, завернул край портьеры, поеживался на том же месте за тем же деревом на морозе на Пушкинской тот же агент национальной безопасности. В руках, засунутых в карманы пальто, не хватало лишь бамбуковой тросточки, по всему выходило, что господа заседатели решили продолжать заседание. Это обстоятельство подлило масла в огонь, заставив усыпаться лоб мелкими бисеринками пота и ускорив принятие окончательного решения. Пулипер, пройдя снова к телефону, набрал номер человека, известного только ему, и договорился о встрече в ближайший вечер.

Глава двадцатая.

Утренний туман расплзался по заброшенным огородам, поросшим ломким будылем, очередная оттепель сырыми порывами ветра гуляла по степи. Спешить с ношей по кочкам было неудобно, ботинки подворачивались, норовили провалиться в неглубокие борозды, железные ручки по бокам сундука, к тому же, врезались краями в ладони, вызывая в заостеневших фалангах болезненные ощущения. Микки Маус, худющий как вобла, пыхтевший с другой стороны короба, заплетался тонкими ногами, Коце приходилось выдвигаться вперед, чтобы взять его на буксир. Наконец, ловцы удачи заскочили за стены казачьего куреня, отпустив сундук, привалились к выступам, пахнущим отсыревшим саманом. В этом доме не было, не в пример оставленному, множества помещений с различными пристройками, он состоял всего из двух комнат и небольшого сарайчика на задворках, распластавшегося по земле дырявой крышей. Развалины просматривались насквозь, находиться в них долго означало досрочно подписать себе смертный приговор, поэтому валютчик, отдышавшись, покосился на подельника, испускающего последние жизненные соки, подался вновь к оконным проемам. Шума автомобильных двигателей не было слышно, наверное, бандиты, доехав до окраины хутора, решили посоветоваться. Коца бросился на противоположную сторону развалюхи, метрах в пятидесяти громоздились сглаженными углами очередные останки жилья, но они тоже не внушали доверия. Зато через улицу красовался терем, почти такой, который они покинули. Коца, высунувшись наружу, покрутил головой, хутор обложила плотными тюками с ватой первобытная тишина, солнце только начало пробиваться сквозь кучевые облака, изредка полосуюя влажный воздух косыми лучами. На далеком краю чернели два небольших пятна, валютчик, прикинув, что если поползти к дому по пластушки, то можно остаться незамеченным, откачнулся назад.

— Очухался? — обратился он к перекупщику.

— А что? — тот повернул к нему потное лицо.

— Пора перебираться на новое место.

— На какое?

— Через улицу стоит еще крепкий деревянный дом, думаю, спрятаться в нем будет удобнее. В дереве и пули вязнут лучше.

— Ты это о чем?

— На всякий случай. Хватайся за ручку, пока чехи образовали свой магический круг, он в последнее время что-то перестал им помогать.

— Не понял! — Маус раскрыл пошире помутневшие глаза

— Берись, говорю, за ручку сундука, давай автомат, он тебе между ног уже все яйца отмолотил.

— А я с чем останусь?

— Держи пушку. Зря я не забрал из машины все гранаты.

— Которые засунул в одну из сумок, что-ли?

— Ты видел?

— Я их взял, и две штуки своих эф — один.

— Не понял! И ты телепался за мной с таким грузом? — теперь Коца уставился на менялу вопрошающим взглядом. — А я думал, что у тебя ноги заплетаются от переедания мацы.

— Мы же на дело поехали, — Микки Маус беззлобно передернул плечами.

— Ну, блин, одуванчик... случайно, “узи” нигде не припрятал?

— Когда ты перестанешь меня подначивать? — не выдержал перекупщик. — Я еврей, но русского происхождения.

— Я разве имею что-нибудь против? Израильские автоматика, узенькие и коротенькие, очень удобны, когда приходится спасать собственные души.

— А не желаешь маленький карманный пулеметик?

Оба ловца удачи поднапряглись, подхватив сундук за ручки, переместились поближе к одному из окон, предстояло сделать бросок через широкую деревенскую улицу, уже поросшую кустарником. Коца снова посмотрел вдоль хутора, но машины торчали на том же месте. Он, перескочив через прогнивший подоконник, подождал, пока переберется Микки Маус, и сразу упал на живот. Обледеневшие неровности земли, несмотря на оттепель, выскальзывали из-под рук и ног, придерживая на месте живую цепочку, но гладкое днище короба катилось вперед без особых усилий. Они, наконец, подобрались к высокому фундаменту пятистенка, собранного из толстых бревен, привалились к нему, смахивая пот, потекший из-под шапок ручьями. В этот момент явственно послышался ровный рокот моторов, это возвращались назад автомобили. Коца осознал, что если сейчас они поднимутся, чтобы перебросить через проем окна сундук с драгоценностями, их непременно усекут. Оба вездехода, между тем, быстро приближались. Валютчик, метнув стреляющий взгляд вдоль фундамента, ощерился на Мауса и рванул за ручку короба, они едва успели заползти за противоположный угол. Машины остановились напротив дома, в котором раскидались от взрыва гранаты трупы боевиков, наверное, бандитов привлекла входная дверь, оставленная открытой. Коца, вскочив на ноги, потянул на себя сундук, Маус подтолкнул его снизу, и он загремел вовнутрь помещения. Молодые мужчины запрыгнули следом. Коца указал зрачками подельнику по направлению к деревянной переборке, за которой должна была находиться то ли спальня, то ли горница, сам рванулся к стене, обращенной на улицу. Из дорогих джипов никто долго не показывался, Микки успел заволочь за переборку драгоценности, Коца восстановить дыхание и подготовиться к отражению атаки, если она последует. Вскоре прямоугольная боковина бронированного “Мерседеса”, блеснув на солнце, медленно распахнулась, из салона друг за другом выскочили трое поджарых парней с автоматами наготове, в длинных дорогах пальто и черных высоких шапках. Они, охватив полукругом развалины дома, направились к крыльцу, на верхний край лакированной дверцы лег стволом крупнокалиберный РПД. Коца ухмыльнулся, вспомнив разговоры про сталинские заградотряды во время отечественной войны. Тогда тоже дула в руках своих целились в спины своих же, но в данном случае чеченцы просто подстраховывали членов банды, сами оставаясь в зоне уязвимости. Стоило дать по открытым дверям автомобиля пару прицельных очередей, и вся операция по вызволению соплеменников закончилась бы немедленно. Коца мотнул головой, подумал, что звери на русской земле расслабляются, зато она запылала у них под ногами на своей. Между тем, средний из боевиков поднялся на высокое крыльцо, заглянул осторожно в длинный темный коридор, стало слышно, как оба других прохрустели наледью за углы фундамента. Хутор погрузился привычную для него в тишину, Коца, вытерев перчаткой влагу, выступившую под носом, обернулся к напарнику и негромко произнес:

— Слышишь, Маус, боюсь, что нам отсюда теперь долго не выбраться.

— Почему ты так решил? — откликнулся тот, опуская ствол пистолета.

— Они сейчас найдут убиенных собратьев, поднимется такой хай, которого ты не слышал за всю прожитую жизнь.

— Я знаком с повадками палестинцев.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Они похожи на чеченские.

— А где ты с ними сталкивался?

— По телевизору, азиаты одинаково прославляют аллаха и провожают в последний путь усопших. Чеченцы тоже мусульмане, но продолжай.

— Ты прав, европейцы в подобных случаях ведут себя скромнее. Так вот, я теперь не знаю, что они предпримут, или заберут трупы с собой и покинут на время хутор, или призовут дополнительные силы, после чего небо покажется нам с овчинку. Эти отморозки прочешут все дома подряд.

— У тебя есть варианты?

— Пока нету, нам по любому придется ждать ночи, чтобы без чудес добраться до своего “ДЭУ-эсперо”.

— Тут я согласен полностью, его сейчас сюда не пригонишь.

— Маус, я волнуюсь только за одно, что чехи могут наткнуться на наш транспорт, это наша надежда на светлое будущее... Как вертушка для разведчиков.

— А я волнуюсь и за себя, и за нашу вертушку. В ней тепло, и там остался термос с горячим кофе.

— Кто-ж предполагал, что наш Иван Сусанин заведет нас в беспросветную глушь. Но я догадался прихватить пару бутербродов...

На улице послышался шум, несколько минут он то взлетал, то опадал до обычного разговора, затем поднялась такая стрельба, словно чехи решили за один присест избавиться от всех патронов. Они забегали вокруг машин с оружием в руках, палили в небо, по развалинам, выкрикивая какие-то проклятия. Застучал крупнокалиберный ручник Дегтярева, притороченный на верхний край дверцы автомобиля, его резковатый стук, отличный от мягкого калашниковского, перемежался пистолетными выстрелами. Из дверей дома вынесли первый труп, за ним второй и третий, разместили в бронированном “Мерседесе”. Чеченцы собрались в кружок, из которого то в одном направлении, то в другом выпадали руки с указующими перстами, видно было, что найти единого мнения не удавалось. Наиболее горячие головы показывали на край хутора, откуда вернулись машины, там, скорее всего, остались чьи-то следы. Может, какая крестьянская колымага приезжала за охапкой бесплатных дров для изб с русскими лежанками. Наконец, раздался приказ, произнесенный твердым голосом, одни чеченцы попрыгали в “Мерседес”, вторые остались стоять у джипа “Мицубиши”. Бронированный автомобиль, круто развернувшись на широкой улице, словно включил реактивный форсаж и помчался на другой конец хутора, туда, откуда въезжал всего пару часов назад. Джип остался торчать посередине дороги. Коца, обмякнув, отложил автомат, протер кулаками глаза, заслезившиеся от напряжения. Затем пригнулся к полу, пробежал на карачках за переборку, за которой Микки Маус привалился к стене. Оба, ни о чем друг друга не выпрашивая, поняли каким-то заостренным чувством, что им осталось ждать только ночи, лишь она могла прояснить ответы на жизненно важные вопросы. Их успело накопиться достаточно. Валютчик извлек бутерброды.

Прошло часа три, солнце сумело перевалить за полдень, когда подельники насторожились от того, что со стороны улицы послышались шаги. Коца, подхватив АКС за

цевье, ящерницей метнулся под стену, прижался лбом, сдвинув шапку на затылок, к сопревшему подоконнику. Несколько чеченцев с автоматами наготове растянулись в цепочку вдоль хутора, двое из них, обходя невысокий кустарник, продвигались как раз мимо дома, в котором они прятались. Валютчик ощутил, как продрал его по коже ядреный мороз, если кто из бандитов надумает заглянуть в оконный проем, спокойной жизни уже не видать. Неровные строчки следов отпечатались на полах, припорошенных многолетней пылью, как на чистом листе бумаги, замаскировать их не представлялось теперь возможным. Но бандиты, видимо, побрезговали прикасаться к гнилым останкам, или побоялись в малом числе шнырять по закоулкам, решив дождаться подмоги. Один из них только покосился на просевший дом, в то время, как второй отвернулся в другую сторону. Они не обратили внимания даже на дорогу. Впрочем, при легком туманце, стелящемся по земле, вряд ли что было возможным рассмотреть на колее, почерневшей от оттепели.

Патруль прошагал дальше, Коца, отлипнув от подоконника, оперся на автомат, он подумал, что когда бандиты влезут в джип погреться, придется искать новое пристанище. Остаться здесь было не безопасно.

— Я предлагаю, как стемнеет, проскочить до третьего ряда домов, и от него перебраться в рошу, — подал голос Микки Маус, внимательно следивший за действиями подельника.

— Ты считаешь, что она соединяется с лесопосадкой? — продолжил Коца мысль.

— Не исключено, но торчать здесь больше нет никакого смысла.

— Я бы хоть сейчас подхватил сундук на плечи и рванул бы до машины пешком.

— Мы могли бы по роше двигаться и днем, до нее всего метров двести.

— До берега Дона еще ближе, — валютчик поправил шапку, наморщил лоб. — А если попробовать спуститься к обрыву и вдоль реки дойти до балки?

— На виду у всей округи?

— Там есть такие выступы, что за ними спрячется взвод.

— До выступов надо дохромать.

— По берегу немало огромных валунов.

— Все правильно, но если кто надумает стать на край обрыва, то он рассмотрит подо льдом рыбу, не то что нас в темных одеждах, согнувшихся под ношей.

— Там, к тому же, полно камней поменьше, — поморщился Коца. — Скользких, как шары на бильярдном столе.

На некоторое время наступило молчание, каждый пытался найти наиболее безопасный выход из положения. Солнце успело оторваться от горизонта и показать окрестности как на ладони, ко всему, не успокаивались чеченцы, мотаясь вдоль хутора взад-вперед. Наконец, Коца не выдержал, подцепив автомат, прошмыгнул мимо переборки с притихшим Маусом, влетел в следующую комнату, ее противоположную стену разделяла покосившаяся дверь. Он попытался отодвинуть ее в сторону, приподняв осторожно за ручку. Раздался скрежет полусгнивших петель, за спиной беспокойно шевельнулся перекупщик, но щели оказалось достаточно, чтобы худощавый Коца сумел за нее проскользнуть. Планировка дома была подобна хоромам, в которых пастух прятал скоровища, там подсобные помещения тоже стояли впритык к задней стене. Несколько ступенек вели в темную пристройку, валютчик прошел на середину сарая, попытался осмотреться вокруг. Во внутрь вливался через множество прорех блеклый свет, по одну сторону сквозь дыры виднелись саманные развалины домов, по другую та же картина, приукрашенная джипом, заторчавшим

посередине улицы с одиноким бандитом, бегаящим вокруг. Остальные, значит, продолжали обход хутора. Позади чернела дверь, прямо по курсу путь преграждали несколько стойл то ли для коров, то ли для лошадей, за которыми снова возвышалась дощатая сплошная преграда. Коца, переступив через барьер, пнул ногой одну из досок, ботинок легко пробил древесную труху. Валютчик быстро разобрал препятствие, показалось нутро загона для овец, за ним последовал курятник с насестами вдоль, и, наконец, небольшое чистое помещение для хранения корма для скота. Коца прильнул к расщелине между горбылями, от угла начинались остатки высокого забора, спускающегося к крутому берегу реки. Путь к сохранению своих жизней и сбережению казачьих драгоценностей, отобранных у чеченцев, представлялся единственно правильным. Вернувшись в дом, валютчик присел перед перекупщиком на корточки.

— Они уже прошли обратно, — негромко сообщил тот.

— Хорошо, что не догадались по пути заглянуть к нам на огонек, мы бы и пламя не пожалели, — ухмыльнулся Коца. — Теперь дождемся, пока звери снова соберутся в магический для них круг, тогда они забывают про все на свете.

— Ты что-то надыбал...

— Я открыл путь, спасительный для нас, им надо немедленно воспользоваться. Если чехи, увезшие трупы, вернуться с новыми силами, за наши головы никто не даст ломанного гроша.

— Почему ты решил, что они могут возвратиться до вечера? До города еще надо доехать.

— Потом спихнуть товарищам убитых и погнать обратно, прихватив новых членов банды. Ты это хочешь сказать?

— Других решений я не вижу.

— Тогда слушай мои доводы, — валютчик поставил автомат между ног. — Во первых, “Мерсы” идут со скоростью под двести километров в час, во вторых, особых задержек, принимая во внимание кавказский темперамент, в городе не предвидится. В третьих, вновь прибывшие сидеть сложа руки не будут, они сначала вздернут на дыбу пастуха, а потом, если останется живой, приволокут его сюда и заставят ответить, кто посмел замочить их соплеменников. Заодно показать место клада. Ты мечтаешь на это посмотреть?

— А почему они не навестили мужика дома и не вздернули его уже сейчас?

— Потому что у мусульман существует обычай хоронить правоверных в день их смерти, во вторых, мужик никуда не денется. Видимо, бандиты, прибывшие на замену, вели до последнего момента переговоры со своими, иначе поступили бы по другому.

— Как?

— Я видел, как они оглядывались на край хутора, кумекаю, что кто-то подкинул им еще следов.

— Странно, почему им не броситься сразу в погоню, у них даже на флаге изображен волк, оскаливший пасть.

— Скорее всего потому, что следы повели в станицу Раздорскую, а это испокон веков казачья вотчина. Казаки не станут смотреть на то, как их убивают, уж поверь мне на слово.

— Ты считаешь это единственной причиной?

— Пока да, не все же козлам капуста.

— Тогда в путь, и пусть нам сопутствует удача.

Маус выдернул из-за пазухи заветную бутылку коньяка, заткнутую пробкой, сделал

прямо из горла несколько крупных глотков, передал коньяк валютчику. Тот не заставил себя упрашивать, провозгласив обыкновенный на первый взгляд тост:

— Чтобы все было хорошо.

Подельники успели добраться вдоль щербатого забора почти до обрыва над рекой, когда со стороны усадьбы пастуха раздались автоматные очереди, за ними последовали несколько хлопков от взорвавшихся гранат. Молодые мужчины переглянулись. На землю опускалась предвечерняя мгла, размывавшая окрестности, лишь позади, на середине улицы оставленного хутора, продолжали краснеть стоп сигналы джипа, да впереди, в районе пастуховых выселок, подавало маяк светлое пятно. Похолодавший ветер прибавил напора.

— Не останавливаемся, только вперед. — тихо подогнал Коца тормознувшего было друга.

— Не мужикову ли семью начали мочить? — предположил тот.

— Кто ее... если бы не ветер, мы определили бы место поточнее. Ты хочешь сказать, что возвращаются летавшие в город чехи?

— А кому еще придет в голову играть в войну в голой степи.

— Мало ли отморозков... Я думаю, хозяин уголовки с нашего центрального рынка тоже был бы не прочь перед Новым годом набить кошелек редкими цацками, Слонок дал ему сто процентную наводку. Сегодня мужик повез драгоценности на базар, там его, допустим, заловили и подвезли до усадьбы в расчете расколоть. А пастух отказался указывать на клад.

— Слух прошел, что бригадира скоро выпустят.

— Вернее пса менты вряд ли себе подберут, тем более, что пес не раз проверенный.

Коца остановился возле края обрыва, посмотрел вниз, он не решался отходить далеко от забора, чтобы взгляд, брошенный бандитами по направлению к реке, не вычислил их с Маусом. Уцепившись за ветви кустарника, потрогал ногой грунт внизу, резная подошва скользнула по промерзшей глине коньком. Он, повертев головой по сторонам бросил Маусу через плечо:

— Придется добраться вон до того желоба и по нему спуститься вниз.

— Там, ты думаешь, будет легче? Что-то эта расщелина не внушает доверия.

— Посмотрим, эту узкую канавку проточили ручьи.

Подельники, упираясь в противоположные стены руками и ногами, добрались до низа и тронулись дальше, стараясь идти по кромке толстого льда, не пригинаясь и не прячась уже ни от кого. Они еще издали услышали гул от мощных автомобилей, идущих на большой скорости, спрятавшись за валуном, проводили тревожными взглядами знакомый черный “Мерседес” и джип “Тойота”. Машины пролетели в сторону оставленного хутора недалеко от края обрыва. Оба разом подумали, что укрытие они покинули вовремя. Когда дошли до балки, развалившейся обрыв на двое, основательно стемнело, но подъем по комковатому склону оказался не столь трудным, чем спуск перед этим. Ручки сундука надавили пальцы до такой степени, что они перестали разгибаться и что-то ощущать, и они остановились отдохнуть, докарабкавшись до места, над которым возвышался величественный пенек. Микки Маус поскреб граблями по отвороту пальто, пытаясь достать бутылку с остатками коньяка, Коца наблюдал за его потугами без обычной насмешливой ухмылки. Наконец, усилия были вознаграждены, подельник, приложившись к горлышку, шустро задвигал острым кадыком, когда передал посудину, в ней оставалось еще достаточно огненной жидкости. Коца, вылив в себя остатки, опустил бутылку на дно балки, затем выпростал бинокль из-под шарфа и прилег на бруствер. Первым делом он направил окуляры на усадьбу мужика, два окна с

фасада продолжали мирно гореть, наверное, это была горница. Ни лая собак, ни других суматошных звуков, луна на небе решила, наверное, поиграть в прятки, она то выглядывала из-за сплошных туч, то надолго в них пропадала. Вокруг, несмотря на плохую видимость, все казалось тоже спокойным. Наводить бинокль на лесопосадку не стоило, она проявилась черной сплошной стеной. Ничто не указывало на то, что где-то недалеко шел настоящий бой. И вдруг Коца разом опустил бинокль на грудь, пальцы на руках похолодели, в висках громко отозвался ток пульсирующей крови. Валютчик, не говоря ни слова, подхватил ручку сундука, подельник словно ждал этого момента. Они почти бегом припустили по дну балки к узкой полоске голых деревьев, не доходя до нее метров сто, опустили короб на землю и присели на него, с трудом переводя дыхание.

— Я сбегая на разведку, — смог произнести Коца лишь через несколько минут.

— Мне оставаться здесь? — повернулся к нему Микки Маус. — Может, припрчем сундук в кустах и смотаемся вместе?

— Ты должен находиться на подстраховке, если меня уделают, то придет твоя очередь мочить противника, проявившего себя, понимаешь? Это закон военных действий в тылу врага.

— Если тебя уделают, то доберутся и до меня. А на подобные расклады по одному не ходят.

— Мир состоит из двух половинок, любовь и ненависть, добро и зло, никто тоже не живет по одному. Это известный факт, но тут расклады иные. Вообще, если на то пошло, не хера было вылезать из своей норы.

Коца вытащил из-за пазухи сверток с драгоценностями, протолкнул его под крышку сундука, снова впихнул в руки Маусу автомат. Забрав у него пистолет, потребовал отдать парочку гранат, и растворился в темноте. Предстояло проскочить до дороги, ведущей когда-то через усадьбу на хутор, затем перейти на другую сторону лесополосы и пробежать до автомобиля, спрятанного на полянке. Так он и поступил. Просека оказалась чистой, Коца, стараясь ступать как можно мягче, перешел на другой край, используя как защиту густые кусты, направился к месту стоянки. Еще издали почувствовал вдруг запах взрывчатки с горелым железом, замер, присев на корточки, чутко прислушиваясь к порывам ветра. Минут пятнадцать не было слышно ни одного постороннего звука, только скрип стволов, да стук ветвей друг о друга. Но беспокойство, возникшее в груди, не проходило, оно разрасталось сильнее с каждой минутой. По далекой трассе, словно спутники по темному небу, пробежало несколько автомобильных огоньков, и снова пространство затопила темень. Коца сделал еще несколько мягких шагов, напрягая зрение, взгляделся в гущу ветвей. Путь преграждала сплошная черная доска, способная неожиданно хлестнуть по лицу колючими отростками. Он продвинулся дальше, не снимая пальца со спускового крючка пистолета, снятого с предохранителя. Луна показала желтоватый край и опять принялась заползать за тучу, впереди почудилось что-то вроде просвета, среди деревьев тускло блеснули никелированные части корпуса машины. Коца понял, что это их автомобиль, по характерному изгибу радиаторных планок, он не стал приближаться сразу, надолго примерзнув к одному месту. Во первых, настораживал вид машины, во вторых, она могла быть заминирована. И вдруг различил, что на корпусе отсутствует одна дверца, стекла не поблескивают ни спереди, ни с боков, словно их не было. Ветер переменял направление, Коца ощутил запах сгоревшей взрывчатки и дурманящий резины, качнувшись за кусты, сунул левую руку в карман, нащупывая ребристую оболочку гранаты Ф-1. От места стоянки ДЭУ по

прежнему не доносилось ни одного постороннего звука или шороха, кроме естественных, Коца, примостившись под кустами поудобнее, переложил гранату в правую руку, подобрал под себя ботинки и затих. Он пролежал в таком положении с полчаса, стылая земля взялась высасывать тепло сначала из пальцев ног, потом рук, нижнюю часть тела сковала садняще-пощипывающая боль. Валютчик, выбросив ногу вперед, оперся локтем о заснеженный бугорок и уже хотел перенести тяжесть тела на другой бок, когда вдруг показалось, что метрах в пятидесяти впереди, блеснул в гуще ветвей огонек. Он не был похож ни на отблеск какого-то предмета в лунном росчерке, ни на отражение света льдинкой, застрявшей в ветвях. Огонек мог принадлежать только людям, оживившим его. Коца привстал, неуклюже проковылял до следующего куста. Пламя вспыхнуло еще раз, кто-то близкий или прикуривал, или решил подсветить перед собой. Тихо клацнула автомобильная дверь, скрипнул под ногами снег, послышался негромкий говорок с набившим оскомину кавказским акцентом. Мужчина, вылезший из салона, осторожно пробрался до исковерканной машины ловцов удачи, повозившись несколько минут, вернулся обратно и снова забрался в кабину. Коца вцепился зубами в рукав пальто, он понял, что здесь произошло, и что за стрельбу слышали они с Маусом, когда пробирались с сундуком из заброшенного хутора. Чеченцы, скорее всего, убили водителя, а затем решили устроить засаду. Валютчик, оставив бандитов позади, тенью пролетел вдоль посадки, он проверял, не замаскировали ли конкуренты еще один автомобиль с боевиками. Убедившись, что весь участок чистый, повернул назад, затаился напротив засады, вынув из кармана шершавую гранату, переложил ее в левую руку, в правую взял пистолет и ящерицей скользнул между корнями деревьев. Он поднялся на ноги сбоку и сзади джипа “Чероки”, откуда из кабины не оставалось никакого обзора, вдохнув воздух полной грудью, пальцем рванул за кольцо. Сделал с правой стороны вездехода большой шаг, вышибая одновременно рукояткой пистолета боковое стекло, и подбросил уже в проем гранату под крышу автомобиля так, чтобы она упала между сидениями. Сам вздернул сразу обе ноги, свалился камнем под кузов. Бандиты находились, наверное, в дремотном состоянии, потому что гортанный вскрик раздался в салоне секундой позже. Глухой короткий взрыв потряс машину до основания, Коца, откатившись на некоторое расстояние, направил пистолет на выходы из кабины. В разбитые стекла выползли маленькие облачка синеватого дыма. Наконец, кто-то из бандитов попытался вылезти наружу, он упорно клацал ручкой внутри, но дверцу заклинило намертво. Больше ничего не было слышно. Коца, взяв чуть выше блестящей ручки, послал пулю в корпус кузова, и возня прекратилась, он, подождав еще некоторое время, встал на ноги, увидел в зыбком пламени от зажигалки пятерых молодых мужчин, прижатых взрывом к сидениям, с безвольно опущенными головами. По лицам растеклась кровь, она заливала шеи, капала с подбородков на черные пальто из дорогого материала, осколки посекали виски, скулы, выбили глазные яблоки. Ударной волной вышибло только боковые окна, лобовые лишь потрескались, они зияли маленькими сквозными дырками. Мысль о том, что передние стекла уцелели, ушла в песок неприятных чувств, туда же нырнуло застарелое желание о сборе оружия и осмотре карманов. Больше здесь делать было нечего. Валютчик пошел вдоль ряда деревьев к своей “ДЭУ-эсперо”, не доходя метров двадцати, рассмотрел на земле труп, еще один раскидал руки за кустарником. Их водитель оскалил зубы возле самой машины, чеченцы позабавились над ним от души. Коца мысленно пожелал, чтобы дай бог над мертвым. В салоне за оторванной дверью приборную доску они размозжили прикладами, всадив в нее не меньше автоматного рожка. В этом месте никаких дел тоже не предвиделось,

разве что подобрать адидасовские сумки, выброшенные наружу — они еще могли пригодиться, да снять плоскогубцами автомобильные номера, оградив тем самым убитого водилу от ненужных расспросов родственников А брать с собой документы никто из троицы не удосужился. Коца, сунув пистолет в карман пальто, вышел на край лесопосадки и подался к Микки Маусу. Идти по степи было легче, нежели путаться в ветвях деревьев.

Перекупщик встретил его настороженным взглядом, валютчик, обрисовав в скупых выражениях картину, предложил переложить драгоценности в сумки и подаваться не мешкая на трассу. Неровен час, могут спохватиться бандиты, заждавшиеся в хуторе, они наверняка тоже слышали взрыв гранаты и стрельбу.

— Мы заторчим на трассе как на ладони, — пощипал Микки Маус густые усы. — К тому же, ночью нас вряд ли кто захочет подбирать, если решится вообще по ней разъезжать.

— Во первых, до ночи еще далеко, во вторых, я заприметил, что лесопосадка одним концом упирается в трассу. Придется, правда, сделать немалый крюк, — не согласился Коца. — В третьих, в России голосовать обычным способом бесполезно.

— Ты это о чем? — повернулся Маус к нему.

— Надо выходить на середину дороги и тормозить по разбойничьи, с оружием в руках.

— Когда ты оставишь свои армейские замашки, на дворе третье тысячелетие, война в Чечне тоже подходит к концу.

— Да хоть четвертое, за сотню лет мир измениться не в состоянии. Тем более, наш народ прислушивается больше к силе, нежели праведному к слову.

— Не весь, и не всегда.

— Хорошо, что ты предлагаешь?

Луна вылупилась наконец-то из омота туч, омыла окрестности темно-голубым светом. Микки Маус долго оглаживал усы, переводя взгляд с сундука на сумки, не выдержал, потрогал рукой старинное деревянное изделие. Коца насмешливо хмыкнул:

— Короб стало жалко, да нас с ним загонят, как баранов на бойню, в любой угол. Это наручники, понимаешь?

— Жалко древний сундук оставлять на произвол судьбы, — прогундосил как бы с самим собой перекупщик, повернул голову к валютчику. — Ты проверял машину тех козлов, которых замочил,?

— Мне было противно к ним прикасаться, не то, что вынюхивать. Оружие, что-ли, собрать, или кучу бабок из карманов повыдергивать? Я свой луг давно выкосил.

— Я не в том смысле.

Коца насторожился, приподнялся с земли:

— Ты думаешь, она сможет завестись? У самого мелькала такая мысль, но осколки от гранаты посекали внутри все.

— Надо бы, все-таки, попробовать.

— Дело, конечно, гутаришь, — пожевал Коца губами. — Но если даже джип на ходу, мы рискуем доехать только до первого ментовского поста. А их по дороге как перстней на цыганской руке.

— Придется объезжать.

— А по мостам? Два раза Дона Ивановича перемахиваем, никаких денег, даже если за спиной ни одного греха, все равно не напасешься.

— Чеченцам же хватило.

— Сравнил хрен с пальцем, русский привык крутиться на зарплату, чеченец заниматься

разбоем.

— Нету денег, что-ли?

— Есть, но делиться с гнидами, которые могут лишь жрать, срать и плодиться — не в кайф.

— Так устроен мир, для того, чтобы чего-то добиться, нужно этой гниде в ножки поклониться.

— Пусть кланяются те, у кого ни рожи, ни кожи, ни талантов, — разозлился валютчик. — Слышь, Маус, разговор повернул не в то русло, в нашем случае рассчитывать на деньги не стоит.

— Пошли, если что, платить, стану я.

— Тфу... твою мать. Чем?

— Умом, сам сказал, что здесь нас как баранов заметут.

— Ну-ну, посмотрим, куда заведет нас твой ум.

Подельники не решились переключать сокровища из короба в сумки, света одной луны было недостаточно, а любая из драгоценностей, выпавшая на землю, могла оказаться самой редкой. Ко всему, ветер принес со стороны хутора новые выстрелы и рев двигателей. Они, подхватив сундук, заторопились к автомобилю с убитыми бандитами. Прежде, чем приблизиться к нему, Коца в который раз сходил на разведку, но за время его отсутствия ничего не изменилось. В лесополосе, облитой мертвенными лучами, трупов этой ночью было как на войне, но плакаться над ними не имело смысла. Вернувшись за Микки Маусом, он помог ему донести короб, они освободили салон от мертвецов, положили на заднее сидение водителя “ДЭУ-эсперо”, изрешеченного пулями и порезанного ножами. В этот раз парню не повезло. Валютчик, заняв место шофера, повернул ключ зажигания, торчавший в замке, двигатель отозвался ровным рокотом. Перекупщик пристроился над сундуком, протолкнутым спереди по полу. Коца включил скорость и крутнул руль, показавшийся пушинкой, джип двинулся к выезду из лесополосы, миновал, подминая под себя кусты, неглубокую бровку и выехал в степь, нетронутую плугом. Дорога сквозь трещины, исполосовавшие окна, различалась неважно, в салоне, к тому же, загулял бродяга ветер, благо, на улице вновь установилась очередная оттепель, а стекла в джипах этой модели стояли маленькие. Мысль о том, что в БТРе парни сворачивали баранку лишь хорошо покушавши, как пришла, так и ушла, и когда перед трассой потребовалось взять довольно крутую насыпь, Коца, нажал на педаль газа, не особо размышляя. Оказалось, что для джипа склон не являлся преградой, выскочив на асфальтовую ленту, валютчик почти с места набрал скорость в сто двадцать километров в час. За лесополосой, в стороне пастухова отшиба, метались по степи узкие лучи света от мощных фар, бандиты, наверное, решили все-же навестить засаду, оставленную ими. Когда закручивалась вокруг кровавая карусель, запущенная профессионалами не иначе с фронтовым опытом, то станешь беспокойным поневоле. О самом мужике догадок не возникло никаких.

Глава двадцать первая.

В дверь кабинета начальника уголовного розыска базара негромко, но настойчиво, постучали, начальник, бросив взгляд на вечно занятого заместителя, вздернул квадратный подбородок, встряхнул вислыми плечами. И только после этого разрешил стучавшему войти. На пороге объявился меняла Жан Копенгаген, заместивший на время бригадира Слонка с его помощниками, сунулся к столу Хозяина, настороженно осмотревшись, зачастил едва не в ухо:

— Есть важная новость, объявился долгожданный субъект, не интересный разве что бездомным собакам. Вы давали на него установку.

Начальник откинулся назад, посмотрел на часы, все автобусы с периферии должны были к этому времени подойти. Валютчик Копенгаген был ему неприятен, но он чувствовал лучше других то, что требуется в тот или иной момент уголовному розыску. Спросил как бы для проформы:

— Кого ты имеешь ввиду?

— Мужика из деревни, который снабдил наших менял дворянскими орденами.

— А где он сейчас?

— Мечется перед главным входом в рынок, не иначе в поисках валютчика Коцы. А того уж след простыл несколько суток назад.

— Ты разведал, куда он мог запропасться?

— Думаю, решил вместе с Микки Маусом рвануть в столицу на поиски богатого купца. По причине вызова Пулипера, общего их настоятеля, в Областное управление и капитального шмона, в связи со слухами о кладе Стеньки Разина, на рынке нумизматов в парке Горького.

— Жиденок этот тоже исчез? — приподнял хозяин кабинета покрасневшие веки, как бы не удивившись осведомленности Копенгагена в отношении главного скупщика раритетов.

— Давно спетые, я с обоих глаз не спускал.

— Будем брать мужика? — отложил молодой заместитель авторучку в сторону. — Или поведем его до конца?

— За ним надо проследить до того момента, когда он начнет предлагать свой товар валютчикам. Выяснить, что привез в этот раз, затем пригласить в момент расчета не самого мужика, а того, кто выкупил драгоценности, чтобы они не исчезали из поля нашего зрения. У пастуха проверить паспорт, узнать, откуда приехал, где прописан, где взял царские награды. И отпустить с миром.

— Я усек, — заместитель понимающе кивнул головой.

— Если эти драгоценности окажутся при нем, — Копенгаген хитро прищурил маленькие глазки. — Во первых, Коца наверняка успел его предупредить, чтобы тот сдавал их только ему, во вторых, наши крестьяне, когда дело касается выгоды, сами не дураки.

— Ты имеешь ввиду, что мужик пришел с пустыми руками? — повернулся заместитель к сексоту. — А когда продавец и купец придут к общему знаменателю, тогда предъявит и товар?

— Не исключено. Он, тем более, напуган с первого приезда, и убийством Тутушки, и выстрелом из пистолета в его сторону.

— Точно так, Коца, заимев немалую выгоду от сделки с ним, постарался запугать

крестьянина, чтобы добыча не проплыла мимо его рук, — с неохотой подтвердил начальник предположения нового бригадира. Посмотрел на Копенгагена. — Тебе дается поручение, не спускать с него глаз до тех пор, пока он не соберется в обратный путь.

— А после?

— Мужика придется задержать все равно, хоть затаренного, хоть пустого. Обязательно отыщется крупинка золота в груди словесного отвала, припасенного им для нас.

— Заметано.

Пастух, устав метаться через трамвайные пути в надежде встретиться с Коцей, решил присмотреться, наконец, к остальным валютчикам в центре базара. Его смущало лишь то обстоятельство, что первого менялу, имевшего дело с ним, убили, а во второе посещение базара выстрел раздался и за его спиной. Но живые деньги были нужны позарез, иначе дочка с внуком и зятем обещались никогда больше не приезжать на отруб, а это грозило до конца своих дней волчьим одиночеством. Тогда для чего и для кого он столько лет старался, таская из заброшенного хутора на своем горбу доски и горбыли, оконные рамы и двери вместе с лудками. До тех пор, пока земля в одном из дворов не просела случайно под резиновыми сапогами, а любопытство не заставило расковырять ямку пошире и поглубже. С того момента родное подворье стало не слишком занимать ум, теперь оно годилось разве что на летнюю дачу на берегу Дона. И то для внуков, когда подрастут, чтобы труд не пропадал даром. Но и та сказочная находка оказалась не последней, под грудой царских мундиров отыскалась старинная карта, крепко натертая воском. Когда мужик взглянул на нее, он узнал безо всяких грамот и место, на котором стоял заброшенный нынче хутор, и стремнину Дона с береговыми изгибами, и неширокий рукав на той стороне реки, отвернувший как раз напротив толстого пня. Он в тот же момент отправился на разведку. Одному богу известно, как не утонул, пробираясь по разгулявшейся весне к месту, указанному на карте. Но он отыскал схрон по приметам, любопытство даже в первый раз не заставило разрыть его немедленно. А потом весна взбесилась, все вокруг затопила полая вода, схлынувшая лишь к началу лета. Мужик ночью, уже в разгар уборочной, снова добрался на лодке до заветных зарубок и сумел взглянуть воочию на истинные сокровища. Ничего им взято не было, как заняли вековые ячейки приметы, отодвинутые во время раскопок в сторону. Пастух здраво рассудил, что всему свое время.

Мужик, озираясь по сторонам, добрался через главные ворота до центрального прохода рынка. Затаился, шмыгнув за кавказцев, торгующих картошкой, за грудой ящиков с мешками, зорко вглядываясь в цепочку валютчиков, не обходя вниманием и толпу. После последней встречи с валютчиком, банковавшим на входе, он вдруг ясно ощутил, что стал из себя представлять ценного зверька, шкурку с которого многие не прочь были содрать как по одну сторону закона, так и по другую. Вот и сейчас в поле зрения попали сразу несколько молодых парней, претендующих на роль живодеров.

— Что ты там пристроился? — оскалился на него небритый кавказец, стоявший за прилавком. — Уходи, а то башка сверну.

— Да мне из твоего ничего не надо, — попытался пастух оправдаться. — Я решил передохнуть.

— Уходи, сказал, — спекулянт замахнулся гирей. — На свалку ступай, там картошек много.

— Тю, у меня ею полгектара засажены.

— Ты не понял меня?

Пришлось вылезать снова на проход, забытый народом, откуда осмотреться вокруг не было возможности, но с первой попытки подтвердилось то, о чем предупреждал валютчик и чего опасался он сам. Получалось, что любой контакт с другим менялой грозил окончиться бедой, оставалось отыскать удобное место и ждать объявления на рынке скупщика драгоценностей, внушившего доверие. Мужик, отработав локтями, повернул к выходу, он подходил уже к воротам, когда кто-то вдруг задержал его за широкий рукав плаща. Пастух, не оборачиваясь, резко дернул плечом, но человек, захвативший брезент, отпускать не думал. Мужик, обернувшись, увидел нагло ухмыльнувшегося коренастого мужчину средних лет.

— Куда это мы так спешим? — спросил он. — А со мной поговорить не желаешь?

— Чего тебе надо? — ощерился пастух. — Пусти, я опаздываю на автобус.

— Успеешь... ты не Коцу, случайно, ищешь?

— Какого такого Коцу?

— Валютчика, который стоял на входе в базар.

— Никакого валютчика я не знаю.

— А он просил меня встретить тебя и обслужить.

— Как обслужить?..

— Взять то, что ты принес в этот раз, — мужчина по своейски ухмыльнулся. — Не волнуйся, деньги у меня водятся тоже.

— Ничего я не приносил, и сейчас ничего нету, — насупился пастух угрюмо, интуиция подсказывала, что из этого места ноги нужно уносить немедленно. — Я за колбасой приехал.

— За колбасой? В деревенских магазинах полки опустели, как в советские времена?

— У нас и магазинов не было, как жили на всем своем, так и продолжаем жить.

— Интересный факт, — мужчина недоверчиво прищурил узенькие глазки, поправив под мышкой объемную сумку, перебрал пальцами по рукаву плаща. Но провожать пастуха не спешил. — Ты откуда такой взялся? Из Тьмутаракани, до сих пор не исследованной?

— Нет, я не из Тьму... этой, но у нас тоже газ до сих пор не подведен, топимся дровами, электричество когда захотят, тогда вырубят, — зачастил мужик, рыская вокруг расширенными зрачками. — Одно радио гутарить, его не выключали никогда. А зачем тебе мои подробности?

— Я же сказал, что Коца попросил меня встретить тебя и выкупить все побрякушки, на которые вы с ним договаривались. Давай отойдем в сторонку, побеседуем в спокойной обстановке, — мужчина подтолкнул пастуха к углу между входом в продуктовый магазин и хлебной палаткой. — Заодно расскажешь, в каком районе находится твоя деревня, в которой до сих пор нет газа.

— Его нету прямо за вашим Ростовом, отъезд километров пятнадцать, хоть к неклиновцам, убедись сам. Я туда стадо уже при перестройке гонял. По обмену, — уперся мужик на месте, снова пытаясь вырвать из цепких пальцев незнакомца рукав своего плаща. — Никакого такого Коцы я не знаю, и говорить мне с тобой не о чем.

— Не велика проблема, я тебе сейчас его обрисую, и ты вспомнишь. — мужчина схватился за плечо второй рукой. — Пошли, говорю, коли приехал.

Грубый жест мужчины окончательно лишил пастуха душевного равновесия, так себя вести могли только городские милиционеры, привыкшие деревенских не считать за людей. Он, дернувшись по направлению к воротной ферме, попытался оттолкнуть от себя мужчину, жавшегося к нему все теснее. Завязалась короткая борьба, укрепившая его в сознании, что

этот человек нехороший. Пастух повертел головой вокруг, рассмотрел в толпе еще одного, похожего страждущими глазами на того, кто старался затащить его в простенок. И он завизжал от страха, от мысли, что узелок с драгоценностями, принесенный с собой, могут тоже отобрать недобрые люди. Как пропал перед этим такой-же, спрятанный в собственном подворье под застреху. В этот раз дочка с внучком и зятем точно не задержатся в родной хате, придется Новый год справлять в тоскливой компании престарелой матери и нескладной супружницы, отработавшей свое на молочно-товарных фермах.

— Отцепись, репейный, от меня, не знаю я никакого валютчика... — заголосил он в полный голос. — Я за колбасой приехал, никаких ваших коцев не ведаю...

Вокруг образовалась небольшая толпа, многие из людей посматривали с живым участием на деревенского мужика, перепуганного насмерть, пытавшегося безуспешно вырваться из цепких пальцев прилично одетого мужчины. Но не спешили вмешиваться в дебош по причине незнания вины колхозника, которому в заскорузлых ладонях не хватало лишь кнутовища. То ли он что-то утащил, то ли сплюнул, не оглянувшись. В Ростове-папе незыблемо соблюдался один непреложный закон — каждый отвечает только за себя. В этот момент высокий парень за двадцать лет разорвал живое кольцо, оттолкнув мужчину, вцепившегося в рукав, он рывком дернул пастуха на себя:

— Это мент, отрывайся от него, — сказал он негромко на ухо. — А скупщик ждет тебя во дворе знакомого тебе дома через проспект. Дергаем отсюда.

Прилично одетый мужчина растерянно прищурился маленькими глазками, но в драку не полез, сунулся сквозь толпу по проходу, завертев головой по сторонам, в поисках милицейского наряда. Народ, посчитав бесплатный концерт оконченным, тоже наострился по своим делам,

— Какой скупщик?.. — рявкнул было пастух, и осекся, без сопротивлений поволокся за парнем, вспомнив двор, в котором проводил сделку со скупщиком царских орденов. Но переспросил. — А где он сам?

— Я же сказал, во дворе дома через проспект, — повторил тот, подталкивая мужика через трамвайные линии. — Машину возле стоянки видишь? Садимся сейчас в нее и сразу к нему.

— А почему не пешком? — у пастуха снова захолонуло под сердцем. — Сколько тут итить!..

— Ты хочешь, чтобы тебя менты повязали? — перекосясь провожатый, указал пальцем на мужчину спешащего к базарному патрулю. — Они разговаривать не станут, враз уши к щиколоткам приклеят.

Вазовская “шестерка” долго петляла по ростовским улицам, неочищенным от снега, пока не приткнулась к желтому двухэтажному зданию. Мужик, доверившись судьбе, не проронил за время пути ни слова, он перестал соображать, как только они проскочили знакомый перекресток, за которым стоял многоэтажный дом с закрытым двором. То ли трое молодых парней, сидящих в кабине, решили оторваться от погони, то ли запутывали таким образом следы, во всяком случае, их надо было поблагодарить за то, что увезли от милицейской расправы. Эти живодеры сначала обыскали бы в тесной камере с ног до головы, потом вволю потешились бы, а парни ни разу к нему не прикоснулись. Настораживало лишь то, что за всю дорогу они перебросились друг с другом всего несколькими странноватыми фразами. Один из парней, открыв дверцу, вылез наружу, пальцем поманил мужика:

— Приехали, вылезай, страдалец.

— А где энтот... скупщик? — решился спросить мужик, выкидывая за подножку ноги в валенках.

— Сейчас узнаешь, он тебя уже заждался.

— Где заждался? Ты сказал, что он в том дворе, который мы проезжали.

— А теперь укрылся в квартире. Холодно стало, не понял?

Парень, хохотнув, грубо сграбастал пастуха за воротник, потащил к обшарпанному подъезду, второй из пассажиров больно подтолкнул его в спину. Третий шустро поскакал вперед, открывать тяжелую облупившуюся дверь. Мужик, наконец-то, осознал, кем на самом деле являлись его освободители, по телевизору едва не каждый день показывали, как отпетые уголовники мучали простодушных граждан и предпринимателей с бизнесменами, наживших небольшой капиталец. Они приковывали их наручниками к батареям отопления, проглаживали утюгами, резали на лоскуты кожу со спины, не давали неделями пить и есть, пока приговоренные не соглашались подписать нужные бумаги, или целиком не отказывали бандитам нажитое. Пастуха продрал от кончиков пальцев на ногах до макушки морозный озноб, он понял, что церемониться с ним не станут вообще. В последние дни не везло во всем, ни с дочкой душевного разговора не получалось, ни с домашними, казаки из станицы Раздорской тоже намекнули, что нанимать на этот сезон пастуха они решили из своих. Словно найденный клад оказался запертым на тройное проклятье, снять которое стало теперь не под силу никому. Но покорно подчиняться воле судьбы означало расстаться с сокровищами, они достанутся не детям и не близким, а отморозкам, любящим послаще пожрать, да поспать с бабами покрасивши, то есть, тем, кому пришлось всю жизнь завидовать, и кого он презирал. Мужик напрягся, уловив момент, ловко ударил парня, шагающего рядом, ногой под колено, как только тот перекосялся, крутнулся волчком назад, под расслабленные руки заднего, и бросился в проход между каменной стеной на оживленную улицу. Его поймали на выходе, когда оставалось перескочить порог за ту сторону забора. Но бросок для парней получился запоздалым, мало того, что пастух заверещал поросенком, по улице на их беду проезжал дозором милицейский патруль.

— Карау-у-ул, убивают! — заголосил скотник. — Помогите, люди добрые!..

Он расшвыривал от рта, измазанного розовой пеной, настырные ладони отморозков, взбрыкивал ногами, стараясь попасть в пах, царапался, кусался и дрался до тех пор, пока толпа людей не окружила место насилия, а милиционеры не решились на пресечение беспорядка. Подхватив пастуха под руки, они придавили его к кирпичному ограждению, не давая парням возможности наносить удары. От женщин посыпались сострадательные замечания:

— Вконец оборзели, беспредельщики, уже за деревенских взялись...

— Морды отожрали, не ведают, на кого нападают. Что с мужика-то взять?

— Не глядят, что на одежке у него дырок больше, чем у дуршлага.

Широкоплечий парень, не выдержавший оскорблений, рявкнул на толпу:

— Этот мужик такой с виду, он богаче вас, вместе взятых.

— Никто его не грабил, — добавил второй, подмигнув милиционерам, — Ему хотели дело предложить, а он заартачился.

Один из ментов, оглядев пастуха с ног до головы покосился на парней:

— Вас, ребята, и правда повело не в ту сторону, что вы такое городите? Какие у него могут быть капиталы?

— Он нас оскорбил, — спохватился запальчивый. — А потом начал ногами пихаться.

— А вы надумали мужика проучить, — ухмыльнулся старший патруля понимающе. — Решайте, разойдетесь по мирному, или открывать калитку сзади нашего автозака?

— Мы разберемся сами, — один из отморозков протянул руку пастуху.

— Они хотели затащить меня в квартиру и приковать наручниками к батарее, — снова завизжал мужик, шарахнувшись за спины милиционеров. — Заберите с собой, иначе они меня убьют.

— За что убивать-то! — приподнял сержант плечи. — Иди своей дорогой, инцидент исчерпан.

— Мы его проводим, — один из парней подцепил крестьянина за край плаща. — Мы поладим, не беспокойтесь.

— А кто вам поверит, на ваших мордах написано, что вы живодеры, — откликнулся кто-то из толпы, и посоветовал задумавшимся милиционерам. — Забирайте всех, и дело с концом, в отделении расскажут все, как есть.

— Да ты, сука, опизел, — замахнулся один из парней на человека, подавшего голос. — Тебя самого надо закопать прямо здесь.

Милиционеры напряглись, они, скорее всего, часто выезжали в командировки в горячие точки, поэтому не испытывали особого страха перед местными бандитскими группировками, как не горели желанием влезать в мелочный, по их меркам, конфликт. Но сейчас пахло проблемой посерьезнее, поэтому сержант переместился за спину отморозков, его напарник шевельнул вислыми плечами:

— Гражданин высказался по делу, — уперся он в троих парней жестким взглядом, указал пальцем по направлению к высокозادому “бобику”. — Пройдемте, парни, в отделении разберемся.

— Служивый, да ты что, мы давно помирились, — постарался второй из парней сгладить ситуацию, бросив косой взгляд на нервного своего товарища. — Айда по домам, ребята, сто лет этот шелудивый нам не снился.

— Не оставляйте меня тут, они убийцы, — продолжал канючить пастух. — Они привезли меня приковать к батарее и сдирать лентами шкуру.

— Кто ты такой и за что тебя приковывать? — не мог взять в толк широкоплечий милиционер.

— Коз-зел паршивый, вот кто, — передергивал скулами самый нервный, не в силах справиться с возбуждением. Его бесило, что какой-то задрипанный пастух сумел всех обвести вокруг пальца. — Не видишь, как он трясется за свою сраную душонку? Животное.

— А ты никогда не трясся? — милиционер тоже начал заводиться.

— Я не из мужиков, — огрызнулся парень.

— А из кого, из блатных?

— Он из отморозков, — сплюнул сержант в сторону. Поправил на ремне кобуру, словно что-то решив, коротко махнул рукой подчиненному. — Будем брать, иди открывай дверцу.

— Ребята, подождите, — обращаясь к старшему, забеспокоился тот из парней, который уговорил пастуха сесть в машину. — Давайте разберемся по хорошему.

— Вы способны на плохое? — внаглую ухмыльнулся сержант. Приказал, заметив, что дверца милицейского “бобика” распахнулась. — Вперед, в нашем салоне свободных мест достаточно.

— У нас машина стоит во дворе, не закрытая, — не унимался парень.

— Об этом думать надо было раньше.

— Правильно, так им и надо, — донеслось из расходящейся толпы.

Широкоплечий милиционер, когда за парнями захлопнулась дверь, обратился к сержанту:

— А что будем делать с мужиком? Отпустим, или как?

— Зачем отпускать, пусть прокатится с нами, нарисует на своих обидчиков заявление.

Совсем оборзели, лишь бы морду начистить.

— Может, я сам бы теперь пошел? — запаниковал еще больше пастух вместо того, чтобы успокоиться. Зыркнул зрачками в сторону зарешеченных оконцев патрульной машины. — Вы мучителей арестовали, а я вам к чему?

— Иди, иди, — милиционер подтолкнул его к кабине. — Отомстишь козлам и пойдешь своей дорогой.

— Мне бы на вокзал, скоро мой автобус.

— Во, блин, ему доброе дело сделали, а он опять за свое. Успеешь, говорю.

Парней в отделении сразу заперли в отдельную камеру, а мужика водворили в телевизор, в котором двое шустрых кавказцев не уставали искать блох на своей одежде. На вновь подселенного они не обратили никакого внимания, лишь оценили быстрыми взглядами. Не стал приставать с расспросами и пастух, пополнивший за несколько часов запас благоразумия парой неудачных контактов с горожанами. Время тянулось томительно долго, наверное, милиционеры, привезшие и принявшие мужика, забыли о его существовании. Кого-то притаскивали, кого-то отпускали, за кем-то приезжала крытая машина, к кому-то вызывали скорую. Отделение милиции походило на термитник со злыми насекомыми, готовыми каждого ужалить в любой момент. Пастух исподтишка прощупывал остроугольный узелок, пристроенный под брючный ремень, за передрягами переместившийся к лобку и, наверное, запутавшийся там в волосах, во всяком случае, угнездился он довольно прочно. Тревога после пропажи похожего набора как поселилась в душе, так и не думала отпускать, натягивая нервы рыболовными лесками. Часового с автоматом у входа сменил другой, за зарешеченными окнами ярко освещенной дежурки угасал дневной свет, скоро он превратился в чернильную массу. Милиционеры подходили к телевизору и отходили от него, на просьбы мужика равнодушно пожимая плечами. Даже в туалет не вывели ни разу, пришлось помочиться под себя. Наконец, скрипучая калитка открылась, милиционер с двумя лычками поманил пальцем пастуха за собой. Дежурный с погонами майора с той стороны барьера пролистал журнал задержаний, поднял начинающую лысеть голову:

— Фамилия, имя, отчество?

Мужик отозвался осевшим голосом, сил на то, чтобы заняться оправданием себя, уже не осталось. Он сонно прищурился на офицера, облокотившись о широкую доску.

— Расскажите, за что вас водворили в телевизор? — механически спросил дежурный.

— В какой такой телевизер? — не сообразил мужик сразу.

— За что вы задержаны?

— Не знаю, пристали парни, хотели ограбить.

— Они заметил у вас большие деньги?

— У меня никаких денег нету, откуда они, когда живем на пенсию да с собственного подворья.

— Тогда почему они к вам пристали?

— Я ничего плохого не делал, шел своей дорогой, они сунули в машину и хотели приковать наручниками к батарее. Эти... беспредельщики.

— За что?

— Говорю вам, не ведаю, приехал за колбасой, шел по базару.

— Хорошо, давайте ваши документы и выкладываете, что у вас в карманах.

— В одном кармане вошь на аркане, в другом блоха на цепи. И сотни рублей не наскребется, на билет до дому, — мужик обиженно засопел. — Деньги..., их надо спрашивать с тех, кто ими ворочает, а мы живем с натурального хозяйства.

— Его надо обыскать, — наклонился к майору один из офицеров в комнате. — Не может быть, чтобы члены бригады Хомяка напали на беззащитного крестьянина.

— Они давно перестали разбираться, где пахнет наваром, а где голый вассер, — дежурный с сомнением пожал плечами. — Думаю, мужик их просто оскорбил, например, не пропустил впереди себя или локтем неудачно толкнул. Хотя... давай прошмонаем.

Майор, подозвав младшего сержанта, приказал ему обыскать крестьянина. Милиционер отложил резиновую дубинку, присмотрелся к объекту шмона, приткнувшись в углу барьера. Мужик, кроме отвращения, не вызывал никаких эмоций, но поступил приказ, его следовало выполнять и он приблизился с брезгливой гримасой на лице. Пастух в какой раз за сегодняшний день ощутил, что пришел его конец, язык прирос к небу, сердце упало в живот. Ему опять захотелось заверещать недорезанным поросенком, потому что люди при этих звуках становились покладистее, но горло сжали стальной хваткой спазмы.

— Не бойся, тебя никто не собирается насиловать, — ухмыльнулся милиционер, сузив с презрением глаза в жесткие щелки. — Эх, какой стыдливый, а может, под лохмотьями чего прячешь?

— Нечего мне прятать, — прохрипел пастух с натугой. — Я вот он, весь перед тобой.

— Так расстегивай свои одежды, суслик, и придвигайся поближе, будем глядеть, что ты затарил в складках.

От страха живот у пастуха непроизвольно сработал, пернув громко и продолжительно, он испуганно уставился на новых мучителей. Залился в голос, бороздя морщинами щеки, заросшие рябой щетиной. Милиционеры недоуменно переглянулись, они в первый раз наблюдали такого задержанного. А мужик тем временем набирал силу:

— Что я такого сделал, что мучаете меня целый день? В наручники закуете... к батарее в камере прицепите? Я за колбасой приехал...

— Это дурак, — неуверенно произнес офицер, стоящий рядом с майором. — Его надо держать не у нас, а отправлять в Ковалевку.

— Он насквозь провонялся, — брезгливо отвернул лицо милиционер, хотевший прикоснуться к одежде пастуха. — Фу, падла... иди на хрен, скотина.

Майор бросил руки на стол, уставился в журнал задержаний, спросил с неприязнью, дождавшись, пока пастух сбавит обороты:

— Будешь писать заявление на своих обидчиков?

— Я никого не трогаю..., - запричитал мужик. — Они на меня сами напали, хотели наручниками...

— Мы это уже слышали, — жестко оборвал майор.

— Гони его в шею, — посоветовал ему офицер. — Сюда кого попало волокут...

— Иди расписывайся, вот здесь, — дежурный отчертил ногтем нужную строчку. — Ты

сколько классов закончил, мудака?

— Четыре, потом подался в пастухи.

— Там тебе и место, распишись и дергай на все четыре стороны, — подвел майор конец разговору. — Если тебя еще раз привезут в наше отделение, я вызову бригаду из Ковалевки.

— Может, он там уже побывал, — усмехнулся офицер в усы.

— Есть какие-нибудь документы? — облокотился о прилавок милиционер.

— Документов мы с собой не возим, — всхлипнул пастух, ставя закорючку в журнале. — А дома и паспорт, и другие бумаги имеются, с печатями. А как же...

Над городом, когда пастух вышел из отделения милиции, уже висел глубокий вечер, окна многоэтажных домов вокруг светились сплошным забором. Морозец к ночи покрепчал, принявшись пощипывать за уши. Мужик, спустившись со ступенек, повертел головой по сторонам, заметил недалекую остановку транспорта, направился туда. Понял, сидя уже на лавочке, что на автовокзал ехать не зачем, последний рейсовый автобус давно показал красный зад. Городских тоже становилось все меньше, им на смену пришли дорогие маршрутки. Мокрые штаны стали колом, взялись примерзать к голым железным планкам, ко всему, возле ярко освещенных палаток, набитых бутылками со спиртным и пачками сигарет, крутились кодлы из малолеток, обозленных на все вокруг. Пастух, оторвавшись с хрустом от сидения, завернул за стеклянные боковины остановки и, непрерывно оглядываясь, окунулся во тьму. Он взял направление к высотным домам со светлыми окнами, он был наслышан о бомжах, о их теплых ночлежках возле горячих труб в подвалах. А двери в России не закрывались в подъездах испокон веков.

Искать место ночлега пришлось недолго, мужик, уже укладываясь в душной коллекторной на доски под толстыми трубами, сонно подумал, что нужно обязательно заглянуть утром на рынок, а уже потом тащиться на автовокзал. Не может быть, чтобы такой шустрый валютчик, как этот Коца, не объявился на своем месте, скорее всего, он или изрядно выпил, или решил взять выходной. Пастух рукой нащупал под ремнем корявый узелок, намокший от мочи, вытер осклизлые пальцы о полу брезентового плаща. И, успокоенно вздохнув, смежил веки.

Глава двадцать вторая.

В Областном Управлении милиции творилось невообразимое. Поздним вечером прошедшего дня атаман станицы Раздорской доложил по прямому проводу дежурному офицеру, что казаки его юрта слышали сильную стрельбу из автоматического оружия на другой стороне реки Дон, в районе заброшенного хутора. Различались так же одиночные пистолетные выстрелы с несколькими взрывами гранат. Атаман, собрав отряд из верховых казаков, принял решение прочесать оставленный жителями хутор на предмет выявления в нем нарушителей окрестного спокойствия. Может какая бандитская группировка надумала в том месте соорудить свою базу. К середине ночи от того же раздорского атамана, переправившегося с отрядом по льду на противоположный берег, поступило сообщение о нескольких трупах найденных казаками в лесополосе, посаженной недалеко от трассы. Убитыми были чеченцы, все оружие осталось при них. Там же они наткнулись на остов корейской “ДЭУ-эсперо” без номерных знаков, изрешеченной пулями. Следы боя обнаружили и в центре хутора, в одном из полуразрушенных домов. В доме пастуха, живущего на отрубе, от того места недалеко, не оказалось самого хозяина, родственники сообщили, что перед этим кто-то убил их овчарку, бывшую вожаком собачьей стаи. Хозяин подворья поначалу решил, что ее загрызли волки, но зять, приехавший из Москвы, обратил позднее внимание на то, что раны не рваные, а ровные, как от ударов ножом. Хозяин, работавший в станице долгое время пастухом по найму, как убрался из усадьбы ранним утречком, так до сей поры не объявлялся. До них выстрелы со взрывами гранат доносились тоже, добавляя тревоги за пропавшего мужа и отца. Атаман сообщал, что вдоль хутора, затем до самой трассы, по степи видны следы от широких колес с шипованной резиной, их оставили, возможно, несколько джипов. Казаки решили дальше по трассе не продвигаться, а определив, что люди, наезжавшие на мощных машинах, направились в сторону Ростова, вернулись обратно в станицу. Одновременно раздорский атаман поставил в известность обо всем произошедшем атамана Всевеликого Войска Донского и уже этой ночью в район происшествия выдвинулись по приказу Верховного атамана казаки ближайших юртов.

Начальник Областного Управления милиции мерил шагами в просторном кабинете поскрипывающий паркет, почти все работники внутренней службы сидели за длинным столом и на стульях вдоль стен. Это были начальники отделов, следователи, криминалисты, сотрудники лабораторий. Хозяин кабинета с погонами генерал-лейтенанта на плечах изредка вскидывал подбородок, выступающий вперед, поворачивал голову в сторону очередного докладчика. Очередь, наконец, дошла до представителя местного УФСБ, он, обрисовав в общих картинах положение, призвал сотрудников милиции подойти к возникшему вопросу максимально собранно, накопить информации и выяснить, кто из разбойных ростовских группировок точил зуб на чеченцев.

— Чеченцы-хрененцы...как они вообще оказались там и что им в тех глухих местах было нужно? — начальник Управления шевельнул тяжелыми плечами, провел ладонью по коротким с проседью волосам и взглянул с ехидцей на подчиненных. — Может, они надумали взять у казаков в аренду часть сельскохозяйственных угодий и отстроить на них деревню для беженцев из Чечни?

— А тут конкуренты объявились, например, из курдов, или из Средней Азии, — негромким голосом дополнил кто-то генеральскую условность. Многим оперативникам

выходцы из непокорной республики успели проесть плешь. — Впрочем, американцы уже пригласили курдов на постоянное место жительства.

— Еще бы они призвали чеченцев, испробовали бы их на зуб.

— Вряд ли это так, чеченцы никогда не помогают чеченцам, требуя благ от самих русских со времен присоединения к России, — отклонил уфээсбэшник подначки, неуместные по его мнению. — Мы направили на место происшествия своих людей для опознания личностей убитых и к каким из известных группировок они принадлежали. Не являлись ли разыскиваемые, по Интерполу в том числе, членами незаконных вооруженных бандформирований на территории самой Чечни.

— Странно и другое, почему убитых чеченцев не подобрали свои, тем более, как нам доложили, автомобильные следы ведут от лесопосадки прямо к ростовской трассе, — подключился к разговору один из начальников отделов в чине подполковника. — Это на них не похоже.

— Может быть, их замочили эти самые свои, — подал кто-то еще голос из-за стола. — Или все произошло настолько быстро, что на подбирание улики времени просто не осталось.

— Или сами казаки не поняли предложения чеченцев о строительстве на их землях деревни для беженцев, — угнув голову, пробурчал чубатый капитан.

— Замочили, а потом кому надо отрапортовали.

— Ты хотел сказать, что те займут на кладбище меньше места?

— Кругом идет передел собственности, человеческая жизнь не ставится ни в грош.

— Человеческая жизнь — любая — бесценна, — решил начальник Управления оборвать рассуждения подчиненных не в ту сторону. Он занял место во главе стола, пошелестел бумагами. — В докладной еще один штришок, на месте убийства группы чеченцев обнаружена машина “ДЭУ-эсперо”. Почему никто из казаков не догадался посветить фонариком на номера? Чей кореец, из какой области или республики!

— Товарищ генерал, номера с машины были сняты, — ответил дежурный офицер, принимавший рапорт казака. — Мною на полях сделана пометка.

— Увидел, спасибо, — пробурчал генерал. — От гаишников ничего не поступало? От тех, кто отстоял ночную вахту.

— Я уже справлялся, — встрепенулся снова дежурный офицер. — После полуночи в районе моста под Шахтами случился небольшой инцидент с чеченцами, превысившими скорость на джипе “Чероки”. Дело едва не закончилось стрельбой.

— Что им было надо, и чем они откупились от патрульных? — резко спросил генерал у дежурного, не поворачиваясь к начальнику ГАИ, в голосе появились стальные ноты. — Только без скромностей.

— Ничем, товарищ генерал, они заплатили положенный штраф, который отмечен в документах.

— И патрульные отпустили их с миром... Тебе не передавали, откуда они двигались и сколько их было в салоне?

— В общих чертах, товарищ генерал, — замялся офицер. — Чеченцы по одному не катаются.

— И здесь все ясно, чем умнее человек, тем дальше отодвигается он от общества, — хозяин кабинета огладил лицо руками, многозначительно осмотрел присутствующих, не предлагая продолжить свою мысль. Затем засунул паркер, полюбившийся ему, между пальцами. — Больше с трассы никаких сообщений? Я давал указание группе, посланной с

утра, просматривать по возможности обочину дороги с близлежащими окрестностями.

— Пока не отзывались, но оперативник, заступивший вместо меня на пост, на постоянной связи с Управлением.

— Будем считать, что мы по этому вопросу отработали, осталось ждать результатов проверки. Что у нас дальше? — генерал перелистал докладную записку. — К Асланбеку, этому главарю чеченских отморозов, кого-нибудь направили? Его давно пора брать за жопу.

— Так точно, товарищ генерал. В его резиденцию в клубе игорного бизнеса откомандирован майор Потапов с группой из криминального отдела. Пока тоже никаких донесений.

— Кто из кавказских криминальных авторитетов прибыл в Ростов за последние несколько суток? Из боевиков, переодевшихся в овечью шкуру, тоже, — хозяин кабинета повернулся к представителю разведки. — Нам УФСБ в этом деле ничем не сможет помочь?

— С удовольствием, — зашевелился разведчик на стуле. — Во первых, на замену Пархатого, несостоявшегося вора в законе, расстрелянного бригадиром с центрального рынка, подкинули из Армении еще одного беспредельщика. Тоже без пяти минут вора.

— Армяне метят в смотрящие по Ростову, — прищурившись, вставил начальник замечание в информацию. — Это я поясню своим.

— Вряд ли такое возможно, хотя, как знать, — пожал разведчик плечами. — У казаков долгое время был лидером представитель армянской национальности, не щадивший ни своих, ни чужих. Пока за решетку не упекли.

— У казаков никогда не брались в расчет ни национальность, ни происхождение, тем более, тот ублюдок был армянином на половину.

— У воров такая же тенденция к космополитизму. Еще к нам пожаловал с визитом вежливости грузинский авторитет Автандил Колхидский, небезызвестный в воровской среде — продолжил уфээсбэшник. — Он ведет сейчас переговоры на даче у Вадика Червонного, смотрящего по Ростову. У обоих накопилось достаточно вопросов друг к другу.

— Эти договорятся, Квантришвили в Москве пустили в расход, а изменений в лучшую сторону в отношении столичного криминала не предвидится, — генерал отложил паркер в сторону, понимая, что уфээсбэшник до конца не раскроется. — Не сдернул бы Слава Япончик в Америку, да не загремел бы там в тюрьму, среди законников порядка было бы больше.

— Тогда его достали бы здесь, или свои, или чужие. Или, в конце концов, уголовный кодекс.

— Итак, каким боком названные уголовники могут соприкасаться с чеченскими группировками?

— У всех у них один интерес — денежный, чеченские залетные боевики, если выбирают Россию для отдыха, то стараются вести себя неприметно. Не Турция с Саудовской Аравией.

— Вообще, не весь исламский мир дружный, — развел руками один из начальников отделов. — Я до сих пор с опаской посматриваю на Татарстан с Башкирией, на другие восточные республики, бывшие союзными. Непостижимо, но там ваххабизм с агрессивным исламом гасятся на корню самими руководителями с чуткой общественностью.

— Что тут непонятного? Народ в этих республиках успел за время Советской власти поумнеть, европеизироваться — пожал плечами подполковник, его сосед. — Хороший

пример тоже бывает заразительным.

— Вот именно, — усмехнулся начальник Управления. — К сожалению, не для всех.

В этот момент на одном из телефонных аппаратов зажглась сигнальная лампочка, генерал снял трубку и сразу сдвинул черные кустистые брови. По грубоватому лицу пробежали размытые тени, в глазах появилась твердость. Он, повторив несколько раз “... так... так...”, сделал знак рукой, что хочет сообщить присутствующим важные подробности. Затем вернул трубку на место, оставил на страницах доклада несколько отметин.

— За Шахтами, в нескольких километрах по направлению к Ростову, обнаружен джип “Тойота” с тремя убитыми чеченцами. Внедорожник несколько раз перевернулся и упал в кювет с зарослями кустарника на дне, поэтому его, учитывая предрассветную пору, сразу никто из проезжавших не заметил, — генерал кинул скользкий взгляд на листы бумаги перед собой. — Командир группы кроме того сообщил, что бандитов было в салоне явно больше, видимо, оставшиеся в живых вызвали по мобильникам подмогу и уже на других машинах продолжили движение в сторону областного города. Следы свидетельствуют именно об этом. — Начальник Управления пожевал сухими губами. — Думаю, это те чеченцы, с которыми у гаишников получился ночью конфликт, не исключая возможности, что банда преследовала другой автомобиль.

— То есть, вполне допустимо, что на хвосте у убийц их соплеменников у станицы Раздорской висели другие чеченцы? — привстал уфээсбэшник со своего места. Поймав кивок хозяина кабинета головой, закрыл папку с документами. — Я в свое Управление, похоже, закручивается что-то серьезное.

Генерал, проводив его взглядом до выхода, продолжил:

— Приказываю ввести в городе и области план “Перехват”, обзвонить все посты вдоль трассы от Ростова до границы с Калмыкией. Осматривать все иномарки с большим объемом цилиндров двигателей. Все свободны, кроме фотографа, криминалистов и начальника лаборатории.

Когда дверь за последним сотрудником закрылась, генерал проверил новые отметки на докладе, покосился на телефонные аппараты:

— Сейчасждемся еще одного сообщения и начнем собираться на выезд, — он вскинул подбородок. — Группа экспертов должна быть укомплектована, ее возглавит капитан Марфушин. Нигде задерживаться не будем, оставим на месте преступления дознавателей и продолжим путь дальше. Думаю, начало преступной цепочки находится на том самом заброшенном хуторе, о котором упомянул раздорский казачий атаман. Нутром чую, что в этом хуторе произошло что-то из ряда вон выходящее.

— Простите, товарищ генерал, в докладной указывается, что пропал какой-то пастух, который жил на отшибе именно в том районе, — подал голос капитан Марфушин. — Не тот ли это мужик, продавший на центральном рынке валютчикам нагрудный знак с портретом императора Петра? Мне помнится, что во время посещения Пулипером нашего Управления, тот ссылался на какого-то крестьянина, о котором велась речь и на закрытом совещании.

Хозяин кабинета, обдав подчиненного тяжелым взглядом, промолчал, то, на что попытался обратить старший следователь его внимание, начало формироваться сразу по прочтении записки, составленной дежурным. Он посмотрел на шелковые занавески, собранные в виде театральных оборок. За окном входил в силу новый день.

Несколько милицейских автомашин во главе с новехоньким “БМВ” просвистели мимо гаишного поста на выезде из Ростова-на-Дону и, соревнуясь в скорости с самолетами,

идущими на близком аэродроме на посадку, взяли направление на Новочеркасск. Через полчаса уплыла в сторону и казачья столица с черными куполами Успенского собора, дорога на город Шахты, прямая как стрела, жестко легла под широкие колеса. Сидения водителей не зря занимали асы своего дела.

На месте аварии были выставлены дорожные знаки, джип “Тойота”, застрявший кузовом в кустах, полукольцом оцепили милиционеры патрульной службы. “БМВ” мягко подкатила к обочине, остановилась, скрипнув тормозами, из салона вылез генерал-лейтенант внутренней службы, окружающие взяли под козырек. Начальник Управления, опершись о ладонь, протянутую кем-то из офицеров сопровождения, скользнул по склону хромовыми сапогами, сбежал вниз. Обойдя вокруг джип с видневшимися из окон конечностями убитых чеченцев, он остановился поодаль, молча выслушал доклад начальника оперативной группы. Сделав знак рукой своим сотрудникам, чтобы они приступали к работе, снова посмотрел на докладывающего.

— Никого нет из знакомых по оперативным сводкам? — спросил он.

— Есть, товарищ генерал, мы послали запросы, в том числе, в УФСБ.

— Вы проверяли людей и машину на предмет присутствия документов, другого компрометирующего материала?

— Документов ни у кого не оказалось, но компромата на убитых бандитов предостаточно, начиная с оружия, заканчивая записными книжками с телефонами криминальных личностей, известных в области, с абонентами в Чечне. Все вещдоки переданы дознавателям, с книжками предстоит напряженная работа.

— Бандиты пользовались оружием?

— Стреляли до последнего момента.

Генерал переступил с ноги на ногу, заложил руки за спину:

— Что еще можешь сказать? И какое твое обо всем этом мнение?

— Мнение только одно, чеченцы пытались кого-то нагнать, уходящего от них на большой скорости, — офицер снял перчатку, провел пальцем по пышным усам. — Мы осмотрели приличный участок дороги, машины продолжали идти след в след и за Шахтами, затем убежавшие свернули на обочину. Предполагаю, что они погасили габартные огни, и, дождавшись преследователей, расстреляли их в упор из автомата Калашникова. Потом спокойно поехали дальше.

— Сколько было машин, и как ты думаешь, кто бы это мог быть?

— Автомобиль тоже один — джип “Чероки”, лишь он из машин такого класса проехал ближе к утру по Аксайскому мосту, инспекторам ДПС задерживать его было не за что. В остальном — теряюсь в догадках.

— Хорошо, продолжайте осмотр.

Начальник Управления снова полез на насыпь. “БМВ” неслышно оторвалась от обочины, потянув за собой, как на веревочке, еще несколько милицейских автомобилей.

Когда небольшая колонна подкатила к лесополосе, наступило обеденное время. Начальник Управления не стал изменять привычкам, приказав шоферу приткнуть машину к кустам, отвинтил с плоской фляжки пробку, сделал несколько крупных глотков. Хороший коньяк взялся за хорошее дело, красное лицо генерала покраснелось еще больше. Шустрый адъютант развернул на откидном столике дорожный тормозок, налил в стаканчик крепкого горячего кофе Оперативники, успевшие продрогнуть на месте преступления, терпеливо дожидались появления высокого начальства. Генерал возник, как всегда, бодрый,

подтянутый, показывая цветущим видом готовность к несению нелегкой службы. Но на самом деле его не здорово тревожили трупы чеченских беспредельщиков, он на убитых насмотрелся за долгую карьеру вдоволь. Ему не терпелось поскорее очутиться на крестьянском отрубе с обширным подворьем, видневшемся сквозь ветви голых деревьев и разведать обстановку самому, а не посылать туда своих помощников. Он чувствовал натертым нюхом профессионального сыщика, что все началось из-за хозяина дубового пятистенка, рубленного на века с видом на вольный Дон, что кровавая карусель завертелась из-за этого корявого мужика-деревенщины, о котором доложил ему исполнительный сексот, приставленный к центральному рынку. Неужели и правда слухи о кладе Стеньки Разина подтверждаются? Поторчав над трупами чеченцев, покачавшись с пяток на носки возле расстрелянной “ДЭУ-эсперо”, он приказал перегнуть машину на другую сторону лесопосадки и заняв кресло рядом с водителем, молча кивнул по направлению к подворью, огороженному горбылем. Новенькая “немка” мягко заторопилась по степной колее, неезженной со дня сотворения мира.

Первым на высокое крыльцо взбежал исполнительный адъютант, он же постарался успокоить запаниковавших родственников пастуха, оказалось, что тот не объявлялся дома уже вторые сутки. Видно было, что часть родных собралась в дальнюю дорогу, в прихожей на лавках высились тугие чемоданы и объемистые сумки. Около наряженной елки приплясывал под присмотром нервной на вид молодайки голопузый карапуз, за столом сидели пожилая женщина в платке и ладный мужчина с крепкими рабочими руками. С печки взирала на вошедших древняя старуха. Генерал, сняв папаху, прошагал скрипучими сапогами к столу, опустил на неуклюжий табурет. К нему потянулся ребенок.

— Отойди, говорю, — резко прикрикнула на него, видимо, дочь пастуха. — Не видишь, дядя приехал нас арестовывать.

— За что вас арестовывать! — заворчал генерал нарочито простодушно. Слова женщины не пролетели мимо ушей незамеченными. — Признавайтесь, что вы успели натворить?

— Ничего мы не сделали, — отозвалась молодая женщина с вызовом, подхватив сына на руки. — Только милиция по гостям за просто так не шастает.

— Мы пришли не в гости, а по делу, — ухмыльнулся высший милицейский чин области.

— Вот именно, дело заводить.

— Перестань, — резко обрвал молодайку мужчина за столом. — У каждого своя работа, которую он исполняет.

— Исполнителями бывают подчиненные, а тут сам генерал пожаловал.

— Ну и что? Произошло серьезное событие, трупы, и все такое...

— А почему вас беспокоило, что приехал сам генерал? — начальник Управления внимательно присмотрелся к спорщице. — Разве главам ведомств отменили обязанность проверять работу своих подчиненных? Или причина вашего раздражения кроется в другом?

— Такого раньше не было, — угнула та.

— Раньше многого не было, тем более, трупов.

— Да не слушайте вы ее, она сама не знает, что говорит, — замахала руками пожилая женщина. — Отец второй день дома не объявлялся, вот нервы-то и не выдерживают.

— Это ваши вещи в прихожей? — одобрительно взглянув на мать, снова обратился генерал к молодайке.

— Наши, а чьи-ж, — отозвалась она неприязненно.

— Родной отец неизвестно куда пропал, на носу Новый год, а вы собрались уезжать, —

взялся опытный сыскарь раскручивать простую на первый взгляд ситуацию. — Нехорошо получается.

— А что нам здесь делать, в этой глуши? Ни в люди выйти, ни помощи существенной, одни разговоры про коров, да про хозяйство, — вскипела женщина, перекинув ребенка на другую руку. — Овцам, свиньям корма задай, курам с утками тоже, лошадь застоялась. А тут собак целое подворье, их тоже надо накормить.

— А как ты хотела, милая, вон, целые сумки наложила, — всплеснула мать руками. — Откуда оно прибудет, если ухаживать не станем?

— Деньги надо делать, а не свиней откармливать, — взвилась дочь. — За них в магазинах можно что хочешь купить.

— На чем делать? — прищурился генерал.

— На том... знаем, на чем.

— Дочка, быстро же ты стала родной дом забывать, — произнесла мать с укором.

— Поскорее бы его вообще из головы выкинуть, одни попреки, что деревенская. Отец... подкинул копейку, и был таков.

— Но все-таки подкинул? — насторожился генерал.

— Еще не поняли, зачем он приехал? Говорила вам, что генералы за так по деревенским домам не расхаживают, — указала молодайка на него. — Не зря батяня уединялся, да по ночам бабками после поездок в Ростов шуршал. Он решил милицию обогатить, вместо того, чтобы поделиться с нами.

— Чем обогатить? — прищурился начальник Управления. — Мы еще ничего от него не получили.

— И не получите, родной дочери по крохам отслюнявливал, остальное норовил спрятать по углам с застрехами.

— А вы нашли?

— Если бы нашли, нас бы тут уже не было.

— А все-таки, о чем, собственно, разговор? — генерал снял перчатки, положил их на колени. — Может, поделитесь и с нами?

— Пускай, вон, мать делится, — махнула молодайка кистью в сторону пожилой женщины. — Если по умному не сумели распорядиться.

Женщина посмотрела с изумлением в сторону дочери, видимо осознав, что теперь непрошенных гостей не удастся спровадить несолоно хлебавши, опустила голову. Затем поднялась с табуретки, прошла к лежанке:

— Мать, подай-ка мне энтó кольцо, что я отдала тебе спрятать, — попросила она старуху.

— Какое? С беленькой зерниночкой? — скрипуче отозвалась та.

— А у нас, что, еще какие есть?

— А как же, помню, мы вам с отцом по колечку на свадьбу отвалили. Тебе сережки вдобавок...

— Те пусть лежат, — оборвала женщина старуху. — Энтó дай, завязанное в платочек.

Бабка долго шарилась в углу лежанки, пока с кряхтением не протянула белый носовой платок, завязанный узелком. В горнице стояла напряженная тишина, генерал разглаживал на коленях перчатки, двое подчиненных продолжали вместе с адъютантом торчать в разных местах просторной комнаты, мужчина за столом с интересом развернулся к печке. Только молодайка, прижав пацаненка к груди, зыркала ненасытным взглядом на мать и на платок в

ее руках. Женщина, вернувшись на место, развязала узел, на разноцветную клеенку выкатился замысловатый женский перстень с белым камешком в обрамлении золотых лепестков. Лампочка под абажуром, засиженная мухами, источала тусклый свет, но и его оказалось достаточно, чтобы камешек вдруг сыпанул длинными искорками, приковав к себе взгляды окружающих. Молодайка быстро спустила ребенка с рук:

— Во-от оно что, а мне так ничего и не сказала, — она покосилась на большого начальника. — Все по углам прятали, да деньги мусолили — сколько дать нам, а сколько оставить себе. Отвалите теперь задарма вон тому, с большими звездами, уж он распорядится, будьте спокойны.

— Дочка, что прятать-то, это колечко одно и было, — посмотрела на генерала и пожилая женщина. — Я денег сроду не видела, что накопили, все до копейки вам выложили.

— Мне тоже колечко ни к чему, — пробурчал большой гость как бы равнодушно, испытующе взглянув на хозяйку. То, о чем он делал лишь предположения, подтверждалось, — Разве что посмотреть и задать пару вопросов по поводу его объявления у вас. Перстенок на вид старинный.

— Почему ты ничего не сказала? — не могла успокоиться дочка, не отрывая глаз от кольца, ее начала накрывать истерика. — Что вы за люди, горбатились всю жизнь, а толку никакого!

— Не наговаривай напраслину, мы работали на одну тебя. А перстенок я спрятала на черный день, ото всех, — мать безнадежно махнула рукой. — Все равно вам бы перед вашим отъездом и отдала.

— Можно посмотреть? — попросил генерал.

Адъютант подошел к столу, взял перстень и передал начальнику, тот поднес его к лицу, пристально всмотрелся в переплетения золотых нитей. Увидел под окружившими камешек листочками две отлитые старинной вязью буквы Е и В, профессионально отметил, что бриллиант чистой воды, тянет на вид не меньше, чем на полкарата. Внутри ободка стояло сбоку клеймо мастера с Георгием Победоносцем на вздыбленном коне и с копьём в руках. Колечко, скорее всего, отливалось в частной ювелирной мастерской, на царских изделиях обычно отпечатывалась лишь одна женская головка с пятьдесят шестой пробой рядом. Работа была изумительно невесомой, листочки на длинных стебельках перевивались не только друг с другом, они еще создавали неповторимые узоры, переходящие лишь к середине перстенька в овальный узенький ободок. На каждом, почти прозрачном, просматривались тончайшие прожилки, словно их только что сорвали. Все они обрамляли цветок, сердцевиной которого был идеально ограненный бриллиант. Генерал, пожевав сухими губами, затемнил для порядка колечко пальцами, согнутыми кружком, приник глазом к щели. Внутри трубочки исходил светом настоящий бриллиант, сомнений в его подлинности быть не могло.

— Откуда оно у вас? — раскрывая ладони, поднял он голову. — Только не говорите, что оно досталось по наследству, такими изделиями могли похвастаться лишь дворяне.

— Нашла, — просто ответила пожилая женщина, измотанная работой с утра до вечера. — Помню, вышла вот так за порог, а посередке подворья колечко так и засияло, словно нам кто нарочно его подкинул.

— Это давно произошло?

— Да уж... холода еще не наступали.

— Теперь понятно, почему ты посоветовала мне за отцом приглядывать, — подхватывая

на руки закапризничавшего мальчика, сдула молодайка прядь волос, упавшую на нос. Несмотря на редкую, в подобных случаях, откровенность, она все-таки сумела своей ограниченностью вызвать у генерала раздражение. — И я, дура, бегала следом за ним, все надеялась, что он проколется, и я отыщу его заначку.

— Дочка, что ты несешь? — пристукнула мать кулаком по столу. — Когда я говорила тебе такое?

— Ты, действительно, говори да не заговаривайся, всех успела продать, — не выдержал и мужчина за столом. — Может, и про меня чего-нибудь ляпнешь? До кучи.

— Как ты надо мной издеваешься, обзываешь дояркой со скотницей? — молодайка была не в силах остановиться, ее бесило, что сокровища отца, о которых намекнула мать, проплывают мимо ее рук. Больше никогда не представится случай доказать, что она не хуже столичного этого горлопана, за которого вышла замуж. — Об этом знают все соседи, я матери с отцом тоже успела про наши скандалы рассказать.

— Какой-то дуршлаг! Зачем ты вынесла сор из избы? — муж с недоумением приподнял плечи. — Ты не ведаешь, что поднимется ветер и этим сором тебе первой хлестнет в лицо?

— Знать не хочу, — взвизгнула жена. — Мне так жить легче, понял?

Генерал предостерегающе поднял перчатку:

— Все, успокоились, — властно сказал он, и обратился к хозяйке дома, — Скажите, вы находили что-нибудь еще? Может, как говорит ваша дочь, муж на что-то намекал?

— У нас с ним разговоров про это не было, — хозяйка высморкалась в передник. — Он или у станичников с утра до ночи по найму, или на собственном подворье, я так-же самое. Про кольцо промолчала, подумала, обронил кто из местных казаков. Это когда с дочкой поделилась, она завелась, отец, мол, прячет сокровища, откуда у него, мол, деньги. А деньги-то ей мы сами откладывали, и все три пенсии, и получки.

— Добавь еще те деньги, какие отец привозил из Ростова, — не утерпела дочь с подколкой.

— Он туда ездил торговать мясом, дура. Вот наградил господь, — возмутилась пожилая женщина. — Никогда, видно, не поумнеешь.

Генерал понял все, он постарался, приподнимаясь со стула, спрятать кривую усмешку. Больше здесь делать было нечего.

— Держите ваше колечко. Но сначала пусть его мои сотрудники опишут, на всякий случай, — протянул он женщине перстень. — Не спешите его продавать или отдавать, найдется глава семьи, будем разбираться.

— Мы думали, что вы нам подскажите, где он находится, — вылезла из-за стола и женщина. — Вся душа изболелась, почитай, сорок лет вместе.

— Этого мы пока не в состоянии сказать, расследование только начинается.

— Заберите колечко-то, — женщина попыталась всучить перстень обратно. — Зачем оно нам, если от него столько мороки.

— Нет уж, давайте кольцо сюда, — молодайка рванулась было с места. — Это наше добро, потому что найдено на нашем подворье.

— Я предупредил, перстень никуда не должен деться, — жестко осадил ее начальник Управления.

— Окстись! Отца бы пожалела, все для одной тебя делал, — одернула и мать. — Выросла... ни дать, ни взять, чужая.

Генерал, выйдя на высокое крыльцо, встряхнул плечами, окинул взглядом окрестности с

крутым берегом Дона, которые даже сейчас, в пасмурную погоду, поражали широтой и привольем, нетронутыми цивилизацией. Поздней весной отсюда, наверное, открывался особенно красивый вид, когда природа вокруг раскрашивалась разноцветными мазками, когда могучая река входила в свои берега. Сбежав со ступенек, генерал обернулся к одному из помощников:

— На хозяина подворья немедленно собрать все данные, кто он, откуда, чем занимался сам и члены его семьи, с кем из преступных элементов мог иметь контакты. Судимости, задержания, по какому из поводов нарушения законов. Разослать фотографии со сведениями о нем во все отделения милиции области.

— Есть, товарищ генерал, — подтянулся офицер.

— Само колечко надо бы изъять, но как бы не спугнуть хозяина. Опись перстня передать в соответствующие структуры для определения его настоящей ценности. Результаты лично мне.

— Есть.

Начальник Управления, захлопнув дверцу “БМВ”, вытащил из папки утреннюю докладную записку, вчитался со вниманием в текст. Затем обернулся к офицеру сопровождения:

— В каком направлении находится заброшенный хутор, о котором говорится в докладной дежурного? Вообще, он далеко отсюда?

— Никак нет, товарищ генерал, он виден из окон нашей машины, — подался офицер вперед. — Вон та черная полоса вдоль берега реки, сразу за отворотом.

— Это километра два, что ли?

— И того меньше.

— Поехали. Нам надо осмотреть дом, в котором произошла перестрелка между неизвестными бандами.

— Товарищ генерал, не успеем до вечера. На носу, к тому же, Новый год.

— А какое сегодня число? С утра в календарь не заглядывал.

— Тридцатое. Встретить бы по людски.

— Такая наша служба. Помнишь, как пели в старом фильме, мол, если кто-то кое-где у нас порой, еще Никита Михалков над этой строчкой подличал.

— Хороший был фильм, его пытались продолжить.

— Реанимировать, хочешь сказать? Если бы актеры не разбежались, можно бы и попробовать. Один, говорят, в Израиле осел.

— Вернулся.

— Да что ты! Этот... кучерявый.

— Он самый.

— Потянулись... актеры, дельцы разных мастей... Миша Козаков, Настя Вертинская, она в Париже жила. Хорошие артисты. А вот березовских с гусинскими, с хозяевами ЮКОСа, тех бы поменьше. Как ты думаешь?

— Одинаково, товарищ генерал.

— Тогда поехали, — начальник Управления кивнул водителю. — Давай, дорогой, нам бы еще на банкет успеть не помешало.

— Ус-пе-ем.

Водитель включил скорость, легко покрутил удобную рулевую колонку. Генерал, откинувшись назад, посмотрел мельком на окна крепкого пятистенка, проплывающие мимо,

вслед им, показалось, зыркнула из-за занавесок глазами молодайка. Но вереница сверкающих автомашин уже покати́лась вдоль крутого берега реки к останкам хутора. Ленивое зимнее солнце пыталось выглядывать из-за плотной серой мглы, иногда, как ни странно, это получалось.

Глава двадцать третья.

Коца при подъезде к Ростову снова, как перед Аксайским мостом, оглянулся сначала назад, на труп водителя ДЭУ-эсперо, притулившийся к углу. Затем воззрился вопросительно на сидящего рядом Микки Мауса, изрядно подзамерзшего из-за разбитых боковых окон. Благо, на улице хозяйничала очередная оттепель, а передние стекла оказались только потрескавшимися, с маленькими сквозными дырками от осколков гранаты. Подельник предложил перед уездными Шахтами форсировать Дон не через мост, а прямо по льду, Коца отыскал с обрыва пологий спуск, едва не перевернув мощный джип на кабину, взобрался на противоположный берег. А возле Аксайского моста — фактических ворот в теневую столицу Северного Кавказа — Микки посоветовал не сбавляя скорости ехать по дороге. Это при том, что в салоне вихлялся мертвец, что им пришлось за шахтерским городком расстрелять “Тойоту” с чеченскими бандитами, увязавшуюся за ними. Но дэпээшники, укутавшиеся в тулупы по брови, только лениво повели стволами автоматов, не направив в их сторону даже лучей от карманных фонариков. Рассуждения перекупщика, странноватые на первый взгляд, оправдывались сами собой, с оружием Микки Маус, как показало дело, тоже обращался не хуже Коцы. Он сумел всадить весь рожок в машину преследователей, подлетающую на форсаже, заставив ее повертеть в воздухе цирковое сальто мортале и приземлиться на крышу на дне глубокого кювета. После чего перезарядил оружие и спокойно показал рукой вперед. Коца в тот момент прилип к рулю автомобиля, притаившегося на обочине дороги, готовый пулей сорваться с места. Он так и сделал, заметив отмашку подельника.

— Слушай, тайный агент Моссада, с какого бока решил бы ты сейчас взжечь на улицы родного города? — обратился валютчик к соседу по салону. — Или стоит и дальше продолжить путь как ни в чем не бывало?

— Думаю, тебе, агенту КГБ, следовало бы перед аэропортом свернуть на какую-нибудь грунтовку и по ней въехать сначала на Второй Орджо, а потом через Чкаловский добраться до конечной точки нашего пути, — не остался в долгу перекупщик. — Это сейчас самый надежный вариант.

— Почему?

— Потому что, чем ближе к городу, тем ненасытнее гаишники.

— А в Шахтах они щедрые? Они годами без заработной платы.

— Там они по этой причине злые, и мы их объехали, как сейчас обойдем ненасытных городских.

— Аксайские, выходит, промежуточное звено.

— Именно так.

Коца, прикинув, что можно до первых дорожных постов обсудить еще несколько вопросов, взглянул на датчики на передней панели. С бензином все пока было в порядке.

— Еще есть одна причина, — упредил Микки Маус продолжение диалога. — Мы подобными нехитрыми действиями сбиваем преследователей с правильных мыслей.

— Не понял, — переспросил Коца, не отрывая взора от трассы.

— Если за нами в погоню бросилась из заброшенного хутора еще одна группа бандитов, то гаишники в Шахтах уверенно доложат, что через их пост джип “Чероки” не проходил.

— У чехов у каждого мобилы, — криво усмехнулся валютчик.

— А при чем здесь сотовые, ты считаешь, что конкуренты хорошо ориентируются на местности? Если их тормознут, они обязательно поинтересуются про нас. Дальше, на Аксайском посту им подтвердят наш проход, а пост перед Ростовом разведет руками. То есть, мы сбиваем противника со следа.

— Хрен просышь..., - снова поморщился Коца, растирая успевшие посинеть щеки с губами. — Ты лучше подумай, куда нам притулить сундук с драгоценностями. Ко мне нельзя однозначно, что в свою квартиру, что к любовнице, заметут в первый же день. А больше конспиративных чуланов я не припомню. Если только к Пулиперу...

— Ни в коем случае, и сами завалимся, и нумизмата подведем, — Маус резко чиркнул рукой по воздуху. — За ним установлена круглосуточная слежка.

— Тогда куда бедным крестьянам податься?

— Заедем сначала к родным моего бывшего друга, — перекупщик кивнул на заднее сидение, на котором горбился труп водителя.

— А что мы объясним его родственникам?

— Не надо ничего, выгрузим его возле дверей подъезда и уедем. Мы свое дело сделали.

— А милиция, и все такое?

— Он знал, на что шел, если у нас выгорит, поделимся с его родными. Автомобильные номера положим тоже.

Коца долго терзал баранку, не произнося ни слова, потом машинально потянулся к стеклоочистителям, и выключил их, нервно крутнув рычажок. Чистить было практически нечего.

— Ты прав, каждый в этой стране должен отвечать за себя, — согласился он наконец. — Многие убитые русские парни месяцами украшали обочины военных дорог, превращаясь в обглоданные скелеты. Не нужны ни правительству, ни самому народу.

— Поэтому мы не оставили моего друга на месте боя, а забрали с собой.

— А дальше? Нам предстоит еще идти вперед.

— Я знаю, куда спрятать короб с сокровищами, если ты не будешь против и полностью доверяешь мне... — Микки Маус посмотрел на подельника испытующе. — В противном случае, нам придется найти тихий угол, разделить содержимое сундука на две равные части и разойтись как в море корабли.

— Ты свидетель, Микки, я доверял тебе всегда, но я не желаю при таких богатствах исключать ничего, — повернув голову, произнес Коца с твердостью в голосе. — Меня не единожды кидали и предавали лучшие друзья, поэтому вопрос о разделе нашего имущества будем решать тогда, когда приткнемся к месту, которое ты укажешь, и осмотримся как следует. Договорились?

— Буцефал двоих не довезет, — усмехнулся перекупщик с сарказмом, посмотрел на сундук, постукивающий под ногами. — Хорошо, пусть будет так. Но я все-таки выдвину в свою защиту одно неоспоримое преимущество.

— Начинаются глубокие рассуждения, — покривился было валютчик. — Нельзя обойтись без них?

— Не иронизируй, я буду краток, — упредил Маус подельника, не любящего рассусоливания. — Мы с тобой повязаны кровью, этого, надеюсь, достаточно? Кроме нашей многолетней дружбы без конфликтов.

— Всякое бывает, — буркнул Коца неопределенно. — Деньги кого хочешь сделают зверем.

С левой стороны замелькали окраинные огни аэропорта, Коца завертел головой вокруг, вспомнил, что минут пять назад они проскочили один из незаметных отворотов на обочине. Возвращаться обратно не хотелось, и примета плохая, и дорога вела неизвестно куда. Впереди замаячили расплывчатые пятна света, валютчик, сбавив скорость, всмотрелся в ночное шоссе, но свет не приближался, он оставался на месте. Коца, поняв, что доехали до очередного поста ГАИ, тормознул окончательно, с правого бока, километрах в двух, уже обозначились в темно-серой мгле неровные строчки уличных фонарей города.

— Давай продвинемся еще немного, глядишь, на наше счастье наткнемся на следующий съезд, — предложил Микки Маус. — Их тут должно быть много.

— А если нас заметят?

— Мы со вчерашнего дня только и делаем, что отрываемся, ты уверен, что за нами и сейчас никто не гонится?

— Если кто из чехов остался в живых, он успел по мобильнику позвонить членам банды на хуторе, заодно главарям в Ростове. Заковыка в том, что не хотелось бы на последних километрах попадать в лапы ни к тем, ни к другим, потому что обе стороны мыслят одними категориями.

— Что мы тогда теряем и какая разница, развернемся мы тут, или чуть дальше? Если нас засекли, то последуют одинаковые действия.

Коца, дав газу, молча наклонился к рулевой колонке, световые пятна надвигались очень быстро, а поворота на объездную дорогу все не было. Наконец, когда стала различима полосатая будка с переносным шлагбаумом, в темноте проступил на обочине накатанный съезд. Валютчик, не размышляя, вывернул руль в ту сторону, успел краем глаза заметить, как отделился от будки человек в тулупе, махнул жезлом, светящимся разноцветными огнями. Впереди уже виднелось начало улицы на Втором поселке Орджоникидзе, и он прибавил скорости в надежде оторваться подальше, подумал, если начнется погоня, уйти будет сложновато. Окраина выглядела напрочь вымершей, лишь дальше стеной темнели высотные здания, но и среди них вряд ли отыщется укромный уголок, потому что проспекты, несмотря на полнейшую непродуманность планировки, претендовали все-таки на европейскую прямолинейность.

— За нами погоня, — сообщил через несколько минут Микки Маус, обернувшийся назад.

Коца сам успел заметить свет фар, отразившийся в боковом зеркале, как назло, улица поселка, не успев начаться, привела в тупик в виде железного короба сборного гаража, поставленного прямо посередине. Матернувшись, валютчик дал задний ход, нырнул, домчав до переулка, между заборами частных домиков. Нужно было добратья как можно скорее до хрущевских с брежневскими трехэтажек с пятиэтажками, лепившихся друг к другу неповторимыми углами с закоулками, между ними и свет оказался бы лишним. А здесь, под голыми ветвями деревьев, абрикосовых, черешневых с грецким орехом, запросто угораздило бы ухнуть в глубокую канаву. Коца, доехав до такой же раздолбанной улицы, пересекавшей грязный переулок, вывернул на нее, поддал газу. Теперь они с преследователями оказались на параллельных курсах. Те сократить расстояния пока не сумели. Валютчик, вильнув в следующий закоулок, отдалился еще на один квартал, вырвался на улицу Профсоюзную, идущую вдоль железнодорожного полотна, с тусклыми фонарями перед пятиэтажками, построенными кровавым методом. И сразу вырубил свет. Не доезжая до площади с кольцевым движением, нырнул в ближайшую подворотню, стараясь прошмыгнуть до

перпендикулярного проспекта между дворами. По нему была возможность добраться до обходной дороги вокруг поселка и садового массива за ним, а уже оттуда промчаться до Ленина через Чкаловский с Мирным, и потом за балкой до центра города.

— Никого не видно? — накручивая баранку, спросил он у Микки Мауса, окончательно развернувшегося назад.

— Кажется, отстали, — неопределенно пробормотал тот замерзшими губами. Автомобиль выбрался из лабиринтов, выехал на слабо освещенный проспект. — Мне показалось, что за ментовской машиной пристроилась еще одна.

— С чехами из того хутора, — Коца зло оскалил зубы. — Они получили сигнал от подельников, покалеченных за Шахтами, и успели нас нагнать перед самым Ростовом.

— Ты зря усмехаешься, а если это действительно так?

— Тогда твоя очередь думать, как стравить ментов с бандитами. Я свою роль выполняю добросовестно.

— Если бы я умел водить машину, мы бы уже отдыхали.

— В гробу. Или дожидались бы смерти в каком-нибудь из кюветов.

— Шутки у тебя, — покосился перекупщик на соседа. Моментально напрягся. — Впереди машина.

— Вижу, — процедил валютчик. — Если что, иду на таран, ловить нам уже нечего.

— А я бы посоветовал тебе ее объехать, — Микки Маус пугливо шмыгнул носом.

— Как получится...

Мимо на бешеной скорости пронесся джип “Лэнд Крузер”. Коца уже настроился было перевести дух, когда в зеркало заднего вида вдруг усек, что джип на полном ходу развернулся и помчался за ними вслед. Этого он не мог предположить даже в бредовых мыслях.

— Ну надо же, — ухмыльнулся он. — Ты в кусты, и она за тобой.

— Кто? — спросил по инерции перекупщик.

— Пуля-дура со смещенным центром, в головке у нее просверливается дырочка и заливается капелькой ртути. И она начинает гоняться за солдатами, если кого поймают, старается порвать на части.

— Как тот джип, который пристроился нам в хвост, — чертыхнулся Микки Маус. — Что будем делать? Вряд ли мы сумеем оторваться от этих идиотов.

— Надо отрываться, — скрипнул валютчик зубами. — Бери в руки автомат.

— Что ты из меня, в конце концов, мясника делаешь?

— Тогда садись за руль, я примусь вколачивать.

— Я никогда не водил...

— Ты хочешь, чтобы из нас нарубили отбивных?

— У меня достаточно грехов без этих отморожков.

— Лишний уже роли не сыграет.

Коца, покосившись на бензиновый датчик, нажал на акселератор до упора. Двигатель работал как часы, почти неслышно, в кабине разбойным посвистом хозяйничал из-за разбитых боковых окон один лишь ветер. Закрутилась по бокам автомобиля карусель из ночных окон в многоэтажных зданиях, свет уличных фонарей слился в сплошную линию. Но преследователи не отставали, значит, “Лэнд Крузер” действительно торопился за ними.

— Слушай, кто бы это мог быть? Я начинаю теряться в догадках, — проговорил Коца со злобой, снова как автогонщик прижавшись к рулю. — Менты на таких машинах не гоняют,

чехи с хутора, по идее, не должны бы еще добратся до Ростова.

— Сам в растерянности, — покусал перекупщик края усов. — Если это люди из бригады отморожков с авторынка, или армянских беспредельщиков с Нахичеванского, то встает вопрос — откуда они прознали про нас.

— И почему решили, что мы рванем именно по проспекту на Втором Орджо? Во вторых, из каких источников им стало известно о наших боевых подвигах под станицей Раздорской?

Джип отщелкал один за другим несколько пустынных перекрестков, подсвеченных парой убогих фонарей, ворвался в очередной затемненный участок проспекта.

— Я понял, это чеченцы из банды Асланбека, — пошарил Микки Маус в поисках автомата рукой между сидениями. — Их предупредили отморожки, замочные нами под Шахтами, и Асланбек решил выехать нам навстречу.

— Именно этим путем?

— Дорога кольцевая, не усек?

— Что ты хочешь сказать? — валютчик врубил дальний свет, скрывать свое присутствие стало не от кого, а с мощными фарами асфальт высветился как на ладони.

— Бандиты, чтобы не мотаться по городу, привлекая внимание патрулей, решили через Каменку с Северным выкатить на объездную дорогу и пойти по ней до аэропорта. А мы выскочили из лабиринта домов как раз им навстречу.

— И когда они нас увидели, то сразу не смогли поверить своим глазам.

— А теперь машину они узнали.

— Да, брат, зря Березовский взялся обеспечивать их всем необходимым. Зажигание у них, все-таки, позднее.

— С чего ты решил, что Борис Абрамович имеет с ними контакты?

— А как же, не спроста они в Англии живут с Ахмедом Закаевым душа в душу.

— С таким же успехом и генерала Лебеда не мешает обвинить в связях с чеченскими боевиками. Пока в Хасавьюрте подписали мирный договор, воины аллаха успели в Грозном вырубить не меньше батальона российских солдат.

— Вот... долбаный космополитизм, — сплюнул Коца под ноги. — И придратся не к чему.

— Ты лучше за дорогой смотри, чеченцы уже на нашу жопу заглядываются.

— А не усрутся они не покушавши?.. Приготовься!

Прямо по курсу показался крутой поворот на окраину поселка Чкалова с густой рощей вначале. Коца перед самым входом в вираж, выжал до упора педаль тормоза и резко вывернул ребристую баранку влево. Автомобиль, завизжав колодками, развернулся на сотню градусов и прыгнул вперед бульдогом, сорвавшимся с привязи, словно за габаритными его фонарями не осталось нескольких сотен километров пути по заснеженной трассе. Микки Маус едва успел подцепить автомат за ствольную коробку, но передернуть затвор уже не получилось, он сделал это, когда машина словно наткнулась сразу за поворотом на глухую бетонную стену. Валютчик, не заглушая двигателя, вырубил свет, перевел переключатель скоростей в нейтральное положение, затем снова выжал сцепление, приготовился вогнать рукоятку на вторую передачу. Сзади стукнулось об пол тело убитого водителя, но обращать на это внимания было уже некогда. Подельник щелкнул пружиной, вгоняя патрон в ствол, облокотился о край разбитого окна, взял на мушку, то место поворота, где автомобиль преследователей обязан был притормозить. И замер в неудобном для себя положении.

Секунды тянулись довольно медленно, они словно превратились в куски жевательной резинки, застрявшей между зубов. Наконец, по обочинам заметались лучи от мощных фар, тяжелый “Лэнд Крузер” задолго до подъезда к повороту навалился со всего размаха на передние рессоры, из дверей посыпались люди, вооруженные автоматами. Коца, наблюдавший за происходящим, оценил мгновенно обстановку, наверное, боевики, разгромленные под Шахтами, сумели каким-то образом предупредить своих товарищей о примененном к ним армейском способе уничтожения противника. Он врубил передачу, не дожидаясь, когда в их джип вопьется рой пуль, сорвал машину с места. В обшивку врезались первые беспощадные пчелы, в ответ Микки Маус успел сделать лишь короткую очередь. Затем скорость придавила его снова к сидению.

— На этот раз не получилось, — перевел дыхание Коца. Он, когда они отъехали на некоторое расстояние, оглянулся на подельника. — Как ты там, нормально?

— Себя рассматривать станем после, а пока надо опять отрываться, — отозвался тот, проводя под носом тыльной стороной ладони. Обернулся назад. — Еще не опомнились, козлы вонючие...

— Ты ж только что уверял, что все люди братья.

— А эти козлы.

— Проверь рожок, он полный или нет? Если нет, советую перезарядить, потом будет некогда.

— Я перезарядился за Шахтами, а сейчас почти ничего не выпустил.

Коца зыркнул глазами на заднее сидение, дернув щекой, уперся жестким взглядом в трассу:

— Пусть твой друг нас простит, до дома мы его пока не довезли, чтобы он смог проститься с родственниками. Самим приходится задницу спасать.

— Ничего с ним не случится, — подельник тоже покосился туда. — Лежать на полу даже удобнее.

— Тогда наворачиваем по полной, пока жареный петух не захлопал крыльшками.

— А если попробовать подловить еще раз? — предложил Микки Маус, увидев, что джип понесся по улице Вятской с рядами пятиэтажек с двух сторон. — Заскочить в любой переулок и замочить идиотов окончательно.

— Мы так и поступим, когда начнем проезжать поселок Мясникован, — валютчик согласно кивнул головой. Пояснил. — Там дорога сужается, а дома на узких улочках кирпично-деревянные, одноэтажные. За ними удобно не только прятаться, но и подглядывать.

Автомобиль покатился под долгий уклон, с одной стороны которого по прежнему чернела дикая роща, не тронутая человеком, с другой успели возвести коробки домов из белого кирпича. Где-то на середине холма, когда в пойме речки Темернички показался золотой купол армянского монастыря Сурб-Хач, оба любителя приключений разом заметили, что навстречу им с противоположного склона торопится приземистый автомобиль, врубивший на крыше проблесковый маячок. Кто в нем находился, нечего было и гадать,

— По рации успели передать, везет как утопленникам. И нет возможности встрять в какую-нибудь щель, — валютчик, шмыгая глазами по обочинам, тут-же выключил дальний свет. — А боковой подъем мы вряд ли одолеем, он круче, чем донской берег.

— Не паникуй раньше времени, видишь, впереди автобусную остановку? — спокойно

сказал Микки Маус. — Постарайся притулиться за заднюю стену павильона.

— А если за ней обрыв на дно оврага? — резко отозвался Коца. — Посмотри по своей стороне, метра три, не меньше.

— Тогда придется падать туда, ничего другого нам не остается.

Коца, свернув на край дороги, пустил автомобиль в накат, в размытом лунном свете дна оврага не было видно, зато ближе к деревянному строению спуск становился положе. Сзади уже поджимали высверки мощных фар, в глухую ночную пору они могли принадлежать только их преследователям. Улицы миллионного анклава с началом второй чеченской войны оставались пустыми даже в дневные часы. В голове валютчика пронеслась мысль, что на дно пологой балки нужно нырять по естественной причине. То, о чем они мечтали с Микки Маусом в начале гонок по городским улицам, имело возможность осуществиться на самом деле. Он подкатил к бровке, присыпанной снегом, перегнулся через соседа.

— Что ты хочешь выяснить? — ужался тот в кресло.

— Смотрю, как бы ловчее сползи в этот долбаный кювет.

— Сползти не проблема, как потом из него выбраться.

— Будем надеяться, что дальше его какой-нибудь сборный гараж не перегородит, иначе придется весь этот бардак раносить к чертовой матери. Ну... страна моя родная.

Коца, подъехав к остановке, вывернул руль и направил автомобиль к обрыву, сложность заключалась в том, что свет нельзя было врубать ни в коем случае. Он осторожно опустил передние колеса за край промоины, продергивая джип толчками по ходу движения, и мягко скатился на дно оврага. Мокрая галька отозвалась под шипованной резиной костяными стуками. Валютчик, проехав наощупь метров тридцать, выбил в нейтральное положение рукоятку переключения скоростей, оставив двигатель работающим на холостых оборотах.

— Нам осталось только ждать, но лишь бы не у моря погоды, — привалился он к спинке сидения. — А с обеих сторон результативных действий.

— Что и требовалось доказать. — согласился поделщик.

— Пока фортуна на нашей стороне.

— Куда ей деваться, если мы прем на нее быками.

Милицейская машина успела проскочить поселок Мясникован, гул мотора и высверки от их проблескового маячка долетали уже от основания холма, сверху навстречу им стремительно накатывался рокот двигателя мощного “Лэнд Крузера”. Оба поделщика, словно сговорившись, подняли головы к тому месту, где они должны были схлестнуться. Коца нервно перебирал пальцами в перчатках по набалдашнику рукоятки, готовый при первых звуках боя сорвать с места тяжелый автомобиль и понестись по твердому дну вниз, к выходу из оврага. Микки Маус передернул затвор автомата, он подумал о том, что не помешает в суматохе боя добавить очередь со стороны, внося больше сумятицы в ряды противников. Если провести операцию по умному, те примутся мочить друг друга. Милицейский патруль в этот момент промчался мимо остановки, и сразу с обеих сторон проспекта громко завизжали тормоза. Менты, скорее всего, решили перекрыть своим корейцем дорогу японскому джипу. Некоторое время слышны были только нечленораздельные звуки, похожие на лай дворовых собак, потом двигатель “Лэнд Крузера” взревел разъяренным тигром. Бандиты, не договорившись, видимо, с ментами, попытались прорваться. И снова раздалось гавканье на пределе голосовых связок.

— А кто поверит? — успел валютчик вставить фразу в наступившую короткую паузу. — Никто.

— Ты это о чем? — покосился на него сосед по салону.

— Думаю, чеши внушают патрулю, что преследуют японца с полным кузовом бандитов, мол, эти отморозки обстреляли их на повороте на Чкаловский. А менты отказываются им верить.

— А кто поверит, — буркнул по инерции Микки Маус, пристраивая поудобнее ствол между сидениями. — Ни хрена не видно, придется ждать первого выстрела.

И он прозвучал, предупредительный в небо, из пистолета. И сразу воздух разорвала очередь из автомата, одна, через пару секунд вторая, к ним присоединилась трескотня другого оружия. Рев мотора “Лэнд Крузера” заставил проснуться жителей окрестных домов, привыкших ко всему. Стало слышно, как якообразный внедорожник сорвал обшивку с милицейского “ДЭУ”, преграждавшего ему путь, и стремительно понесся в сторону поселка Мясникован. Кореец остался торчать на месте, из его кабины вырвался вдогонку свинцовый поток. Валютчик уже хотел повернуться к подельнику, чтобы сказать, что пора и самим двигаться потихоньку в путь, когда вдруг заметил на вершине холма всполохи света от чьих-то фар.

— Наконец-то выдрались, — прогундосил Микки Маус, снова ставя автомат на предохранитель.

— Кто? — не сообразил Коца сразу.

— Это менты, которые гонялись за нами по закоулкам Второго Орджо. Как только они проскочат, мы немедленно трогаемся за ними.

— Как ты считаешь, те, которые в патрульной машине, не ударят нам со всех стволов в бочину?

— Они или ничего не поймут, или подумают, что их, как в костре картошку, обложили углями. Мы, во всяком случае, успеем пристроиться в хвост колонне и добраться до первого поворота на Мирный. Там, мне кажется, будет спокойнее.

— С некоторых пор мне лично так казаться перестало, — недовольно буркнул валютчик, врубая скорость. — Одни претензии ото всех, и все к нам.

— Как будто кто пометил, — поддакнул перекупщик. — Сам стал замечать.

Водитель второго патрульного автомобиля, перекинувшись с коллегами парочкой междометий, взвизгнул колесами машины и вошел в штопор под уклон, он так стремительно пронесся мимо павильона, что Коца едва успел сообразить, что пора трогаться и самим. Попытался на малых оборотах отъехать подальше от опасного места, но сделать этого не удалось, буквально через десяток метров с обочины раздался зычный приказ остановиться.

— Пош-шел, — скомандовал Микки Маус с придыханием, опять подхватывая автомат под ствольную коробку.

Валютчик, включив дальний свет, ударил по акселератору, галька из-под широких баллонов переднего и заднего мостов саданула залпом в днище машины, осыпалась злой россыпью сзади. Первые пули впились в борта, подельник приподнял ствол автомата, выпустил очередь поверх крыши павильона и стрельба со стороны шоссе прекратилась. Японец взялся горным козлом скакать по неровному дну оврага, Коца едва успел вернуться на выходе от дорожного знака, прикрепленного на железном столбе прямо посередине, но больше впереди препятствий не просматривалось. Луна обливала мертвенным светом безжизненное пространство, лишь из милицейского бобика, притулившегося у забора вокруг оптового китайского рынка, показалась на мгновение морда пьяного служивого, да при въезде на мост через Темерник шарахнулась под опоры бродячая собака.

— При таких раскладах далеко нам все равно не уйти, — высказался Коца, не отвлекаясь от дороги. — Сейчас менты включат рацию и передадут все наши координаты СОБРУ или ОМОНу.

— А кто в этом сомневается, — отозвался поделльник спокойно. — Но и мы дураками не будем.

— Что ты предлагаешь?

— Как только проскочим Мясникован, поворачивай руль налево, и будем вдоль искусственного водоема прорываться на Мирный.

— Тогда лучше гнать до плотины напротив больницы скорой помощи, обходная дорога через нее аж до площади перед институтом железнодорожников. А там до Буденновского с центром рукой подать.

— Опасно, придется пересекать освещенный проспект Космонавтов с отделением милиции на Северном рынке.

— Вот и хорошо, кому придет в голову, что мы рванем по этому маршруту?

— Гони, — согласился Микки Маус, поразмыслив.

Джип “Чероки” с полчаса подбрасывало на ухабах окружных темных улиц, пока он не вырвался на площадь перед институтом. Сзади вякало остатками воздуха тело мертвого водителя. Наконец, колеса автомобиля зашуршали по асфальту, более-менее сносному, изредка на дорогах виднелись габаритные фонари частных извозчиков, заменивших с приходом демократии живучее такси. Коца, домчавшись закоулками до проспекта Текучева, запетлял по старым кварталам центра города, Микки Маус поднял руку возле одного из трехэтажных домов из темного кирпича.

— Приехали, положим труп на лестничной площадке первого этажа, я позвоню в дверь, скажу, чтобы жена забрала тело друга. И сразу отчаливаем.

— Она узнает твой голос, — приподнял валютчик плечи.

— Я его изменю.

За старой облупленной дверью не смогли сразу понять, о чем идет речь, наконец, надолго замолчали. Поделники, выскочив из подъезда, сели в джип, руки у них оказались немного развязанными. Машина завернула в первый же переулок, запетляла в бесконечных каменных лабиринтах. Когда отъехали на приличное расстояние, оба как по команде мысленно перекрестились, пожелав усопшему царствия небесного. Теперь можно было позаботиться о собственной судьбе.

— Ты ничего еще не решил? — спросил перекупщик, снова натягивая перчатки.

— Ты это о чем? — повернулся к нему Коца, вытирая лицо платком.

— О месте, в котором надо бы спрятать сундук с драгоценностями. Он у меня пока под ногами.

— В нем лежит и моя часть орденов с колечками, выуженных у колхозника.

— Я об этом не забывал. Так что будем делать?

— А где находится это место?

— Рядом с центральным рынком, чтобы меньше плутать в каменных лабиринтах.

— Хорошо, деваться при подобных раскладах действительно некуда, — Коца притормозил перед красным сигналом светофора, осмотрелся по сторонам. — Один вопрос, какие гарантии ты мне даешь?

— Никаких, — твердо заявил Микки Маус. — Я уже сказал, что мы с тобой повязаны кровью.

Валютчик, когда пересекли перекресток и окунулись во тьму следующей улицы, повернулся к поделнику, внимательно всмотрелся в выражение на его лице. Но перекупщик сосредоточенно изучал дома, проплывающие мимо, он словно отрешился ото всего. Его независимое поведение показалось самым надежным доказательством.

— Говори, в какую сторону поворачивать, — буркнул Коца, подкатывая к очередному пересечению улиц. — Не забудь, что менты на центральном рынке не спят ночи напролет.

— Я это уже учел, как раз рядом с нужным нам домом находится городской вырезвитель.

Джип фырнул двигателем на крутом спуске к набережной Дона по проспекту Семашко, остановился возле каменного одноэтажного строения двадцатых годов прошлого столетия. Буквально в квартале служащие вырезвителя выгружали из бобика очередного бедолагу с недержанием в ногах, но опасное соседство беспокоило не очень наоборот так показалось надежнее. Микки Маус, выскочив из машины, взобрался по щербатым ступенькам на кирпичное крыльцо, постучал в крепкие двери. В одном из высоких окон, закрытых бумагой, вспыхнул свет, через минуту грубый скрипучий голос осведомился, кого черт принес в такую рань, перекупщик вежливо объяснил. Через порог переступила неряшливая женщина лет за шестьдесят в драном халате, она, выдавив из себя всего пару словосочетаний, пнула ногой лохматую собаку, увязавшуюся за ней, и снова исчезла за дверью, оставив ее открытой. Поделник спустился вниз:

— Мы приехали и нас просят войти, — проинформировал он Коцу, заглянув в кабину через окно.

В квартире в высокими потолками некуда было поставить ногу — настолько она была захламлена стопками книг, картинами, старыми вещами и грязной, завалившей стол, посудой, звенящей даже под ногами. Но среди добра, натасканного как будто со свалки, выделялся в углу крупным топазом на загаженном столике жидкокристаллический новенький монитор с жестяной коробкой компьютера, и под столиком мощный скоростной ксерокс со встроенным принтером. Хозяйка прикурила очередную вонючую папиросу:

— Будете что-нибудь жрать? — хрипло осведомилась она.

— Спасибо, Эльфрида Павловна, — поблагодарил Микки Маус. — От чаю бы не отказались.

— Чайник ставьте сами, спички на газовой плите, — полноватая старуха с широким грубым лицом выпустила густой клубок дыма. — Я вам еще нужна?

— Куда бы нам пристроить вот этот короб? Не на видное бы место, — указав на сундук у ног, завертел перекупщик головой.

— А что в нем? — хозяйка с неподдельным интересом вскинула брови. — Надеюсь, не шахидовские прибабасы с кораном и бомбами под ним?

— Здесь сокровища, — сказал Микки Маус на полном серьезе.

— Всего-то? Ну, тогда ставьте там, где найдете свободный угол, у меня у самой этого мусора достаточно.

Старуха, присев на тахту, на которой постеснялся бы спать настоящий бомж, завела за ухо седую прядь волос, выговорила приказным тоном грязной и вонючей собаке, пытающейся обнюхать гостей, вошедших в квартиру:

— Плюх, как ты себя ведешь? Залезай ко мне в ноги, будешь их греть, — добавила, протяжно зевнув, и обращаясь в пространство. — Станете уходить, разбудите.

Через минуту она уже забыла и про посетителей ее пристанища, и про все на свете,

затхлое пространство заполнил сиплый храп. Микки Маус, зайдя за перекошенный шкаф, расчистил от хлама небольшой участок возле голой стены, обернулся к поделнику:

— Ставим сундук, и проверяем по быстрому, что в нем. Успеть бы до утра, нам еще от машины надо избавиться.

— При таком свете вряд ли что разглядишь, — Коца, посмотрев на едва мерцающую лампочку под потолком, причмокнул с сомнением губами.

— А фонарики на что? Я прихватил с собой, на всякий пожарный, и тетрадь с авторучкой.

— Тогда за работу.

Дело, под пристальным взглядом хозяйской собаки, продвигалось быстро, негромко постукивали друг о друга золотые и серебряные украшения, переливались разноцветными огнями драгоценные камни, голубовато-холодными отблесками вспыхивали платиновые изделия. Отзывались незнакомыми шорохами старинные шелк и парча с бархатом, не тронутые веками, расшитые бриллиантами, изумрудами, аметистами, сапфирами, рубинами, крупным, матово отсвечивающим, жемчугом. Когда большая половина работы осталась позади и завиднелось деревянное дно сундука, Коца наткнулся вдруг пальцами на бумагу, свернутую в несколько раз, словно облитую воском. Он, осторожно вытащив документ из-под гусарского офицерского мундира, разложил его на ветхих вещах, сваленных в кучу. Оба поделника сначала не могли разобраться в обозначениях, нанесенных на лист, они вертели прямоугольный кусок во все стороны, не в силах оставить его в покое. Наконец при одном из поворотов вокруг оси валютчик ясно представил себе тот участок местности, из которого они только что прибыли, понял слова, написанные старинной славянской вязью вдоль многочисленных кривых линий.

— Кажется, мы раскопали еще один клад, — остановил он поделника, решившего было развернуть план следующим боком. — Сейчас проверим, верными ли оказались твои предположения по части не всех сокровищ в сундуке.

— Ты хочешь сказать, что это план местности с настоящим кладом донского атамана? — насторожился Микки Маус. — Неужели пастух действительно наткнулся на казачьи богатства? Может, и правда местные легенды имеют под собой почву?

— Все может быть, а ну посвети фонариком вот сюда, — валютчик пригнулся ниже, заводил носом по поверхности грамоты. Поднял через некоторое время голову, слотнул набежавшую слюну. — Мы были там несколько часов назад, и вырвались оттуда победителями.

— Ты в этом уверен?

— Я хорошо знаком с картографией, чтобы не разобраться в простых обозначениях. Смотри, — Коца снова нагнулся над картой. — Река Дон, вот берег, на котором стоит заброшенный хутор, с другой стороны реки станица Раздорская. Согласен?

— Похоже...

— Теперь обрати внимание вот на что, видишь дерево? Это нынешний пенек, напротив него от главного русла реки отделяется рукав, он образует небольшой остров. А вот на нем крестик, где зарыты сокровища казачьих атаманов.

— Невероятно, — Микки Маус огладил подбородок пальцами и надолго задумался. Затем поднял на собеседника черные глаза. — Как ты считаешь, эту карту мужик тоже нашел?

— Нашел, конечно, но вопрос в другом, — валютчик оперся локтем о край сундука. —

Разобрался ли он в обозначениях, или в силу своей начитанности не сумел. Если скумекал что к чему, тогда нам делать там будет нечего.

— Почему?

— Боюсь, перепрячет в другое место, ты сам убедился, какой он осторожный.

— Но пастух вряд ли станет перетаскивать сокровища, он уверен, что только он знает про них.

— Это точно, я тоже не сомневался до последнего момента, пока мы не вычислили его заначку под застрехой сарая.

— Пока дочка не стала за ним присматривать.

— Пока меня не оказалось вчера на обычном месте на центральном рынке.

— Пока пастух не услышал, если вернулся на родное подворье, о трупах в лесопосадке недалеко от родного дома, — Микки Маус покусал нижнюю губу. — Ты прав, все говорит о том, что мужик засомневался.

— Еще неизвестно, как он провел вчерашний день, ведь охота за ним ведется барская. Беспощадная, со всех сторон.

— У меня предчувствие, что он вывернется, он... как бы это поудобнее сформулировать... скользкий.

— Есть простая присказка, и на старуху бывает проруха.

— На старуху есть, а за стариков я не слышал.

— На стариков тоже имеется, про золотую рыбку забыл?

— Но мы отвлеклись. Сначала надо пристроить то, что сумели добыть, а потом браться за шкуру неубитого пока медведя, — Микки Маус начал сворачивать карту. — Давай закончим с подсчетами, потом продолжим рассуждения.

Подельники склонились над сундуком, окованным медными позеленевшими листами, на дне которого поблескивали сокровища, еще не оприходованные. Коца доставал изделия, перекупщик скрупулезно записывал их в школьную тетрадь, присваивая новой вещи порядковый номер. Но мысли обоих крутились вокруг небольшого острова, однажды увиденного на другой стороне реки Дон, каждый придумывал, в какое время отправиться туда лучше и как добраться удобнее. Главное, что таится в месте, помеченном крестиком, если и правда клад разбойника Стеньки Разина, то для его вывоза не хватит грузовой машины.

Сундук скоро опустел, а сбоку его выросла куча добра, Микки Маус, закрыв почти заполненную тетрадь, окинул сверкающую гору оценивающим взглядом, сморгнул слипающимися ресницами:

— Укладываем сокровища обратно в короб и едем избавляться от автомобиля, — хриловато сказал он. — Если какому из патрулей вздумается присмотреться к нашей колыхаге и заметить на ней следы боя, живыми мы отсюда никогда не выберемся.

— Почему ты так решил? — валютчик так же споро, как выгружал, стал упаковывать в короб бесценные реликвии.

— Потому что бойцы невидимого фронта непременно заинтересуются содержимым не только наших карманов и подкладок, но и этой квартиры. А кто захочет расставаться с полным сундуком золота с бриллиантами, уж лучше замочить хозяев, да поделить богатства поровну. Здесь хватит на всех.

— Тогда пора делать ноги. Но меня интересует, а что будет потом?

— Вернемся сюда и вместе дождемся наступления утра. Телефон у Эльфриды Павловны

есть, мы позвоним Пулиперу в удобное время и попросим у него аудиенции, а там дело покажет само.

— Не спорю, — кивнул головой валютчик. — Я хотел заодно спросить, Эльфрида Павловна, хозяйка этой квартиры, она еврейка?

— Эльфрида Павловна Новицкая еврейка, бывшая геологоразведчица, сейчас на пенсии, — обстоятельно объяснил поделщик. — А что это тебя взволновало? Не хочешь ли ты сказать, что я специально завез тебя сюда, чтобы прибрать сокровища к рукам?

— Об этом я как раз думал меньше всего. Я же сам согласился спрятать наши богатства здесь, значит, доверяю тебе полностью, — Коца оскорбленно возрился на товарища. — Если бы считал иначе, замочил бы тебя еще при выезде из лесопосадки, лишний труп там как раз бы не помешал.

— Хм, ты прав, даже место выбрал подходящее, — прищурился перекупщик насмешливо. — И ловить мне, если учитывать твоё прошлое, было бы нечего.

— Я имел ввиду то, что впервые вижу еврейку по уши в грязи, — поморщившись, перебил Коца поделщика. — Понимаешь, представления о вас сложились противоположные.

— Это говорит только об одном, что для означенной нации главные богатства все-таки духовные, а не те, которые лежат в сундуке,

— Ну-ну, — усмехнулся валютчик, цепляя узелок с драгоценностями, экспропрированными у мужика, и кладя его в один из углов сундука. — Я и говорю, аж оторопь взяла.

— Что ты все цепляешься за национальности? Есть вор и есть честный человек, есть убийца и есть воспитатель, в конце концов, есть бедный и есть богатый. — вышел из себя Микки Маус, закрывая крышку короба. — Причем здесь еврей — русский! Трогаемся, иначе диалог продолжать будет некому.

— Прекрасная концепция... только любое из перечисленного брать нужно в процентном отношении к каждой нации, — буркнул Коца, разворачиваясь на выход, вступить в полемику сейчас ему было невыгодно. Громко добавил, — Давай спустимся на набережную, доберемся по ней до впадения Темерника в Дон, и утопим джип в водовороте. Оттуда, ко всему, возвращаться будет ближе.

— Как скажешь...

Глава двадцать четвертая.

Оба поделщика вернулись тогда, когда в окна горожан принялись вспыхивать огни, а трудовой люд заторопился занять рабочие места на уцелевших фабриках с заводами, еще не отнятых у него государством и новыми русскими. И постарались отойти ко сну, устроившись среди книжных с тряпочными навалов. Но в этот день сон обошел их стороной, каждый прокручивал в уме встречу с Пулипером и подсчитывал ожидаемый навар. Его должно было получиться много.

Обоих из дремотного состояния вывело громкое ворчание хозяйки с несогласным рычанием пса, Эльфрида Павловна, не слишком заботясь о тишине в квартире, загремела сто лет не чищенной посудой, пинками надавая плоски, попадающиеся под ноги. Коца приоткрыл глаза, покосился на зевнувшего поделщика, пора было вставать и приниматься за пристройство богатства, упавшего с неба. Наверное, об этом думал и Микки Маус, он первым делом потянулся к телефону, торчащему на столе между тарелок с обедками. На том конце провода долго никто не отвечал, валютчик огладил помятую одежду, взгромоздился на колченогий стул. Перекупщик, бросив трубку на рычаги, снова накрутил нужные цифры, и опять длинные гудки зашпешили в ухо непрерывной цепочкой. Микки Маус нервно поддернул рукав пальто, взглянул на часы.

— Не может быть, чтобы Пулипер куда-то ушел в такую рань, — он раздумчиво почесал унылый нос. — Мы знакомы с ним какой год, он до одиннадцати дня никуда не вылезал.

— А сколько сейчас времени? — заерзал валютчик на стуле.

— Половина десятого.

— Он перед вызовом в областное Управление милиции назначил мне встречу в восемь часов утра. Вся сделка прошла минут за пятнадцать.

— Такие исключения он позволял себе редко, просто не хотел упускать добычу из рук, он, кстати, предупредил и меня после того похода в Управление, чтобы я поменьше доставал его звонками. Посоветовал вообще залечь на дно до лучших времен.

Микки Маус снова наклонился над аппаратом, он проделывал это до тех пор, пока из кухни не выглянула Эльфрида Павловна и не отвязалась теперь на него:

— Что ты ломаешь с утра телефон, а кто его будет ремонтировать? — гаркнула она прокуренным басом. — Одна уже покопалась в компьютере, ссыкушка из Латвии, до сих пор не могу настроиться на свой емейл.

— Дафна, что-ли? Из Международной студенческой организации противников пуска Волгодонской атомной станции, — не удивился Микки Маус.

— Она самая, другие люди как люди, а этой все было надо. Предоставляешь ночлег, любезничаешь с ними, балуешь чаем с кофе, они же норовят раскурочить все, к чему притронутся.

— Эльфрида Павловна, нам просто необходимо позвонить одному человеку. А его нет дома.

— Тогда звякни Цфасману, он в курсе всех ростовских событий, может, твой абонент давно в Израиле. Он еврей?

— Да.

— Номер Цфасмана знаешь? В этой стране надежда только на круговую поруку.

— Конечно.

Эльфрида Павловна мотнула грязным подолом халата, нестиранного со дня приобретения, и снова загремела кастрюлями. За нею ушла собака по кличке Плюх, покрытая свалывшейся шерстью, но с умными глазами. Подельник прижал трубку к уху, но то, что сообщили через мгновение, заставило его лицо удивленно вытянуться. Он тревожно покосился на Коцу, оставив аппарат в сторону, пересел к валютчику поближе.

— Что там еще? — спросил тот, внутренне напрягаясь.

— Почти ничего, если не считать того факта, что Пулипер действительно надумал уехать из России, — ответил Микки Маус, проводя ладонью по усам. — Нет его ни в Ростове, ни в Москве, и неизвестно, где он сейчас.

— Куда же он мог деться?

— Если сам Цфасман не в курсе, то я тем более, но пределы России он покинул, однозначно, — перекупщик собрал губы куриной гузкой. — Нумизмат, скорее всего, решил на этот шаг после посещения Управления милиции, перед которым встречался с ним и ты.

— Красиво.

Коца сжал пальцы в кулаки, внутреннее напряжение переросло в беспокойство, он подумал о том, что богатство, добытое с таким трудом, теперь сбавить будет практически невозможно. Во первых, нужно искать надежных новых клиентов, во вторых, тратить драгоценное время, подвергаясь опасности быть в любой момент пришитыми отморозками из многочисленных бандитских группировок. Или менты, не менее алчные, закроют на долгие годы в тесные боксы Богатынского санатория. В голове пронеслась мысль, что затея, продуманная до мелочей, имеет все шансы оказаться в числе никчемных. То есть, рушились мечты о собственном светлом будущем.

— И что прикажешь теперь делать? — он неприязненно покосился на подельника.

— Что ты сразу на меня? — зыркнул на него Микки Маус. — Я, что-ли, уговорил Пулипера уехать отсюда?

— Не ты, но идея оприходовать пастуха принадлежала вам.

— Тебя никто силой не заставлял идти на грабеж.

Перекупщик сердито засопел, разногласия грозили перейти в настоящую ссору, последствия которой оказались бы непредсказуемыми. Оба прекрасно это осознавали, но волнения от часов, проведенных на износе, и ночь без сна взбудоражили нервы до предела. К тому же, подозрительный характер Коцы не давал возможности все спокойно разложить по полочкам, уж больно складно подельник приобщал его к тайному клану теневых дельцов. До этого случая он жил только своими проблемами. Оставалось одно, или поверить друг другу безгранично, или забрать свою долю и свалить из квартиры, пока ходят трамваи. Валютчик, заставив себя успокоиться, пришел к первому убеждению, совладать одному с сокровищами показалось нереальным.

— Хорошо, пусть будет так, — вздохнув, повернулся он к Микки Маусу. — Давай попросим у хозяйки, чтобы она напоила нас чаем, и начнем принимать нужные решения.

— Давно бы так, — собеседник тоже перевел дух. — У меня одна мыслишка уже зародилась.

— Поделись.

— Нужно зайти на центральный рынок и переговорить с Чохом, скупщиком старинных орденов с монетами. Подсказать ему ненавязчиво, что один клиент предложил царские цацки в отличном состоянии, но требуется толковый оценщик.

— Он сразу поймет, о ком идет речь, среди менял давно гуляет легенда о мужике, раскопавшем клад Стеньки Разина.

— Гуляет, кто спорит, — пощипал перекупщик пальцами кончики усов. Подумав, сдержанно добавил — Кроме того, информация через Чоха, полагаю, дошла до чеченцев.

— Тогда с чего предлагаешь.

— Я решил так, если он трясется за свою жопу, то его легко можно купить. Пулипера же он не предал.

— Факт не проверенный, вдруг этот Чох сексот от уголовки из Управления.

— Тогда остается одно, выходить через Каталу на серьезных людей в Москве, он часто наезжает туда.

— Почему с теми людьми ты не познакомился раньше?

— Потому что был не тот размах, я числился у Пулипера, как ты и остальные, лишь на подхвате, — Микки Маус криво усмехнулся, откинулся назад. — А сейчас представилась возможность предложить кое-что из интересного.

— Ну... давай попробуем.

До Нового года оставалось чуть больше половины дня, оттепель размягчила снег на улицах, заставила подтаять на обочинах дорог толстые наледы, она же опустила на город пасмурную погоду. Оба подельника, выйдя из квартиры в нескольких кварталах от центрального рынка, заспешили к основным воротам, решив, что предпраздничная внутри базара толкотня не принесет ничего хорошего. Кроме того, место Каталы находилось сразу за поворотом на главный проход. Коца зорко осматривался вокруг, он понимал, что слежку за ними никто не собирался отменять. Крутилась назойливая мысль о том, что мало кто из валютчиков решился в такой день выйти на работу, возникала опасность заторчать с сокровищами еще на несколько томительно-неясных дней. Снова появилось желание забрать свою долю и рвануть в богатую столицу, сдерживало лишь то обстоятельство, что он не знал более-менее весомого скупщика раритетов как в родном городе, так и в Москве, этот тесный мирок, скрытый от посторонних глаз, был ему не знаком. Решил, если с Каталой не получится дельного разговора, постараться самому прощупать менял, близких по духу.

— Как ты думаешь, Катала сегодня будет работать? — обратился он к подельнику, спешащему рядом. — Праздник на носу.

— Катала есть Катала, — ответил Микки Маус с одышкой. — Родную жену за лишней рубль под клиента подложит.

— О, как ты о друге.

— На рынке друзей не может быть, здесь балом правит капитал. Катала — хороший товарищ по работе.

Коца, сплюнув под ноги, прищурился на ларек, за которым договаривался с пастухом о выкупе у него драгоценностей, они как раз проходили мимо златоглавого собора, но расстояние до торговой точки было еще приличным. И вдруг ему показалось, что мужик торчит на своем месте, не решаясь, как и прежде, переходить через трамвайные пути. Валютчик, задержав произвольно шаг, зорко огляделся по сторонам.

— Не может быть, — вырвалось у него само собой. — Тогда где его черти носили все это время.

— Ты про кого говоришь? — насторожился Микки Маус.

— Про мужика-деревенщину, — Коца снова сплюнул на рельсы. — Посмотри на автобусную остановку, видишь за ларьком человека в длинном брезентовом плаще?

Перекупщик долго всматривался в том направлении, в котором указал собеседник, они успели дойти до широкой лестницы на небольшую площадь перед рынком. Пастух, кажется, тоже узнал в молодом мужчине, проходившем вдоль церковного забора, знакомого валютчика, он подался вперед. Коца, сойдя с рельсов на обочину, рывком притянул подельника к себе:

— Это он, я уверен, что очередная порция царских погремушек тоже при нем, — он внимательно всмотрелся в темные зрачки Микки Мауса. — Что будем делать?

— А как поступает парень, когда к нему на свидание приходит девушка?

— Нашел девушку с заброшенной фермы. Я по серьезному.

— Тогда на ловца и зверь бежит, правда, не ко времени, — прищурился Микки Маус сочувственно. — Надо идти, дорогой, и не просто идти, а с деньгами, чтобы мужик ничего не заподозрил. Иначе нарвемся на вселенский скандал.

— Но я ничего с собой не брал, а крупные деньги остались у любовницы, — валютчик провел рукавом пальто под шапкой, вытирая выступивший пот. — Даже не знаю, дома ли она сейчас.

— Но ты понимаешь, что может произойти! — откатнулся Микки Маус назад. — Все планы из-за этого пастуха в один момент рухнут в тартарары.

— А у тебя нельзя перехватить?

— Я бы первым предложил тебе помощь, но большой суммой не располагаю, я рассчитывал, как и ты, на солидного нумизмата, в надежде подороже перепродать выкупленное, в том числе у меня. А во сколько ты укладывался в прошлые разы?

Коца вжался подбородком в воротник пальто, говорить, какую цену он на самом деле отстегнул пастуху, не хотелось, тогда сразу станет ясно, сколько денег переключало в его карманы при сделке с Пулипером, во время которой присутствовал и подельник. На базаре никто из менял не признался бы тоже, это являлось тайной, на которой каждый старался сделать бабки.

— У Каталы перезанять не сумеешь? — он вместо ответа с надеждой поднял глаза.

— Тебе должно быть известно, как на рынке относятся к займам, — перекупщик, понявший смятение валютчика, отвел взгляд в сторону. — Или накручивают процент выше носа, или подводишь клиента и вы выкупаете изделия пополам, чтобы была уверенность, что это не кидалово. — Микки Маус повернулся снова, стало видно, как не хочется ему выворачиваться наизнанку. — Коца, я действительно не смогу тебе помочь, денег у меня много никогда не было. Вот такой я еврей, который не вписывается в твои представления о нас.

— Замнем для ясности, — валютчик, через минуту размышлений, махнул рукой. — Ты пойдешь со мной, или отправишься на аудиенцию к Каталю?

— Как решишь, так и будет, я не желаю, чтобы ты думал обо мне плохо, — подельник переступил с ноги на ногу. — В конце концов, клиента мы раскрутили твоего, участия твоего в этом деле тоже больше. Поверь мне, я умею быть благодарным.

— Вдвоем нам делать с мужиком нечего. Иди улаживать проблему с Каталю, а я попробую договориться сам.

— Встретимся на квартире у Эльфриды Павловны, — наклонил Микки Маус в знак согласия голову. — Ни за что не переживай, все будет в лучшем виде.

Валютчик краем глаза увидел, что пастух уже спешит ему навстречу, вид у него был растерянный и одновременно запуганный. Коца, покрутив незаметно шейю вокруг, подцепил

его под руку, быстро потащил опять к автобусной остановке:

— Сматываемся отсюда, иначе на пятки начнут наступать не только менты, но и отморозки, — наклонился он к уху, заросшему седым волосом. — Ты давно приехал?

— Вчера еще, ранним утречком, — признался мужик, послушно засеменяв рядом. — Страху натерпелся такого, одному богу ведомо, сподобился у тех и у этих побывать.

— А чего не возвратился домой?

— Я и говорю, что из отделения выпустили аж в самые потемки, какие междугородние автобусы, когда городские перестали ходить. В подвале заночевал, — пастух поддернул сопли, запахнул длинную полу жесткого плаща. — Думал, конец мне пришел, бандиты едва не замочили, а утром чуть пацанва палками не пришибла. Собак натравливали.

— И у бандитов побывать успел? — Коца пристально всмотрелся в попутчика. — А как они выглядели, чурки или русские?

— Ты слушаешь, или мух ротом ловишь? Сказал уже, что пришлось побывать у тех и у этих, — мужик обиженно засопел. — Русаки, один белобрысый с маленькими глазками, навроде поросенка. Затолкали в машину и завезли хрен знает куда, если бы в квартиру заволокли, там бы и оставили. С божьей помощью вырвался. А тут как раз милиция, из огня да в полымя.

Валютчик, затащив собеседника снова за ларек, быстро обозрел всю прибазарную площадь. Тощая фигура Микки Мауса скрылась в створе главных ворот, из дверей продуктового магазина рядом с законным местом работы показался хитрожопый Жан Копенгаген. Коца про себя отметил, что сексота все-таки приставили, успел вдруг засечь, как двое накачанных парней в спортивных костюмах продираются по их следу сквозь предпраздничную толпу. Придется открывать огонь на поражение, если надумают запихивать в машину, как пастуха перед этим. Нащупав за пазухой пистолет, он переложил его во внешний карман пальто.

— Ты что это? — забеспокоился мужик.

— Для подстраховки, — не стал валютчик вдаваться в подробности. Теперь предстояло не только раскрутить клиента, но и достойно выбраться из переделки, сохранив свою и пастухову жизни. Перекупщик был прав, когда сказал, что мужика пугать нельзя ни в коем случае. — Ты снова что-то привез?

— А как же, все как положено, в том же порядке.

Клиент полез было за узелком, но Коца остановил его, он мучительно соображал, как поступить по умному, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Прятать мужика здесь, чтобы смотаться за деньгами, заодно пристроив сверток с драгоценностями под матрацем у любовницы, выглядело не только рискованно, но и бессмысленно. Бандиты во второй раз не выпустят его из своих лап, к тому же, менты тоже ищут скотника, как их самих с подельником и те, и другие. Тащиться же в дальний микрорайон города, означало привести за собой очередной хвост, подставив под удар любимую женщину с дочерью. Получался замкнутый круг, разорвать который не представлялось возможным, не покидало, ко всему, неприятное чувство от того, что ограбленный пациент опять приперся к своим грабителям за помощью и защитой. Валютчик снял перчатки, помассировал виски, выход просматривался только один.

— Сейчас ты пойдешь за мной, не отставая ни на шаг, — уперся он в надбровные дуги пастуха, нависшие над глазами. — Я попытаюсь поймать частника, мы заскакиваем в машину и рвем отсюда когти. Понял?

— Чего не понять, когда кругом разбойничья заваруха, — надвинул мужик шапку поглубже, он снова безгранично доверял благородному своему благодетелю. — Приказывай, мы всегда наготове.

— При малейшей опасности беги сломя голову в любую подворотню, если оторвешься, уезжай на свой хутор, чтобы твоим духом здесь больше не пахло.

— Это почему же? На дворе у нас демократия, куда хочу, туда и заворачиваю, — заартачился неожиданно пастух. — С чего это ты на меня, я из своего угла теперь носа не имею права высунуть?

— Ты уже один раз высунул, — валютчик непримиримо сверкнул глазами, он преследовал запретом одну цель, чтобы мужик не сразу обнаружил пропажу сундука в пустом доме на заброшенном хуторе. — Ты хочешь, чтобы тебя здесь замочили?

— Не хочу, но и приезжать в город мне никто не указ.

Чертыхнувшись, Коца нащупал в кармане пистолет, выглянул из-за стены ларька. Оба спортсмена, не сводя с торговой точки пристальных взоров, притаптывали снежную жижу на посадочной площадке напротив. Они всем своим видом показывали, что ловить их жертвам нечего. Валютчик снова процедил зрачками площадь перед входом в базар, Жан Копенгаген не терял времени даром, обслуживая на прикормленном месте какого-то клиента. Больше ни один человек не вызвал подозрений. Коца, кивнув пастуху, чтобы тот следовал за ним, перемахнул невысокое чугунное ограждение, запетлял зайцем между рядами машин на автостоянке, он старался, чтобы ларек перекрывал отморозкам видимость. Мужик прилежно хлюпал тяжелыми бахилами сзади. Добежав до противоположной стороны, валютчик проделал такой же фортель с ограждением, спрыгнул с бетонного выступа на трамвайные пути. Дорога через соборную площадь на автобусную остановку была открыта. Не останавливаясь и не оглядываясь, он быстрым шагом направился вдоль церковного забора, когда вырвался из толпы на перпендикулярной улице, то пошарил глазами в поисках подходящего частного. Юркий жигуленок с натертым нюхом тут-же притормозил возле. Коца залез в салон, пастух сзади нетерпеливо подтолкнул в спину.

— Силен, ходок, — проворчал Коца, когда машина тронулась. — Как привязанный.

— А как же, с детства приучены за стадом ходить, — довольно ухмыльнулся сосед. — Это ваши городские шага лишнего ступить боятся, а мы что, мы люди простые.

Валютчик, не обращая внимания на вновь посыпавшийся словесный поток, отвернулся к окну и задумался, он не мог прикинуть, в каком месте оставить клиента, чтобы не таскать его за собой. Спокойствия в подъезде дома любовницы тоже никто не обещал, к тому же, хотелось убедиться, все ли в порядке и на собственной квартире. Там за время отсутствия вольны были похозяйничать кто угодно угодно. И пусть он с некоторых пор особых зачачек старался не держать, но и отдавать того, что отложил на черный день, не собирался. Наконец, простая мысль решила прорезаться сама, и Коца, как только жигуленок поравнялся с супермаркетом на Северном жилом массиве, попросил водителя остановиться. Он подтолкнул клиента в плечо, указав на небольшой скверик перед входом:

— Видишь разноцветные лавочки? Присаживайся на любую и жди меня.

— А ты куда? — беспокойно оглянулся на него мужик. — Может, и я с тобой?

— Со мной нельзя, хозяева будут против, — объяснил ситуацию Коца, не переставая подпихивать его в бок. — Я только деньги возьму, и сразу обратно.

— Где возьмешь?

— Какая тебе разница... отсюда пара кварталов.

— А когда вернешься? — не прекращал деревенский мужик терзать подозрениями.

— Минут пятнадцать... Что ты как неродной?

Пастух неторопливо потянул на себя ручку дверцы, вылез наружу и остановился на обочине, валютчик, махнув рукой, чтобы он проследовал к лавочкам, дал водителю знак трогаться. Когда подкатили к нужному дому, внимательно обследовал пространство перед ним, оно было чистым. Он перекрестился и, взбежав по лестнице на площадку между этажами, нажал на кнопку звонка. За дверью послышались аккуратные шаги.

Горячие объятия расслабляли, не давая возможности держать себя в руках, женщина, соскучившаяся по ласкам, терлась пушистым зверьком о грудь, захватывала шею губами, распечатывая вмиг зардевшиеся щеки. Но тревога за сокровища, отвоеванные с таким трудом, не позволяла размягчаться ни на секунду, мысль о том, что все еще впереди, заставила оторвать от себя гибкие руки и отодвинуть подругу на расстояние:

— Скоро все закончится, и тогда я к тебе приду, если согласишься, насовсем, — прикоснулся Коца ответным поцелуем к податливым губам. — А сейчас прошу тебя, пройди, пожалуйста, на кухню и займись там чем-нибудь, я должен раздеться и перетарить кое-что из вещей, принесенных с собой. Меня уже ждут.

Молодая женщина с сожалением причмокнула, послушно дернула на себя приоткрытую дверь кухни. Дочери дома не было, наверное, она играла с детьми во дворе. Валютчик, пройдя в спальню, перевернул на кровати матрац, нащупав рубец, запустил под него ладонь и подтащил пальцами наружу плотный пакет с пачками денег. Выбросив на пол несколько тугих квадратиков, затолкал заначку обратно, аккуратно заправив концы простыни, распихал упаковки по карманам, на ходу располовинив одну на две равные части. Уже при выходе за порог привлек к себе мягкое женское тело, откинув распущенные волосы, всосался в распухшие от волнения алые губы, проталкивая одновременно за отворот халата хрустящие разноцветные банкноты. И заскакал по лестнице вниз, не оглядываясь и не сожалея о возможности еще раз насладиться удовольствием от общения с любимым человеком.

Пастух дожидался валютчика там, где ему было указано, Коца, поманив его за собой, зашел в подсобные помещения супермаркета и забежал в туалет. Закрыв дверь на шпингалет, шлепнул пачками денег по тумбочке сбоку раковины — времени на обмен репликами уже не оставалось. Мужик тоже решил нарушить негласный этикет, он, вытащив из-за пазухи неизменный кусок плотной материи, дернул его за концы, пристроил рядом с банковскими упаковками. Такого полотна у него имелось, скорее всего, вагон и маленькая тележка. Коца разбросал концы платка в стороны, снова в свете электрической лампочки под невысоким потолком запыхали бенгальскими россыпями генеральские звезды с кольцами, подвесками и колье, усыпанными драгоценными камнями. И в который раз от этой красоты в груди образовался прохладный пузырек, продолживший растекаться по всему животу, по рукам и ногам, до кончиков пальцев. Во рту моментально пересохло, подумалось, что над полным сундуком сокровищ на квартире у пожилой еврейки чувства были бледнее, наверное, усталость укатала не только их, но и укоротила остроту зрения, взвинтив до предела лишь нервы. Валютчик потрогал каждую из вещей, чтобы успеть насладиться светлым сиянием, ведь раритеты могли просто перейти из сумки в сумку, так и не порадовав временного их обладателя отточенностью граней, а чахнуть над ними продолжают люди с большими состояниями.

Сегодня мужик предлагал звезду и знак святого Владимира первой степени. Звезда представляла из себя размеченный прямыми лучами восьмиугольник, с той лишь разницей,

что углы выглядели не острыми, а как бы сглаженными. Старинное золото совместно с живописной эмалью и серебряным поверху шитьем богато переливалось даже в измятых лучах современной лампочки Ильича. Точно так же полоскал языками глубокого пламени знак в виде креста с древним двуглавым орлом в центре круга. Рядом отливала серебром ромбовидная медаль “За труды и храбрость при взятии Праги”, отчеканенная в 1794 году, по другую сторону звезды лежала овальная медаль “За храбрость, оказанную при взятии Очакова” в 1788 году. Под ними извивалась толстой змеей золотая цепочка со звеньями в виде корон с маленькими бриллиантами в крестиках над ними, с алыми рубинами по бокам и синими сапфирами по низу. Цепочка заканчивалась массивным замком в форме гремучей змеи, разинувшей пасть. На кольце покачивался на середине с боку на бок крупный необработанный алмаз. Под ювелирными изделиями снова поблескивала россыпь золотых монет разного достоинства, искрились ближе к краю подвески из крупного жемчуга с темно-зелеными изумрудинами между матово-белыми зернами, изумительной красоты колье из множества различных драгоценных камней, вправленных в золотые гнезда. Они манили неземным светом, заставляя чувствовать себя как на дне Средиземного моря среди коралловых рифов с экзотическими рыбками между ними. Тяжелый мужской перстень, украшенный черным агатом с бриллиантом в три карата, окружали несколько женских перстеньков ажурного плетения. И такая сила, такая мощь исходила от всего этого богатства, что грудь невольно вздымалась выше, а фигура начинала самостоятельно распрямляться. Валютчик в который раз внутренне охнул, переступил с ноги на ногу, и опять его состояние не осталось не замеченным мужиком, по прежнему доверявшему лишь своей интуиции. Облизав потрескавшиеся губы, покрытые белым налетом, он смял лицо в довольной улыбке:

— Я и говорю, красота писанная. Будем торговаться, или мне заворачивать оглобли?

— Ну ничего тебя не берет, — возвращаясь в действительность, захмыкал валютчик. — Забыл, что у меня с собой пушка?

— Не забыл. Но ты не из этих... как их называешь, не из отороженных, — пастух быстренько ужал плечи. — Иначе я бы не подошел к тебе на кнутовище.

— Уговорил, давай торговаться, — Коца откинул уголок тряпки, ковырнул ногтем маленькую кучку золота, прятавшуюся под ним. — А что это ты еще прихватил?

— Хорошая вещичка, кисеюшка такая, — мужик моментально подался вперед. — Кольчужка, сотканная из золотых проволочек.

— Для чего она предназначена?

— Без понятий, но вещь нужная.

— В хозяйстве пригодится? Накидал, что под руку попало, — валютчик снисходительно посмотрел на клиента. — Называй свою цену, коммерсант.

— Не-е, мы так не договаривались, сначала назови ты, а я прикину, подойдет, или нет.

Минут через пятнадцать в дверь нетерпеливо постучали, пастух накрыл ладонями тряпку с сокровищами, вильнул глазами по углам туалета, Коца сунул руку в карман. Но стучавшим оказался подсобный рабочий, за ним в нужник забежала кладовщица, оба окинули незнакомых им людей такими взглядами, что место сделки пришлось срочно менять. Торг продолжили в конце длинного и темного коридора, зато он завершился намного быстрее. Коца, перед выходом на улицу начал осторожно прощупывать пастуха на предмет очередного приезда.

— Теперь не скоро, дочка с зятем и внучком съедут сразу после Нового года, а у меня делов по хозяйству невпроворот. Боровков надо кастрировать, а там шерсть с овец

состригать, — забурчал довольный сделкой пастух, запахивая полы овчинного полушубка а за ним брезентового плаща. — Ближе к женским праздникам, когда они снова напомнят о себе либо письмом, либо телеграммой, мол, накопились, растратились.

— И деньги закончились, — поддакнул валютчик, — А там Дон-батюшка разольется, а по половодью какая езда.

— А что нам половодье, мы живем на высоком берегу, — не согласился собеседник. — В станицу Раздорскую если, за припасами, и то, ловчее до Усть-Донецкой на перекладных.

— Значит, расстаемся надолго. Не получится ли так, что если помощь дочери покажется маленькой, ты соберешься ехать, а кругом праздники. И я тоже не предупрежденный, как в этот раз.

— Давай-ка договоримся вот как, если надумаю обратно, отсчитай на любой неделе опять среду. До полудня как пить дать доберусь, — остановился мужик на выходе из помещений. — Но ты чтобы ворочал делами на своем месте, возле входа в магазин.

— Обещать ничего не буду, — замялся валютчик, переступая за порог. Стремление мужика успеть как можно быстрее нажитых на обнаруженных им сокровищах теперь не входило в их с Микки Маусом планы. Чем позднее тот узнает о пропаже, тем больше уверенность, что основной клад они тоже сумеют раскопать и вывезти в надежное место. Сейчас первейшей задачей было пристроить поскорее богатства из привезенного сундука. — Ты видишь, что кругом творится? Отморозки с ментами проходу не стали давать, того и гляди на тот свет отправят. Я бы посоветовал тебе не спешить.

— Жрать-то они, конечно, не просят. Тут ты прав, — загундосил пастух, выдираясь из дверей вслед за ним. — Но и бестолку лежать никакого резону, по телевизору передают по всем каналам, что ценности требуют оборота.

— Все правильно, постарайся учесть одно, что если разбалуешь дочку, она с твоей шеи уже не слезет, пока не дознается, откуда пачки денег.

— Верно заметил, и тут палка об двух концах, — хлопнул мужик ладонями по бокам. — Она уже сейчас как хорошая ищейка, со следа не сходит.

— Мой тебе совет, ложись на дно и замирай до благоприятных дней, и не забывай, что у нас бандитский передел начался тоже. — валютчик, ставя точку в разговоре, протянул руку. — К нам носа месяца два-три не показывай, иначе не рад будешь, что родился.

— Так то оно так, но договор между нами пусть остается в силе, — пастух хитровато поморгал белесыми ресницами. — Ежели какая оказия, я сразу к тебе.

— Ну... как знаешь, — Коца, поняв, что лишние уговоры только добавят мужику подозрений, похмыкал в поднятый воротник пальто. — Ты куда сейчас?

— На автобус и до автовокзала.

— Возьми лучше частника, так надежнее.

— А ты знаешь, по сколько они просят? Я за такие деньги лучше пешком дотопаю.

В троллейбус они залезли вместе, но как только доехали до Нариманова, валютчик потрепал мужика за плечо и выскочил на остановке. Сунув руки в карманы, проводил взглядом рогатый транспорт с нескладным клиентом, ужавшимся на сидении, нырнул в лабиринты двух и трехэтажных хрущевок. Он решил, прежде, чем возвращаться на квартиру на проспекте Семашко, проверить замки на двери собственного жилища, в котором не показывался несколько дней, к тому же, драгоценности, вновь приобретенные у пастуха, вынуждали спрятать их понадежнее. Возвращаться к любовнице не стал по двум причинам, во первых, плохая примета, во вторых, он бы не сумел оттуда вырваться до окончания

праздников. А сокровища, оставленные у мужеподобной Эльфриды Павловны, требовали безотлагательного по ним решения. Коца, покрутившись, как в прошлый раз, по коротким переулкам, зашел за дом напротив, осмотрел осторожно собственные двор и подъезд. Кажется, все было тихо, лишь сосед по лестничной площадке со сдвигом по фазе покачивался маятником вдоль фундамента. Коца быстрыми шагами пересек двор, вошел в вечно темный коридорчик, пропахший кошачьими испражнениями, он уже ступил было ногой на ступеньку короткой лесницы, когда голос соседа заставил притормозить.

— Санек, чего тебе? — обернулся валютчик к нему.

— А вас ограбили, — радостно сообщил бывший кандидат точных наук. — Мы замотали дверь на проволоку.

— О, как! Милиция приезжала?

— Никто не захотел сообщать, потому что возни много. Могут и самих привлечь.

— Кто грабил не заметил, может, в глазок подсмотрел?

— Не-е, я не в курсе. Но вытащили достаточно — телевизор, магнитофон, одежду, остались только холодильник с письменным столом, — кандидат нездорово гоготнул. — Наверное, в проеме застряли.

Больше спрашивать было не о чем, Коца, поблагодарив, взбежал по ступенькам, открутил от ручки двери проволоку. В квартире снова царил бардак, на полу валялись растрепанные книги, белели остатками фанерных днищ перевернутые кровать, диван и кресла, домушники отвинчивали даже гайку в основании настольной лампы, не говоря о картинах, оборванных с гвоздей. Значит, искали по наводке и целенаправленно, а потом оторвались, не найдя ценностей, на том, что мозолило глаза. Коца сумел отыскать в навале запасные ключи, проверив замки и отметив, что один из них, которым сто лет не пользовался, в целости и сохранности, притянул дверь к лудке, затем прошел на кухню, сунул руку за обшивку стенки, смастеренной своими руками. Сердце отозвалось радостью, заначка с золотом и деньгами оказалась нетронутой. Он включил свет, зашторив окна, развернул ее, тяжеленькую, на кухонном столе, потрогав вещи с небольшими сверточками, подцепил из внутреннего кармана пастухов узелок, пристроил, не заглядывая в него, между тихо звенящими ювелирными изделиями. Надежно упаковав, водворил прибавивший в весе сверток в тесную щель между фанерными листами. Зазвонил телефон, Коца снял трубку, подумав, что Микки Маус решил напомнить о себе, но на том конце провода, выждав пару секунд, отключились. В голове мелькнула мысль, что лишний раз не стоило подтверждать свое присутствие дома, но эта мысль как пришла, так и ушла. Помыв руки, он поставил чайник на газовую плиту, в холодильнике, как всегда, оставался кусок копченой колбасы с парой пачек плавленых сырков. Хлебом можно было разбить голову чемпиону мира по боксу, но на то он был и хлеб, что боялся воды. Коца, скинув пальто, попил горячего чаю, сразу ощутив, как оживились мускулы тела, потом засветил в комнате люстру, терпеливо принялся за уборку. Эта нудная работа была не в новинку.

Уборка затянулась до позднего вечера, когда осталось подмести пол, в дверь негромко постучали, Коца, покосившись на шторы на окнах, обратил внимание на то, что край одной завернулся, обнажив порядочный кусок рамы. Дело имело все шансы принять худой оборот, потому что никто не знал, что он находился здесь. Приятели, звонившие изредка, привыкли к его частым отлучкам к любовнице, а больше его жизнью никто не интересовался. Выключив свет, он прокрался на цыпочках к другому концу окна, отогнув угол, всмотрелся в темноту улицы. Показалось, что к стене прижималась чья-то тень. Новый стук в дверь

заставил резко обернуться, он был негромким, но настойчивым. Валютчик, отпустив материю, пересек комнату, вдавился в дверной глазок, лампочка на площадке отсутствовала, из-за этого чернота подъезда оказалась непробиваемой. Коца, нащупав на вешалке пальто, вытащил из кармана пистолет, не снимая его с предохранителя, снова приник к окуляру глазка. Если бы стучал сосед, он обязательно распахнул бы свою дверь, чтобы свет падал на лестничную площадку, или кто-то из жильцов тоже давно подал бы голос. Значит, на той стороне таился чужой. Коца, решив, если стук повторится еще раз, рывком дернуть ручку на себя, щелкнул выключателем и подобрался. Минут через пять по ступенькам задробили к выходу торопливые каблуки, по косяку саданул с ходу ногой не иначе молодой и спортивный, заслякал грязью на улице. Валютчик, шумно выдохнув, прислонился плечом к углу стены. И в этот момент на уровне головы раздался грохот кулаков по дереву, показалось, что дверь, заходившая ходуном, вот-вот сорвется с петель. Коца отпрыгнул озлобленным зверем в комнату, направил ствол пистолета на вход, подумал, что беспредельщиков намного больше, чем он предполагал. Задерживаться в квартире нельзя было ни в коем случае, отморозки из нескольких группировок давно вычислили и его убежище, и номер телефона, оставалось одно, принять бой возле собственной кровати. За окном послышался громкий разговор, в груди невольно всколыхнулась обида на то, что в этой стране нельзя найти спасения даже в своем жилище. А лудку уже выворачивали с корнем, валютчик, дождавшись, когда в образовавшемся проеме опять мелькнет чья-то пыжиковая шапка, снял пистолет с предохранителя, нажал на курок. Так-же хладнокровно он выстрелил еще раз. За ненадежной преградой громко вскрикнули, один раз, второй. Коца понял, что обе пули попали в цели, он, подскочив к окну, поймал на конец ствола неясные силуэты, глухие звуки стрельбы застряли в старых обоях на вечно мокрой штукатурке. Коца, метнувшись на кухню, выдернул заначку из тайника, запихнув ее во внутренний карман пальто, накинул его на себя, и сам сорвал дверь с петель. Больше брать здесь было нечего, документы пришлось из-за частых взломов квартиры перевезти к любовнице, как и почти всю наличку. Он, переступив через тела молодых парней, корчившиеся на полу, сбежал вниз и, не оглядываясь, помчался к углу следующего дома, путь предстоял теперь только один — на проспект Семашко, в затхлую конуру пожилой еврейки Эльфриды Павловны. В ней должен дожидаться его прихода Микки Маус, с которым он был повязан кровью, успевший, наверное, зачехнуть на полном драгоценностей сундуке. Пройдет совсем немного времени, валютчик вернется на старое место жительства, но только для того, чтобы продать хрущобу, прибавив копейки, вырученные за нее, к своим большим деньгам, которые будут обязательно. Для него дарить государству даже такую конуру считалось за падло, с паршивой овцы, как говорится, хоть шерсти клок.

Он услышал уже за будкой газового конденсатора еще несколько глухих выстрелов, раздавшихся в подъезде их четырехэтажки, но они не произвели никакого впечатления. Он остался жив, он вырвался на свободу, и это было самым главным.

Глава двадцать пятая.

В чеченском казино на главной ростовской улице в день наступления Нового года наконец-то закончился траур. Он продолжался больше недели в память об отряде боевиков под командованием Ахмеда Атагирова, помощника Удугова, известного ваххабитского политинформатора, и полевого командира Вагифа Сукашева, погибшим от рук донских омоновцев с кубанскими казаками. Их расстреляли сразу за Армавиром, небольшим краснодарским городком, уничтожили всех до одного вместе с колонной автомобилей, экспроприированных у новых русских бизнесменов. После чего главарь банды Асланбек надолго залег со своими боевиками на дно, отказавшись от участия в сделках, даже явно выгодных. Приближался Новый год, ментовская слежка ослабла, пришла пора вылезать из подполья, тем более, что по данным, полученным недавно, подтверждалось существование клада казачьего атамана Стеньки Разина. Судя по предварительному описанию царских раритетов, привезенных снова мужиком с периферии, этот клад мог потянуть на несколько миллионов долларов, если не на весь миллиард. Разведчиков, посланных в дозор из боевого состава банды, подорвали неизвестные конкуренты, те лишь успели сообщить, что обнаружили в полусгнившем доме посередине заброшенного хутора сундук с драгоценностями. На этом связь оборвалась. Асланбек, запретив брать мужика для того, чтобы выбить из него необходимые сведения, направил на хутор своих людей, но как стало только что известно, тех тоже постигла печальная участь. Сундук с сокровищами исчез, события разворачивались из ряда вон выходящие. Главарь, отдав приказ догнать во чтобы то ни стало конкурентов и уничтожить, надумал взять и мужика, хотя осознавал, что люди из захолустья вряд ли расколются сами. Они предпочтут умереть на богатстве, упавшем им с неба, нежели с кем-то поделиться. Крестьянин, по данным из того же источника, снова объявился на центральном рынке Ростова, мужик и здесь сумел ускользнуть из рук верных людей, несмотря на капитальную слежку за всеми, причастными к делу. Асланбек нервничал, его не покидали мысли о том, что банду тоже ведет уголовка, из Чечни несвоевременно приехали три молодые девушки-шахидки с поясами смертниц под одеждой. Басаев решил провести на юге России, оставив на время Москву в покое, несколько террористических актов. И пусть мирный договор с донскими и кубанскими казаками был заключен, главного террориста этот факт мало волновал. Уже прозвучали взрывы в Волгодонске, дороги назад, ко всеобщему признанию, больше не существовало, оставалось идти напролом только вперед. Он использовал для этого любую возможность, вплоть до привлечения к возмездию над русским народом, не осознавшим его робингудства, криминальных чеченских структур. Одной из таких значилась группа беспредельщиков под руководством Асланбека, ей предписывалось оказывать помощь шахидкам, направленным в Ростов, снабжая тех всем необходимым. Главарь постарался поселить девушек в лучших квартирах, обеспечил питанием, и теперь, в последний день перед Новым годом, обдумывал вместе с представителем от Басаева, в каком месте они смогут взорвать бомбы. Кровницы получили инструктаж из уст своих инструкторов еще на территории Ичкерии.

— Это, в первую очередь, центральный рынок Ростова, людей там в выходные дни набивается до нескольких десятков тысяч человек, — рассуждал неторопливо чеченский эмиссар, оглаживая по привычке голый с недавних пор подбородок. Он сидел на низком диване, на столике перед ним, как и перед хозяином комнаты с еще одним гостем, дымились

маленькие чашечки с кофе. — Когда прозвучит взрыв, гяуры бросятся на выход, а ворота на рынке проектировал наш человек, в смысле, словно специально под наш замысел — они узкие, кроме того, посередине стоят турникеты. Начнется давка, в которой погибнет еще энное количество свиней, этот эффект просто обязан оправдать наши надежды. Женщины тоже должны быть довольны, потому что сура в коране в ваххабитской трактовке подтверждает, что шахидка, приведшая в действие взрывное устройство, сразу займет на небе место в раю. Она станет мужчиной за свой смелый поступок.

— Ты прав, уважаемый, если в автобусе или в другом транспорте жертв взрыва бывает меньше, то в толпе их всегда больше, — согласно кивнул головой второй гость, развалившийся рядом с Асланбеком, недавно тоже бородатый. — Толпа как стадо, она неразумна, и гибнет из-за этого массово. Кроме того, кровницам спрятаться в ней несравненно проще.

— Я согласен с вами, но опыт палестинцев доказывает иногда обратное, — Асланбек наклонил голову вперед. — Например, замкнутое пространство в автобусе имеет свойство охватываться пламенем. Это раз. Паника там эмоциональнее, это два, в третьих, взрывная волна не расходуется напрасно из-за ограничения стенами. Она не поглощается бесконечностью, а действует целенаправленно, поэтому, жертв в городском транспорте по сравнению с уличным, скажем, скоплением народа, может быть больше.

— Уважаемый, ты забыл про окна, они вылетят и смягчат силу взрыва, — мягко улыбнулся эмиссар. — Через них, ко всему, легко вылезти наружу.

— Я про них не забывал, еще хочу напомнить, что действие будет происходить не в развитых странах, а в России, в которой автобусы, закупленные по дешевке в государствах с арктическим климатом, имеют на окнах двойные толстые стекла. Их никто не думал менять, они, закаленные особым способом, выдержат взрыв атомной бомбы, а если начнут вылетать, то обязательно вовнутрь.

— В этой стране взорвать бомбу можно где угодно, подъезды совсем не закрываются, входы в публичные места не охраняются, контролеры берут взятки на любом виде транспорта, — второй гость отхлебнул из чашечки с кофе. — У нас одна проблема — подыскать достойных шахидок, чтобы, как в Москве, не сдавались раньше времени местным властям.

— Девушек достаточно, в том числе из русских. И все-таки, я склоняюсь к центральному рынку, на миру и смерть красна, как говорят те же русские. Женщинам будет легче нажать на кнопку, смертельную для них.

Асланбек вытер губы салфеткой, скомкал бумажку и бросил на стол, затем посмотрел на выход из комнаты. Чеченец в черном костюме, стоявший у дверного проема, сделал знак рукой, две русских официантки внесли на вытянутых руках подносы с яствами. Пришла пора подкрепиться хорошим коньяком и закусить отборными продуктами. Недаром начальник областного Управления милиции, интересовавшийся недавно его делами, намекнул на то, что беженцы из бывших союзных республик стали жить лучше самих хозяев страны. На что Асланбек ответил, что эта тенденция прослеживается по всему миру, мол, аборигены не в состоянии заметить залежи золотой руды у себя под ногами. Не хотелось вспоминать лишь о замечании генерала, когда тот указал, что в Японии, как в других развитых странах, конфетку вертят из ничего, а в Чечне народ испокон веков оставался способным только на грабеж на больших дорогах. Мол, что толку обсуждать великодушных русаков, разбалованных пространствами, сумевших добротой сделать только одно — заставить одну

шестую часть мира говорить на своем языке.

Асланбек, разрешив кивком головы девушкам покинуть помещение, сорвал пробку с бутылки и вновь обратил взор на присутствующих:

— На какое число Басаев, эмир Чечни, назначил акт возмездия? — спросил он у поджарого эмиссара.

— На сегодня, на два часа дня, чтобы Россия в следующий год вошла с кровавыми соплями под расшлепанным носом, — отозвался тот, принимая от хозяина рюмку. — Чтобы тридцать первое декабря россиянам запомнилось как Буденновск или станица Первомайская, для этой цели шахидки разъехались по разным городам, они подорвут себя по сигналу в одно время.

— Сегодня наступает канун Нового года.

— Сегодня на центральном рынке ожидается столпотворение, — добавил, поднимая свою порцию, третий молчаливый гость.

— Ну что же, пусть аллах встретит по достоинству души чеченских шахидок.

— Аллах акбар.

Гости, опрокинув рюмки в рот, взяли руками за сочные куски баранины, приправляя их солидными пучками зелени. Чеченец, стоявший у входа, принялся изучать замысловатый рисунок, выбитый на портьерах. Наконец, проводники насытились и потянулись к салфеткам.

— Уважаемый Асланбек, у нас к тебе еще один вопрос, — эмиссар, промокая квадратный подбородок, блестящий от жира, развернулся лицом к хозяину. — Мы знаем, что ты напал на след казачьего клада, раскопанного на одном из островов посреди реки Дон. Говорят, что там сокровищ хватит на то, чтобы выкупить у Америки и присоединить к Ичкерии Аляску, проданную русскими. Как идут дела в этом направлении?

— Очень трудно, я уже потерял больше десяти джигитов из маленького своего отряда, — главарь чеченских беспредельщиков сложил руки на груди. — Объявились конкуренты, которых мы никак не можем вычислить, они ускользают из-под самого носа.

— Из числа русских отморозков или из самих ментов? — встрепенулся политинформатор. — Мы знаем, что здешние милиционеры научились ни в чем не уступать соплеменникам-бандитам.

— Если бы удалось захватить хоть одного, мы бы с него шкуру с живого содрали. Сегодня утром я получил сообщение, что неизвестные конкуренты расстреляли под Шахтами еще несколько человек из группы, посланной в погоню за ними. А в самом Ростове произошла перестрелка на Северном жилом массиве между отрядом наших людей, выехавшим на перехват, и ментовским патрулем. И снова не без жертв.

— Очень интересно, и куда же подевались преследуемые?

— Как только ворвались на окраины Ростова, они как сквозь землю провалились. Признаюсь, что они для отрыва использовали наш джип “Чероки”, забросав перед этим гранатами моих бойцов, находившихся в салоне.

— А чем занимались твои люди в этот момент? — эмиссар грозно сдвинул брови.

— Они притаились в засаде. Была ночь...

— А выставить часового было лень, — продолжил важный гость. — Дежурили на авось, по русски, подменяя друг друга прямо в кабине автомобиля.

— В России войны нет, бояться нам некого, — встал было Асланбек на защиту подчиненных. — Но ты прав, уважаемый, они допустили роковую ошибку, пусть аллах

примет их души.

— Аллах акбар.

— Главное в другом, как сумели бандиты подобраться незамеченными, ни дорог, ни прохожих. Джип замаскировался в лесопосадке, в кабине сидели волкодавы с первой чеченской войны. Скрипучий снег, сухие ветки деревьев.

— Это профессионалы, Асланбек, люди, которым о кладе стало известно раньше тебя, — оба гостя разом натянулись струной. — . Они из посвященных, значит, искать следует среди валютчиков, работающих на рынке.

— Я направил к жилищам каждого из них отморозков из числа местной шпаны со своими людьми во главе, но до сих пор утешительных сведений не поступало. Никто, кроме одного менялы, подозрений не вызвал.

— А кто этот один?

— Тот самый дикий гусь, выкупивший у крестьянина очередную партию сокровищ, он уже имел конфликт с моими джигитами. Но валютчик несколько дней назад пропал в неизвестном направлении, он не появлялся ни дома, ни на своем месте на входе в рынок.

— Один столько бед натворить не способен, — эмиссар задумчиво огладил подбородок. — Хотя среди русских, надо признать, встречаются тоже джигиты, не уступающие чеченцам ни в чем.

— Нужно, если имеется возможность, проверить все его связи, — добавил политинформатор.

— Мы этим занимаемся, есть в защиту этого дикого гуся еще один момент, — главарь банды чеченцев снова поднял бутылку над рюмками. — Он не очень интересуется деньгами, а работает по принципу купил-продал.

— Зачем тогда пришел на рынок?

— Наверное, идти ему после горячей точки было некуда. Дело в том, что он сам в камешках и в других раритетах из драгоценных металлов не разбирается, если приносят существенное, бежит за помощью к знающим менялам. Те за определенную цену дают ему совет.

— Странно. Тогда как этот дикий гусь и для кого выкупал у крестьянина очередные царские награды? Кто в этом вопросе его консультировал?

— Думаю, приобрел по случайности, пристроил еврею Пулиперу, старому нумизмату со звериным чутьем, который нагрел его как хотел, а свел валютчика с ним молодой жиденок по кличке Микки Маус. Это правая рука известного в Ростове собирателя древностей, на рынке он тасуется давно.

— Почему твои подчиненные у этого... Мауса не поинтересовались ни про дикого гуся, ни за все остальное? Он сейчас представляет из себя главное связующее звено.

— К сожалению, мышонок с бархатной шубкой тоже сделал ноги. Его нет нигде.

— И долго не будет, обоих, — политинформатор выразительно посмотрел на собеседников. — Мне кажется, они поняли, что попало в их руки и решили совместными усилиями искать купцов посolidнее, например, в Москве. Мужика тоже предупредили, чтобы драгоценности больше никому не предлагал, иначе секир башка.

— Ты хочешь сказать, что Пулипер ничего для них не значил? Этого не может быть, потому что своих евреи не надувают, — откинулся эмиссар на спинку дивана. — Хочу напомнить, что старый жидяра фигура знаковая, о нем в эшелонах высшей власти Ичкерии давно идут разговоры.

— Никто не спорит, богатые люди нам нужны. Но я отвечаю на вопрос, считаю, что одного Пулипер держал за осведомителя, отстегивая определенный процент, второго вообще за обыкновенного лоха.

— Я должен прояснить ситуацию, наш неутомимый нумизмат тоже исчез из поля зрения, — Асланбек поднял рюмку над столом. — За ним охотились не только представители криминальных групп, но и сексоты из областного Управления милиции.

— Тогда дорога у Пулипера должна быть одной — за границу.

— Прости, уважаемый, но тогда вырисовывается некий порочный круг, который включает в себя всех троих, потому что они работают совместно, — не согласился удуговец. — Вам не кажется, что я прав?

— Очень интересная мысль, значит, эта троица имеет возможность сокровища переправлять за кордон. Недаром Пулипером интересовался сам Яндарбиев, — вскинул эмиссар голову. — Коллекционера следует прощупать со всех сторон, а если он успел убежать за рубеж, достать его и там. Наши люди есть теперь везде.

— Круг надо немедленно разорвать.

— Чтобы драгоценности, просыпавшиеся из него, попали не на английский аукцион Сотбис, а в наш мешок, вовремя подставленный.

— Аллах акбар.

Присутствующие выпили, хорошо закусили. В это время стоящий на входе чеченец в черном костюме протянул Асланбеку мобильный телефон, произошло, наверное, что-то очень серьезное, иначе он не осмелился бы отвлекать главара. Тот, приложив к уху плоский аппарат, выслушивал некоторое время донесение, затем сунул трубку в верхний карман рубашки, пригладил иссиня черные волосы:

— На центральном рынке объявился тот самый дикий гусь, — сообщил он гостям, взглянув на часы. — Но это не все, он встретился возле главного входа с крестьянином, отыскавшим атаманский клад.

— Их надо брать немедленно, — подобрался эмиссар.

— Их необходимо отвезти в подвал под двухэтажным домом на Кацапстрое, — поддержал его удуговец.

— Я сказал не все, — главарь ростовских чеченцев криво усмехнулся. — Они исчезли из поля зрения наших наблюдателей.

— Как они смогли это сделать? — оба гостя вновь развернулись к нему.

— Они применили очень простой прием, зашли за продуктовую палатку и использовали ее в качестве шор на глаза. Иногда так в аулах поступают с ослами, ходящими по кругу и добывающими воду из глубоких колодцев.

— О таком приеме мог знать только спецназовец, прошедший хорошую боевую школу.

— Думаю, ты прав, для нас дикий гусь оказался не подарком.

— Дело начинает принимать дурной оборот, не его ли это работа, что в заброшенном хуторе, что на ночной трассе?

— В его квартире необходимо устроить засаду.

— Если он вернется туда.

— Он обязательно зайдет к себе, он сейчас начнет искать место для вновь приобретенных сокровищ.

— У него таких схронов должно быть достаточно.

— Свое надежнее всех, вместе взятых.

— Я уже направил к нему людей, — подключился хозяин комнаты к разговору.

— Усиль группу настоящими профессионалами своего дела, такими, которые могут на лету отстрелить яйца у комара

Небольшая комната превратилась в засаду с тремя кровожадными охотниками, если бы не было проблем главнее, они, чтобы ускорить ход событий, давно сорвались бы с места. Асланбек, разлив по рюмкам коньяк, посмотрел на эмиссара, тот демонстративно поднес к лицу руку с часами. Золотые стрелки “Роллинга” замерли на одном часе дня.

— Уважаемые, нам пора, наступил пик возмездия, — твердо сказал он. — Надо доставить наших шахидок в назначенный район и проследить, чтобы приказ эмира Ичкерии был выполнен.

— Женщины выйдут из дома вместе? — быстро спросил Асланбек, протягивая ему рюмку.

— Нет, до базара ровно десять минут ходьбы и сначала отправится одна, через четыре минуты вторая, за ней через столько же минут третья, — проинформировал эмиссар, принимая коньяк, говорить об этом теперь можно было смело. — На подготовку к теракту отводится всего две минуты. Когда займут выгодные позиции для наиболее эффективного поражения, прозвучит команда привести взрывные устройства в действие.

— Чеченские кровницы расположатся треугольником, одна в центре рынка, вторая на выходе со стороны главных ворот, а третья на входе с проспекта Семашко, где достаточно частных палаток с разной мелочью, — добавил политинформатор, беря в руки свою порцию. — Мы наблюдали во всех трех точках наибольшее скопление народа и эти взрывы должны оправдать надежды наших боевых подруг на место в раю.

— Пусть будет так, как этого хочет аллах.

— Аллах акбар.

Асланбек без пяти минут два завернул налево и припарковал свой “Мерседес” на углу проспекта Большой Садовый и переулка Соборного. Выйдя из салона, он клацнул податливой дверцей, посмотрел вдоль старых зданий в сторону золотого собора и центрального рынка за ним. Следом выскочили два чеченца, один из которых выполнял роль телохранителя, второй был старшим над отрядом боевиков. Главарь отвернул через несколько минут рукав пальто, сверил свои “Сеико” с большими стрелками на циферблате колокольни, вознесшейся над базаром. Стрелки на обоих приборах показывали одно и то же время. Вскоре донеслись глухие звуки церковных курантов, прошла еще парочка томительных мгновений. Мимо спешили люди, из дверей многочисленных мастерских выходили покурить часовщики, ювелиры и фотографы, студенты у магазина компьютеров обсуждали свои проблемы. Асланбек снова приподнял край рукава на пальто, покосился на сопровождающих, которых никто не вводил в курс предстоящего события. Те ответили взглядами, говорящими, что они готовы выполнить любое желание господина. Постукав подошвами ботинок друг о друга, Асланбек прошелся по переулку взад-вперед, из расположенной напротив редакции ростовской газетенки выскочили две милостивые корреспондентки, заспешили по направлению к рынку. Он проводил их как всегда заинтересованно, разве что с легким налетом сожаления на волевых губах, опять, остановившись возле “Мерседеса”, поднес руку на уровень груди. Часы показывали десять минут третьего, от базара наконец долетел отголосок слабого взрыва, одного, и снова шум большого города заложил уши. Асланбек, открыв дверцу, упал в мягкое сидение, растерянно пошарил по приборной доске, подцепил пальцами болтавшиеся в замке ключи, и отпустил

их. Недоумение все больше завладевало резкими чертами его лица. В этот момент мобильник заиграл одну из горских мелодий, включив на прием, главарь прислонил его к виску, осевший голос эмиссара заставил подобрать ноги под себя:

— Уважаемый, игра окончена, — прохрипел тот в микрофон.

— Что случилось? — спросил Асланбек, чувствуя, как от груди пошел к животу холодок.

— Двоих шахидок ОМОНовцы задержали на подходе к базару, третью они же загнали в угол. Она смогла подорвать только себя.

— Почему? — попытался проглотить главарь шершавый ком в горле. — Неужели обе шахидки решили сдать властям?

— Одно сказать могу точно, не стоило им перед заданием такой важности наряжаться в национальные горские одежды, думаю, милиционеры зацепились за это в первую очередь. А после женщин выдал обыкновенный акцент.

— Они в состоянии аффекта выдадут все связи.

— Если уже не раскололись.

— Что будем делать? — Асланбек вытер рукавом пот, выступивший на лбу. — У меня проблем достаточно без этого.

— Проблемы надо решать, — проскрипел эмиссар.

Связь отключилась, главарь, посидев еще немного, разрешил кивком головы залезть в салон своим подчиненным, затем завел двигатель и сорвал машину с места. Если в ростовском отделении федеральной службы безопасности докажут его причастность в подготовке к взрывам, то год грозил закончиться явно не в его пользу. Побег в родную Ичкерия обещал твердо лишь одно — автомат на шею и гранатомет за плечи в какой-либо из шастающих по горным склонам банде боевиков, озлобленной на всех и вся, находящей удовольствие в истязаниях безоружных пленных. Чаще из гражданского населения.

Асланбек, покружив по городу, заехал на Нахичеванский рынок. Новый главарь армянских беспредельщиков еще не вошел полностью в курс дел группировки, обезглавленной и прореженной Слонком с отморожками с центрального базара, он поэтому не спешил с серьезными разговорами к другим лидерам банд, курирующих каждый свой район. Но с чеченцами толковище уже состоялось. Оба клана капитально вгрызлись в валютчиков с перекупщиками, причастных к поискам атаманского клада, оба лидера внимательно отслеживали каждое движение в этом направлении, кем бы оно не было сделано. Асланбек, остановив машину у тротуара, выдернул ключи зажигания, пальцем поманил за собой двоих помощников, затем поднялся по невысоким ступеням кафе, стоящего напротив рынка, толкнул дверь ногой. Народу в предпраздничный день в полутемном зале не оказалось, тихо поцокивала армянская музыка, скучал за стойкой бара кучерявый армянин.

— Где находится твой хозяин? — сходу спросил у него главарь чеченцев.

— А кто его спрашивает? — напрягся чернявый парень. Наверное, он просто подменял кого-то из своих — брата или другого родственника.

— Я тебя спрашиваю, он здесь? — Асланбек тяжело уставился в переносицу армянина. — Если в директорском кабинете, позови, мне надо с ним переговорить.

— Простите, но я должен как-то доложить.

— Скажи, пришел чхой, он поймет.

Парень живо вильнул задницей за дверь в дальней стене. Асланбек, пройдя к одному из

столиков у окна, расстегнул на пальто последнюю пуговицу, уселся в плетеное кресло. Достав деревянные четки, начал их перебирать, на входе заняли стулья сопровождающие его. Наконец, на другом конце зала показалась полноватая фигура заместителя Пархатого, оставшегося в живых, бывшего наместника от ереванских армян на Нахичеванском рынке. Он еще издали воздел вверх хваткие ладони, запричитал высоким голосом:

— Вах, какие гости пожаловали в наш скромный дом, честь и хвала друзьям бедных изгоев.

Главарь чеченцев встал, похлопал по спине прилипшего к его груди толстяка, пропахшего потом и кухней, ему хотелось поговорить с новым вождем, но того, видно, не оказалось. Впрочем, старый заместитель лучше знал обстоятельства дела.

— Садись, дорогой, сейчас я угощу тебя настоящим армянским коньяком, — влиятельный армянин присел напротив и облокотился о край стола. — Как дела, друг? Как семья, родные?

— Спасибо, Карен, хорошо, семья отдыхает в Турции, родственники в Ца Ведено защищаются от русских оккупантов. Дела потихоньку идут.

— Дай бог. Что можно еще пожелать патриоту своей родины, только здоровья на долгие годы.

— Пусть будет так, уважаемый. Тебе и твоим близким тоже всех благ и хорошего здоровья для осуществления вашей мечты.

Заместитель главаря приложил руку к груди, наклонил голову вперед, затем сделал бармену знак рукой. Когда тот подошел, тихо сказал несколько слов по армянски, и снова обратил к собеседнику лоснящееся жиром лицо:

— Э, что наши мечты по сравнению с американской, вот там мечта высокая, как небоскреб, — оба понимающе засмеялись, Карен хитровато добавил. — На заокеанском континенте эту мечту воплощают в жизнь.

— А мы воздвигаем ее здесь на собственной крови, — ухмыльнулся Асланбек.

— Разве что наши дети смогут увидеть свет ясного солнца, — согласился армянин.

— Боюсь, что нет, в этой стране солнце не восходит.

Официанты начали выгружать на стол еду и питье, кучерявый парень откупорил бутылку с “Ахтамаром”, плеснул в рюмки желтовато-красную жидкость, приятно пахнущую, и так же неслышно удалился. Собеседник поднял рюмку:

— За твое здоровье, дорогой, пусть дела у тебя не расходятся с желаниями.

— Уважаемый, пусть у тебя будет так же. Здоровья и благополучия на долгие годы.

Оба выпили, пососали лимонные дольки, затем закусили бутербродами с черной икрой. Армянин, плеснув по второй, отставил бутылку в сторону:

— Асланбек, расскажи, что тебя к нам привело.

— Я, вообще, намеревался встретиться с вашим новым авторитетом.

— Он уехал с друзьями отмечать Новый год, — быстро сказал заместитель. — Если дело серьезное, мы можем перенести встречу на после праздника.

— Совсем забыл, вы тоже по вероисповеданию христиане, — улыбнулся собеседник.

— Христиане, но григорианские, поэтому крестимся мы не справа налево, как русские, а слева направо.

— Думаю, разговор откладывать не стоит, — подумав, отклонил Асланбек предложение. — Меня заинтриговал ваш интерес к якобы раскопанному кладу атамана Стеньки Разина.

— Такая легенда среди валютчиков на центральном рынке ходит давно, — собеседник моментально подобрался. — Но, скажу тебе, у нас своя территория и свои интересы.

— Вы в сказки не верите?

— В них верят русские, а мы нерусские.

— А если это окажется правдой?

— Тогда наши пути расходятся, Россия — для всех.

Главарь чеченской банды насмешливо прищурил глаза, больше здесь делать было нечего, армяне, видимо, тоже решили не упускать большую рыбу, попавшую на крючок и к ним. Асланбек положил локти на край стола, цыкнув воздухом сквозь золотую коронку, вперился в вертявые зрачки отморозка, сидящего напротив:

— Этот дикий гусь, как его... Коца, которого кроме нас пасет кто-то еще, он наш.

— А кто такой Коца, меняла с рынка, что-ли? — развел руками армянин. — У нас есть к нему вопросы по поводу убийства члена нашей бригады, и он за это ответит.

— Зачем ему мочить первого встречного? Если он кого и убил, то только в свою защиту.

— Ему убивать не привыкать, в прошлом этот валютчик был диким гусем.

— Но не первого встречного, тем более, армянина.

— Ты на что намекаешь, дорогой? — согнал толстяк благодущие с лица. — Не забывайся, в гостях так себя не ведут.

— Разве я переступил законы гостеприимства? — притворно удивился чеченец. — Я только хотел предупредить, что Нахичеванский рынок с Центральным разделяет Театральная площадь.

— Это слышать уже приходилось, — откинулся армянин на спинку стула. — Вы не перешли, случайно, под ментовскую юрисдикцию? Как, например, Леха Слонок, бригадир отморозков.

Мобильник во внутреннем кармане пальто Асланбека заплясал дикий танец, он вынул его, метнув на собеседника испепеляющий взор, приложил к уху. То, что ему передали, заставило задергаться его правую щеку, главарь, прорывав в ответ несколько фраз на чеченском языке, нервно сунул сотовый за отворот пальто и встал из-за стола:

— Больше я повторять не буду, я свое слово сказал, — сверкнул он зрачками.

— Какое слово, дорогой, так хорошо начали! — армянин тоже вскочил на ноги. — Давай еще по одной, за дружбу.

— Дикий гусь наш, если с ним что-нибудь случится, отвечать будут все, — непримиримо ощерился Асланбек и направился к выходу из кафе. — Отыщем на дне моря.

Заместитель главаря нахичеванских беспредельщиков буркнул ему в удаляющуюся спину:

— Там уже много чего похерили, — он подергал коротким носом с черным волосом, торчащим из ноздрей. — Тебя бы, дикого козла, тоже отправить туда...

Но Асланбек этого уже не слышал, его разрывала злость на подчиненных, которые снова умудрились упустить валютчика с центрального рынка, замочившего и на этот раз нескольких членов бригады. Заскочив в “Мерседес”, он дождался, когда запрыгнут в салон помощники, затем врубил скорость и пошел по разделительной полосе наматывать расстояние в сторону центра города. Он не замечал ни елки на Театральной площади, ни окон и стен магазинов, разукрашенных по случаю праздника, им владело одно желание — добраться до валютчика и содрать с него с живого шкуру. Что будет потом, его мало волновало.

“Мерседес” пулей просвистел вдоль города, и если бы не праздник, в связи с которым движение почти прекратилось, аварии при тусклом уличном освещении было бы не избежать. Но жители успели уже запастись всем необходимым, они расползлись по домам, пора было самому вливаться в теплую компанию, чтобы забыть в дикой оргии нынешние печальные известия. Асланбек пересек проспект Соколова с приземистым зданием государственного банка, от которого было рукой подать до казино. Сегодня в тишине комнаты с приглушенным светом, отсеченной толстыми стенами от игровых залов, должны были собраться многие уважаемые люди, там его появления ожидали несколько сладких русских наложниц. Жена была далеко, она занималась воспитанием детей, а он, Асланбек, верой и правдой служил независимой Ичкерии. Главарь уже зарыскал глазами в поисках парковки для автомобиля, когда сидящий рядом телохранитель подал тревожный сигнал:

— Асланбек, возле входа в казино стоит милицейская машина.

Чеченец резко ударил по тормозам, зорко всмотрелся в освещенное рекламой здание через проспект, и вдруг увидел, что рядом с ментовским бобиком пристроился крытый УАЗик местного УФСБ с синей полосой вдоль кузова. Два бойца в камуфляже, с черными масками на лицах, расставили ноги на входе в помещение на первом этаже, на груди у них висели короткоствольные автоматы. Асланбек закрипел зубами, стукнул кулаками по рулевой колонке и сунулся головой вперед. Произошло то, чего он боялся больше всего, теперь оставался лишь один путь — назад в Чечню. Но и в этой республике за несколько лет войны разведчики федеральной службы безопасности научились работать виртуозно, отлавливая бывших боевиков пачками. По стеклам автомобиля в этот момент постукали чем-то металлическим.

— Гони, — зарычал старший над отрядом бандитов, сидевший на заднем сидении, заметался обезьяной, загнанной в клетку. — Асланбек, я не хочу в тюрьму.

— Лучше смерть в бою, чем вонючие камеры гяуров, — поддержал его телохранитель.

Главарь, бросив косой взгляд на тротуар и заметив, что у двери “Мерседеса” остановились вооруженные люди, что они быстро обкладывают машину со всех сторон, саданул открытой ладонью по переключателю скоростей, тут-же надавливая на педаль акселератора. Один из служивых попытался преградить дорогу, ринувшись на капот, автомобиль, завизжав шинами, прыгнул вперед разъяренным зверем. Асланбек смел высоким бампером бойца как пушинку, отшвырнул его на каменный бордюр, остальные бросились врассыпную. По корпусу зацокали первые пули, свистнули вдоль салона, пробив заднее с передним стекла. Соплеменники упали на пол, главарь, ужавшись на сидении до позы зародыша в утробе матери, завилял по широкому проспекту, стараясь сбить бойцам прицел. Нужно было доехать до первого переулка, и нырнув в него, помчаться по лабиринтам пустых улиц, образованных старинными зданиями. Он успел как свои пять пальцев изучить этот город с больше чем миллионным населением, знал все входы и выходы, было не обязательно мчаться на Ворошиловский мост, чтобы по нему прорваться на Батайск, а потом на родной Северный Кавказ. Там стояло достаточно постов с гаишниками, обвешанными оружием до зубов, с военными патрулями, приданными им в помощь. Можно проделать более долгий путь, зато менее опасный, через Западный жилой массив, и попытаться прорваться на степные просторы, а там он сумеет распорядиться своей жизнью по своему. Асланбек играл педалью газа, выворачивая руль то в одну, то в другую стороны, машину заваливало с боку на бок, но она беспрекословно слушалась хозяина. Остался позади Буденновский проспект, за ним переулок Халтуринский, автомобиль вылетел на площадь

имени Пятого Донского гвардейского корпуса, по мосту через железнодорожные пути устремился к телевышке. В этот момент из кузова крытого ЗиЛа, стоящего на съезде с моста, на землю посыпались солдаты в камуфляже, а с обочины рванулась наперерез милицейская патрульная машина. Соплеменники сняли пистолеты с предохранителей, почти не целясь начали посылать в противников пулю за пулей, в ответ сыпанул свинцовый град. Краем глаза Асланбек увидел, как обмяк на переднем сидении его телохранитель, как вскрикнул за спиной командир отряда, он издал гортанный клич и, направив “Мерседес” на ментовский “ДЭУ”, ударил его правым боком в радиатор. Протащил корейца несколько десятков метров, пока у того не оторвалось крыло. Снова в кабину впился рой свинцовых пчел, в зеркале заднего вида отразились фары от погони, вылетающей на прямую дорогу. Кто-то вдруг чиркнул раскаленным железным прутом чуть выше левого уха, Асланбек махнул пальцами по тому месту и с ужасом увидел кровь, прошипев сквозь побелевшие губы проклятия, вдавил педаль газа в пол. Теперь его могла остановить лишь смерть. Он летел по Западному массиву с жутким ревом из-за пробитой выхлопной трубы, с включенными на всю мощь фарами. Редкие встречные машины издали шарахались к обочинам и замирали на них с погашенными габаритными огнями.

— А-а, с-суки, усираетесь? — стирал главарь в пыль зубную эмаль. — Не зря воины аллаха отрезали вам половые органы, вы способны только на одно — плодиться и размножаться...

Чеченец уходил от преследователей все дальше и дальше, машины с маломощными двигателями были не в силах развить скорость больше двухсот километров в час. Патруль, таившийся в засаде на одном из крутых виражей, снова попытался его обстрелять, но и на этот раз безрезультатно, Асланбек прорвался, теряя осколки стекла, куски изодранной в клочья обшивки. План “Перехват”, введенный в городе, удался лишь отчасти, банда прославившегося зверствами Асланбека перестала существовать, но ее главарь остался невредимым, он не уставал выжимать из “мерса” новые лошадиные силы. Вылетев с другого конца Западного микрорайона, он вырвался мимо опустевшего авторынка, мимо автосервиса, в первобытную степь, менты с солдатами отстали окончательно. Чеченец, сдвинув меховую шапку набок, снова провел пальцами по виску, кровь, обильно текущая из глубокой раны, смочила волосы, шарф и воротник пальто. Требовалось остановиться и перевязать борозду, пропаханную пулей, но кто давал гарантии, что менты задержались на выезде из города, на то их и прозвали цепными псами. Асланбек, покосившись на молчаливых своих соседей, вихляющихся с края на край салона гуттаперчевыми манекенами, оскалил зубы и, подняв голову, завыл по волчьи, тоскливо и монотонно. Если бы кто услышал этот безысходный вой, он бы упал от страха в обморок. Отплакав, чеченец снова обратил все внимание на дорогу, притормозив перед очередным мостом через Дон, привязал на переднем сидении ремнями телохранителя, положил плашмя на заднем командира отряда боевиков. Затем достал из-под толстого половика на полу автомат с двумя запасными рожками, перезарядил пистолет, и вкатился на покрытые асфальтом бетонные плиты. Никто не удосужился выйти из темной будки ему навстречу. Главарь чеченских отмороzków, отъехав километра три, остановил изрешеченный пулями “Мерседес”, вылез из салона наружу. Поднял кулаки и, повернувшись окровавленным лицом в сторону города, гортанно выкрикнул. По русски:

— Я еще верну-у-ушь...

Вековая заснеженная степь вокруг сумрачно и безмолвно впитала возглас, ничего для

нее не значащий, она помнила орды диких степняков и горцев, устлавших ее перевозданное тело костями.

Глава двадцать шестая.

Париж отмечал Новый год, на Елисейских полях деревья на бульварах были обнаружены гирляндами разноцветных лампочек с бесчисленным множеством блестящих игрушек. Сама Эйфелева башня представляла из себя елку, более чем трехсотметровую, с увенчанной вершину электрической шапкой. Была середина сероватого дня, тротуары заливал свет неоновых реклам, воздух пропитался вездесущим французским парфюмом. По одному из бульваров с зеленой травой на цветниках прохаживался худощавый мужчина в возрасте. Это был Пулипер, он недавно прибыл из Германии и теперь, в ожидании нумизмата с международным именем, любовался видами столицы мировой моды, исполняющей заодно обязанности столицы старушки Европы. Парижский собиратель редкостей был как и Пулипер евреем, выходцем из России, из благословенной Одессы, попросившим с началом перестройки политического убежища у французского правительства. Он за каких-то десяток лет сумел раскрутиться на русских раритетах в мировую известность, к которой обращались за консультацией солидные люди. Аркадий Борисович, присев на аккуратную лавочку, вытащил небольшую бутылочку с чаем, отпил несколько глотков, затем поднял руку, чтобы посмотреть на часы, и сразу опустил ее. К нему приближался по дорожке, присыпанной желтоватым каменным крошечком, тоже худощавый человек за пятьдесят лет в короткополой фетровой шляпе и длинном черном пальто. Рядом как бы самостоятельно передвигалась тонкая бамбуковая трость.

— Бонжур, месье, — притронулся подходивший еще издали к головному убору.

— Бонжур, дорогой мой друг, — приподнялся с лавочки Пулипер, прикасаясь в свою очередь к меховой шапке.

— Силь ву пле, — нумизмат, пожав руку, вежливо указал на лавочку.

— Мы так и будем говорить на французском? — улыбнулся Аркадий Борисович, занимая место вновь. — Учти, из каждого языка я знаю всего по несколько слов.

— Пуркуа?.. — насмешливо сощурился собеседник и рассмеялся. — Сегодняшнее утро у меня началось с большого подъема.

— Все твои дела я сразу отбрасываю в сторону, они могут принести только беспокойство. Остается шерше ля фам?

— Си, ля мур, увы, я не исключаю возникновение семьи.

— Поздравляю, ты, я вижу, на Западе нашел себя окончательно.

— Почти, плохо только одно — налоги, они здесь выше, чем в Америке, — нумизмат поудобнее устроился на аляповато покрашенной лавочке, облокотился о ее спинку. — Приходится по старой одесской привычке шельмовать.

— Этот грех в крови у всех евреев, мне довелось прежде, чем покинуть Россию, пойти на такие уловки, что вспоминать об этом до сих пор тягостно.

— Я тебе сочувствую, ты во Францию прибыл по визе или по дипломатическим каналам?

— В Париж я по шенгену прилетел из Берлина, а выбираться из России в Германию пришлось с помощью дипломатов. Меня на тот момент уже повязали подпиской о невыезде.

— Наверное, основания на то были серьезные?

— Кое-что из этих оснований я прихватил с собой.

Парижский нумизмат с интересом воззрился на собеседника, по тому, как спокойно он

себя вел, можно было сделать заключение, что французским полицейским до лампочки, чем занимается подданный их свободной страны.

— И ты прямо здесь можешь это показать? — пощелкал он пальцами в воздухе.

— Если ты согласишься посмотреть.

— А что же ты молчал, когда звонил по телефону?

— Привычка, дорогой мой друг, на родине телефон у меня прослушивался.

— До сих пор? Не может быть!

— Я так думал, потому что думал так со времен советской власти.

— Ты прав, дорогой, я тоже не до конца избавился от ощущения, что за мной постоянно подсматривают, — мировая известность с сочувствием поцокал языком. — Тогда пойдем ко мне, я живу недалеко, на одной из рю за площадью Клемансо.

Оба крупных дельца пошли пешком по авеню Густава Эйфеля, свернули в сторону художественно освещенных шикарных дворцов, построенных еще по приказу Марии Медичи. Углубились за ними в одну из нешумных каштановых улочек в богатом районе города. Парижский нумизмат остановился перед скромным на первый взгляд подъездом, показал пальцем на свою квартиру на третьем этаже великолепно сохранившегося здания из восемнадцатого века с лепниной по фасаду. Затем прошел ко входу, дернул за веревочку, дверь открыл портье в расшитом позументами галантном костюме. Они поднялись по мраморной лестнице, обрамленной ажурным ограждением, на просторную площадку, и вошли в прихожую квартиры. Хозяин провел гостя в уютную комнату, усадил в мягкое кресло перед дубовым столом. Сказал что-то на французском языке возникшей на пороге миловидной женщине, она через несколько минут принесла поднос с маленькими чашечками с дымящимся кофе.

— С чего мы начнем? — хозяин, сделав несколько глотков и отодвигая чашечку от себя, промокнул губы салфеткой.

Пулипер, последовав его примеру, отметил про себя, что нумизмат сразу перешел к делу, отбросив как ненужные восточные витиеватости. Достав из бокового кармана пиджака толстое портмоне, он разложил его на столе, вытащил из отделения орден Виртути Милитари, одновременно наблюдая за выражением лица собеседника. Тот засопел не поднимая головы, казалось, он моментально ушел в себя. За первым раритетом на стол, покрытый плотной скатертью, легла золотая звезда ордена святой Анны за военные заслуги, рядом пристроился знак ордена в виде креста с живописной эмалью, со скрещенными на нем мечами. Преуспевающий нумизмат не выказывал никакого волнения, он словно не замечал ничего вокруг, намеренно уставившись в одну точку. Пулипер, подождав немного, раздвинул ногтем кожу на следующем отделении портмоне, подковырнул за сияющий луч звезду ордена Екатерины, учрежденного Петром Первым еще в 1713 году. Внизу расположил знак ордена в виде небольшого креста с отлично сохранившимся шелковым бантом. Драгоценные камни в золотых ячейках сыпанули по богато обставленной комнате бесчисленными разноцветными искрами, кольнули острыми лучами в глаза. Пулипер сквозь проступившие слезы отметил, как у собеседника дрогнули длинные тонкие пальцы, сплетенные над столом, как поджал он большие губы, стремясь удержать эмоции, хлынувшие на лицо. Эффект неожиданности, на который еще в России рассчитывал пожилой еврей, был достигнут, теперь за царские награды не грех было запросить ту цену, о которой он мечтал. На самой родине блестящими цацками интересовались разве что больные люди, в среде которых вдруг оказывался какой — нибудь истинный ценитель

раритетов. Но для того, чтобы выйти на него, требовалось перелопатить тысячную армию обычных перекупщиков с не менее презренными хапугами от истории из собственного народа. А в портмоне ждали своего часа другие сокровища, завладеть которыми посчитали бы за честь самые знатные нумизматы мира. Пулипер, откинувшись на спинку кресла, осторожно перевел дыхание. Парижский ценитель расцепил, наконец, пальцы, протянул руку к ордену Екатерины, набросив на длинный горбатый нос сильные очки в золотой оправе, перевернул звезду тыльной стороной, долго изучал выбитые там обозначения. Отложив раритет, он пододвинул к себе тяжеленький знак от него, обследовал и его, ни слова не говоря, с такой же скрупулезностью.

— Санкт-Петербургский, свидетель многих неправедных, но светлых, дел, — негромко пробурчал он с ударением на “бурх”. — Император был крут на расправу, наверное, и орден не избежал омовения болотной водицей.

— Все имеет место быть, но что орден из первых рук, сомнений не возникало и у меня, — отозвался Аркадий Борисович, с виду равнодушно. — Кстати, волноваться по другим раритетам тоже нет причин. Это подлинники.

— Может быть, может быть, — рассеянно произнес нумизмат, откладывая Екатерину и придвигая к себе Анну, он снова прикинул очками к тыльной стороне звезды. — А этот будет помоложе, работа ручная, огранивали как бы не при Второй великодержавнице. Или доводили...

— Доводки исключены, единственное, что было допустимо, это чистка награды шерстяной тряпицей с золой, — Пулипер непримиримо отсек подозрения. — Такую премудрость позволяли себе даже высокопоставленные придворные, не упоминая о боевых генералах.

Парижский нумизмат уже придвигал к себе замысловатый орден Виртути Милитари, с императорской короной над крестом на подобие георгиевского, покрытого толстым слоем черной и зеленой эмали. Посверкивали вызолоченной бронзой бока короны и круг в центре самого креста, отсвечивали глубоким агатовым блеском его конические стороны. Скоро очередь дошла до не менее солидных знаков с надежным креплением из медных деталей. Перебрав по очереди каждую вещь, крупный делец снял очки, протер платочком сначала их, потом глаза. И поднял голову:

— Как ты умудрился протащить через границу весь этот багаж? — спросил он на полном серьезе. — Если бы тебя задержали, могли бы намотать срок не меньший, чем генералу Диме, книжному ленинградскому воришке. А сидеть в России сейчас, означает вычеркнуть эти годы безвозвратно, в то время, когда другие будут продолжать ковать капиталы.

— Во первых, Дима был причастен к воровству фолиантов, принадлежащих только к израильской с иудейской историей, он подавался адвокатами на суде как еврейский патриот. Отчасти это правильно, в России до сих пор немало картин, не возвращенных Дрезденской знаменитой галерее, — заметил Аркадий Борисович рассудительно. — А если бы поймали меня, то судили бы уже как расхитителя исторических реликвий, как вора, обокравшего, например, египетские гробницы. Я уже говорил, что пришлось изворачиваться ужом под русскими вилами.

— Но как ты сумел! — настаивал нумизмат. — В Европе подобное нонсенс.

— У нас на родине это является обыденностью, сокровища до сих пор вывозятся мешками, поездами, самолетами, кораблями, как после революции тысяча девятьсот

семнадцатого года. Лично я воспользовался за определенный процент не как Ленин, посланный Парвусом возглавить бывшую империю — немецким поездом — а многотонным немецким же трейлером. Этот путь является пока наиболее надежным.

— В таких машинах есть куда спрятать, а границы с бывшими странами из соцлагеря наиболее дырявые, — согласился собеседник, поразмыслив. — Например, из Польши в Германию можно вывезти хоть корову, если в кузове поместить ее стоя.

— Ты забыл добавить, если даже на боку будет красоваться огромная красная печать с гербом Советского Союза. Факт известный, — засмеялся Пулипер. Посерьезнел, — Но мне хотелось бы о наградах узнать твое мнение, и на что рассчитывать в денежном отношении.

— Дорогой мой друг, не знаю, что сказать, я повидал много отличий из царской России, но признаюсь честно, не часто встречался с такими раритетами, — богатый собиратель старинных знаков и монет побарабанил по столу пальцами. — Если бы орденов был полный комплект, чтобы звезды можно было разложить по ранжиру и по годам, тогда никаких бы вопросов не возникло. Тогда хоть сразу к королю Саудовской Аравии, самому богатому человеку на планете.

— И у меня в голове вертелась подобная мысль, высших российских императорских отличий наберется всего штук одиннадцать, — Аркадий Борисович пощипал пальцами подбородок. — Первым идет орден Андрея Первозванного за 1698 год, учрежденный Петром Первым, золотой, с драгоценными камнями. Вторым Святой Екатерины, тот, который лежит перед нами, тоже петровский, третьим — святого Александра Невского, опять от реформатора. Четвертым святого Георгия первой степени по указу ее величества Екатерины Второй, пятым святого Владимира первой степени, и снова от императрицы. Потом орден Белого Орла, сятого Станислава двух степеней, и так далее...

— Ты забыл про орден святого Иоанна Иерусалимского, — напомнил парижский нумизмат, не спуская остреньких глазок с беженца из России.

— Этот мальтийский орден сложновато назвать русским, — не согласился Пулипер. — Его учредил, если не ошибаюсь, Павел Первый, член масонской ложи.

— Орден Белого Орла тоже не русский, но это не важно, потому что их у тебя нет, — собеседник снова побарабанил пальцами по столу, бросил изучающий взгляд на портмоне. — Ты все разложил передо мной, или решил что-то припрятать на черный день?

— Почему ты так спросил? — кашлянул Аркадий Борисович в кулак.

— Мне показалось, что твое портмоне опустело не до конца.

— Ты прав, я приберег на закуску самое сладкое.

— О, узнаю неискоренимые привычки кровной нации, — засмеялся парижанин.

Пулипер, придвинув к себе объемный кошель, растянул на одном из отделений молнию и молча извлек небольшой бумажный сверток. Развернув его, взглянул на затейливое бра над головой, прикрыл сверток ладонью.

— Включить? — тут-же сообразил собеседник.

— Желательно бы.

На стол упала мягкая струя света, Аркадий Борисович, подтолкнув ладонь на середину стола, выдернул бумажку пальцами другой руки и убрал движением фокусника обе кисти со скатерти. Над незнакомым предметом поначалу зависла разноцветная радуга, затем купол раздулся, заколыхался радужным шаром и начал как бы отрываться. Сидящий напротив коллекционер не сводил глаз с игры света и теней, потом нацепил сильные очки, придвинулся к редкому раритету почти вплотную. Из его груди вырвался невольный вздох

изумления:

— Неужели тот самый знак императора Петра Первого, о котором мечтают многие музеи мира? Не может быть!

— Именно он, с портретом самодержца, усыпанным россыпью настоящих драгоценных камней, — объяснил Аркадий Борисович как можно сокойнее, теперь он твердо знал, что крупная сделка обязательно состоится. Надо было совсем не разбираться в раритетах, чтобы суметь отказаться от выложенных сейчас на скатерть. — Но я для начала хотел бы узнать, пока не начались торги, в какие руки попадут царские награды. Или ты оставишь их себе?

— Разве тебе не все равно? — с усилием оторвался парижский нумизмат от знака.

— Ты затронул важную тему о полном комплекте, хочу сказать, что ставить жирную точку я пока не собираюсь.

— Намекаешь на обладание дополнительной информацией по поводу местонахождения других редкостей? Я не хочу предполагать, что они уже у тебя в кармане.

— Этого я не сказал, но все возможно.

— Сомнительно, — собеседник невольно покосился на Пулипера. Поинтересовался. — Разве так важно, у кого осядут ордена?

— Для меня да, я хотел бы после окончательного обустройства в свободном пространстве выкупить их снова, чтобы оставить у себя. Как память о своей незаботливой матери-родине.

— Не строй из себя патриота, евреям это не к лицу.

— К сожалению, я чувствую себя больше русским, чем космополитом, или человеком мира, что одно и то же, — беженец откровенно пожал плечами. — Но ты не ответил на вопрос.

— Давай отложим торг до лучших времен, когда определишься с коллекцией, если, разумеется, это тебе под силу.

— А чем прикажешь заниматься сейчас?

— Обустройством, уважаемый, думаю, дороги назад у тебя теперь нет, — машинально пощипал собеседник кончик носа. — А пока продай мне знак Петра Великого, тем более, что он не входит в комплект.

— Но и в число просто орденов тоже.

— Я хорошо заплачу, цену назначу выше, чем Рокфеллер в свое время заплатил за небольшой этюд Манэ.

— А сколько он отвалил?

— Несколько сотен американских долларов.

— Так мало? — притворно удивился Аркадий Борисович, как бы не заметив подковырки, за которой, к тому же, крылась настоящая цена награды.

— Я же сказал, что ни Манэ, ни Ван Гог, ни месье Ренуар не стоили в те времена много, еще меньше котировался Дега. Именно за счет времени многие миллиардеры, известные ныне, нажили себе капиталы на коллекциях картин художников-импрессионистов, не успевших обрасти тогда популярностью. Разумеется, кроме доходов от основного бизнеса.

Пулипер перекинул ногу за ногу, он прекрасно осознавал, что хозяин шикарной парижской квартиры, в которой он находится в настоящий момент, его не обманывает. Кроме того, еще долгое время никто не даст цены дороже сухощавого губастого соплеменника, от него же будет зависеть сделка на весь комплект, если, конечно, тот окажется в его руках. Побег из Ростова произошел столь стремительно, что о собственном

исчезновении Аркадий Борисович успел предупредить лишь близких людей, как сложилась судьба Микки Мауса, исполнительного помощника, с его другом валютчиком Коцей, он не мог себе представить. Оба намеревались дня за три до наступления Нового года отправиться на заброшенный хутор, чтобы выследить мужика, раскопавшего клад донских атаманов. А что сокровища существуют на самом деле, Пулипер не сомневался ни минуты, и теперь терзался мыслью о результатах операции. Она просто обязана была пройти успешно и, что самое главное — выгодно. Нумизмат, приподняв голову, осмотрелся по сторонам, стены украшали несколько дорогостоящих картин известных художников, темнела в нише напротив античная скульптура с недостающим носом. То ли греческая, то ли из кладовых одного из римских форумов, недавно разрытых на Капитолийском холме. Чуть дальше блестел средневековыми доспехами немецкий рыцарь, один из углов занимал компьютерный столик с навороченным компьютером. В мозгу промелькнула броская мысль, Пулипер, наморщив сосредоточенно лоб, перекинул взгляд на богатого парижского дельца, снова взявшегося изучать ордена.

— Прости, дорогой, можно воспользоваться твоим компьютером? — осторожно спросил он.

— Естественно, а что это тебе даст? — насторожился хозяин.

— Надежду, дорогой мой друг, выход в Интернет, надеюсь, имеется?

— Конечно, и все-таки, что ты собрался искать?

— Я хочу напомнить о себе одной хорошей знакомой из оставленной мною родины, сделать это проще на компьютере, чем каким другим из способов. Недаром систему назвали мировой паутиной, — Аркадий Борисович с надеждой потер ладони друг о друга. — Если позвонить по телефону, на душе останется осадок — не подслушивает ли новая власть в лице ФСБ мои международные разговоры, а если я воспользуюсь интернетовским емейлом, то вряд ли какому модератору придет в голову гоняться за каждой строчкой из миллиардов их на дню.

Пулипер, переселившись за компьютерный столик, отыскал на панели кнопку пуска и включил ее, новейший японский монитор на жидких кристаллах отозвался мягким свечением. Войдя в интернет на почтовый портал, гость на минуту задумался, затем настроил маленькое послание, в котором поздравлял абонента с наступающим Новым годом, желал ему здоровья. Напомнил, что ждет письма по новому — такому-то — электронному адресу, указал ящик компьютера, стоящего в берлинской квартире. В конце поинтересовался как бы невзначай о самочувствии молодого друга Микки Мауса. В окне набрал усвоенный наизусть электронный адрес Эльфриды Павловны Новицкой, живущей в в Ростове-на-Дону на проспекте Семашко и нажал на кнопку “отправить”. Дождавшись подтверждения, убрал скопированное отправление вместе с координатами и выключил компьютер. Дело было сделано, оставалось завершить начатый торг и отправляться восвояси. Он, разумеется, имел возможность отпраздновать Новый год в несравненном Париже, но в Берлине, на необустроенном пока месте, ждали разрешения проблемы куда более масштабные, нежели изысканный кутеж всего на одну ночь.

Часа через полтора гражданин Пулипер, имеющий двойное гражданство, без постоянного пока места жительства, отмерял по брусчатке расстояние до остановки маршрутного такси. До вылета самолета в Берлин с аэродрома “Орли” оставалось не так много времени. Вокруг шумел вечерний Париж, древние ухоженные здания времен королей Людовиков из династического древа Бурбонов делали стойку розовощеками французскими

стариками, рядом мирно соседствовали современные, как в центре Жоржа Помпиду, навороты из стекла и бетона в форме прямоугольников с этажерками. Аркадий Борисович любовался этими видами не впервые, но как и в прошлые разы его охватывало радостное чувство первооткрывателя. Все у него было о, кей, приятно ощущался во внутреннем кармане пиджака плотный квадратик иностранной валюты, в записной книжке появилась запись о новых сделках. Выйдя через проспект Черчилля на площадь Клемансо, Пулипер посмотрел в сторону великолепного, ярко освещенного моста Александра Третьего, изогнувшегося над Сенной, затем сделал несколько шагов до притормозившего такси с водителем негром. И захлопнул дверцу.

В одиннадцать часов вечера Пулипер, уже сидя в своей берлинской квартире на улице Курфюрстендамм, бывшей до объединения Германии главной в Западном Берлине, а после ставшей обычной штрассе, включил компьютер, вошел в интернет. В почтовом ящике было несколько сообщений от зарубежных партнеров, среди них выделялась небольшая записка от Эльфриды Павловны Новицкой из родного города Ростова-на-Дону. В ней говорилось, что Микки Маус с другом Коцей находятся сейчас у нее, они притащили какой-то сундук, оба в растерянном состоянии. Аркадий Борисович, напечатав коротенькое указание, отослал его и выключил компьютер, пересев на диван, нашарил в углу пульт управления телевизором. До встречи Нового года оставалось несколько минут. Он придвинул к себе невысокий столик на колесиках, скромно уставленный тарелками с закусками, среди которых возвышалась бутылка шампанского дождался, плеснув в фужер игристого напитка, начала поздравлений канцлера. Вдруг ощутил, что это напыщенное выступление не для него, оно его не касается, и снова забегал пальцами по пульта в поисках спутниковых программ. Он не обрадовался бы встрече с одутловатой мордой Бориса, бывшего царя всея Руси, как не нравилось бы ему выражение лица Путина себе на уме, нынешнего главного разведчика страны. Глубокими чувствами Пулипер проникся только от звуков русской речи, он дослушал здравицы до конца, сморгнув повлажневшими ресницами, выпил бокал шампанского. Он верил, что Новый год принесет ему удачу.

Глава двадцать седьмая.

Коца, подхватив ноги в руки, петлял задворками по предновогоднему ночному городу, он понимал, что если кто-то из соседей вызвал милицию, то те постараются перекрыть весь район, вырваться тогда из круга будет сложнее. Поймав частника уже за площадью Ленина, ввалился в салон старенькой “копейки”, едва не выронив под колеса тугой сверток с драгоценностями. Запихнув его обратно во внутренний карман пальто, махнул рукой вперед, старик шофер без слов нажал на педаль газа, жигуленок, проскочив центр города по Ворошиловскому проспекту, завернул на ведущую к центральному рынку полутемную Темерницкую. Валютчик не решился подкатывать к подъезду дома Эльфриды Павловны, а вылез раньше, забежал в магазин на углу, набрав продуктов, взял коньяк и пару бутылок с минеральной водой. Перейдя улицу Станиславского, прошел мимо городского выпрезвителя, и только за ним вдруг ощутил, как по груди расплзается чувство неосознанной тревоги. Мысли о том, что его, пока он отсутствовал, могли запросто кинуть, затолпились в голове, мешая трезво оценить ситуацию. А позариться в сундуке было на что, по скромным подсчетам драгоценностей в нем хранилось не на одну сотню тысяч долларов, если не на миллион. Он в который раз чертыхнулся в душе по поводу Пулипера, ускользнувшего за границу, теперь предстояло рассчитывать только на свои способности. Не было ни списка богатых буратино, ни умения раскрутить их по уму, надежда была только на друга Микки Мауса, до этого он в глазах Коцы был всего лишь хитрожопым перекупщиком, мечтающим натянуть по красивее туповатых менял. А может, между ними существовала договоренность, и Аркадий Борисович смайнал из Ростова целенаправленно? Эта мысль едва не привела к бешенству, Коца, дойдя до высокого крыльца одноэтажного здания полубарачного типа, всмотрелся в темные окна, через рваные шторы на улицу пробивался слабый луч света. В груди снова шевельнулась прохладная пустота, вот постучит он в дверь, на пороге возникнет пожилая еврейка с кобелем по кличке Плюх, заросшим грязью, и на все претензии ответит прокуреным голосом, что не знает ни о каких сокровищах, потому что они никогда ее не интересовали. И вообще, сама жизнь на этой земле кажется ей временным пристанищем. Останется одно — убить неряшливую старуху, потому что перекупщик за несколько часов полной свободы действий окажется далеко отсюда, может быть, рядом с Пулипером, старшим своим другом и учителем. Валютчик, помявшись с ноги на ногу, остервенело сплюнул и взошел на крыльцо как на французский эшафот, постучал, не снимая перчатки, кулаком в закаменевшее дерево. На пороге вместо Эльфриды Павловны объявился сам Микки Маус

— Проходи, где ты пропадал? — посторонился он. — Я уже начал волноваться.

— Забегал на свою квартиру, — шмыгнул носом валютчик, ощущая, как грудь снова заполняется теплом. — А там ждала засада.

— Разве мы не об этом с тобой рассуждали?

— Мне было надо.

В комнате горел причудливый настенный светильник времен царя Гороха, хозяйка вместе с Плюхом наворачивала из немытой тарелки подобие похлебки.

— Покорми его, — рыкнула она, не отрываясь от еды.

— Я принес для встречи Нового года продукты.

— А мы что, пальцем деланные? — Эльфрида Павловна даже не покосилась на

пакет. — Ко мне, пока тебя не было, приходили друзья с мешками всякой всячины, я, вот, объедки после них дожевываю.

Ухмыльнувшись, Микки Маус освободил место за столом, принес тарелку чего-то дымящегося. Коца снял пальто и присоединился к трапезе, он давно понял, если к пожилой еврейке что принесут, тут-же сами и съедят. До встречи Нового года осталась каких-то пара часов, а тело, заочеченвшее на промозглом ветру, требовало прогреть его прямо сейчас.

— На базаре пока все спокойно, хотя не исключаю тотальной слежки, за мной увязался было Жан Копенгаген, но я отшил его пустыми фразами, — Микки Маус пристроился на углу дивана. — Я разговаривал с Каталой, раскрутил его наводками, мол, слух прошел, что приносили какие-то цацки, мол, тому, кто выкупил, надо бы везти их в Москву. Рынок сбыта там приглаженный, а здесь лишнего полтинника не наваришь. Катала признался, что ездил в столицу недавно, с крутыми нумизматами не знаком, а на кидал на рынке коллекционеров нарваться запросто. Москву заполнили кавказцы, ломают клиентов не озираясь по сторонам. Все куплено и все давно продано.

Покушав, Коца смахнул подобием полотенца крошки со рта, переместился на высокую кучу тряпья, под которой ощущался обыкновенный стул.

— А про здешних ценителей он ничего не знает? Не верится, чтобы такой воротила, да не собирал нужных сведений, — валютчик отодвинул ногой Плюха, решившего привалиться к нему.

— Назвал парочку теневых дельцов, часто навещающих его, я сам с ними знаком, один работает по иконам, второй по старинному серебру.

— Который по иконам похож на колхозника? Мужик такой, деревенщина.

— Он самый.

— Это не то.

— У второго размах тоже грошовый. Пулипер знал как облупленных всех мохнатых, поэтому проблем со сбытом не испытывал.

— Залетели мы, получается, в тупик, — Коца наклонился вперед, сложил пальцы между коленями, по телу неторопливо разливалось тепло, — Нам Цфасман, ваш знакомый, ничем не поможет? Почему бы ему за определенный, разумеется, процент не поработать на нас? Он, как я понял, постоянно в курсе всех дел.

— Я как-то про него не подумал, надо поспрашивать, — шмыгнул Микки Маус большим носом. — Но этот вопрос придется поднимать лишь после праздников, сейчас бесполезно в любом случае.

— Я считал, что праздники в подобных делах не помеха.

— Ты думаешь, что у евреев нет семей, которым необходимо уделять внимание? Ты глубоко ошибаешься.

— При чем здесь евреи, я имел ввиду бизнес в целом. Мы же баклуши с тобой не бьем?

— Еще как бьем, правда, поневоле, Но мысль ты подал замечательную.

— Тогда вот тебе еще одна, — валютчик понизил голос. — У хозяйки этой квартиры никого на примете не имеется? Мы бы и ее не оставили без внимания.

— Это святой человек, — тут-же отверг идею Микки Маус. — Эльфриду Павловну не поймут, если она обратится с таким предложением.

— А жаль, она, как я уразумел, связана с какой-то международной организацией, значит, возможностей было бы вагон и маленькая тележка.

— Она действительно имеет связи с единомышленниками по всему миру, но сфера их

деятельности направлена на спасение окружающей среды и улучшение благосостояния народа, — Микки Маус посмотрел Коце в глаза. — Недавно, например, она участвовала с американскими и польскими студентами в пикетах перед зданием губернаторства по недопущению пуска Волгодонской атомной станции. Ее решили запустить с многочисленными недоделками, местным жителям это до лампочки, а они нарисовали плакаты. Их продержали в ментовских телевизорах до следующего утра, не упустив случая облить помоями с головы до ног.

— Прости, дорогой, — валютчик почесал пальцем кончик носа. — К слову пришлось.

Оба надолго замолчали, хозяйка квартиры, не обращая на них внимания, протащила к компьютерному столику. Защелкала, включив аппарат, мышкой на коврик.

— Ловко управляется, — невольно вырвалось у Коцы. — Многим старухам до нее далеко.

— Ничего удивительного, за спиной у Эльфриды Павловны не один институт, — снова встал Микки Маус на защиту единокровницы.

— Хорошо, не будем отвлекаться, значит, заторчали мы с тобой капитально, — попытался валютчик сделать вывод. Но в словах явно прозвучало разочарование. — Как будем поступать теперь?

— Пока заляжем на дно, а там время подскажет, в каком направлении двигаться дальше.

— Ты думаешь, у нас еще есть выбор?

— Он просто обязан быть, потому что тупиковых ситуаций не бывает.

— Я аплодирую твоему оптимизму, но я лично предпочел бы активную деятельность, — хмыкнул Коца. — И в то же время мы, если начнем носить цапки по одной, рискуем не управиться до следующего Нового года. Здесь нужен оптовый покупатель.

— Прежде всего надо успокоиться и перестать порываться успеть сразу во все дырки, — заметил перекупщик нравоучительным тоном. — Успеем, если все наше останется с нами.

— При таких кровавых раскладах, как вчерашняя ночь и нынешний вечер, умудриться бы уцелеть самим, — уставился валютчик в одну точку.

— Что ты хочешь сказать, опять кого-нибудь замочил?

— Я спасал свою шкуру, она для меня по прежнему дороже чужих.

— Никто не спорит, но пора уже работать по уму.

Коца, при последних словах перекупщика, пошлепал губами, провел ладонью по щекам, кто-то уже говорил ему про подобные истины. И вдруг вспомнил иконщика, этого мужиковатого специалиста по скупке и перепродаже икон. Тот как-то разоткровенничался, что нашел верный способ переправлять русские иконы на богатый и сытый Запад, мол, они там имеют настоящую цену, за которой, к тому же, не стоят. А способ доступный, мол, видел шастающие по Ростову многотонные нерусские трейлеры? Смело подходи и договаривайся, но сначала сделай заграничный паспорт, если есть бабки, то заплати, через пару дней пойдешь и получи его. А там пойдет как по маслу, и нужные купцы объявятся, и вывозить, мол, будут сами. Валютчик повернул голову к Микки Маусу:

— Я, кажется, надыбал один из путей, по которому сокровища можно попробовать толкнуть по приемлемой нам цене. В сущности, загвоздка заключается в нормальной их стоимости и большой сумме денег, а избавиться от содержимого сундука нет проблем, но за копейки. Я правильно мыслю?

— Продолжай, — подогнал собеседник, воспрявший духом.

— А если нам самим рвануть на прогнивший Запад, вместе с драгоценностями?

— Каким образом?

— Подойти к водителям — международникам и предложить перевезти товар, через них же найти богатых купцов в той же Германии или во Франции. Или сделать загранпаспорта, смотаться самим туда и разведать обстановку, — валютчик загорячился. — Пойми, здесь никогда ничего никому не было нужно, и не будет, в этой стране вся история бросовая, она продается и покупается за копейки. А за рубежом и сохранится до лучших времен, и мы в дураках не окажемся.

— Ну, не знаю... — замялся поделльник.

— Скажу больше, некоторые вещи уже сейчас начинают возвращаться обратно, потому что они принадлежали России. Раритеты из национального достояния выкупаются новыми русскими и передаются в отечественные музеи. Англичане с французами, например, передали Египту ценности, похищенные из ихних гробниц, а не оставили у себя навечно. Нам тоже надо встать на ноги самим, чтобы потом помочь мачехе-родине подняться с колен. Не исключен вариант, что эти раритеты мы же домой и вернем, не хочешь по этому поводу послушать хорошую байку?

— Расскажи, за спиной пока никто не стоит.

— В войну солдат заскочил в землянку, а там изможденная женщина в окружении голодных детей. Вытащил солдат яблоко и протянул ей, мол, подели на всех. Женщина взяла и в один присест съела то яблоко сама. Служивый едва не пристрелил ее, мол, вместо того, чтобы детям отдать, она сама сожрала его. А мать в ответ говорит, если бы я поделила яблоко на всех, толку от этого было бы мало, и мои дети все равно бы умерли. А теперь я смогу встать и добраться до поля с присыпанной снегом картошкой. Все течет, все меняется, и все возвращается на круги своя.

— Время разбрасывать камни, время их собирать... рассуждения правильные, но... неграмотные. Я знаю про такой путь давно, — прогундосил Микки Маус после некоторого раздумья. — Для начала следует съездить за границу самим и навести контакт с нужными людьми. Учти, там тоже кидают, бывает, похлеще наших.

— Но все-таки реже?

— Конечно, слово там до сих пор что-то значит. Но где ты будешь искать коллекционеров, главное, на что поедешь? Жаль, Пулипер смотался, наша проблема была бы давно решена.

— Ясное дело, — не стал Коца спорить. Добавил. — Деньги на поездку найдутся, лишь бы она не оказалась пустой.

— Ты это серьезно?

— Вполне, потом подобьем дебит с кредитом и рассчитаемся.

В этот момент в стекло резко постучали, оба ловца удачи непроизвольно вздрогнули. Эльфрида Павловна зашла в длинном приступе кашля, после которого рявкнула громким басом:

— Кого еще черти принесли? Плюх, пойдешь разберись.

Собака тут-же вскинула взлохмаченную голову, заголосила сиплым лаем. Стук повторился еще раз, теперь кроме окна барабанили одновременно и в дверь.

— Ты никого за собой не приволок? — расширил Микки Маус черные зрачки.

— Я петлял по улицам как заяц, — развел валютчик руками. — Возле этого дома минут десять вертел шейю вокруг ее оси, никакого движения, кроме как у вытрезвителя, не заметил. Хозяйка квартиры, шелестя длинной нестиранной юбкой, направилась к выходу, звонко

цокнула защелка, послышались звуки голосов на повышенных тонах. Коца привстал с табурета.

— Сиди, — повелительно махнул подельник рукой. — Если что-то серьезное, нам все равно деваться отсюда некуда.

Наконец, дверь в комнату со скрипом распахнулась, на пороге вырос широкоплечий мент с портупеей через плечо. Зорко осмотревшись, он рывком продвинулся на середину помещения:

— Вы когда пришли? — не спросил, а прорычал он в сторону друзей.

— Давно, — Микки Маус спокойно приподнял узкие плечи.

— Документы есть?

— Вообще-то мы их с собой не носим, но я только для вас захватил членский билет клуба любителей книги.

— А у тебя? — развернулся офицер к валютчику

— Удостоверение члена общества Красного креста, — с вызовом ответил тот, осознав, что ловить действительно нечего.

— Капитан, это мои ребята, — вылезла Эльфрида Павловна из-за спины милиционера. — Они пришли ко мне в гости и я отвечаю за них своей головой.

— Приехали устраивать новые пикеты? — возрился на нее офицер с высоты около двух метров. — Сколько раз вас надо предупреждать, чтобы вы не организовывали у себя ночлежку? Вот заберу их в отделение и отпущу только после праздников.

— Ни эти, ни другие парни с девчатами, ничего плохого никогда не совершали, — прикурила хозяйка новую сигарету. — А если мы стоим в пикетах, то абсолютно для вашего же блага.

— Для своего блага надо работать, а не по пикетам шастать, — отпарировал капитан назидательно. — Что толку от вашей стоячки, если атомную станцию запустили все равно?

— А как она заработала, так тараканы исчезли. Хоть одно доброе дело сделали, — язвительно засмеялась хозяйка, громко сказала, не поворачиваясь в сторону милиционера. — Нас надо было поддержать всем миром, а не быть стадом подопытных баранов.

— Вы на что намекаете? — подтянулся представитель власти.

— Когда я работала в Казахстане, то видела недалеко от печально известного Джезказгана, как овец при испытаниях ядерного оружия привязывали к колышкам, вбитым в землю. А потом производили сам взрыв.

— И дальше что?

— Животные погибали.

— Да и хрен с ними, еще наплодятся, — капитан поддернул сопли, подошел, поморщившись, к неубранному столу.

— Как и вы, — пробурчала Эльфрида Павловна как бы про себя.

Милиционер резко вскинул подбородок, но в этот момент через порог приоткрытой двери перешагнула девушка, за нею мужчина и женщина за тридцать лет. Вновь вошедшие, оглядевшись и рассмотрев посторонних, бросились с напускной радостью поздравлять хозяйку.

— Я говорю, змеиный рассадник, — снял капитан одну перчатку. — Только сегодня задержали трех шахидок, по горла заряженных тротилом. И уже прибыли новые.

— Вы какое имеете право так говорить? — накинулась на него девушка. — Я на вас пожалуюсь.

— На пакости вы горазды — заявления писать, да в пикетах торчать. Короче, если поступит еще один сигнал, что к вам среди ночи пожаловали гости, мы снова нагрянем с облавой.

Капитан, освободившись от длинной речи, наклонился и исчез в темном коридоре, громко хлопнула входная дверь. Валютчик с перекупщиком перемигнулись и перевели дыхание. Вся компания принялась под радостное повизгивание Плюха накрывать на праздничный стол, украшая еловую ветку, прибитую кем-то на стену, бананами с яблоками. Эльфрида Павловна, когда на ручных часах, пристроенных на корочку хлеба, стрелки придвинулись к двенадцати ночи, развернулась вдруг к Микки Маусу с Коцей и, нарушая минутную тишину, скороговоркой произнесла:

— Чуть не забыла. Вас обоих с наступающим Новым годом поздравил Аркадий Борисович Пулипер.

— А где он? — подельники разом подались вперед.

— Не знаю, то ли во Франции, то ли в Германии, — пожилая еврейка нетерпеливо отмахнулась. — Он сказал, что еще напомним о себе.

Красивая девушка, стоявшая рядом с хозяйкой, обнадеживающе улыбнулась.

Больше книг на сайте - Knigoed.net